

Сибирское отделение Российской академии наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

На правах рукописи

Сундуева Екатерина Владимировна

**Вербализация чувственного восприятия
средствами корневых согласных [r] и [m]
в монгольских языках**

специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –

д.ф.н., проф. Л. В. Шулунова

Улан-Удэ

2011

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Морфологическая структура первичного лексического ядра с корневыми согласными [r/m].....	21
Глава II. Вербализация слухового восприятия.....	43
2.1. Звукоподражательные возможности доминанты [r]... ..	45
2.2. Участие доминанты [m] в формировании звуковой сферы.....	92
Глава III. Интерпретация зрительного восприятия формы объектов	113
3.1. Образные лексемы с доминантой [r].....	114
3.1.1. ГП ‘нечто торчащее’	115
3.1.1.1. ‘нечто остроконечное’	115
3.1.1.2. ‘нечто растопыренное; лохматое’	161
3.1.2. ГП ‘нечто ровное’	173
3.1.3. ГП ‘нечто округлое, курчавое’	176
3.1.4. ГП ‘нечто круглое, зияющее’	181
3.1.5. ГП ‘нечто надутое, пузатое’	184
3.2. Образные лексемы с доминантой [m]	190
3.2.1. ГП ‘нечто круглое’	192
3.2.1.1. ‘нечто округлое, небольшое (об отверстии)’	192
3.2.1.2. ‘нечто круглое, мелкое’	195
3.2.2. ГП ‘нечто остроконечное’	207
Глава IV. Манифестация ощущений с помощью акустико-артикуляционных характеристик согласных [r/m].....	212
4.1. Актуализация зрительного восприятия световых явлений.....	212
4.2. Актуализация вкусового восприятия.....	260
4.3. Актуализация обонятельного восприятия.....	267
4.4. Языковая репрезентация осязательного восприятия.....	275
4.4.1. Механорецепция.....	277
4.4.2. Терморцепция.....	287
4.4.3. Болевая чувствительность.....	292
4.4.4. Эмоции и чувства.....	296
4.4.5. Кинестетическая чувствительность.....	307
Заключение.....	333
Список использованной литературы.....	341
Названия языков и говоров.....	369

Введение

Актуальность предпринятого исследования определяется теоретическими и практическими задачами современной лингвистики с ее антропоцентрической направленностью, в центре внимания которой находятся языковая личность, вопросы взаимодействия языка и культуры, языковая картина мира, проблемы, связанные с восприятием и осмыслением языковой личностью способов вербализации перцептивного и эмоционального опыта. Современной лингвистике характерно стремление по возможности более полно и адекватно интерпретировать процесс языкового отражения представлений человека, формирующихся в зависимости от типа перцептуального канала получения информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить проблемы языковой репрезентации перцептивной информации как результата первичной ступени познания мира, а также недостаточной степенью изученности языковых единиц, отражающих такую сферу деятельности человека, как физическое восприятие.

В соответствии с многообразием и разнохарактерностью чувственно воспринимаемых объектов и реалий мира рассматриваемый в данной работе материал основан на классификации основных каналов получения сенсорной информации или отдельных органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. С помощью данных пяти модусов перцепции человек воспринимает объекты и явления, попадающие в область его когниции, а затем отображает свое восприятие мира в языке путем комбинирования звуков, способного к дифференциации смыслов. Рассмотрение процессов вербализации ощущений позволяет высветить важнейшие механизмы функционирования человеческого мышления.

Работа выполнена в русле комплексного подхода к языку и непосредственно связана с развивающейся лингвистической дисциплиной – фоносемантикой, появившейся на стыке фонетики, семантики и лексикологии. Теоретическое и практическое обоснование проблем звуковой

изобразительности является чрезвычайно важным как для самой науки, так и для повышения ее статуса в ряду других лингвистических дисциплин. В настоящей работе мы придерживаемся синестетической теории происхождения звуко-символизма (С. Ньюэн, М. Бентли и Е. Вейрон, М. С. Майрон, Ф. Кайнц), согласно которой, в его основе лежат физические свойства звуков.

Важнейшими компонентами психофизиологической основы звуко-символизма, как известно, являются синестезия (от греч. *συναίσθησις* 'одновременное ощущение, совместное чувство') и кинемика (от греч. *κίνησις* 'движение'). Под синестезией традиционно понимается феномен восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств. К кинемам относятся мимические движения, обозначающие физиологические процессы в полостях рта и носа, мимические подражания неакустическим объектам и др.

Исследование базируется на изобразительной системе языка, представленной звукоподражательной и образной подсистемами. Их единицы обладают существенной и относительно устойчивой фонетически мотивированной связью между фонемами слова и признаком, полагаемым в основу именованного. Данный лексический пласт обладает рядом признаков: экспрессивность и конкретность семантики, фонетическая гипервариативность, стилистическая ограниченность (разговорная речь, фольклор, художественные произведения) и особый набор словообразовательных формантов, из которых в первую очередь следует отметить глагольный суффикс *-auí* и адъективный суффикс *-γar*, являющиеся самыми надежными «свидетелями» образного происхождения производящей основы.

В данной работе предпринята попытка спроецировать сетку признаков образных корней с «прозрачной» семантикой на признаки так называемой базовой лексики, включающей обозначения природных явлений, элементов

флоры и фауны, номенклатуру частей тела, числительные первого десятка, глаголы, передающие элементарные действия и др. Подобный подход открывает широкие перспективы для изысканий в области этимологии, психолингвистики и лексической семантики монгольских языков. Проблема касается не только истоков существующих лексических значений, но и определения системности в лексической организации языка, что также свидетельствует об актуальности предпринятого исследования.

В качестве **объекта исследования** выступает лексика с корневыми согласными $[r/m]$ в монгольских языках, включающая как подражания звуковым явлениям внеязыковой реальности, так и изображения зрительных, вкусовых, обонятельных, тактильных ощущений, механических воздействий, динамических состояний, психологических и иных характеристик человека. Монгольские языки представляют особый интерес, прежде всего, в связи с необычайным богатством представленного в них изобразительного материала, часть которого свидетельствует о процессе перехода от звукоподражательных слов к образным.

Предметом исследования является семантика лексических единиц корневыми согласными $[r/m]$ в монгольских языках.

Цель исследования – определить принципы организации и развития семантического континуума, создаваемого с помощью корневых согласных $[r/m]$ в монгольских языках, выявить его типологические и специфические черты.

Указанная цель определяет выполнение следующих **задач**:

- разработать системный подход к исследованию лексики, предполагающий анализ семантики лексем с учетом канала поступления перцептивной информации;
- определить спектр изобразительных слов и слов с затемненной этимологией с корневыми согласными $[r/m]$ и определить в них главный канал поступления информации о денотате;

- изучить звукоподражательные возможности лексем с доминантами *[r/m]* в монгольских языках;
- выявить моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к характеристикам зрительного восприятия формы объекта;
- построить фоносемантические поля доминант *[r/m]*, отображающие информацию о форме денотата, с выявлением генеральных признаков;
- установить связь между акустико-артикуляционными особенностями согласных *[r/m]* и семантикой лексем, возникших в результате актуализации светового, вкусового, обонятельного и осязательного восприятия.

Гипотеза исследования заключается в том, что семантика монгольских лексем, связанных чувственным восприятием, зависит от акустико-артикуляционных признаков доминанты, символически положенных в основу номинации производных. Согласный *[r]* способен «озвучивать» работу экстеро- и интероцепторов, передающих внутренние полярные (преимущественно неприятные) ощущения и состояние возбуждения. Согласный *[m]* благодаря смычке губ служит для выражения значений, связанных с тишиной, сжиманием, собиранием воедино. Анлаутные и ауслаутные согласные корня служат для интенсификации значения, заложенного доминантой. Образные значения лексем, содержащие информацию о форме объекта, возникают в результате синестетического переноса «слух → зрение».

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о соотношении условности и мотивированности языкового знака неизменно привлекал внимание исследователей. Проблема соотношения формы и содержания в языке впервые была поднята представителями греко-латинской античной языковедческой традиции, сложившейся в греко-латинском культурном ареале в VII-VI вв. до н.э. Сторонники так называемой теории *phýsei* (греч. ‘по природе’), согласно которой наименования определяются самой природой, спорили со сторонниками теории *thýsei* (греч. ‘по положению’),

объясняющей появление наименований по установлению самих людей без связи с природной сущностью самих предметов. Основателем «природной» теории был пифагорейский философ Гераклит, который считал слова «тенью» вещей, их образом.

В известном диалоге Платона «Кратил» философ отмечает способность речевых звуков подражать разнообразным понятиям и признакам: ρ (*ро*) передает идею движения: *ρεῖν* ‘течь’, *ροή* ‘течение’, *τρόμος* ‘дрожь’, *τρέχειν* ‘бежать’, *κρούειν* ‘стучать’, *θραύειν* ‘ломать’, *κερματίζειν* ‘раздроблять’, *ρῶμβειν* ‘кружить’. Большое символизирует α (*альфа*), округлое – o (*омикрон*) [Античные теории..., 1996, с. 49].

Данной проблеме уделяли внимание такие мыслители, как Св. Августин, Фома Аквинский, Ж.Ж. Руссо, Р. Декарт, М. В. Ломоносов. С XVII по XIX века звукосимволизм в основном изучался с позиции звукоподражательной и междометной теорий происхождения языка. Стронниками теории *phýsei* также можно назвать Дж. Уоллиса, Ш. де Бросса, К. де Жеблена, Ш. Нодье, В. фон Гумбольдта, А. А. Потебню и др. Философско-лингвистическая теория Г. В. Лейбница основана естественной связи между звучанием слова и обозначаемым предметом. Именно им выдвинута идея о множественности выбора из звуковых символических возможностей. Так, древние германцы использовали [r] для обозначения движения, шума, растягивания, длины, богатства [Лейбниц, 1936, с. 280].

Согласно одному из исходных положений лингвистической концепции Ф. де Соссюра, концептуальной основы структурализма, господствовавшего в начале XX в., природа связи между означаемым и означающим является произвольным, конвенциональным. В связи с этим иконическая теория происхождения языка долгое время находилась «вне науки». Г. П. Мельников по этому поводу пишет: «Лингвистам нелегко избавиться от привычки либо вообще остерегаться слишком смелых сопоставлений между явлениями совершенно специфических планов (семантики и фонетики), либо

подвергать сомнению тезис структурализма о чистой произвольности языкового знака» [Мельников, 1976, с. 7].

В. Л. Цымбурский также отмечает: «Возведение смыслов, отмеченных печатью уже развитой социальности и духовности, к этимологическим примитивам – занятие неблагодарное в глазах скептиков, иронически качающих головой над десятками слов, возводимых в <...> этимологических словарях к корням, коим приписываются значения ‘торчать’, ‘круглый’, ‘звучать’ или ‘блестеть’» [Цымбурский, 2000, с. 19]. Серьезную проблему обилия праязыковых омонимов в перечнях корней и основ автор предлагает решать через выстраивание типологических рядов, благодаря которым устанавливается явная тенденция к соотносимости определенных значений, образующих смысловые пучки вокруг основ с разным звучанием [там же, с. 20].

В 20-30-х гг. XX в. с появлением психолингвистики, гуманистической лингвистической парадигмы, уделяющей пристальное внимание к создателю, носителю и пользователю языка, его психологии, рассматриваемая проблема переживает новое развитие, получив название «звукосимволизм». Основоположителем экспериментальных исследований звукосимволизма считается Д. Уснадзе, автор статьи «Экспериментальный вклад в проблему психологических оснований именования» [Usnadze, 1924]. В 1929 г. вышла статья Э. Сэпира с вопросом: «что больше: *mil* или *mal*?» [Sapir, 1929] и работа В. Кёлера «Гештальт-психология» [Köhler, 1929] с хрестоматийным экспериментом на соответствие зрительных стимулов искусственным словам *malouma* и *takete*.

Большой интерес к звукосимволизму был проявлен в середине XX в. американскими лингвистами М. Бентли, Э. Вероном, Дж. Олпортом. Независимо друг от друга исследователи предлагали носителям английского языка прослушать пары антонимов иностранного языка и затем подобрать к ним английские эквиваленты. Количество правильных ответов при этом достигало 55-60 %. Также известны эксперименты Цуру-Фрайса [Tsuru, Fries,

1933], К. Фокса [Fox, 1935], Г. Мюллера [Muller, 1935], Р. Брауна, А. Блэка, А. Хоровица [Brown, Black, Horowitz, 1955], М.С. Майрона [Miron, 1961], Тэйлоров [Taylor, Taylor 1962], М. Шастена [Chastaing, 1964a], Дж. Вайса [Weiss, 1964], С. Эртеля и Р. Дорста [Ertel, Dorst, 1965], Д. Рейда [Reid, 1967], С. Эртеля [Ertel, 1969, 1972], Р. Натадзе [Natadze, 1966], Ж.-М. Петерфалви [Peterfalvi, 1970], Ш. Хатчинс [Hutchins, 1998], О. Абелин [Abelin, 1999] и др.

В 70–80-х гг. XX в. звуко-символизм стал рассматриваться также в рамках фоносемантики, изучающей звукоизобразительную систему языка с пространственных и временных позиций. Среди наиболее значимых работ, существенно повлиявших на становление фоносемантики как отдельной отрасли языкознания, следует назвать труды таких отечественных лингвистов, как В. В. Левицкий, С. В. Воронин, А. П. Журавлев, А. Б. Михалев, А. М. Газов-Гинзберг, А. Н. Журинский, А. А. Леонтьев и др.

В. В. Левицким и А. П. Журавлевым были проведены первые психолингвистические исследования. Анализ лексики 59 языков с применением статистического метода позволил В. В. Левицкому прийти к ряду интересных выводов и положений, при этом анализу подверглись не собственно звуки или фонемы, а их дифференциальные признаки. Автор отмечает существенное различие между *субъективным* символизмом (выявляемая экспериментальным путем связь определенных звуков и значений в психике человека) и *объективным* символизмом (связь определенных звуков и значений в словах того или иного языка) [Левицкий, 1998].

Опрос многотысячной аудитории с применением метода «семантического дифференциала» Ч. Осгуда позволил А. П. Журавлеву определить качественные характеристики каждого звука русской речи по 25 шкалам. В своих исследованиях А. П. Журавлев доказал факт существования фонетического значения, дал ему четкое определение, описал его структуру [Журавлев, 1974, 1981].

Весомый вклад в развитие фоносемантической традиции внес С. В. Воронин, которым в фундаментальном труде «Основы фоносемантики» [Воронин, 1982] подробно рассмотрены принципы фоносемантики, психофизиологические основы изобразительности и фоносемантические универсалии. Автором вводится понятие *фонемотипа* (позднее – *фонотипа*), т.е. инвариантной единицы по отношению к фонемам, сходным по какому-либо аркуляционному или акустическому признаку. С. В. Воронин указывал на перспективность этимологической фоносемантики, которую, прежде всего, интересует «какова природа этимона» [Воронин, 1998, с. 19]. Результаты, полученные в рамках объективного символизма, несомненно, способствуют решению этимологических проблем.

А. Б. Михалевым на основе данных пяти языков различной степени родства разработана теория фоносемантического поля, сформулирован принцип структурирования лексики с формальной и семантической стороны [Михалев, 1995]. Подражательные и символические возможности речевых звуков создают ядро фоносемантической системы, которое затем разрастается через семантические переходы в микрополя. В качестве формальной единицей фоносемантического поля автор также рассматривает *фонемотип*, под которой понимает не саму фонему, а некоторое множество фонем, объединенных общим дифференциальным признаком.

Дальнейшее продолжение идеи А. Б. Михалева находят в работах его учеников, применяющих его теорию к данным различных языков. Так, Ж. Б. Тамбиевой проведено сравнение фоносемантической характеристики гуттуральных согласных в русском, английском и абазинском языках [2003], М. Д. Зимовой – начальных согласных в немецком и новогреческом языках [2005]; М. А. Джукаевой – спирант в чеченском, русском и немецком языках [2010]. М. Э. Даниловой исследованы семантические тенденции, проявляемые рифмами современной английской лексики [2007] и др.

В последнее время растет количество исследований, посвященных как общим вопросам фонетического значения, так и отдельным языковым аспектам:

- художественно-изобразительные свойства звуков в поэтической речи (Н. А. Красовская);
- проявление фоносемантических особенностей звуков в различных стилях речи (С. В. Степанова);
- цветовая и признаковая символика звуков (С. В. Бондарь, Л. Б. Прокофьева);
- фоносемантический аспект антонимии, синонимии (Е. А. Бурская, Е. А. Васильева) и др.

В последние годы по фоносемантике было защищено две докторские диссертации С. С. Шляховой [Шляхова, 2005] и Л. П. Прокофьевой [Прокофьева, 2007]. Предметом исследования С. С. Шляховой выступает фоносемантическая система русского языка, или система «фоносемантических маргиналий». К звукоподражательной подсистеме исследователь относит ФМ говорения, подзывные и отгоняющие слова. Автор исходит из убеждения, что звуко-символическое значение является результатом семантического эволюционирования звукоподражательного значения. Ключевым моментом исследования Л. П. Прокофьевой, посвященного звуко-цветовой ассоциативности, выступает феномен синестезии, обуславливающий различные направления семантического развития звукоизобразительного значения.

В целом следует отметить, что применение авторами различных методик не способствуют единообразию выводов, однако все работы объединены отношением к звуку как к мотивированному знаку. На наш взгляд, семантику звуков необходимо исследовать не на основе кластеров или бифонов, а на основе отдельных фонем – фоносемантических корневых доминант – непременно с учетом канала поступления перцептивной информации.

Проблема связи звука со смыслом затрагивалась и в лингвистических работах по алтайским языкам. Изобразительная лексика алтайских языков становилась предметом пристального изучения Г. Рамстедта, Н. И. Ашмарина, Н. К. Дмитриева, М. Биттнера, А. Н. Кононова, Л. Н. Харитонов, Н. Б. Киле, Т. И. Петровой и др. Н. И. Ашмарин первым занялся изучением звукообразноподражательных слов, опубликовав ряд работ о подражаниях в чувашском языке [1918; 1925; 1930]. Исследования Н. К. Дмитриева, посвященные мимемам тюркских языков юго-западной группы, дали толчок к изучению данной лексической группы в других тюркских языках: туркменском, каракалпакском, башкирском, казахском, киргизском, хакасском, якутском [Исхаков, 1951; Кудайбергенов, 1957; ГХЯ, 1975; Харитонов, 1947].

В монголоведении А. А. Бобровников впервые рассмотрел категорию изобразительных слов в «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» [1849]. Г. Д. Санжеев относит звукоподражания к категории междометий [1941], Д. А. Алексеев звукоподражательные и мимико-подражательные слова относит к наречиям, отмечая, что они обозначают не отдельное понятие, а целый образ [1941]. В 1958 г. в отдельной статье Ц. Б. Цыдендамбаевым проведен структурно-морфологический анализ изобразительных слов в бурятском языке, выявлены их синтаксические функции. Другая статья Ц. Б. Цыдендамбаева [1960] посвящена сравнительному описанию изобразительных слов в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках.

Наиболее детальное и разностороннее изучение бурятских образных слов с привлечением большого количества фактического материала предпринято в монографическом труде Л. Д. Шагдаровым [1962]. Данное издание не только дает исчерпывающее описание системы изобразительных слов в бурятском языке, но и является основой для ее изучения в дальнейшем.

Изобразительные слова в качестве образных средств в бурятской литературе рассматриваются Д. Д. Санжиной [1991, 2009], Ц. Ц. Бальжинимаевой [1999]. В калмыцком языке рассматриваемая категория слов

исследовалась Б. Б. Манджиковой [1976, 1981]. В 1983 г. по данной теме ею была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

В отличие от тюркологии монголоведение не располагает большим количеством исследований по этимологии. В плане семантической реконструкции монголоязычной лексики несомненную ценность представляет корневой словарь монгольских языков, созданный ученым из АРВМ КНР Сеченчогту [1988], в котором даются монгольские корневые морфемы с привлечением тюркских параллелей.

Монгольский материал в сопоставлении с алтайскими языками широко представлен в «Этимологическом словаре алтайских языков» [EDAL], составленном коллективом авторов: С. А. Старостиным, А. В. Дыбо, О. Мудраком (при содействии И. Грунтова и В. Глумова), а также приводится в качестве параллелей в семитомном издании «Этимологического словаря тюркских языков» и двухтомном издании «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков». Семантическая реконструкция монгольских соматических терминов (плечевого пояса) дана в работе А. В. Дыбо [1996].

Проблемам этимологии монгольского лексического фонда посвящены работы М. Базаррагчаа, Ц. Өнөрбаяна, А. Лувсандэндэва, Ш. Чоймаа, Ш. Барайшира, Ц. Шагдарсүрэна и др. Также в качестве источников по этимологии следует назвать работы Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе, Г. Рамстедта, Л. Лигети, Т. А. Бертагаева, В. И. Рассадина, Б. Х. Тодаевой и др.

Методологическая и теоретическая основа диссертации.

Среди работ, послуживших теоретической базой настоящей диссертации, следует назвать труды С. В. Воронина, А. Б. Михалева, А. А. Леонтьева, А. П. Журавлева, В. В. Левицкого, А. М. Газова-Гинзберга и др. Методологической базой исследования также послужили положения современной ономазиологии и лингвистической семантики. В трудах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Н. Д. Голева, Д. Кацнельсона, Г. В. Колшанского, Н. Г. Комлева, Е. С. Кубряковой, Б. А. Серебренникова, В. Н. Телия, Ю. С.

Степанова, А. В. Суперанской и др., представляющих ономаσιологическое направление исследования языка, изучается номинативная функция языковых единиц. Методологическими ориентирами также послужили труды специалистов по языковой перцепции: А. Вежбицкой, Г. И. Кустовой, Г. И. Рузина и др. Построение гипотезы исследования, а также интерпретация эмпирических данных предопределили обращение к работам в сфере психофизиологии, паралингвистики, этнолингвистики, антропологии, философии и др.

Диссертация основывается на общенаучных принципах познания: анализе, синтезе, индукции, типологизации, аналогии и сравнении; на диалектическом принципе взаимосвязи объективного и субъективного, принципе системного и сравнительного анализа. Использованный в работе системный подход к проблеме звуковой изобразительности базируется на принципах междисциплинарности и эмпиричности.

Для решения поставленных задач в исследовании используются следующие **методы**:

- описательно-синхронический метод;
- фоносемантический анализ, направленный на установление корреляций между артикуляционно-акустическими характеристиками звуков и лексической семантикой;
- компонентный анализ;
- метод фоносемантического конструирования, предполагающий построение фоносемантических полей на основании гипотетической соотнесенности корневых согласных $[r/m]$ различным ядерным значениям;
- сравнительно-сопоставительный метод;
- метод статистического анализа и содержательной интерпретации материала.

Научная новизна исследования заключается в новом целостном подходе к изучению лексического состава монгольских языков, основанном

на проецировании признаков изобразительных слов, восходящих к определенным звукам и образам, на признаки базовой лексики монгольских языков. Несмотря на то, что в процессе эволюции языка система изобразительных слов в монгольских языках постепенно была вытеснена на периферийную позицию, она «пронизывает» весь основной корпус базовой лексики монгольских языков, о чем свидетельствуют результаты предпринятого исследования. В работе впервые предпринята попытка категоризации и вербализации физических ощущений, кодирующих фрагменты субъективной сферы личности, внесения категориальной четкости в недостаточно структурированное на данный момент семантическое пространство изобразительных слов.

В диссертации вводится новое понятие *доминанты*, носителя генерального признака. Впервые выделено участие в вербализации ощущений обонятельного и вкусового модусов перцепции, классифицированы лексемы, возникшие в результате языковой актуализации осязательных ощущений, на основе работы экстеро- и интероцепторов.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в нем произведен комплексный анализ номинационного потенциала согласных $[r/m]$, позволяющий установить взаимосвязь между их акустико-артикуляционными характеристиками и значением лексической единицы. Исследование фоносемантических характеристик корневых согласных $[r/m]$ уточняет лингвистические и психологические представления о связи восприятия и познания. Представленная концепция вербализации чувственного восприятия, основанная на таких понятиях психофизиологии, как синестезия и кинемика, позволяет раскрывать системность и специфику данного процесса в монгольских языках.

Работа вносит определенный вклад в разработку проблем номинации с учетом особенностей национального мировидения, что может способствовать решению таких вопросов, как соотношение языка и мышления, языка и культуры, взаимодействие чувственных и рациональных

компонентов в процессах номинации и др. Выявление системы актуализации чувственного восприятия и приемов семантической интерпретации кинетических свойств согласных-доминант способствует дальнейшему развитию общей теории монгольского языкознания, развитию фоносемантической типологии в алтайских языках. Модель языковой актуализации системы восприятия средствами доминант $[r/m]$ может быть использована при исследовании способов актуализации средствами других доминант не только в монгольских, но и в других языках мира.

Практическая значимость работы состоит в создании банка данных образных слов с корневыми согласными $[r/m]$, сгруппированных по способам поступления перцептивной информации. Данные материалы также могут быть использованы в лексикографической практике. Результаты проведенного исследования могут найти применение при разработке теоретических курсов по лексикологии монгольских языков, спецкурсов по проблемам мотивированности языкового знака, теории номинации, лингвистической семантике и межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Семантика корня в первую очередь зависит от акустико-артикуляционных свойств ведущего корневого согласного (доминанты), в котором заложена базовая информация о чувственно воспринимаемых явлениях, при широкой вариативности гласных, а также анлаутных и ауслаутных (не доминантных) согласных;
2. Доминанта $[m]$, обладая ограниченными звукоподражательными способностями, служит для формирования поля нулевой фонации;
3. Звукосимволические значения лексем с доминантами $[r/m]$, актуализирующих информацию о форме объекта, являются результатом семантической эволюции звукоподражательных значений;
4. Согласные $[r/m]$ служат для актуализации противоположных признаков: «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «мужской ↔

женский», «яркий ↔ тусклый», «кислый ↔ сладкий», «шершавый ↔ пушистый», «твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный»;

5. Такое акустико-артикуляционное свойство согласного [r], как дрожание кончика языка, способствует выражению в монгольских языках признаков, в большинстве случаев связанных с внутренним дискомфортом, неприятными ощущениями и чувствами (громкость, яркость, боль, холод, страх, стыд, зависть и др.). Кроме того, с его помощью может передаваться возбужденное состояние организма (счастье, любовь, страсть и др.);
6. Большинство лексем с доминантой [m] возникло на основе такой кинетической характеристики согласного, как смыкание губ.

Материалом для исследования послужили различные лексикографические источники: двуязычные, этимологические и толковые словари и пр. В исследовании также использовались диалектологические и фольклорные материалы, экспедиционные записи.

Формы из старописьменного монгольского языка приводятся в соответствии со словарями О. М. Ковалевского и Ф. Лессинга со ссылками. Формы, не имеющие ссылок, а также формы халха-монгольского языка приведены в соответствии с «Большим академическим монгольско-русским словарем» [2001–2002]. Рефлексы из бурятского, калмыцкого языков и языка ойратов Синьцзяна без ссылок приводятся на основе «Бурятско-русского словаря» Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова [2006, 2008], «Калмыцко-русского словаря» под ред. К. М. Муниева [1977] и «Словаря языка ойратов Синьцзяна» Б. Х. Тодаевой [2001]. Данные по ордосскому и южно-монгольским языкам берутся из «Etymological dictionary of Altaic languages» С. А. Старостина, А. В. Дыбо, О. А. Мудрака (при содействии И. Грунтова и В. Глумова) [2003] со ссылками. Рассматриваемая лексика дается в орфографии источников.

Среднемонгольские формы выбраны как из восточномонгольских, так и западномонгольских памятников: *Тайная история монголов* (сер.

XIII в.); китайско-монгольский словарь *Хуаи иуй* Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.); арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь *Мукаддимат ал-Адаб* (XIV в.), арабско-монгольский словарь *Китāб Хилйат ал-Инсāн ва Халбат ал Лисāн* Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.); арабско-персидско-турецко-монгольский словарь *Шамиль ўл-Луғат* (кон. XV – нач. XVI в.); монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь *Китāб Маджме' Тарджумāн Туркй ва 'Аджамй ва Муғалй ва Фāрсй* Халила б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (1343 г.). Преклассические монгольские формы даны по изданию Д. Тумуртоого [2006].

В целях выявления типологически сходных и специфических мотивационных признаков нами привлекается лексика других алтайских языков с корневыми согласными [r/m], однако, на наш взгляд, необходимо проведение идентичных исследований на материале тюркских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков.

Апробация работы. Основные положения исследования нашли отражение в докладах и выступлениях на международном симпозиуме по монголоведным исследованиям Китая (Хух-хото, 2005), II Байкальской международной ономастической конференции «Имя. Социум. Культура» (Улан-Удэ, 2008), международном симпозиуме «Имена в экономике-3: Имена как язык и капитал» (Амстердам, 2009), международной конференции «Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия» (Улан-Удэ, 2009), IV международном симпозиуме «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему» (Улан-Удэ, 2009), международной школе-семинаре по психологии и когнитологии «Березинские чтения-6» (Москва, 2010), международной научной конференции «Монголоведение в изменяющемся мире: проблемы и перспективы» (Улан-Батор, 2010), межрегиональной конференции «Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры» (Иркутск, 2010), международной научной конференции «Языки и

письменные источники монгольских народов», проведенной в рамках Конвента монголов мира (Улан-Удэ, 2010).

Основные результаты диссертации опубликованы в 3 монографиях, а также ряде научных статей по проблеме диссертационного исследования. Апробация представлена публикациями общим объемом 42 п.л. Из них 10 статей общим объемом 5,2 п.л. опубликовано в рецензируемых журналах.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения и библиографии. Во **введении** обосновывается актуальность исследуемой проблемы, определяется объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируется гипотеза и положения, выносимые на защиту, излагаются теоретико-методологические основы и характеризуются источники исследования, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации.

Глава I «Морфологическая структура первичного лексического ядра с корневыми согласными $[r/m]$ » посвящена исследованию морфологической структуры общемонгольской лексики с корневыми согласными $[r/m]$, установлению фонетической структуры ядра первичных корневых морфем, выявлению словообразовательных типов, действовавших на ранних этапах эволюции монгольских языков. В **главе II** «Вербализация слухового восприятия» характеризуется система ономастических слов с корневыми согласными $[r/m]$ в монгольских языках. В **главе III** «Интерпретация зрительного восприятия формы объектов» выявляются ключевые моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к характеристикам зрительного восприятия формы объекта. **Глава IV** «Манифестация ощущений с помощью акустико-артикуляционных характеристик согласных $[r/m]$ » посвящена рассмотрению аспектов вербализации зрительного восприятия световых явлений, а также информации, получаемой с помощью осязательного, вкусового и обонятельного модусов перцепции, происходящей на основе акустико-артикуляционных параметров согласных $[r/m]$.

В **заключении** суммируются основные положения исследования и делаются выводы.

Глава I

Морфологическая структура первичного лексического ядра с корневыми согласными [r/m]

Данная глава посвящена исследованию морфологической структуры общемонгольских лексем с корневыми согласными [r/m], установлению фонетической структуры ядра первичных корневых морфем, выявлению словообразовательных типов, действовавших на ранних этапах эволюции монгольских языков. Определение древних продуктивных словообразовательных моделей позволит вычлениить древние первообразные основы общемонгольского характера.

Проблема структуры корня интересует монголоведов и алтаистов с разных точек зрения: историко-генетической, этимологической, фонетической, семантической и др., поскольку в корнях, выступающих в качестве важнейших составных элементов устройства языка, заложена концептуальное ядро слова. Ряд алтаистов утверждает о первичности двухзнаковых корней, т.е. корней типа C+V, другие считают, что только корень C+V+C является типом древнейшей структуры корня. Третьи выделяют разные структуры корня: от самых простых до более сложных.

В работе нами рассмотрены следующие четыре типа корней:

1. V+C_D (*ar-a-l*, *er-e*, *or-u-ngʷa*, *um-ai*);
2. C_{un}+V+C_D (*ber-e-ge*, *sür-e-g*, *nam*);
3. V+C_D+C_{aus} (*örb-e-lge*, *ert-e-ger*, *am č-i-γar*);
4. C_{un}+V+C_D+C_{aus} (*sorm-u-su*, *sarb-a-ljĩ*, *bamb-ai*).

В рассмотренных типах корней фигурирует от одного до трех составляющих консонантов:

1) согласный-доминанта (C_D) является носителем генерального признака. В звукоподражательных словах он передает основной характер звучания. В доминанте образных слов закодирована базовая информация о денотате: его форме, размере, цвете, свойствах поверхности, динамических состояниях,

психологических и иных характеристиках и пр. Он может занимать позицию в ауслaute корня (типы 1 и 2), либо в инлауте (типы 3 и 4)¹;

2) анлаутный согласный (C_{un}) в звукоподражательных словах индицирует начальную фазу развития звука. В образных словах может либо смягчать, либо усиливать степень проявления генерального признака;

3) ауслautный согласный (C_{aus}) в ономатопах моделирует конечную фазу звучания², согласные $[s]$, $[d]$ могут указывать на моментальность совершения действия. Вносит дополнительный оттенок в семантическую структуру образного корня. Например, согласные $[b]$, $[l]$, $[m]$, $[n]$ вносят оттенок смягчения признака, $[č]$, $[j]$, $[s]$ – шуршания, шероховатости и др.

Следует отметить, что в монгольских языках представлены и другие типы корней. Например, корень, состоящий из одного только консонанта (C_D) $*j$, в лексеме п.-мо. *ǰ-ö-gei* [Less. 1074], мо. *зөгий*, бур. *зүгы*, калм. *зөг*, ойр. *зөг* ‘пчела, шершень’, образованной с помощью форманта *-gei* от корня *j*, представляющим собой звукоподражание (*ǰ-ǰ-ǰ*). Кроме того, можно отметить функционирование изобразительных корней с дифтонгами, долгими гласными: (C_{un})+ V_{diph} + C_D +(C_{aus}) (например, п.-мо. *qaiḡ-a-γar* ‘мерно покачивающийся’); C_{un} + V + V + C_D (п.-мо. *γoul* ‘река; долина’, *qour-a* ‘яд, отрава’) и долготными комплексами (C_{un})+ V + C_i + V + C_D +(C_{aus}), где C_i – интервокальный согласный $[γ/g]$, либо $[y]$.

Удлинение звукоподражательного или образного корня в ряде случаев могло быть обусловлено стремлением передать длительность звучания, интенсивность проявления признака. Например, ср. параллельное функционирование корней $*ber(b)$ и $*beger$ в п.-мо. *berbeyi-*, мо. *бэрвий-* ‘коченеть, деревенеть от холода’ и п.-мо. *begere-*, мо. *бээрэ-*, бур. *бээрэ-*, калм. *беер-* ‘зябнуть, мерзнуть’; корней $*kōr(k)$ и $*kōger$ в бур. *хүрхэ* и *хөөргэ*

¹ Выделяя в тюркских языках тип звукоподражательных слов типа CVCC, авторы СИГТЯ называют данный компонент – первым согласным в конечном сочетании [СИГТЯ, 1988, с. 518].

² Ср. мо. *tülk-e-* и рус. *толк-ать*, *бульк-ать*, *с-молк-ать*, *чирк-ать* и др.

‘кузнечные меха; горн’. Часто удлинение вокалической составляющей корня происходило уже на более поздней стадии развития языков: п.-мо. *sümeḡ* [Kow. 1430], мо. *сүмгэр* и *сүүмгэр*, бур. *һүүмэгэр* ‘тусклый, неясный; мерцающий (о свете)’; п.-мо. *ömiiger*, бур. *үмэгэр* и *үүмэгэр* ‘суженный, сжатый’. Однако данный тип корней, несомненно, требует особого рассмотрения в связи с необходимостью установления номинационного потенциала согласных *[ɣ/g]* в качестве доминант. Дальнейшие исследования, несомненно, позволят выявить другие типы корней.

Как отмечалось выше, в качестве доминант в данной работе выступают согласные *[r]* и *[m]*, выбор которых обусловлен тем, что именно с их помощью в монгольских языках реализуется диада «мужской (*эр*) ↔ женский (*эм*)», представляющая собой фундаментальную оппозиционную пару, которая занимает важное место в ряду представлений, отображающих модель мира. Кроме того, они формируют такие базовые оппозиции, как «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «яркий ↔ тусклый», «кислый ↔ сладкий», «шершавый ↔ пушистый», «твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный».

Приведем акустико-артикуляционные признаки указанных согласных, поскольку именно они положены в основу номинации рассматриваемых в данной работе лексем. Ртовый, переднеязычный, дрожащий сонант *[r]* артикулируется кончиком языка, немного приподнятым над остальной его частью. «Кончик языка пассивно колеблется в струе проходящего воздуха, образуя одну или несколько кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол. В отличие от русского какуминального *r* бурятский *r* произносится при почти полной апикальной настройке и слабом подъеме кончика языка. Эта особенность артикуляции *r* обуславливает меньшую вибрантность, иногда он становится просто щелевым. В позиции между гласными или в сочетании с другими сонантными и слабыми согласными звук *r* произносится с участием голоса, является сонантным в полной смысле, т.е. при произнесении его голос преобладает над очень слабым шумом» [Бураев, 1987, с. 50].

Известно, что в алтайских языках согласный [r] является одним из звуков, не встречающихся в позиции корневой инициали. Относительно этого Б. Я. Владимирцов пишет: «В монг.-письм. и в халхаском r никогда не бывает в начале слова; в монгольской письменности встречаются слова, начинающиеся с r, но эти слова являются лишь транскрипцией иноязычных форм. Как в монг.-письм., так и халхаском, а также и в других монгольских наречиях в заимствованных словах, начинающихся с r, в начале появляется гласный, одинаковый с гласным, следующим за r; если за начальным r следуют узкие гласные i, u, то в качестве эпентетического гласного является гласный средний e или o» [Владимирцов, 1929, с. 366]. Также можно утверждать, что для согласного [r] неприемлема недоминантная позиция в ауслауте корня.

Носовой, билабиальный сонант [m] образуется «смыканием губ при одновременном опускании небной занавески, что обуславливает одноканальный выход воздушной струи через полость рта. Губы при этом напрягаются очень слабо. При произнесении носовых звуков раскрытие смычки дает очень слабый взрыв» [Бураев, 1987, с. 42]. Данный согласный, напротив, обладает способностью выступать во всех трех позициях корня. Помимо главной, он не теряет своей изобразительности и в других позициях, беря на себя функцию смягчения признака, выраженного доминантой.

Как отмечает Л. Д. Шагдаров, фонетический состав подражательного слова в значительной мере определяется воспроизводимым звучанием, потому в них появляются звуки, выходящие из существующей системы языка. Этой же причиной объясняется и тот факт, что в начале звукоподражательного слова встречаются звуки, акустически производящие сходные впечатления с началом исходного звучания: взрывные (смычные) согласные n, m, d встречаются преимущественно в словах, подражающих сильным звукам, при этом n, нь соответствуют шмякающим звучаниям, m, d и n, л – сухим, резким звучаниям твердых предметов [Шагдаров, 1962, с. 51].

По замечанию В. И. Цинциус, та или иная реконструкция непременно должна учитывать «характер консонантного анлаута как результат развития, который связан с изменениями праязыковых системных отношений» [Цинциус, 1984, с. 17, 20]. Для доказательства наличия в прошлом в монгольских языках анлаутного $*h < *p < *φ$ Г. Рамстедт, помимо сравнительно-исторических фонетических реконструкций, учитывал, что в глоссариях арабских (и персидских) авторов XIII-XIV вв. ряд монгольских слов с начальным гласным имеет в анлауте знак *h* [Ramstedt, 1916, p. 1–10].

В исследовании П. Пеллио содержится около сотни среднемонгольских (XIII-XIV вв.) форм с инициальным $*h < *p < *φ$, который исчез в большинстве современных монгольских языков и оставил следы лишь в монгорском в виде *f* и дагурском *О~χ* [Pelliot, 1925, p. 193–263]. Кроме того, рефлекс $*h$ частично сохраняются в дунсянском, баоаньском и желто-уйгурском языках.

Ауслатный согласный образных корней в тюркских языках Н. И. Ашмарин называет отличителями, Л. Н. Харитонов – структурными элементами, М. Сахарова – суффиксами [Шагдаров, 1962, с. 24–25].

Ц. Б. Цыдендамбаев выделяет в бурятских кинемато-изобразительных словах две основы: первичную и вторичную. Первичная основа состоит из двух слогов, из которых второй может быть более или менее регулярным. Приведем выделяемые автором «наиболее распространенные и характерные вторые слоги-суффиксы»: *-ба* (*ааба-ааба, арба-арба*), *-га* (*анга-анга, ханга-ханга*), *-да* (*гада-гада, ёдо-ёдо*), *-яа* (*дая-дая, хоё-хоё*), *-жа* (*унжа-унжа*), *-за* (*бэгзэ-бэгзэ, үрзэ-үрзэ*), *-ла* (*яла-яла*), *-ма* (*аама-аама*), *-на* (*марна-марна*), *-ра* (*ира-ира, дэрэ-дэрэ*), *-са* (*алса-алса*), *-та* (*занта-занта*), *-ха* (*гунха-гунха*), *-ша* (*урша-урша*) [Цыдендамбаев, 1958, с. 137–138].

Как видно из примеров, в некоторых из них к согласным, формирующим «слоги-суффиксы», отнесены доминанты: *ааба-ааба* ‘еле-еле, неуверенно и неустойчиво (о ходьбе)’, *ёдо-ёдо* (о движении чего-л. острого и длинного), *яла-яла* (о мерцании и блеске), *аама-аама* ‘открывая и закрывая рот

(жевать)’, *ира-ира* ‘кишмя (кишеть), во множестве мелькать’, являющиеся фундаментом для формирования значения в корне.

Вторичная основа кинемато-изобразительных слов, по ценному замечанию исследователя, регулярно образуется на базе первичной основы с помощью суффикса *-га*, гласный звук которого часто выпадает (*арбаг-арбаг//арбага-арбага, ёлог-ёлог//ёлого-ёлого*) [Там же, с. 139].

Анализируя структуру изобразительных слов, Л. Д. Шагдаров также приходит к заключению, что «второй слог образных корней в бурятском языке (**дар-са, *дар-да, *тар-ха, *тар-ша*) <...> в известном смысле может быть признан за аффикс, хотя никакого определенного обобщенного значения он не вносит, выполняя, очевидно, функцию образования основы образного слова для дальнейшего образования от них различных глагольных форм и прилагательных при помощи специальных суффиксов» [Шагдаров, 1962, с. 101–102]. Тем не менее, автор выделяет в бурятском языке сложные форманты *-шагана* (в *таршагана-* ‘трещать’), *-жагана* (в *түбжэгэнэ-* ‘топотать’) [Там же, с. 75], в нашей же работе аффрикаты в подобных примерах рассматриваются в составе корня (*tarč-i-gina-*, *tübĵ-i-gine-*).

Подобной точки зрения на ауслатный согласный корня в нанайском языке придерживается Н. Б. Киле, отмечающий, что «в структуре корневых слов интерес представляют конечные звуки: согласные *к, с, х, н, р, р-р, нг, нг-нг, л, л-л, м, м-м* <...> При сопоставлении корневых слов обнаруживается, что их конечные звуки имеют свою, особую, значимость» [Киле, 1973, с. 41]. В. А. Аврорин также отмечает, что «конечные согласные *к, л, р* некоторых образных слов, возможно, представляют собой омертвевшие суффиксы» и приходит к ценному выводу о том, что «судя по общим особенностям семантики этих слов, их конечные согласные имели своим назначением подчеркивать моментальность, мимолетность, точечность признака действия» [Аврорин, 1961, с. 220]. Структура корня, включающая ауслатный согласный, расширяет диапазон привлекаемых к анализу лексических единиц и дает возможность выявить протокорни в монгольских

языках. Следует отметить, что смягчение согласных в целом влечет за собой смягчение признака.

Таким образом, ядерные изобразительные значения складываются из семантического потенциала максимально трех консонантных компонентов корня³. Очевидно, что позиции анлаутного и аусллаутного консонантов менее значимы, нежели позиция доминанты. Наблюдаются случаи, когда один и тот же тип согласных как в анлауте, так и в аусллауте служит для передачи одного значения. Так, от корней **irʃ/irš* ↔ **sir* образованы п.-мо. *irʃ-i-gir* ‘шершавый, грубый’ и п.-мо. *sirügün* ‘шероховатый; жесткий’; от **örs/örʃ* ↔ **jör* – п.-мо. *örisüldü*- ‘соперничать, оспаривать’ и *jörildü*- ‘противоречить, пререкаться’.

Доминанта, по сути, представляет собой инвариант, допускающий вариативность других консонантных элементов корня и практически свободную вокалическую вариативность. Исследование вокалических чередований в образных корнях показывает то, что они не обладают способностью кардинально менять семантику, заданную консонантным составом корней.

Один из первых исследователей звуковой изобразительности Н. И. Ашмарин отмечает: «Различные степени огубления соответствуют той или иной степени аффекта, определяемой характером представления о напряженности и силе изображаемого процесса. Так, например, мимема *хам* подражает лаю маленькой, а *хом* – лаю большой собаки, *лат* – подражает сильному шлепанью, а *лет* – очень слабому, как нежному» [Ашмарин, 1928, с. 10]. Ц. Б. Цыдендамбаев также подтверждает, что «в звукоизобразительных словах наблюдается тенденция к дифференцированию смыслоразличительной роли гласных звуков. Если посредством основы с гласным *a* обозначается более открытый или звонкий звук, то употребление основы с *э* и, тем более, с *у* связано с изображением приглушенных, притупленных звуковых впечатлений: ср. *тас-тас* и *тус-тус*. С другой

³ В русском языке допустимо наличие до пяти консонантов в корне, например, *шкварк*-и, *шкворч*-ать и др.

стороны, гласный *a* употребляется в тех случаях, когда передаются более сильные или резкие звуки, тогда как гласный *э* имеется в основе при обозначении более слабых и мягких звуков: ср. *hab-hab* и *hэб-hэб* [Цыдендамбаев, 1958, с. 146].

По наблюдениям Л. Д. Шагдарова, «гласный *a* обычно встречается в словах, подражающих сильным, громким звучаниям больших предметов, *o* – четким, ясным звучаниям маленьких предметов, *y* – выражает глухое звучание <...> *и, я* – сильные и высокие по тону звучания» [Шагдаров, 1962, с. 53, 55]. Относительно вариативности гласных в образных корнях автор отмечает, что «слова, в которых чередуются только начальные согласные или согласные в середине слова, более близки по значению, чем слова, имеющие одинаковый состав согласных, но отличающиеся гласными первых слогов: если первые употребляются для обозначения свойств одних и тех же предметов, то вторые, создавая свой собственный ряд, могут характеризовать разные предметы действительности» [Там же, с. 112]. Таким образом, символизация размера денотата зависит от степени открытости полости рта и позиции языка.

Известно, что в монгольских языках, как и в других языках мира, на границе морфем допускаются не все звукосочетания. В связи с этим в процессе образования производного слова соединяющиеся морфы стремятся к взаимному приспособлению. Так, в корневых морфемах «в ряде случаев наблюдается появление гласного, который не является наследником какого-либо прежнего гласного, но является вставочным: *emüs-* ‘одевать’, *imus-* ‘течь’» [Владимирцов, 1929, с. 347]. Однако наиболее характерна для эпентетических гласных позиция на морфемном шве. Также нами не рассматривается в составе корня конечный гласный, возникший в результате парагоги, т.е. эпентезы, имеющей место на конце слова в целях облегчения произношения на стыке слов. Например, в *em-e* ‘женщина’ выделен корень **em* типа V+C_D.

Таким образом, корневая звукоподражательная морфема представляет собой последовательность дифференциальных признаков того или иного звучания, отражающих стадии его произнесения. Комбинирование звуков в конечном итоге приводит к дифференциации смыслов, что подтверждает возможность ментального разложения звука в своеобразный артикуляционный спектр.

Мысль о разложимости корня на более мелкие единицы не раз высказывалась учеными. Так, Б. Л. Уорф рассматривал начальный звукокомплекс в качестве «корневого ядра» [Whorf, 1956, p. 133]. Дж. В. Смитерс, проведя этимологическое исследование идеофонов в английском языке, выделил отдельные начальные фонемы и консонантные группы, выполняющие определенные семантические функции [Smithers, 1954, p. 86]. Х. Марчанд называет начальные фонемы и консонантные группы «символами», способными порождать новые наименования [Marchand, 1959, p. 153–154].

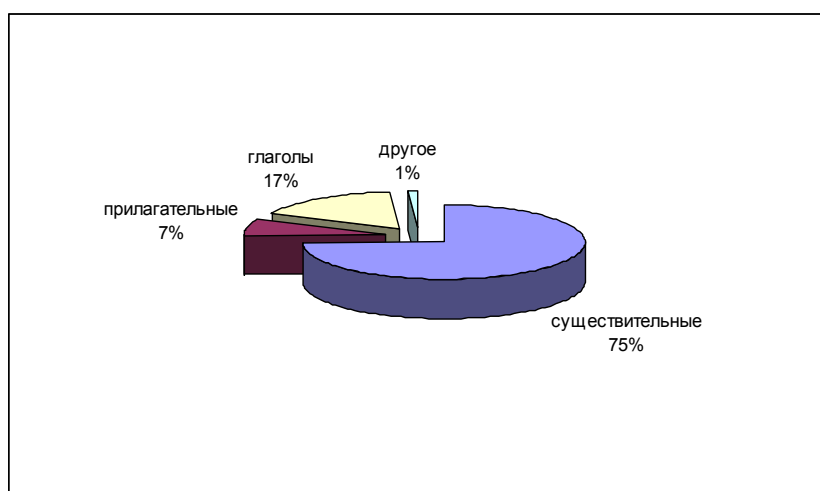
В отечественном языкознании В. В. Левицкий предпринял исследование символических свойств начальных звукокомплексов, в результате которого пришел к выводу о том, что «почти все двух- или трехфонемные сочетания в начале корня в английском языке связаны с определенным значением или определенным кругом значений» [Левицкий, 1983, с. 14].

А. Б. Михалев выделяет в английском и французском языках консонантные бифоны, т.е. контактное сочетание двух звуков, обладающее в содержательном плане определенной системой значений со звукоизобразительным ядром и развивающейся из него периферией. В отличие от бифона, морфемотип представляет собой абстрактную категорию с формальной структурой C_1VC_2 , получающей определенную семантическую интерпретацию в зависимости от фонематического заполнения позиций C_1 и C_2 . План содержания морфемотипа, так же как и консонантного бифона, имеет вид поля, составленного ядром звукоизобразительных значений и

сетью связанных с ними периферийных значений [Михалев, 1995, с. 122]⁴. Следует отметить, что консонантные бифоны не встречаются в начальной позиции слов монгольских языков, поскольку сочетание двух согласных в данной позиции для них недопустимо.

Таким образом, отражая глубокую семантическую эволюцию, корни позволяют последовательно реконструировать прамонгольскую картину языкового состояния. В работе выявлено 588 корней четырех типов, из них 75 % приходится на корни с доминантой [r]. Наряду с изобразительной лексикой было проанализировано 760 единиц с затемненной этимологией, процентное соотношение частей речи отображено на диаграмме 1.

Диаграмма 1

Как видно, подавляющее большинство лексем составляют имена существительные, на втором месте – глаголы, на третьем – имена прилагательные.

На долю числительных, наречий и превербов отводится 1 %.

Более 36 % корней способны самостоятельно передавать конкретное предметное значение, около 6 % из них могут оформляться конечной согласной [n]. Фонетическая структура этих существительных может либо полностью совпадать с таковой корня, либо дополняться конечным гласным, возникшим в результате эпентезы согласно законам морфонологии. Например, *jer* ‘оружие’ [Kow. 2324], *ir* ‘лезвие, острие’ [Kow. 318]; *čar* ‘верхний слой снега’ [Kow. 2026]; п.-мо. *šoru* ‘вертел’ [Kow. 1542]; п.-мо. *čembe* ‘сукно’ [Kow. 2120] и др.

⁴ Также для обозначения начальных сочетаний согласных используются термины *фонестема* [Householder, 1931, p. 84], *кластер* [Wescott, 1987, p. 67–72].

Очевидно, эти существительные появились в языке как наиболее характерные «воплотители» передаваемого ими образа. Получив статус полнозначных языковых единиц, они формируют свои словообразовательные гнезда посредством аффиксов, отличных от тех, что «обслуживают» изобразительные корни. Заднеязычный [ng] пишется на конце слов с яркой образной семантикой (*čurbang* ‘птенец’; *dorbung* ‘курильница’; *körjeng* ‘спрессованный навоз’; *orbung* ‘корень, стебель’; *serteng* ‘позвоночный отросток’), составляющих 2 % от общего количества существительных, в то время как в словах с [n] на конце образная семантика зачастую бывает уже затемнена (*yurban* ‘три’, *morin* ‘лошадь’, *müren* ‘река’ и др.).

Известно, что образные слова в прошлом активно участвовали в процессе становления антропонимической системы монгольских народов, формируя обширную категорию дескриптивных личных имен⁵. Благодаря своей образной семантике, эти основы обладают способностью как без изменений переходить в разряд антропонимов, так и принимать различные антропоформанты. Подобные именованья содержат меткую, точную и яркую характеристику внешности человека, его характера, поведения и т.д.: *Морхо* (о человеке с большим носом), *Папа* (о косматом, лохматом), *Пирна* (о курносом), *Тарха* (о малорослом), *Занта* (о большеголовом), *Галба* (о полном человеке). Здесь уже не предметы, а люди становятся «воплотителями» образа. Очень ценно замечание А. Г. Митрошкиной о том, что «имена данного типа восходят к такому состоянию лексики монгольских языков, когда существовали самостоятельные корнесловы типа *морхо*, *халха*, затем ставшие связанными в системе имен прилагательных. В таком случае, может быть, имя *Морхо* и подобные ему донесли до нас корнесловы, вышедшие из употребления в апеллятивной лексике» [Митрошкина, 1995, с. 154].

Основная часть субстантивных форм (64 %) оформляется первичными словообразовательными формантами. Большинство из них относится к

⁵ Бесценным свидетельством этого являются современные бурятские фамилии, большое количество которых восходит к личным именам с образной семантикой.

мертвым, ныне непродуктивным аффиксам, представляющим собой особый интерес как наиболее архаические пережитки грамматического строя данных языков. Наиболее продуктивными из них следует признать аффиксы *-γ-a/-y-a/-γu*, на долю которых приходится 7 % производных (*araγa* ‘клык’; *baraγ-a* ‘очертание’; *beriy-e* ‘посох’; *boruγa* ‘дождь’; *gürege* ‘шейная артерия’; *ǰaraγa* ‘ёж’; *ǰruγa* ‘иноходь’; *keriy-e* ‘ворона’; *miraγa* ‘страсть’; *qarbaγa* ‘малек’; *ǰarbaγu* ‘запястье’; *qamaγu* ‘лишай’; *qariγu* ‘ответ’ и др.).

Далее следует формант *-sun*, присоединяющийся к 4 % основ (*burγasu* ‘ива’; *ǰumǰasu* ‘выступ’; *görügesü(n)* ‘зверье; антилопа’; *örgesiin* ‘шип’; *qorγusun* ‘помет’; *sormusu(n)* ‘ресницы’ и т.д.), о котором В. И. Рассадин пишет следующее: «Поскольку показатель *-sun* вводил слова в класс имен существительных и являлся их типичным окончанием, по сути дела их маркером, то, естественно, он прибавлялся в ту эпоху, когда у него был «расцвет», к словам, заимствованным из других языков, а также и собственным непродуктивным и производным именным словам, подкрепляя и утверждая их субстантивность» [Рассадин, 2008, с. 149].

Анализ рассматриваемого в работе лексического материала позволил выявить словообразовательные форманты существительных, которые разделены нами на три условные группы:

- 1) «группа *-daγ*», состоящая из аффиксов, оканчивающихся на согласный [γ] и формирующая 21 % субстантивов;
- 2) «группа *-dai*», включающая форманты, оканчивающиеся на дифтонг. На их долю приходится 11 %;
- 3) прочие аффиксы, включая сложные форманты, делящие между собой оставшиеся 19 %.

Группа *-daγ*

- 1) *-γ(a)*: *arǰaγ* ‘можжевельник казахский’, *burǰaγ* ‘семья’, *ǰerig* ‘войско’, *ǰimeg* ‘украшение’, *domuγ* ‘легенда’, *kereg* ‘дело’, *nimbeg* ‘лимон’, *omuγ* ‘гордость; род’, *surγaγ* ‘жердь’, *bömbüge* ‘мяч’, *bortuγu* ‘маленькое

- деревянное ведро’, *čimüge(n)* ‘мозг (в костях)’, *ötmüge* ‘рогожа’, *qombuу-a* ‘мешок, стягиваемый ремнем’, *tarbaу-a* ‘тарбаган’;
- 2) *-daу⁶*: *jürmedeg* ‘тонкие обрезки чего-н.’, *kürbedeg* ‘овчина’, *samaldaу* ‘ноздри’, *sarmidaу* ‘летний сухой помет’, *sirdeg* ‘стеганный тюфяк’, *saridaу* ‘голец’, *temdeg* ‘метка’, *umadaу* ‘лобковая кость’;
- 3) *-naу, ngu-a*: *arangу-a* ‘помост’, *ergineg* ‘шкаф для посуды’, *kemneg* ‘утроба’, *qorkinaу* ‘горошек’, *sarkinaу* ‘соты пчелиные’, *orungу-a* ‘хоругвь; вид антилопы’;
- 4) *-laу, -ly-a*: **berteleg* ‘волчонок’, *bömbülig* ‘шар’, *durbaliу* ‘тимофеевка степная’, *erslig* ‘единорог’, *járliу* ‘приказ’, *jürjilig* ‘апельсин’, *tarlaу* ‘кислец’, *darbalya* ‘парус’;
- 5) *-čaу*: *borуиčuу* ‘шишка’, *darčuу* ‘флажок’, *kirumčaу* ‘ливер’, *siračaу* ‘высокий девясил’;
- 6) *-maу*: *aryamaу* ‘скакун’, *barimaу* ‘воловик’, *marjımaу* ‘чечевица’;
- 7) *-saу, -su-a*: *sarimsaу* ‘чеснок’, *keresge* ‘решетка вокруг чего-либо’, *qurisaу-a* ‘ягнячья шкурка’;
- 8) *-raу, -ru-a*: *namuru-a* ‘роса’, *urturiу* ‘долгота’, *ürgerig* ‘широта’, *qomuru-a* ‘круг, сомкнутый охотниками’;

Группа *-dai*

- 9) *-ai*: *arbai* ‘ячмень’, *bambai* ‘валерьяна; хомут; щит’, *bembeі* ‘тесто’, *čirai* ‘лицо’, *orui* ‘вершина’, *sambai* ‘усы, борода’, *sarmai* ‘летний сухой помет’, *sembei* ‘тонкий хадак’, *tumbai* ‘трехлетняя корова’, *umai* ‘утроба’, *yoriqai* ‘пяденица’;
- 10) *-qai*: *berbekei* ‘бабка (у лошади)’, *bömbükei* ‘пузырчатка’, *čarčaqai* ‘саранча’, *čuruqai* ‘щука’, *erbekei* ‘бабочка’, *jıraуaqai* ‘мальки’, *merbegekei* ‘перговая моль’;
- 11) *-yai*: *burčayai* ‘стручок’, *jırtayai* ‘рыбья икра’, *qarčayai* ‘ястреб’;

⁶ Последовательность аффиксов дается в соответствии со степенью их продуктивности.

- 12) *-dai*: *barbadai* ‘большой палец’, *barmadai* ‘тигровый питон’, *čorbudai* ‘славка рыжая’, *oryudai* ‘женьшень’;
- 13) *-čai*: *kiruyučai* ‘маленький ястреб’, *qariyačai* ‘ласточка’;
- 14) *-mai*: *qormui* ‘подол’, *Marqatai* ‘с большим носом’ (антр.);
- 15) *-rai*: *ambarai* ‘бот. ягнячи почки’, *qomburai* ‘род игры в бабки, косточки’;
- 16) *-nai*: *Tarqanai* ‘приземистый’ (антр.);
- 17) *-bai*⁷: *durantai* ‘подзорная труба’.

Прочие аффиксы

- 18) *-r*: *amar* ‘спокойствие’, *amsar* ‘отверстие’, *bambar* ‘тигренок’, *ǰamir* ‘ягоды шиповника’, *qamrar* ‘глиняная чашка’, *samir* ‘орех’, *tamir* ‘сила’, *ɣamar* ‘цинкенил’;
- 19) *-l*: *arɣal* ‘кизяк’, *dergel* ‘высокогорный тур’, *gürbel* ‘ящерица’, *ǰoryul* ‘лосенок’, *orgil* ‘пик’, *qambil* ‘крупка’, *qoryal* ‘помет’, *simuyul* ‘насекомое’;
- 20) *-lǰi(n)*: *aralǰi* ‘липарит’, *arbaɣalǰi* ‘паук’, *borulǰin* ‘береза-ерник’, *maralǰin* ‘ковер’, *qaralǰi* ‘бекас’, *qoryulǰin* ‘свинец’, *quryalǰi* ‘полевичка малая’, *sarbalǰi* ‘дикое просо’, *seregelǰi* ‘вилка для плодов’, *siralǰi* ‘бурьян’, *siryulǰi(n)* ‘муравей’, *tarbalǰi* ‘ястреб’, *terelǰi* ‘багульник’, *tümelǰi* ‘спаржа клубеньковая’;
- 21) *-ɣana*: *arǰaɣan-a* ‘кузиния’, *burčaɣan-a* ‘соя желтая’, *bürilgene* ‘калина’, *burɣan-a* ‘вид акации’, *deresügen-e* ‘соломинка’, *ǰergene* ‘хвойник’, *ǰimisgen-e* ‘ягода, ягоды’, *ǰirgen-e* ‘ревень’, *ürgene* ‘терн, терновник’;

⁷ Корни с другими доминантами также присоединяют суффикс *-lai*: *degdegülei* ‘прыгунчик’, *qongqulai* ‘лакуна, полость, впадина’ и др.

22) *-lǰyan-a*: *arbaγalǰyan-a* ‘стрекоза’, *borulǰyan-a* ‘курильский чай’, *büirilǰgene* ‘калина’, *gürelǰgen-e* ‘сверчок’, *kerelǰgene* ‘полевая мышь’, *temelǰgene* ‘стрекоза’;

23) *-γči(n)*: *emegčün* ‘самка’, *eregčün* ‘самец’, *keregčün* ‘самка косули’, *saraγčün* ‘столбик’, *sarbaγčün* ‘обезьяна’, *bertegčün* ‘щенок (медведя, волка)’.

Каждый из оставшихся формантов образуют менее 1 % субстантивных лексем: *-mǰ* (*arγamǰ* ‘веревка’, *neremǰ* ‘имя’, *orumǰ* ‘хижина’); *-m* (*qurim* ‘пир’, *serǰim* ‘подношение’); *-lang* (*arkilang* ‘муравьиный лев’, *čömileng* ‘яблоко с пятью косточками’, *ersleng* ‘львица’); *-bčī* (*darabčī*, *derebčī* ‘шпора’, *ǰürikebčī* ‘бурундук’, *sarabčī* ‘сетка для глаз’); *-či* (*sarbači* ‘женский головной убор’; *serbečün* ‘обезьяна’; *urtučī* ‘глиняный сосуд с узкой шейкой’); *-uu* (*ǰiruui* ‘бороздоплодник уклоняющийся’, *ǰimbüüi* ‘вострец лесистый’, *qoruu* ‘бельмо’); *-rγan-a* (*marčirγan-a* ‘постенница’); *-tγan-a* (*sarkitγan-a* ‘полевка обыкновенная’); *-rsi* (*bambursi* ‘медвежонок’, *bombursi* ‘шерстяная ткань’); *-ruu* (*omuruu* ‘ключица’; *atarau* ‘прыщи во рту’; *qomquruu* ‘перхоть’); *-nabčī*⁸ (*sirqunabčī* ‘чулки’); *-mar* (*ǰirgemer* ‘жаворонок’); *-tal* (*örübtül* ‘рашпиль’).

Безусловно, приведенный перечень формантов будет дополнен и скорректирован после исследования лексических пластов с другими корневыми доминантами. Следует отметить, что суффиксы, бытовавшие в письменном языке, хотя и претерпели известные изменения, связанные с фонетическими процессами, но все же в основных чертах сохранились в живых монгольских языках. Форманты первой группы в ряде случаев подвергаются процессу усечения с конца: *нахидаг* → *нахид*, *саримсаг* → *саримс*, *сараанаг* → *сараана* и пр. В бурятском языке в указанных формантах происходит видоизменение: мо. *-даг* // бур. *-дха*; мо. *-цаг* // бур. *-сга*.

⁸ Сложный аффикс возник в результате слияния формантов *-нау* и *-бчи*.

Лингвистами, занимавшимися аффиксальным словообразованием монгольских языков [Орловская, 1961; Порре, 1981; Дондуков, 1964, 1993; Будаев, 1978; Болд, 1986 и др.], как правило, большая часть рассмотренных выше аффиксов выделялась среди отглагольных и отыменных формантов (-хай, -дай, -сай, -саг, -маг, -лжин, -гана и др.), при этом выбирались лишь те примеры, производящая основа которых активно функционирует в современных монгольских языках в качестве самостоятельной словоформы.

В тюркологической литературе по этимологии словообразовательные форманты, в том числе оканчивающиеся на -q, как правило, наделяются теми или иными узкими специализированными значениями, развившимися в них на более поздней ступени развития языков. Так, «суффикс -maq выступает в качестве словообразовательного аффикса для образования от глаголов имен со значением орудия действия и рядом других значений, например, кармак ‘удочка’, токмак ‘колотушка’ и др. <...> аффикс -daq, -dik известен в значении места, признака» [Севортьян, 1966, с. 303, 304] и пр. Однако, на наш взгляд, прав Л. Н. Харитонов, утверждающий, что аффиксальные элементы образных слов «не являются обычными словообразовательными аффиксами, выражающими одно определенное понятие, а выполняют чисто формальную, словообразующую функцию» [Харитонов, 1954, с. 220].

Т. А. Бертагаев отмечает, что в бурятском языке суффикс -сог, -саг, как и в монгольском -цог, -цаг, объясняется некоторыми монголистами как суффикс, придающий слову уменьшительное и презрительно-уничижительное значение. Сам же автор считает, что значение этого суффикса едва ли можно свести только к уменьшительности и уничижительности. «Эти значения, хотя и присутствуют в нем, однако выступают не так выпукло, они несколько завуалированы и невыразительны. Так, слово довцог ‘бугор, холмик, пригорок, курган’ по сравнению со словом дов ‘бугор, холмик, кочка’ не содержит оттенка уменьшительности. Более того, оно называет предметы большие по размерам (высоте), чем предметы, обозначаемые словом дов» [Бертагаев, 1974А, с. 212].

Обширный пласт личных имен с аффиксами «группы *-dai*» свидетельствует в пользу того, что они все же служили для передачи уменьшительно-ласкательного оттенка экспрессии. В настоящее время из них активно функционируют лишь *-dai* и *-qai*. В целом необходимо заметить, что большая часть формантов имеет ограничения на тип основ, к которым они могут присоединяться. Свыше 60 % рассмотренных суффиксов действует только в сфере слов с яркой образной семантикой.

Выявленные первичные форманты, на наш взгляд, в большинстве случаев свидетельствуют о том, что слова, образованные с их помощью, относятся к исконно-монгольскому лексическому фонду. Это подтверждают и наблюдения К. А. Новиковой: «одним из аргументов в пользу исконности <...> является то, что среди производных встречаются слова с архаичными, ныне непродуктивными или ограниченно продуктивными аффиксами, которые не образуют производных от заимствованных слов» [Новикова, 1979, с. 71].

Таким образом, определение структуры монгольского корня, несомненно, продиктовано исследованием словообразовательных формантов, в результате «отсечения» которых извлекается информация о том, каким должен быть корень слова. При этом зачастую возникает трудность разграничения морфов в словах с аффиксами первой и второй групп. Например, согласный [m] в п.-мо. *sarmai* ‘летний сухой помет’ можно расценить и как ауслатный согласный корня, и как консонантную составляющую суффикса. В таких случаях значимым представляется наличие однокоренных слов: такие формы, как *sarmiday* – id., *sarmaycin* ‘обезьяна, мартышка’, *sarmii-* ‘становиться тонким и хрупким; разметаться руками, ногами’, п.-мо. *sarmayi-* ‘облезать’ позволяют говорить о функционировании корня **sarm*, соответственно *-ai* – аффикс.

Как известно, образные основы весьма продуктивны в сфере адъективной деривации. Наиболее продуктивным аффиксом образования образных прилагательных является *-yar*, который присоединяется к 94 % корней с

образной семантикой⁹. Известна версия Г. Рамстедта, согласно которой «в монгольских языках прилагательные на *-gir*, а позднее также и *-gar*, следует понимать как имена на *-r-* от глаголов на *-gi*; это *-gi-* в интервокальной позиции развилось в *-ji-*, а возникшие таким путем типы глаголов, выражающих состояние, на более позднем этапе развития языка характеризует в исходе основы *-aji-* (*-eyi-*), *-iji-*, *-uyi-*, нынешнее *-ai-*, *-i-*» [Рамстедт, 1957, с. 178].

Ц. Б. Цыдендамбаев выделяет в прилагательных на *-gar* суффикс *-p*, присоединяющийся к вторичной основе кинемато-изобразительных слов, т.е. *барбагар* < *барбага* + *-p* [Цыдендамбаев, 1958, с. 149].

Следует отметить, что при анализе субстантивных и адъективных производных с образной семантикой исследователи сталкивались с вопросом: что же является их производящей основой – сама образная основа либо глагольная основа, оформленная аффиксом *-ай*. Так, У.-Ж. Ш. Дондуков производит прилагательные на *-gar* от образных глаголов на *-ай* [1964]. Однако мы придерживаемся точки зрения Г. Д. Санжеева, отмечающего, что наличие многочисленных образных глаголов с суффиксов *-ай* и прилагательных с суффиксом *-gar* «позволяет некоторым авторам формулировать сравнительно легкое правило о том, что глагольные основы образуются также посредством суффиксов *-ай* и *-гана* от основы имен прилагательных, теряющим при этом конечный слог *-gar*, например, *папагана-* от *папагар*. Это правило, будучи удобным в методическом отношении, не является, конечно, правильным по существу, ибо с таким же основанием можно утверждать, что прилагательные образуются посредством суффикса *-gar* от глагольных основ, теряющих при этом свой конечный *-й*, например, *папагар* от *папай-*» [Грамматика, 1962, с. 182–183].

С ним солидарна М. Н. Орловская: «прилагательные с суффиксом *-gar* образуются от омертвелых корней, образующих также особый разряд

⁹ В связи с этим в данной работе образные корни даются в оформлении данного форманта. В случае отсутствия прилагательного на *-gar* приводится глагольная форма с суффиксом *-ay*.

глаголов на *-ай* (*-ий*, *-уй*, *-ой*), и обозначают отрицательные свойства или качества, а также форму, объем, размер, представляемые образно» [Орловская, 1961, с. 90].

Также словообразовательной активностью обладают форманты *-γai*, *-γ*, *-r*, *-ng*. Большинство производных с этим формантом *-r* параллельно функционируют в языке с прилагательными на *-γar*: *giljir//giljiger* ‘кривой’, *makir//makiγar* ‘изогнутый’, *tebker//tebkeger* ‘квадратный’. Лишь некоторые производные с *-γar* вышли из употребления: *dolir*, *kilar* ‘кривой, косой’ (нет прилагательных *doliγar*, *kilaγar*). Однако в некоторых случаях за производными с аффиксами *-γar* и *-r* закрепляются разные оттенки значения: *dongqiyar* ‘большоголовый; высокий и неудобный’, *dongqur* ‘имеющий головной убор большого размера’. Ряд производных имеет пары, оформленные аффиксами *-γ* и *-γar*: *köbküg//köbkügür* ‘пушистый, пышный’ и др.

В результате анализа прилагательных с затемненной образной семантикой, имеющих корневые доминанты *[r/m]*, было выявлено, что 30 % из них функционируют «в чистом виде»: *erke* ‘избалованный’, *qurča* ‘острый’, *urtu* ‘длинный’, *ori* ‘одинокий’, *tomu* ‘большой’, *sira* ‘желтый’, *qara* ‘черный’, *boru* ‘серый’, *yerü* ‘обыкновенный’, *börtü* ‘пестрый’, *berke* ‘искусный; тяжелый’, *şoru* ‘соленый на вкус’, *ümüki* ‘вонючий’. 22 % имеют показатель *-n*: *mergen* ‘мудрый; меткий’, *örgen* ‘широкий’, *türgen* ‘быстрый’, *qurdun* ‘быстрый’, *taryan* ‘жирный, тучный’, *nimgen* ‘тонкий’.

На долю прилагательных с суффиксом *-γu* приходится 11 %: *irayü* ‘благозвучный’, *čirayü* ‘тугой’, *türügüü* ‘передовой’, *čerbegüü* ‘далекий, удаленный’, *serigün* ‘прохладный’, *qarayü* ‘жадный’. В некоторой степени продуктивны суффиксы: *-γ* (14 %): *soruy* ‘короткий’, *oruy* ‘серый’, *turay* ‘большой’, *tarčiy* ‘неурожайный’, *qoriy* ‘чувствительный’, *arqay* ‘сильный’, *kireg* ‘скупой’ и *-ai* (10 %): *narmai* ‘просторный’, *qomqai* ‘жадный’, *šambai* ‘крепкий, плотный’, *ümükei* ‘зловонный’. И, наконец, ряд формантов имеет от 1 до 3 производных: *-l* (*qamiyal* ‘тучный’, *sarayul* ‘светлый’, *erügül*

‘трезвый’); *-m* (*bardam* ‘чванливый’); *-ngkei* (*yerüingkei* ‘общий’; *qarangγui* ‘темный’); *-deg* (*eremdeg* ‘одноглазый’). Как видно, среди перечисленных аффиксов встречаются те же представители, что и в среде субстантивных формантов, что, несомненно, свидетельствует об известном синкретизме семантики словообразовательных суффиксов в монгольском языке.

В области глагольной деривации, несомненно, ведущую роль играет формант *-ayü*, который образует глаголы состояния (в 90 % случаев) и «используется для обозначения того, что предмет обладает внешним видом (имеет форму), выраженным производящей основой, или находится в стадии становления образа» [Шагдаров, 1962, с. 113].

Среди выявленных в работе глаголов большая часть (70 %) непроизводна, т.е. не имеет словообразовательных формантов: *ere-* ‘воспалиться’, *örü-* ‘ставить в ряд’, *daru-* ‘давить’, *ǰru-* ‘рисовать’, *soru-* ‘сосать’, *tari-* ‘сеять’, *ǰотu-* ‘стоговать сено’, *tama-* ‘вить веревку’ и др. Следует отметить, что среди глаголов с яркой образной семантикой также встречаются подобные образования: *γuyibi-* ‘колебаться, качаться’, *geke-* ‘кивать головой’, *gilbi-* ‘ярко блестеть, сверкать’, *mata-* ‘сгибать, выгибать’, *tuγibi-* ‘шататься, качаться’, *qayibi-* ‘шатать; плавать (о водяных птицах)’ и др.

Кроме того, встречаются глагольные пары, в которых производящая основа либо оформлена формантом *-ayü*, либо нет. Анализ подобных пар показал, что значение и степень продуктивности производных глаголов в некоторых из них могут быть абсолютно идентичными: *γунхай-* ‘быть обворожительным’ / *γунха-* ‘быть грациозным’, *далий-* ‘кривиться’ / *дали-* ‘изгибаться’, *унжий-* ‘висеть, повиснуть’ / *унжи-* ‘отвисать, нависать’. Однако зачастую второй глагол из пары обладает более развитой семантикой: *дохий-* ‘становиться согнутым’ / *дохи-* ‘кивать, давать знак (рукой); дирижировать’ и др.

9 % рассмотренных в работе корневых морфем функционирует в оформлении суффиксов *-ra/-la* (*ǰimala-* ‘хотеть большего’, *ǰemle-* ‘обвинять; журить’, *imere-* ‘сучить нитки’, *ǰотǰура-* ‘пригибаться’, *ümirü-* ‘стягивать’,

nemür- ‘накинуть на себя’); 5 % – суффикса *-ya/-ya* (*qariya-* ‘ругать’, *irüge-* ‘благословлять’, *tamsiya-* ‘чавкать’, *oriya-* ‘обвертывать’).

Наибольший интерес представляют оставшиеся 16 % глаголов, в составе которых представлены согласные *[k/γ/g]*: *qamki-* ‘прикрывать’, *čimki-* ‘щипать’, *ümkü-* ‘откусывать’, *jirke-* ‘брезговать’, *yorgi-* ‘хвастаться’, *marγu-* ‘спорить’, *šarγa-* ‘противиться’, *kirγa-* ‘резать’, *sirge-* ‘испаряться’, *šörge-* ‘тереться’, *mörgü-* ‘молиться; бодать’, *berge-* ‘стесняться’, *jirγa-* ‘благоденствовать; гаснуть’, *ergi-* ‘кружиться’.

Возникает вопрос относительно статуса указанных согласных: либо они представляют собой служебные глаголы *ki-* ‘делать’, *ge-* ‘говорить’ (как в морфологически более прозрачных идеофонах *tas ge-* ‘хлопнуть, щелкнуть’, *angγas ki-* ‘разевать пасть’), либо они входят в состав корневой морфемы, моделируя конечную фазу, отголосок звучания. Сопоставление данных примеров с корнями схожей фонетической структуры в русском языке: *мельк-ать*, *щёлк-ать*, *морг-ать*, *порх-ать* заставляет склониться ко второму варианту решения.

Возможно, указанные вспомогательные глаголы развились именно из этих ауслатных согласных-«отголосков», постепенно приобретя способность функционировать самостоятельно. В таком случае можно предположить, что глаголы типа *qamki-* ‘прикрывать’ стали превращаться в аналитические конструкции: *qam ki-* ‘сделать *хам*’.

Следует отметить, что символическое значение согласных в аффиксах не затрагивалось в данной работе, целью которой было изучение корневых доминант *[r/m]*. Однако не вызывает сомнения тот факт, что звуковой состав аффиксальных морфем также содержат звукосимволический потенциал. В качестве наиболее яркого примера можно привести формант *-lʃ*, в котором плавный *[l]* передает плавный, спокойный характер протекания действия, аффриката *[ʃ]* – напряженный, в совокупности же они передают идею прерывисто-кратного действия. Именно поэтому он в основном образует

названия насекомых и растений. Звукоизобразительный потенциал звуков в составе словообразовательных, словоизменительных и формообразовательных аффиксов, безусловно, представляет собой интереснейший материал для исследования.

Глава II

Вербализация слухового восприятия

Семантическая классификация класса изобразительных слов в алтайских языках предпринималась разными исследователями, хотя необходимо отметить, что в основном в центре их внимания находились структурно-морфологические и синтаксические особенности данной категории слов. Так, по мнению Д. В. Бубриха, действительное содержание в изобразительных словах складывается на основе слухового, зрительного, либо на основе осязательного восприятия [Бубрих, 1948, с. 93]. Т. И. Петрова выделяет среди образных слов в нанайском языке слова, выражающие образные представления: 1) о внешнем виде предмета в состоянии покоя или движения; 2) о душевном состоянии; 3) о каком-либо явлении природы. «Словом, они картинно передают слуховые, зрительные, осязательные и другие впечатления» [Петрова, 1948, с. 522–523].

Л. Н. Харитонов делит корни образных слов на следующие типы: 1) корни звукоподражательного происхождения; 2) корни звуко-мимического происхождения. В звукоподражательных корнях образное значение возникает по связи с представлением того или иного звучания с физическими свойствами звучащего предмета. К корням звуко-мимического происхождения автор относит корни, возникающие как произвольные звукоиспускания при различном укладе органов речи и обозначающие главным образом мимику, мину лица [Харитонов, 1954, с. 219–220].

По классификации Л. Д. Шагдарова, звукоподражательный корень может быть подражанием звукам и шумам природы, крикам птиц, зверей, животных; звукам, сопровождающим разнообразную деятельность человека <...> Образные слова подразделяются на следующие группы: 1) образные слова, обозначающие представления о внешнем виде предмета и его образ в движении; 2) образные слова, передающие цвето-световые впечатления; 3) образные слова, выражающие внутренние ощущения и душевное состояние

человека; 4) образные слова, выражающие моментальное действие [Шагдаров, 1962, с. 467, 140].

В. И. Рассадин делит изобразительные слова по способу восприятия на следующие категории: 1) изобразительные слова слухового восприятия, или звукоподражательные; 2) изобразительные слова зрительного восприятия, или образные; 3) изобразительные слова сенсорного (чувственного) восприятия; 4) слова зрительного восприятия действия [Рассадин, 2008, с. 15]. Таким образом, большинством исследователей выделяются слуховое, зрительное и осязательное восприятия. Кроме того, выделялись группы слов, передающие световые явления и внутреннее состояние человека.

Данная глава посвящена анализу системы ономатопеических слов с корневыми согласными *[r/m]* в монгольских языках. Звуковая оболочка звукоподражательных слов формируется на основе акустических свойств природных звуков, хотя известно, что наборы фонетических средств для передачи одного и того же звучания в разных языках не совпадают.

Различные варианты классификации звукоподражательной лексики в целом сводимы к двум основным направлениям: по общим структурным элементам и акустическим качествам звуков (А. Фрелих, Х. Марчанд, С. В. Воронин, О. А. Казакевич и др.); по источникам звуков (А. М. Газов-Гинзберг, Н. И. Ашмарин, Н. М. Юсифов и др.). Мы не будем обращаться к данным акустики и психоакустики, поскольку, по замечанию А. Вежбицкой, научные данные из смежных областей «ценны в учебнике по физике, но когда их повторяют в лингвистических статьях и представляют как ответ на вопросы о значении, они только затуманивают дело и мешают реальному пониманию того, что имеют в виду люди, когда используют данные слова» [Вежбицкая, 1996, с. 234]. Хотя, безусловно, нейрофизиологические основы восприятия по праву могут считаться и важными, и интересными.

В данной работе выделено четыре лексико-семантические группы, отражающие общие типологические черты звукоизобразительной лексики монгольских языков:

1. звуки живой природы (крики, голоса, звуки млекопитающих, птиц, насекомых);
2. звуки человека (звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа);
3. звуки неживой природы (звуки природных стихий – воды, воздуха, огня, земли, – издаваемые без антропогенного воздействия, в том числе звуки осадков, состояния атмосферы и др.);
4. смешанный тип (в качестве источника звука могут выступать как животные, человек, природа, так и различные работающие механизмы).

Следует отметить, что подобное выделение носит достаточно условный характер, поскольку данные группы представляют собой диффузные структуры.

2.1. Звукоподражательные возможности согласного [r]

Рассматриваемый в данной работе ртовый, переднеязычный, дрожащий сонант [r] обладает чрезвычайно широкими звукоподражательными возможностями в изображении как длительных, так и кратковременных дрожащих шумов, благодаря колебательным движениям языка в момент артикуляции звука. По утверждению С. В. Воронина, данный согласный в корне ономатопов «всегда, без каких-либо исключений звукоизобразительно валентно и неизменно выполняет звукоизобразительную функцию отражения так называемого чистого диссонанса – дрожания, дробного звучания, серии быстрых ударов. <...> Индонезийский корневой *r* более чем в 1/3 случаев (37 %) выполняет единственно эту функцию: *ker(e)tap* ‘звук с силой захлопываемой двери; звук выстрела, взрыва’, *derap* ‘треск суставов, звук винтовочного выстрела’ и др.» [Воронин, 1982, с. 115].

ЛСП «Животный мир»

Ономатопы, передающие рычание, рев животных, восходят к корням **ar/ir/or/ur/kir/kür/yar/bar/bor*: п.-мо. *arkira*- ‘лаять’ [Kow. 163], мо. *архир*-, бур. *архир*-, ойр. *аркир*- ‘рычать, ворчать; огрызаться; упрямитесь’; пкл.-мо.

irkira- [Tum. 418], ср.-мо. *firqira-* ‘реветь’ [МА 169], п.-мо. *irkire-* ‘ворчать, лаять’ [Kow. 326], бур. *эрхир-* ‘рычать’, ойр. *иркире-* ‘рычать, ворчать (о собаке)’; п.-мо. *orkira-* ‘мычать, рычать, реветь’ [Kow. 473], бур. *орхир-* ‘рычать, реветь (о животных)’, п.-мо. *ord* [Kow. 465], мо. *орд* – о реве тигра, бур. *ур-ар гэ-* ‘ворчать (о собаке)’. В других алтайских языках встречаются ономатопы: кир., алт. *ырқыра-*, каз., ног., тат., башк. *ырылда-* ‘рычать, ворчать (о собаке)’ [ЭСТЯ, 1975, с. 664]; ма. *ор* ‘рев (тигра)’, эвенк. *орт-* ‘рычать (о медведе)’ [ССТМЯ, 1977, с. 23].

С анлаутными согласными функционируют следующие ономатопы: ср.-мо. *küirkire-* [МА 230], пкл.-мо. *küirkire-* [Tum. 460], п.-мо. *küirkire-* [Kow. 2653], мо. *хурхрэ-* ‘рычать, реветь (о зверях)’, бур. *хэрхир-*, дунс. *хэрили-* ‘ворчать, рычать, урчать (о собаке)’¹⁰, п.-мо. *quird* [Less. 988], мо. *хурд-хард* служит для выражения звука нападения собаки; бур. *хир-хир хуса-* ‘лаять’, мо. *хиар хир* – о крике хищных зверей; п.-мо. *yarki-*, мо. *ярхий-* ‘рычать’, бур. *яржагана-* ‘скалить зубы (о собаке)’. Корни **čar/čor/yor* передают подражание лаю, тьявканью щенка, маленькой собачки: мо. *цар цар гэ-*, *чор чор гэ-*, бур. *яр-яр, ёр-ёр хуса-*. Согласный [b] представлен в анлауте ойр. *баржсиңна-* ‘издавать грозный рев (о тигре)’; п.-мо. *boryu-*, мо. *борго-* ‘упорно лаять’, бур. *боро-* ‘гавкать, набрасываться с лаем’. Ср. як. *бардырҕаа-* ‘рывать’, *орулаа-* ‘хрипло реветь, рывать’; ма. *кур сэмэ* ‘рыча (о тиграх и других зверях, отзывающихся друг другу)’, нан. *хэр-р* – о рычании [ССТМЯ, 1975, с. 438].

Корни **qar/qor/kür/bor/bür* могут характеризовать звуки, издаваемые другими домашними животными: п.-мо. *borkira-*, мо. *борхиро-*, бур. *бүрхир-* ‘реветь, мычать (о быках)’, бур. *борхор-* ‘реветь (о верблюжонке)’; п.-мо. *qorjgina-* [Less. 970], *qorčigina-*, мо. *хоржигно-*, *хорчигно-*; бур. *хоршогоно-*, калм. *хоржсн-*, ойр. *хоржсиңна-* ‘хрюкать; мурлыкать’; п.-мо. *kürjgine-*, мо.

¹⁰ Мо. **хэр* соответствует рус. **рык*: *рык-ать, рыч-ать, рык-нуть, рык-ивать*.

хуржигнэ-, бур. *хэршэгэнэ-* ‘мурлыкать’; п.-мо. *qur-qar*, мо. *хур-хар гэ-*, бур. *хур-хар гэ-* ‘хрюкать’.

Ср. эвенк. *мор-* ‘реветь, рычать (о звере)’, *мурэкэ* ‘самка дикого оленя; корова’; ороц. *мура-*, ульч. *мура-*, орок. *мура-*, ма. *мура-* ‘кричать; реветь, рычать’, нан. *морало-* ‘закричать, раскричаться’; эвен. *ниргь-* ‘блеять (о диком баране); хоркать (об олене); рычать’ [ССТМЯ, 1975, с. 546–547, 599], сол. *ш'уркирā-* ‘хрюкать’ [ССТМЯ, 1977, с. 426]. Как видно, в анлауте т.-ма. форм представлены согласные [m/n], которые не характерны для зоофонов со значением ‘реветь, рычать’ в монгольских языках.

Значения ‘грызть; громко жевать (о жвачных животных)’ в монгольских языках реализуются с помощью корней **mer/ker*: п.-мо. *mere-* [Less. 536], мо. *мэр-*, бур. *мэрэ-*, калм. *мер-*, ойр. *мере-* ‘грызть, раскусывать зубами что-л.’; бур. *хэр-хэр ногоо зулгаа-* ‘звучно срывать траву (о скоте)’, баргуз. *хэрэ-* ‘грызть’, мо. *хэрэлд-* ‘грызться (о собаках)’¹¹. Интересную версию происхождения лексемы предлагает Ц. Хасбаатар. Согласно его мнению, глагол *mere-* ‘грызть’ появился в монгольских языках в результате исторического процесса выпадения начальной гласной из *ömere-* ‘отрываться, отламываться’, поскольку «‘грызть’ значит ‘отрывать мясо от кости’» [Хасбаатар, 1999, с. 87–88].

Ср. в тюркских языках: як. *кэрбээ-*, алт. *керт-*, хак. *керт-* ‘грызть (о грызунах)’ [ЭСТЯ, 1997, с. 54], эвенк. *киргэ-*, эвен. *қиргь-*, ульч. *киркичу-*, нан. *кэркиэли-* ~ *кэркэли-* ‘грызть (о мышах, крысах)’; ороц. *кэр-кэр* ‘с хрустом (грызть кость; дерево)’ [ССТМЯ, 1975, с. 398, 453], ма. *фурги-* ‘грызть (о мышах, крысах)’ [ССТМЯ, 1977, с. 303], а также нан. *карох-карох* ‘хрустеть на зубах (об овощах, фруктах)’; *кэрус-кэрус* ‘хрупнуть, хрустеть при выжевывании сена, овса (о лошадях, коровах)’ [Киле, 1972, с. 107, 126].

¹¹ Русский глагол *грызть* также содержит корневой кластер [gr] и восходит к праслав. форме, от которой также произошли: ст.-слав. *грызѣж*, укр. *гризти*, болг. *гриза*, сербохорв. *гpизеѣм*, *гpиѣти*, словенск. *grízem*, *grísti*, чешск. *hryzu*, *hrýzt*, словацк. *hrýzt'*, польск. *gryść*, в.-луж. *hryzac'*, н.-луж. *gryzas'*. Родственно лит. *gráužiu*, *gráužti*, латышк. *grāūzt* [Фасмер, 1964, с. 466].

По всей вероятности, звукоподражания со значением ‘грызть’ стали основой для номинации некоторых представителей рода грызунов: п.-мо. *keremü* [Kow. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрмэн*, калм. *кермн*, ойр. *кермен* ‘белка’; п.-мо. *kereljegene* ‘полевая мышь; землеройка’ [Kow. 2508], мо. *хэрэлзгэнэ* ‘полевая мышь; полевка’; бао. *харта* ‘крот’, п.-мо. *qarqa*, мо. *харх* ‘крыса’, бур. *харха* ‘крот; крыса’. По мнению Б. Хабтагаевой, последняя лексема образована с помощью суффикса *-ха* от прилагательного *хар* ‘черный’ [Khabtagaeva, 2001, p. 136]. В п.-мо. *sarkityan-a*, мо. *сархитгана* [оготно] ‘полевка обыкновенная’ корень **sark*, скорее всего, также воспроизводит звуки, издаваемые мышами, поскольку образные значения корня ‘разинутый; пористый’ не применимы к внешнему виду данного представителя отряда грызунов.

Б. И. Татаринцев допускает сопоставление тув. диал. *мерге* ‘горная пищуха (грызун)’ с мо. *мэр-* ‘грызть, раскусывать зубами’ [Татаринцев, 2008, с. 113]. Подобные названия подтверждают то, что «среди многочисленных воспринимаемых стимулов, идущих от животного, человек ищет яркий признак, который характеризовал бы животное в наиболее типичной форме, имея способность помечать его и вызывать в памяти» [Михалев, 1995, с. 49].

Звуки, издаваемые птицами, передаются посредством корней: **jir/čor/šür/qar/qur/γur/dor*. Глагол п.-мо. *qarkira-*, мо. *хархир-* ‘кричать’ без труда угадывается в п.-мо. *qarkira* ‘журавль пепельного цвета’ [Kow. 850], мо. *хархираа* ‘серая цапля’, поскольку эти птицы обладают резким, хриплым и каркающим криком. Турк. диал., тур., узб. *қарқара*, кир. *қарқыра*, уйг. *қақира* ‘цапля; журавль; название большой птицы, страус’ Д. Х. Базарова также относит к словам звукоподражательного происхождения, с чем соглашается Л. С. Левитская [ЭСТЯ, 1997, с. 307]. Ма. *қаралжі* ‘черная цапля’, орок. *киру* ~ *кируэ* ‘журавль’ [ССТМЯ, 1975, с. 379, 399], возможно, также восходят к ономатопам.

Для именованья вороны в монгольских языках используется корень **ker*: ср.-мо. *keri'ē* [MA 220], *kere'e* [SH], пкл.-мо. *kerege*:, *keriy-e* [Tum. 445], п.-мо.

keriy-e [Kow. 2513], мо. *хэрээ*, бур. *хирээ*, калм. *керэ*, ойр. *керээ*, орд. *kerē*, даг. *xerē*, ж.-уйг. *kərī*, мнгр. *kərē* [EDAL 691] ‘ворона’, хотя в современных языках карканье вороны передается звукосочетанием *гуаг-гуаг*, *гуага-гуага*. В общетюрк. *қарға*, представляющем собой родовое название птиц семейства вороновых (вороны, галки, грача), многие исследователи признают звукоподражательное происхождение [ЭСТЯ, 1997, с. 304]. В Алтайском словаре Пмонг. **kerije* и Птюрк. **KArğa* даются вместе, при этом подкрепляясь параллелями: Птунг. **kori* ‘мифическая птица (медиатор)’, Пяп. *kara-su* ‘ворона’, Пкор. **kār-* ‘ворона, галка’ [EDAL 691].

П.-мо. *qur* [*γyryuul*] [Kow. 950], мо. *хур* [*γyрγуул*], бур. *хура*, калм. *хур* ‘тетерев’; п.-мо. *čorkiruu*, мо. *цорхируу(н)* ‘рябчик’ связаны с тем, что голос токующего тетерева или рябчика представляет собой звучное переливное бормотание, несколько напоминающее усиленное воркование: п.-мо. *čorkiralja-*, мо. *цорхиролзо-* ‘токовать, особым криком подзывать самку’. Г. Рамстедт сравнивал кир. *qur* с мо. *qora*, *qoru* и тунг. *horokî* ‘глухарь’. По предположению Л. С. Левитской, в тюркские языки *қур* ‘тетерев; куропатка; глухарь’ попало из монгольских, о чем косвенно свидетельствует ареальный характер *қур* в тюркских языках. Д. Х. Базарова возводит *қур* к звукоподражательной основе *қур*, выделяемой в узб. *қурилла-* ‘клокотать, курлыкать’ [ЭСТЯ, 2000, с. 155–156].

В Алтайском словаре Пмонг. **kur* сопоставляется с Птунг. **Küirekte* ‘дятел’ и Птюрк. **Körtük* ‘вальдшнеп; индюк; тетерев’ [EDAL 707]. В т.-ма. языках также представлены: эвенк. *пуртакāн* ‘глухарь (маленький)’; *horokb* ‘тетерев, глухарь; боровая птица вообще’, эвен. *хорики* ‘глухарь, тетерев; рябчик’, нег. *хојохb* ‘глухарь, тетерев (самец)’, ороч. *поро*, ульч. *поро*, орок. *поро*, ма. *хорки* ‘глухарь, тетерев’; эвенк. *хурки*, нег. *хујки* [**хурки*] ‘тетерка, глухарь (самка)’, ороч. *ōкина* [**хоркина*] ‘рябчик (черный)’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 334, 353]¹².

¹² Среди приводимых тунгусо-маньчжурских и тюркских соответствий могут встречаться заимствования.

Звукоподражательное происхождение имеет название другой птицы отряда куриных: ср.-мо. *xurqa' ul* [НУ 14], п.-мо. *kirγuul*, *γurγuul* ‘горная курица; фазан’ [Kow. 2552, 1039], мо. *γурγуул*, калм. *hуrһул*, ойр. *hуrһуул*, орд. *GurGūl*, даг. *xorgōl*, бао. *golGor*, мнгр. *ćirGū*, *GurGul* [EDAL 542] ‘фазан’. Бур. *γурга-* ‘щебетать (о птицах)’ «угадывается» в п.-мо. *γurγaldai*, мо. *γургалдай*, ойр. *hуrһуулдаа* ‘соловей’, бур. *γургалдай* ‘болотный соловей; редк. соловей’. Ср. кбалк. *gerge* ‘жаворонок’; ульч. *урγума*, нан. диал. *орγума*, ма. *улхума* ‘фазан’ [ССТМЯ, 1977, с. 283].

Корень **jīr* передает писк цыплят, чириканье, пение, свист птиц: п.-мо. *ǰar ǰar*, *jīr jīr* ‘щебетание птичек’ [Kow. 2300, 2358], мо. *жир жир жиргэ-*, *жар жур хий-* ‘щебетать, журчать’, бур. *жэр-р-жэр-р* – о пении жаворонка; мо. *жирхрэ-* ‘щебетать, чирикать’; п.-мо. *jīrgi-*, мо. *жиргэ-*, бур. *жэргэ-*, калм. *жирг-* ‘чирикать, щебетать, разливаться’. Отсюда п.-мо. *jīrgemer [biljuiqai]* [Less. 1060], мо. *жиргэмэл* ‘пташка, пичужка; птенец’, бур. *жиргэмэл* ‘жаворонок’. Ср. ма. *ǰар ǰир* – о чирикании, *ǰир ǰи чичикэ* ‘чижик’, *ǰи ǰирган* ‘стриж, ласточка’ [ССТМЯ, 1975, с. 253], ороч. *сирэ* ‘соловей’; эвенк. *тирги-* ‘трещать (о птицах)’, *тигривкб* ‘голубь (лесной)’; нег. *чири* ‘козодой (ночная птица)’ [ССТМЯ, 1977, с. 97, 187, 399]. Возможно ономотопеческое происхождение тюрк. орнитонима *серче* ‘воробей; какая-то птица; синица’, для которого А. В. Дыбо восстанавливает праформу **sErçä* [ЭСТЯ, 2003, с. 268].

П.-мо. *šürkei*, мо. *шүрхий*, бур. *шүрхы* ‘чирок (утка)’ так же, как и рус. *чирок* можно связать «как звукоподражательное с *чирикать*» [Фасмер, 1973, с. 366]. Лексема сопоставляется авторами Алтайского словаря с т.-ма. и тюрк. формами с анлаутным [t]: Птунг. **tarmī* ‘вид утки’; Птюрк. **tArakaj* ‘бекас; ястреб; вид жаворонка; утка-кречетка; коростель; крохаль’ [EDAL 1405–1406]. Участие данного согласного в образовании орнитофонов отмечено в монгольских и т.-ма. языках: п.-мо. *torlu-*, мо. *торло-*, калм. *торл-*, ойр. *торла-* ‘петь, чирикать, щебетать (о птицах)’; сол. *төр;-* ‘гоготать (о гусях)’,

эвен. *тjрэ*- ‘петь, щебетать, ворковать (о птицах)’, нег. *теj*;- ‘ворковать (о голубях)’. Корень **dorj*, прослеживающийся в бур. *доржогоно*- ‘чирикать (о воробьях)’, дал баргуз. *доржоохой* ‘воробей’.

Корни **čar/čer/čir/čor/jir/tar/dar* служат для подражания стрекоту некоторых насекомых (кузнечиков, цикад, саранчи и др.): п.-мо. *čir-čir*, мо. *чар-чар гэ*-, мо. *цар цар гэ*;-; п.-мо. *čer čer ki*-, мо. *цэр-цэр хий*-, бур. *сэр-сэр гэ*;-; п.-мо. *jirkire*- [Kow. 2221, 2370], мо. *жирхрэ*- ‘стрекотать’; п.-мо. *tarčigina*-, мо. *тарчигна*-, бур. *таршагана*- ‘трещать, стрекотать’; п.-мо. *čorgi*- ‘жужжать’. Ср. тур. *жyржyр* – о стрекотании кузнечика [СИГТЯ, 1988, с. 518], ма. *сар сар сэмэ* ‘жужжа (о насекомых)’ [ССТМЯ, 1977, с. 65].

От данных корней образованы следующие названия насекомых: п.-мо. *čarča* [Kow. 1681, 2115], мо. *царцаа(н)*, кяхт. *сарсаа*, ойр. *царцаа*, орд. *жyрчā*, даг. *čārčān*, бао. *жyGжyG*, ж.-уйг. *čarčaGī*, мнгр. *čārжyG* [EDAL 1214] ‘хлебная кобылка, род саранчи’; п.-мо. *čarčaqaí* [Kow. 2113], мо. *царцаахай*, калм. *царцаха*, ойр. *царцаахаа* ‘саранча’; п.-мо. *jirkirege*, мо. *жирхрээ* ‘цикада’, ойр. *жyргерээ* ‘саранча’; п.-мо. *tarča* ‘саранча’ [Less. 715], бур. *таршаа*, баргуз. *таршааг* ‘кузнечик, кобылка’, бур. зап. *даржагануур* ‘саранча’.

Пмонг. **čarča* имеет надежные алтайские параллели имитативного происхождения: Птюрк. **sarinčga* ‘саранча’, Пкор. **čānčárá* ‘стрекоза’ и Пяп. **sunsu-musi* ‘вид сверчка’. Авторы EDAL не исключают заимствованный из монгольских языков характер единичной формы ма. *чачараку* ‘саранча’ [EDAL 1213–1214], в то время как ма. *жyргима* ‘кузнечик’ [ССТМЯ, 1975, с. 252], ма. *сарна* ‘стрекоза, кобылка травяная’ [ССТМЯ, 1977, с. 66] представляются автохтонными терминами. Л. С. Левитская, учитывая распространение в разных языках семантической модели ‘прыгающий’ < ‘кузнечик, саранча’, склонна произвести тюрк. *сарычга* от глагола *сачыр*- ‘прыгать’ [ЭСТЯ, 2003, с. 227].

Таким образом, зоофоны в монгольских языках реализуются посредством следующих корней.

Типы корней, формирующих ЛСП «Животный мир»

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/у</i>	<i>ö/ü</i>
\emptyset	<i>ar, ark</i>	–	<i>irk</i>	<i>ur, ork ord</i>	–
<i>y</i>	<i>yark, yarĵ</i>	–	–	<i>yor</i>	–
<i>ĵ</i>	<i>ĵar</i>	–	<i>ĵir, ĵirk</i>	–	–
<i>č</i>	<i>čar, čarč</i>	<i>čer</i>	<i>čir</i>	<i>čor, čork</i>	–
<i>š</i>	–	–	–	–	<i>šürk</i>
<i>s</i>	–	–	–	–	–
<i>q/k</i>	<i>qar, qarq, qard</i>	<i>ker, kem</i>	<i>kir, kirk</i>	<i>qur, qurd qorĵ, qorč</i>	<i>kürk, kürĵ</i>
<i>γ/g</i>	–	–	–	<i>γurγ</i>	–
<i>d</i>	–	–	–	<i>dorĵ</i>	–
<i>t</i>	<i>tarč</i>	–	–	<i>tor</i>	–
<i>b</i>	<i>barĵ</i>	–	–	<i>bor, borq</i>	<i>bürk</i>
<i>p</i>	–	–	–	–	–
<i>m</i>	–	<i>mer</i>	–	–	–
<i>n</i>	–	–	–	–	–

Как видно из таблицы, при свободном вокалическом чередовании в анлауте чаще всего встречаются согласные $[q/k/\gamma/g]$ – 34 %, $[j\check{c}/\check{s}/y]$ – 31 %, $[b]$ – 10 %, $[t/d]$ – 7 %, $[m]$ – 2 %. По частотности в ауслаутной позиции также первое место отводится $[q/k/\gamma/g]$ – 32 %, $[j\check{c}]$ – 20 %, $[d]$ – 3 % и $[m]$ – 1 %. При этом 40 % корней данного поля функционируют без ауслаута, 16 % – без анлаута.

ЛСП «Человеку»

Как отмечалось выше, антропофоны рассмотрены нами с двух позиций: звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа. К первым относятся так называемые интракинеммы, под которыми С. В. Воронин понимает рефлекторные и «выразительные» движения, сопровождающие «внутренние» процессы в сфере сознания человека. Исследователь выделяет 36 типов фоноинтракинем, содержащих «звуковой (фонический) компонент, который, однако, в них вторичен, произведен; принципиальные особенности их определяются не им, а артикуляторным компонентом» [Воронин, 1982, с. 74].

Из выделенных автором типов фоноинтракинем доминанта $[r]$ представлена в следующих:

- 1) фырканы: бур. *хур хар гэ-*, п.-мо. *turgi-* [Less. 843], мо. *турги-*, бур. *турья-* ‘фыркать’; п.-мо. *per per*, мо. *нэр нэр* ‘фр!’ (подражание звукам фырканы), бур. *нэришэгэнэ-* ‘фыркать’; баргуз. разг. *пурсагад гэ-* / *пурсаганиш гэ-* ‘умереть’ < ‘испустить дух / последний вздох *нур-р-с*’. Ср. каз. *мырс-* ‘фыркнуть, прыснуть (о смехе)’ [Кайдаров, 1986, с. 263]; ма. *турги-* ‘фыркать, храпеть’ [ССТМЯ, 1977, с. 186];
- 2) храп: п.-мо. *qorjgina-*, *qorčigina-*, мо. *хоржигно-*, *хорчигно-*, бур. *хоршогоно-*, калм. *хоржңн-*, ойр. *хоржңңна-*; п.-мо. *qirkira-* [Less. 990], мо. *хурхир-*, бур. *хорхир-*, *хурхир-*, калм. *хүркүр-*, ойр. *хоркила-*, *сурхир-* ‘храпеть’. Ср. каз. *қор ете қалу-* ‘всхрапнуть, захрапеть’ [Кайдаров, 1986, с. 247]; эвенк. *корги-*, *қор сэмэ* ‘храпеть (во сне)’ [ССТМЯ, 1975, с. 415], эвенк. *эрким-*, эвен. *эркүкэн-* ‘дремать’ [ССТМЯ, 1977, с. 465];
- 3) хрип: п.-мо. *bargi-*, мо. *барги-* ‘сипеть, хрипеть’; п.-мо. *kerjigine-*, мо. *хэржигнэ-*, бур. *хэришэгэнэ-* ‘хрипеть (о мокроте в груди)’; мо. *хир-хар* ‘хрипение в горле’; п.-мо. *kirkira* ‘харкотина’ [Kow. 2550], *kirkire-*, мо. *хирхрэ-* ‘страдать хроническим бронхитом’; хорин. *хорхируу* ‘круп’. Как известно, круп, иначе острый ларингит или ларинготрахеит, сопровождается охрипlostью голоса, кашлем и одышкой¹³. К ономатопам также следует отнести ср.-мо. *čer* [MA 132], п.-мо. *čer* [Kow. 2128], мо. *цэр*, бур. *сэр* [*мэнгир*], калм. *cer*, орд. *čir*, даг. *čire* ‘слизь, мокроты’ [EDAL 434]. Ср. каз. *сыр* ‘хрип, хрипота’ [Кайдаров, 1986, с. 279];
- 4) кашель: п.-мо. *ker ker ge-*, мо. *хэр хэр гэ-* ‘кашлять’¹⁴. Ср. каз. *күрк-күрк жөтел-* ‘кашлять постоянно с хрипом’ [Кайдаров, 1986, с. 233], як.

¹³ Второе значение бур. *хорхируу* ‘диарея’ сопоставимо с эвенк. *кори* ‘понос’ [ССТМЯ, 1975, с. 415]. П.-мо. *čür*, мо. *цүр* – звук, издаваемый при вздутии живота, п.-мо. *qurčigina-*, мо. *хурчигна-* ‘урчать’ коррелируют с «гур. *сүр-* ‘иметь понос’, гаг. *сүр-* ‘расстраиваться (о кишечнике)’» [ЭСТЯ, 2003, с. 394].

¹⁴ П.-мо. *qaniya-*, мо. *ханиа-*, бур. *ханяа-*, калм. *ханя-*, ойр. *ханяаа-* ‘кашлять’ восходит к ономотопу **qan/qang*: п.-мо. *keng qang* – о кашле многих [Kow. 2447]. Согласный [k] представлен в рус. *кашлять*, польск. *kaszlać*, чешск. *kašlat*, эст. *kõhima*, лит. *kosėti*, англ. *cough*, [h] – в нем. *husten*, шведск. *hosta*, нид. *hoesten*.

- күрдүргээ*- ‘кашлять’; ма. *қорқон-қорқон сэмэ* ‘кха-кха (бесперывный кашель)’ [ССТМЯ, 1975, с. 415];
- 5) дыхание с присвистом: п.-мо. *sürkire*-, мо. *сүрхрэ*-, калм. *сүркр*-, ойр. *суркир*- ‘свистеть (о дыхании спящего человека)’; п.-мо. *šorkira*- [Less. 756], мо. *шорхиро*-, бур. *шорхир*- ‘неровно дышать, сопеть’. В основе названия болезни п.-мо. *süriy-e*, мо. *сүрьеэ* ‘туберкулез’ лежит звук дыхания больного человека, сопровождающегося присвистом: *сүр-сүр*;
- б) всасывание ртом жидкости: пкл.-мо. *soru*- [Tum. 551], п.-мо. *soru*- [Kow. 1413], мо. *сор*-, бур. *һоро*-, калм. *сор*-, ойр. *соро*-, орд. *soro*-, ж.-уйг. *soro*- [EDAL 1275] ‘втягивать в себя; сосать’. Более прозрачно звукоподражательное начало в корне **šurd*: бур. *шурд гэтэр һоро* ‘звучно потягивать’. Ср. ма. *ф'ор сэмэ* ‘хлебная, потягивая в себя’ [ССТМЯ, 1977, с. 301]. Дж. Клосон склонен видеть в монгольском соответствии тюркское заимствование: *со:р*- ‘сосать, высасывать, втягивать (всасывая)’, что подтверждается, по мнению Л. С. Левитской, достаточно ранней фиксацией *со:р* в тюркских памятниках и множеством производных [ЭСТЯ, 2003, с. 334]. Как отмечает С. В. Воронин, кинема всасывания ртом жидкости имеет значительное сходство с артикуляцией в первую очередь таких звуков речи, как глухой свистящий или шипящий: в том и другом случае участвует передняя часть языка, которая соприкасается с небом по бокам, оставляя узкую щель посредине; может происходить также поднятие к небу средней части языка. Отсюда международность анлаута /s-/ в обозначениях всасывания. Ср. англ. *suck* ‘сосать, высасывать’, *sup* ‘отхлебывать; ужинать’ [Воронин, 1982, с. 91]. Губной открытый гласный [o] в алтайских языках отображает форму губ при всасывании воздуха или жидкости;
- 7) плач, вой: п.-мо. *orila*- [Less. 619], мо. *орил*-, бур. *орил*- ‘плакать, рыдать’; п.-мо. *orkira*-, мо. *орхир*-, бур. *сорхир*-, калм. *оркр*-, ойр. *оркил*- ‘рыдать, реветь’; п.-мо. *iryala*- ‘рыдать, всхлипывать, плакать (от

сильной боли, печали)’ [Kow. 320]. Т.-ма. формы: эвенк. *баркирā-*, сол. *баркирā-*, ма. *бајқара-* ‘реветь, кричать’ рассматриваются как монголизмы [ССТМЯ, 1975, с. 75], ср. орок. *нэрэгду-* ‘плакать, рыдать’, ма. *порпон парпан сэмэ, фирфин фирф’ан, фирфун ф’арфин, фурфун фарфан* ‘плача, рыдая’ [ССТМЯ, 1977, с. 48];

- 8) громкий крик: мо. *бар бар* ‘шум-гам (гул от множества голосов)’, бур. *ори-бархи* ‘крики-вопли’; п.-мо. *orila-*, мо. *орил-*, бур. *орил-* ‘кричать, орать’; п.-мо. *čirla-*, мо. *чарл-* ‘кричать, орать; визжать; вопить’, п.-мо. *čirkire-*, мо. *чирхр-* ‘орать’, п.-мо. *čor*, мо. *цор-цор хий-*, п.-мо. *čorgi-* ‘петь, кричать’ [Kow. 2221], мо. *цорги-* ‘устраивать гвалт, галдеж’; мо. *цур-цур хий-*, п.-мо. *čurkira-*, мо. *цурхирэ-* ‘кричать, галдеть’; п.-мо. *gürd*, мо. *гүрд хий-* ‘кричать без толку; горланить’; п.-мо. *küirkire-*, мо. *хүрхрэ-*, бур. *хүрхирэ-* ‘кричать’; п.-мо. *darbi-* ‘кричать; шуметь нестройно’ [Kow. 1680], мо. *дарви-* ‘кричать, орать’; бур. *дүрье-*, калм. *дүрге-*, ойр. *дүрге-* ‘создавать шум-гам’;
- 9) ворчание: п.-мо. *γar γar ki-*, мо. *гар гар хий-*, бур. *хүр хар гэ-* ‘ворчать, брюзжать’. Ср. ма. *гэр сэмэ* ‘болтовня’, *г’арг’ан сэмэ* ‘ворчливо, брюзжа’ [ССТМЯ, 1975, с. 180, 253];
- 10) рвота: п.-мо. *ord*, мо. *орд* выражает звук, издаваемый при рвоте¹⁵. Ср. ма. *ор* – звук рвоты [ССТМЯ, 1977, с. 23].

Глаголы говорения, функционирующие в монгольских языках, рассмотрены нами в зависимости от фонетической структуры звукоподражательного корня, хотя, несомненно, изучение данной категории глаголов в функционально-семантическом, лингвокогнитивном, лингвокультурологическом аспектах представляет немалый интерес.

Звукоподражательная семантика глагола говорения, обозначающего однонаправленное действие, п.-мо. *yari-* [Less. 429], мо. *яри-*, бур. *яри-*, ойр.

¹⁵ П.-мо. *bögelj̆-*, мо. *бөөлжи-*, бур. *бөөлжэ-*, калм. *бөөлжэ-*, ойр. *бөөлжи-* ‘рвать, блевать’ также образован от звукоподражательного корня **böge* с помощью аффикса *-lj̆*, передающего прерывисто-кратные действия.

йара- ‘говорить, разговаривать, беседовать’ становится очевидной благодаря сопоставлению со следующими формами: калм. *яр-яр ги*- ‘переговариваться’, бур. *яр-яр дуугар*- ‘говорить неприятным голосом’, *ярд гэ*- ‘говорить пронзительно, крикливо’; п.-мо. *yargi*-, мо. *ярги*- ‘шуметь, галдеть; надоедать’; п.-мо. *yarki*-, мо. *ярхий*- ‘спорить, браниться, гневаться’; *ёрд-ёрд гэлдэ*- ‘говорить отрывисто и резко (о людях)’; п.-мо. *yorgi*-, мо. *ёрги*- ‘хвастаться, кичиться’. Как видно из примеров, первоначально корень **yar* соотносился с резкими, неприятными звуками, издаваемыми людьми, затем стал обозначать речевую деятельность людей в целом¹⁶.

Пкл.-мо. *јар* [Тум. 424], п.-мо. *јар* ‘приказ, обнародование’ [Ков. 2300], мо. *зар*, бур. *зар*, калм. *зар*, ойр. *зар* ‘объявление, извещение’, по утверждению Э. В. Севортяна, является тюрко-монгольско-маньчжурской формой: тюрк. *жар* ~ *йар* ~ *чар* ‘клич; извещение; крик, рев, плач’ принадлежит классу древнейших общетюркских лексических основ <...> Односложная лексическая основа или корень *жар* звукоподражательного происхождения: ср. тур. *carcar* ‘болтун’ (восходящее к омофонному подражанию чириканью, щебету птиц), як. *сар* (имитирующее разные шумы, например, высекая огонь), ма. *јар* ‘крик (при работах и поднимании чего-л. артелью)’ [ЭСТЯ, 1989, с. 19–20].

К этому же корню восходят ср.-мо. *јarliq* [МА 203], пкл.-мо. *јarliy* [Тум. 424], п.-мо. *јarliy* [Ков. 2306], мо. *зарлиг*, бур. *зарлиг* ‘указ, приказ; повеление, веление, ярлык’; пкл.-мо. *јарay* [Тум. 424], п.-мо. *јaryu* ‘тяжба, процесс между истцом и ответчиком’ [Ков. 2305], мо. *зарга*, бур. *зарга*, калм. *зарһ*, ойр. *зарһа* ‘жалоба, иск, тяжба; претензия, сетование’. Привлекают внимание парные образования калм. *зарһ зэрг* ‘суд; жалоба;

¹⁶ Ср. англ. *yerr* ‘издавать неприятный звук, крик’. Известно, что в русском языке зачастую иноязычную речь передают с помощью звукоподражания *гыр-гыр-гыр*. Слово *варвар* происходит от др.-греч. *βάρβαρος* ‘негреческий, иноземный’, которое, как известно, имеет звукоподражательное происхождение.

тяжба’, п.-мо. *kereg jariy* ‘дела вообще; почтение, уважение, вежливость (оказываемая высшей особе); молебствие’ [Kow. 2301, 2510], мо. *хэрэг зарга* ‘судебные дела, тяжбы’, подтверждающие, на наш взгляд, тот факт, что в ср.-мо. *kereg* [LH], *kerek* [MA 216], пкл.-мо. *kereg* [Tum. 444], п.-мо. *kereg* [Kow. 2509], мо. *хэрэг*, бур. *хэрэг*, калм. *керг*, ойр. *керег*, бао. *кэр* (~*кэрэһ*) ‘дело’ значение ‘дело как вопрос, просьба’ появилось раньше, чем ‘дело как занятие, деятельность’. Корень **ker* здесь выступает как ономотоп, поскольку дело, как правило, зачастую бывает сопряжено с просьбой о чем-л. Ср. як. *көрдөһүү* ‘просьба, прошение, ходатайство, мольба’. Лексемой *хэрэг* в шаманизме обозначают «частный или семейный обряд жертвоприношения; общее название обрядов жертвоприношения» [Зомонов, 1998, с. 116].

Значения глагольной формы ср.-мо. *ǰaru-* [SH, NYt], *ǰaru-* [MA 203], пкл.-мо. *ǰaru-* [Tum. 425], п.-мо. *ǰaru-* [Kow. 2303], мо. *зар-*, бур. *зара-*, калм. *зар-*, ойр. *зар-*, орд. *ǰaru-*, мог. *ǰру-*, даг. *ǰара-*, *ǰарә-*, дунс. *ǰaru-*, бао. *ǰаре-*, ж.-уйг. *ǰар-*, мнгр. *ǰari-* [EDAL 1544] ‘использовать для услуг; держать у себя на службе, распоряжаться’, по всей видимости, развились на основе ‘приказывать; кричать на кого-л.’. В EDAL глагол сопоставляется с Пяп. **dár-* ‘посылать; давать’ [EDAL 1544]. Ср. также эвенк. *сэр-*, эвен. *һэр-*, нег. *сэj-* [**сэр*] ‘поручить, попросить что-л. сделать’ [ССТМЯ, 1977, с. 144].

Другое значение п.-мо. *ǰaru-*, мо. *зар-* ‘продавать’, контаминируя с п.-мо. *süre-*, мо. *сүр-* ‘торговать, громко выкрикивая (о разносчиках)’, связано с традицией уличных торговцев голосом привлекать внимание к своему товару. С говорением также связаны другие глаголы с [j] в анлауте: п.-мо. *ǰari-* ‘врать, говорить глупости, болтать; бранить без причины, ворчать попустому; докучать, надоедать’ [Kow. 2301], бур. *зари-* ‘лезть в ссору, придирается к кому-л.’; *ǰorgilya-* ‘возвысить голос, громко вызывать’ [Kow. 2301, 2406], *зоргилго-* ‘кричать, орать’.

Звукоподражание **qar*, характеризующееся громкостью и грубостью, выделяется в п.-мо. *qariya-* [Kow. 842], мо. *хараа-*, бур. *хараа-*, калм. *хара-*,

ойр. *хараа-*, орд. *харā-*, даг. *харā-*, *карā-*, *харā-*, дунс. *qara-*, бао. *хара-*, мнгр. *харā-* [EDAL 781] ‘сквернословить, ругаться, бранить; проклинать’, несмотря на то, что в первую очередь семантика глагола ассоциируется с прилагательным *qar-a* ‘черный’ (т.е. *хараа-* ‘чернить, очернять’). В Алтайском словаре Пмонг. форма **kara/ija-* сопоставляется с Птунг. **xērī-* ‘кричать, звать’, Птюрк. **Karga-* ‘ругать, проклинать’ [EDAL 781–782]. Следует отметить, что Э. В. Севортян допускает подражательное происхождение корня глагольных основ *гаргы-*, *гарга-* [ЭСТЯ, 1997, с. 305]. В т.-ма. эти значения передаются с помощью корней с [ʒ] в анлауте: эвенк. *жарга-*, эвен. *жаргъ* ‘обзывать, оскорблять, бранить, ругаться; дразнить’; нан. *хороңқиа-* ‘бранить’ [ССТМЯ, 1975, с. 253, 472]. Ср. также башк. диал. *хармақла-* ‘приговаривать напевно’, турк. *сармақлаш-*, *сарнаш-* ‘перебраниться, ссориться’ [ЭСТЯ, 2003, с. 225–226], ма. *чарки-* ‘петь врозь, говорить разными голосами’, *чарчан сэмэ ара-* ‘кричать, реветь (о женщине)’ [ССТМЯ, 1977, с. 385].

В ряде звукоподражательных глаголов, передающих акустические параметры человеческой речи, прослеживается ассоциативная связь с рефлексивными звуками животных. Так, корень **bar* в глаголе пкл.-мо. *barkira-* [Тум. 316], п.-мо. *barkira-* [Ков. 1111], мо. *бархир-*, бур. *бархир-*, ойр. *баркил-*, изначально соотносившийся с ревом диких животных, в дальнейшем стал использоваться для подражания крикам, воплям людей: ‘кричать, орать, реветь, голосить’; п.-мо. *barda-* ‘беспрестанно говорить, болтать, не дать никому слова сказать’ [Ков. 1109]; як. *баргый-* ‘кричать громким, резким голосом, кипятиться от гнева; рывкать; лаять’, *боруоктас* ‘ссориться по пустякам’.

Подобные метафорические образования порождают значения речевой сферы ‘ругаться, браниться’: ср. бур. *ёр-ёр хуса-* ‘тявкать (о маленькой собачке)’ // *ёр-ёр хараа-* ‘огрызаться, браниться в ответ’. Варианты корня **ar* образовали п.-мо. *arkira-*, мо. *архир-*, бур. *архира-*, ойр. *аркир-* ‘рычать’ и п.-мо. *араџа-*, мо. *арц-*, бур. *арса-* ‘противоречить, спорить’, калм. *арц-*

‘торговаться’; п.-мо. *arsaldu-* [Kow. 160], мо. *арцалд-* ‘конфликтовать’. Ср. ма. *ар ар сэмэ-* о крике, шуме (во время ссоры) [ССТМЯ, 1975, с. 48], як. *ардырҕаа* ‘шуметь, ворчать’.

Корень **jör* в п.-мо. *jörildü-* [Kow. 2426], мо. *зөрөлд-* ‘противоречить, пререкаться’ можно представить в виде **örs/örj/arj*, давших такие синонимы, как п.-мо. *örisüldü-*, мо. *өрсөлд-* ‘конкурировать, соперничать, оспаривать’, ойр. *өрцө-* ‘спорить, возражать’. Ср. также сол. *жир-*, ульч. *жйра-*, ма. *журча-* ‘упрямиться, сопротивляться’, орок. *жркина* ‘упрямый’ [ССТМЯ, 1975, с. 277].

В основе ср.-мо. *kerelde-* [ЛН], *kereldü-* [МА 216], п.-мо. *kerelde-* [Kow. 2508], мо. *хэрэлд-*, бур. *хэрэлдэ-*, калм. *керлд-* ‘ссориться; грызться’ с мягкорядным, открытым, негубным [e] лежит ономотоп **ker*, воспроизводящий рычание, грызню собак. Согласно мнению ряда ученых, тюрк. *керши-* ‘ругаться, браниться’ представляет собой форму совместно-взаимного залога от общетюрк. основы *гер* ~ *кер* ‘растягивать, распяливать’. Однако, как считает В. И. Рассадин, *керши-* ‘помогать натягивать’ и *керши-* ‘ссориться’ слишком далеки и несовместимы по семантике. По мнению исследователя, гораздо плодотворнее в этимологическом аспекте сопоставление с мо. **kere* в составе *kereldü-* ‘ссориться’, с тунг. *kerčeme* ‘сердитый, упрямый’ и с кор. *kelda, keda* ‘пререкаться’ <...>. Н. Н. Поппе возводил тюрк. *keriš-* ‘спорить’ к некоему восстанавливаемому глаголу **kär-*, архетипом которого была форма **kärä*. Этот гипотетический архетип Н. Н. Поппе считал общеалтайским [ЭСТЯ, 1997, с. 50–51].

Сема говорения прослеживается в производных от корней **γor* и **ger*: п.-мо. *γorila-*, *γoricila-* ‘просить о чем-л. неотступно; осведомляться о чем под рукой; выспрашивать, любопытствовать’ [Kow. 1039], мо. *горил-* ‘претендовать’; ср.-мо. *gerēs* [МА 216], п.-мо. *geriyes* [Kow. 2513], мо. *гэрээс*, бур. *гэрээд үгэ*, калм. *герэсн*, ойр. *герээсе* ‘завет, завещание; последняя воля’; пкл.-мо. *gere:* [Tum. 405], п.-мо. *ger-e* ‘расписка; вексель’ [Kow. 2505], мо. *гэрээ(н)* ‘условие (в письменной форме), договор, пакт; контракт’. Ср.-мо.

gereči [ЛН, ІМ], ср.-мо. *gere* [МА 170], пкл.-мо. *gereči* [Тум. 405], п.-мо. *gerči* ‘свидетель; доносчик, докладчик’ [Ков. 2509], мо. *гэрч*, бур. *гэршэ*, калм. *герч*, ойр. *герчи*, орд. *gereči*, даг. *gerčín* [EDAL 542] ‘свидетель; свидетельство, доказательство, подтверждение’ можно интерпретировать как ‘тот, кто дает показания, свидетельствует, т.е. говорит’. Форма сопоставляется с «Птюрк. **ger-tii* ‘верный, правда’» [EDAL 542].

К глаголам речевого воздействия можно отнести ср.-мо. *eri-* ‘расспрашивать’ [ІМ], *eri-* [МА 163], п.-мо. *iri-* ‘вытребовать, истребовать; выпросить’ [Ков. 255], п.-мо. *eri-* [Less. 326], бур. *эри-* ‘требовать, просить’, сопоставимый с эвен. *brmu-*, ульч. *ирэмэси-*, орок. *ирэмэ-* ‘просить’; нан. *жарбала-* ‘просить кого-л.’ [ССТМЯ, 1975, с. 328, 252]. Возможно, сема говорения заложена в эвенк. *ур;-* ‘согласиться’, эвен. *өрэ-* ‘согласиться, обещать; поддакнуть’ [ССТМЯ, 1977, с. 289].

Корень **gür* со временем приобрел способность передавать содержание мысли: п.-мо. *gür*, мо. *гөр* ‘несправедливое обвинение’, п.-мо. *gürde-* [Ков. 2650], мо. *гөрд-*, бур. *гүрдэ-* ‘оболгать, оклеветать, оговаривать, наговаривать на кого-л.’, бур. *харда-* ‘клеветать’ (парн. *хардаха гүрдэхэ*) при наличии п.-мо. *kürge-* ‘говорить вздор, болтать бестолково’ [Ков. 2653]. Следует отметить, что К. М. Черемисов рассматривает значение *гүр* ‘подвох, провокация, науськивание’ как переносное от ‘верша (из ивняка для ловли рыбы)’, отсюда *гүрдэ-* ‘ловить рыбу вершей; перен. клеветать’ [БРС, 1973, с. 166]. Ср. тур. *гүр* ‘высокий; громкий, громовой (о голосе)’, аз. *гүр* ‘звучный’ [ЭСТЯ, 1980, с. 106]¹⁷; аз. *gür tūr* ‘бессмыслица’ [СИГТЯ, 1988, с. 518]; эвенк. *кэрэмб-* ‘клеветать’ [ССТМЯ, 1975, с. 454], ма. *шэри-*, *сэри-* ‘клеветать, грозить’ [ССТМЯ, 1977, с. 131, 145].

Согласный [m] в анлауте может характеризовать процесс устной речи, в частности, указывая на нечеткость артикуляции (п.-мо. *mar-mar ki-*, мо. *мар-мар хий-* ‘мямлить; слегка поболтать’), а также на эмоции говорящих в

¹⁷ Рус. диал. *горкотать* ‘смеяться, гоготать’, *гаркать* ‘издавать зычный крик’ [Фасмер, 1964, с. 441, 393].

речевом акте: п.-мо. *mar-mur ki-*, мо. *мар-мур хий-* ‘немного поссориться, повздорить’; п.-мо. *marγu-* [Less. 529], мо. *марга-*, калм. *марh-*, ойр. *марhа-* ‘спорить, дискутировать’. В бурятском языке развилось несколько иное значение *марга-* ‘сомневаться, колебаться’. С помощью согласных [š], [t] в анлауте реализуется схожее значение: п.-мо. *šarya-*, мо. *шарга-* ‘упорствовать, спорить; противоречить’; мо. *тэрд торд хий-* ‘браниться’, мо. *түр тар хий-*, бур. *түр тар гэлдэ-* ‘ссориться’.

В т.-ма. языках представлены следующие формы: ороch. *мари-* ‘спорить’, ульч. *мориқу* ‘упрямый; вспыльчивый’, ма. *мара-* ‘упрямиться, сопротивляться’ [ССТМЯ, 1975, с. 532]. В Алтайском словаре также даются Пяп. **mātuār-* ‘сомневаться’ и Пкор. **mār-* ‘отказываться (от ч.-л.), воздерживаться, не сметь’ [EDAL 904]. Распространенные в тюркских языках формы: алт. *маргы-ш-*, *маргаан*, хак. *марга*, *маргыс-*, шор. *маргаан* В. И. Рассадин относит к монгольским заимствованиям [Рассадин, 1980, с. 21, 24, 25, 38, 39, 41, 45]. Б. И. Татаринцев, напротив, склоняется к версии, что монгольская основа типа *marγu-* может иметь тюркское происхождение, а формы вроде *марыш-* носят исконно тюркский характер. Автор предполагает родство данных форм с тюркскими основами, характеризующими живой вес, силу, усилия: як. *марай-* ‘выпячиваться, силиться, тужиться’, *баргар* ‘полнотелый’, *баргар-* ‘расти, мужать; полнеть’, хак. *парго~паргаа* ‘крупный (о ребенке, детеныше)’ [Татаринцев, 2008, с. 82].

В ср.-мо. *xiru'e-* [SH], *hirē-* [MA 185], пкл.-мо. *irüge:-* [Tum. 419], п.-мо. *irüge-* [Kow. 323], мо. *epөө-*, бур. *юрөө-*, калм. *йөрә-*, ойр. *йөрәә-*, орд. *orō-*, даг. *hirbe-*, мнгр. *šurō-* [EDAL 1144] ‘желать блага, счастья, удачи, успехов, произносить благопожелание; произносить тост’, несомненно, процессуальное значение ‘говорить, произносить’ является первичным по отношению к ‘желать’ (сема говорения эксплицитна в бур. *үрөө-* ‘уговаривать плачущего ребенка’). Т. А. Бертагаев видит в бур. диал. *өрөөхө* ‘восхвалять, возвышать’ корень **ur* ‘быть поднятым; возведенным,

выдающимся’, сопоставляя его с *ургах* ‘расти’, *урьгих* ‘подниматься, клубиться (о дыме)’ и др. [Бертагаев, 1974А, с. 306].

По предположению Б. Я. Владимирцова, лексемы *ёрөөл* ‘благопожелание’ и *ёр* ‘знак, примета’ восходят к одному этимону [Владимирцов, 1929, с. 295]. По мнению ряда монгольских исследователей, если лексема *ёр* обозначает предчувствие чего-л. (*муу ёр*, *муугаар ёрло-*, *муу ёртой*, *муу ёрын амьтан*), то *ёрөөл* рассматривается как вербализация этого предчувствия, предсказание чего-л. плохого или хорошего в будущем и считается однокоренной с *яруу* (*найраг*) [Отгонбаатар, 2010, с. 324].

Действительно в п.-мо. *ирауи* [Kow. 319], мо. *яруу*, бур. *ирагуу*, орд. *iraGū* [EDAL 591] ‘благозвучный, гармоничный; чисто, ясно, внятно, благозвучно (о речи)’ также отчетливо прослеживается связь с голосом: *яруу өгүүл-* ‘говорить звучно, восхвалять, прославлять’, *яруу дуу* ‘приятный, благозвучный голос’. Ср. як. *дырэй* ‘заливаться чистым, глубоким голосом’, *чоргуйуу* ‘чистый, звучный голос, слышимый издали (о кукушке)’.

В Алтайском словаре к лексеме даны следующие параллели: Птунг. **ir-ke* ‘петь, слагать стихи; кричать’, Птюрк. **ir* ‘песня’, Пяп. **ütà* ‘песня’, Пкор. **irp-* ‘петь, декламировать’. При этом авторы вслед за Г. Дёрфером и А. М. Щербаком допускают, что монгольская форма может быть заимствованием из тюркских языков, приводя в качестве доказательства крх.-тюрк. *jīraui* ‘певец’ [EDAL 591]. Относительно тюрк. *йыр* ‘песня; эпическая поэма; стихи’ Г. Рамстедт высказал предположение о его ономатопеическом происхождении, сравнивая с *çir*, *žir*. Однако Л. С. Левитская указывает на проблематичность связи исходной формы *ыр* с *жир*, *чир* ‘щебетание птицы’, в то время как звукоподражание *ыр* означает ‘ворчание, предостерегающее рычание собаки’ [ЭСТЯ, 1989, с. 285].

Гласный [i] представлен в следующих ономатопах: п.-мо. *ирга-* [Kow. 323], мо. *ярга-* ‘спорить, противиться’; п.-мо. *çirla-*, мо. *чарла-* ‘кричать, орать; визжать; реветь; взвизгивать; вопить’, п.-мо. *çirkire-*, мо. *чирхр-* ‘орать’. В баргузинском диалекте бурятского языка те же значения реализуются с

помощью корня **nir(g)*: *ниргэ*- ‘кричать’, в то время как бур. лит. *нирд-нирд гэтэр альга таша*- ‘громко аплодировать’, мо. *нир нар хий*- ‘грохотать, греметь’, калм. *нирг*- ‘шуметь, галдеть’. Ср. эвен. *нирънук;н*- ‘рыдать, плакать навзрыд, реветь’ [ССТМЯ, 1975, с. 599].

Значения подтверждают способность гласного [i] передавать звучание более высокого регистра, что обусловлено акустико-артикуляционными характеристиками звука: [i] – гласный высокого подъема, при произнесении которого язык значительно сближается с нёбом. Благопожелания, как правило, воспроизводимые перед большим количеством людей, произносятся громко, нараспев и с эмоциональным подъемом.

Корень **mer* прослеживается в лексемах: п.-мо. *merge*, мо. *мэргэ* ‘гадание, предсказание, ворожба’; п.-мо. *mergeci* [Less. 536], мо. *мэргэч* ‘гадатель, гадалка, ворожей; мудрец’; ср.-мо. *mergan* [HY 37, SH], пкл.-мо. *mergen* [Tum. 460], п.-мо. *mergen* ‘мудрый, опытный, умный’ [Kow. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мерген*, орд. *mergen*, даг. *mergen*, *meregen*, дунс. *mergen*, мнгр. *mergen*, *turgen* [EDAL 918] ‘мудрый, прозорливый’. Та же сема реализуется в корне **yer*: ср.-мо. *yerge kibe siba ünlä* ‘гадал на птицах (т.е. гадал по полету птиц)’ [MA 391].

По мнению Г. Дёрфера, значение ‘способный, мудрый’ продиктовано значением ‘способный в стрельбе’ [Doerfer, I, p. 498]. Однако на исходный момент развития значения может пролить свет более «прозрачная» лексема: п.-мо. *irügeci*, мо. *ерөөч* ‘гадатель, предсказатель’, которая образована от рассматривавшегося выше корня **ir*. В корнях **ir/mer* лексем *irügeci* ‘прорицатель’ и *mergen* ‘мудрый; мудрец’ в первую очередь заложена сема говорения, вещания¹⁸. В тюркских языках распространен глагол *йор*- ‘толковать сон; гадать, предсказывать’, «старейшим значением которого, по мнению Дж. Клосона и С. Калужински, является ‘развязывать, отвязывать’,

¹⁸ Ср. рус. *вещун/вещунья* от *вещать* ‘прорицать, предсказывать’ < ‘говорить торжественно, непререкаемо, внушительно’ < ‘сказывать, говорить’.

из которого развились метафорические значения» [цит. по: ЭСТЯ, 1989, с. 223–224].

Гласный [e] в п.-мо. *merge* ‘ворожба’, *mergen* ‘мудрый’, возможно, передает идею чего-л. слабого, неконкретного, неясно выраженного, о чем свидетельствует мо. *мэр-сэр* ‘чуть-чуть, едва-едва’ [Kow. 2018], калм. *мер-мер* ‘еле-еле, кое-как (о слабом звуке, свете)’. В. Л. Цымбурский приходит к выводу, что «базисная семантика «неустойчивой, зыбкой тьмы или дрожащего света», «сгущенной воздушной среды, часто разлагающейся на подвижные дискретные частицы, размывающие образы предметов» становится источником для развития значений «обмана, темной силы, колдовства, миража, явления призраков», ср. рус. диал. *морокун* ‘знаток, жулик, отгадчик, колдун’, *мороковать* ‘ведать, смыслить; жульничать, колдовать, ворожить’» [Цымбурский, с. 4]. Таким образом, можно прийти к выводу, что корни **ir/mer*, образующие лексемы со значением ‘гадать, ворожить’, в древности являлись ономатопами, передававшими устную речь.

В т.-ма. языках корни *ǰir/ǰer/hir/ur* также образуют обширные гнезда глаголов устной речи: эвенк. *ǰара-*, ма. *ǰари-* ‘петь (гимны, молитвы), вторить; подражать (в пении)’, эвен. *ǰарамқан-*, ороч. *ǰарали-*, ульч. *ǰара-*, нан. *ǰарали-* ‘отозваться; заговорить’; ороч. *ǰэри-*, ульч. *ǰэру-*, орок. *ǰрb-* ‘хвастаться’, нан. *ǰрb-* ‘распространять слухи’; ма. *иргэбу-* ‘петь песнь’, эвенк. *иркиһин-* ‘закричать высоким голосом’, *ирјэмэуһн* ‘ворчливый’, эвен. *ирјэ-* ‘делать выговор, замечание’, эвен. *brqъ-* ‘кричать; визжать; аукать’; ма. *лор сэмэ* ‘без умолку, болтливо’ [ССТМЯ, 1975, с. 252, 285, 326–328, 505], эвенк. *һиру-* ‘обругать’, *һирул-* ‘говорить (о шамане)’, сол. *ируг;* ‘произносить благопожелание’, эвен. *һиргэ-* ‘помолиться, попросить (у бога) счастья, удачи’, *һиргэт-* ‘шептать молитву; обращаться с напутственной речью; желать счастья; заклинать’, нег. *хбу;* ‘просить себе счастья, удачи’, ма. *фиру-* ‘заклинать, молить духов о счастье; благословлять’ [ССТМЯ, 1977, с. 327–328].

Следует отметить, что ма. *ǰари*- ‘петь (гимны, молитвы); воспевать’ в Тунгусо-маньчжурском словаре сопоставляется с п.-мо. *ǰjiran*, мо. *зайран* ‘шаман’ [ССТМЯ, 1975, с. 252]. В. И. Рассадин поддерживает точку зрения Сэчэнчогту о связи мо. *ǰауарин* ‘шаман; прорицатель, гадатель на лопатке; гений хранитель, передающий повеление неба’ с тюрк. *ягрын* ‘лопатка’. Перспективность этой гипотезы автор связывает с бытованием в тюркских языках слов *ярынчы, чарынчы, ягрынчы* ‘прорицатель, гадатель на лопатке’ [Рассадин, 2007, с. 66]. Т. А. Бертагаев связывает бур. *заарин* с глагольной основой *заа-* ‘показывать, указывать’: «*заа-ри-н* значит ‘склонный показывать, указывать по велению (указу) высшего божества – неба’, так как *заарин* нередко становятся после смерти приближенными тэнгэринов – сынов неба» [Бертагаев, 1974, с. 415]. На наш взгляд, приведенные примеры позволяют считать возможной предложенную авторами Тунгусо-маньчжурского словаря связь лексем ма. *ǰари*- ‘петь молитвы’ и п.-мо. *ǰауиранг* ‘шаман’, где дифтонг в корне **ǰауир* может указывать на нечеткость артикуляции, размытость семантики высказывания.

Известно, что процесс называния окружающих предметов или призыва окружающих людей неизбежно связан с голосом: ‘звать кого-л.’ значит ‘голосом просить откликнуться или приблизиться’, ‘называть что-л.’ значит ‘произносить название’. В связи с тем, что вокативная функция является одной из основных функций имени в любой культуре, на наш взгляд, допустимо, что ср.-мо. *нере* [SH, HŪt], *нерен* [IM], *нере* [MA 248], пкл.-мо. *нер-е, нере* [Tum. 480], п.-мо. *нер-е* [Kow. 641], мо. *нэр*, бур. *нэрэ*, калм. *нерн*, ойр. *нер*, орд. *нере*, мог. *нера, нира*, даг. *нер, нере*, дунс. *ниере*, бао. *нере, наре*, ж.-уйг. *нере*, мнгр. *нере* [EDAL 973] ‘имя, название, наименование’ также представляет собой древний ономотоп, характеризующий коммуникативную сторону речи.

В бурятском языке зафиксирован синоним *нэрэмжэ* ‘название, именование’, который в халха-монгольском языке встречается только в связанной форме п.-мо. *неремжитü* [Less. 576], мо. *нэрэмжит*, бур. *нэрэмжэтэ*

‘имени’. Среди глагольных форм, образованных от данного ономотопа, функционируют две: пкл.-мо. *nereyi:d-* [Тум. 480], п.-мо. *nereyid-*, мо. *нэрийд-*, калм. *нерэд-*, ойр. *нерээд-* ‘именовать, называть’; п.-мо. *nerle-*, мо. *нэрлэ-*, бур. *нэрлэ-*, калм. *нерл-*, ойр. *нереле-* ‘звать по имени; называть’.

В т.-ма. языках данная сема реализуется с помощью корня с инициальным [g]: эвенк. *гэрбб* ‘имя, прозвище, кличка; название’, *гэрбб-* ‘назвать, наименовать’, сол. *гэрбб* ‘имя’, эвен. *гэрбь* ‘имя; наименование’, *гэрбэт-* ‘назвать, прозвать; окликать’, нан. *гэрбу* ‘имя, кличка; название’ [ССТМЯ, 1975, с. 180]. Заслуживают внимания параллели, данные в Алтайском словаре: Пяп. **нар-* ‘возвещать, приказывать’, Пкор. **(n)ir(h)-* ‘имя; сказать’ [EDAL 973], а также эвен. *нирълън* ‘лепет’ [ССТМЯ, 1975, с. 599].

Связь лексемы ‘имя’ с глаголами говорения прослеживается и в тюркских языках. Так, по предположению Э. В. Севортяна, к тюрк. *a:m~am* ‘имя; наименование’ имеет отношение *at* ‘зов, клич, призыв’ и образованный от него глагол *ata-* ‘звать, кричать’. Г. Вамбери сравнивал *aj, ej, at, ät* ‘говорить, сказать’ с уйг. *at* ‘крик, призыв’, чаг. *at* ‘имя’ [ЭСТЯ, 1975, с. 198–199].

Корень **nur* передает монотонность речи: п.-мо. *nursi-*, мо. *нуриши-* ‘надоедать однообразной и повторяющейся речью; прилипнуть, привязываться с разговорами’, однако п.-мо. *нирт-а*, мо. *нурма* имеет значение ‘ссоры’. Ср. эвенк. *нурав-* ‘лаять на зверя на ходу, не давая охотнику его догнать (о собаке)’ [ССТМЯ, 1975, с. 613], эвенк. *хэре-* ‘надоедать (повторяя одно и то же)’ [ССТМЯ, 1977, с. 370].

С помощью гласных *u/i* в корне также передается достаточно высокая степень громкости речи: ср.-мо. *uri-* [НУ 34], *uri-* [МА 366], пкл.-мо. *uri-* [Тум. 606], п.-мо. *uri-* ‘звать, приглашать, призывать; читать молитву’ [Ков. 440]; мо. *ури-* ‘приглашать; громко читать, объявлять во всеуслышание’, бур. *ури-*, калм. *ур-*, орд. *uri-*, даг. *ori-*, бао. *уре-*, мнгр. *uri-* [EDAL 1062] ‘звать к себе, приглашать’. Данная семантика контаминирует с п.-мо. *qura-* [Ков. 952], мо. *хура-*, бур. *хура-*, калм. *хур-*, ойр. *хура-* ‘собираться, накапливаться; сходиться, съезжаться’ < ‘быть созванными’. В ср.-мо. *xurimla* ‘приглашение,

пир' [ИМ], п.-мо. *qurim* 'пир, пиршество, празднество' [Kow. 955], мо. *хурим*, бур. *хурим*, калм. *хурм*, ойр. *хурем*, дунс. *ђурун* 'свадьба; пир, званый (курсив наш – Е.С.) обед' также первичной выглядит сема 'приглашение'.

П.-мо. *süre-*, мо. *сур-* 'торговать, громко выкрикивая (о разносчиках)' совпадает с ма. *сура-* 'кричать, звать, зазывать покупателей', *сурэ-* 'кричать, орать, шуметь' [ССТМЯ, 1977, с. 129, 131]. Корни **sor/sur* дали п.-мо. *sur*, мо. *сур* 'ворожба', п.-мо. *sori-* 'испытывать; узнавать; гадать', *soriya* 'гадание по правилам императора Фу-си', *sorutu* 'гадатель, гадалщик' [Kow. 1412], мо. *сори-* 'пробовать; предугадывать, ворожить, гадать'¹⁹; п.-мо. *suray* [Kow. 1411], мо. *сураг*, бур. *хураг* 'весть, известие, слух'. В бурятском языке *хураг* чередуется с производным от корня **ђar*, не имеющим самостоятельного значения: *хураг жараггүй*, *хураг жэрэбгүй* 'ни слуху, ни духу; безвестно, бесследно'. Возможно, к звукоподражанию восходит и глагол обращения к собеседнику: ср.-мо. *sur-* [ЛН], пкл.-мо. *sur-* [Тум. 555–556], п.-мо. *сура-*, мо. *сур-*, бур. *хура-*, калм. *сур-*, ойр. *сура-* 'спрашивать, осведомляться, усиленно просить', ойр. *сураг* 'вопрос'.

Для тюрк. *сор-~со:ра-* 'спрашивать; просить' «Г. Дёрфер восстанавливает пратюркскую форму **sörā-*, которая в современных тюркских языках дала *sor-*, а в монгольском – *sura-*. По мнению Дж. Клосона, монгольская форма была вновь заимствована в тюркские языки: *so:r-* → мо. *sori-*, *sora-* → тюрк. Кроме того, Г. Дёрфер выделяет контаминированные формы: *sur-* монгольская форма с тюркским вокализмом и *sora-* имеет тюркский вокализм, но с конечным *-a*. <...> М. Рясянен вслед за Г. Рамстедтом считает тюрк. *sur-*, *sura-*, *sor-*, *sōra-* и мо. *suru-*, *sura-* прародственными. По мнению С. Калужиньски, нельзя решить, относятся ли они к тюркскому или монгольскому наследию» [ЭСТЯ, 2003, с. 329–330].

В тюркских языках распространена субстантивная форма *сарын* 'слышимый голос, звук; мотив, напев; заунывная песня; песня'. Л. С.

¹⁹ В бур. *һори-*, калм. *сөр-*, ойр. *сөре-*, орд. *sori-* [EDAL 1310] сохранилось только переносное значение 'делать пробу, устраивать тренировку, испытывать (лошадей)'.

Левитская склонна отождествить каз. *сар* с *зар*, восходящему к ир. *zār* ‘плач, рыдание, стенание’. От *сарын* при помощи аффикса *-а* образован глагол *сарна-* ‘петь; заунывно тянуть; стенать’ [ЭСТЯ, 2003, с. 225].

К глаголам говорения, по всей видимости, относятся формы, образованные от ономатопа **dur*: ср.-мо. *turat-* ‘упомянуть’ [ИМ], пкл.-мо. *durad-* [Тум. 373], п.-мо. *durad-* ‘помнить; беседовать; мыслить’ [Ков. 1883], мо. *дурд-*, бур. *дурда-* ‘обмолвиться, упоминать; вспоминать; указывать; оговаривать’; п.-мо. *duras-*, мо. *дурс-* ‘вспоминать (и говорить) о чем-л.’, бур. *дурса-* ‘упоминать; поименно перечислять’. Выявляя основное значение глагола *дурда-* ‘помнить, вспоминать’, А. Б. Лиджиев связывает его с п.-мо. *durap* ‘охота, желание; воля; вожеление’ [Лиджиев, 2009, с. 259].

В бурятском шаманизме термин *дурдалга* используется для обозначения обрядового призывания небожителей и духов, состоящего из обращения к ним, упоминания их собственного имени и эпитетов, поэтизированного прославления их подвигов и, наконец, просьбы содействовать молящемуся человеку в чем-л. (спасении, ниспослании благ, удачи и т.д.) [Зомонов, 1998, с. 42]. Корни с *[d]* в анлауте также могут характеризовать темп речи: бур. *доржогоно-*, *ёржогоно-* ‘тараторить, зубоскалить’, калм. *дар-дар* передает непрерывную болтовню.

Тюрк. *дарыл-*, *тарын-* ‘бранить, делать выговор; возмущаться; порицать, выговаривать; спорить, пререкаться’ М. Рясянен возводил к имени *tār, dār* ‘узкий’ [Räs. 463a]. Э. В. Севортян считает более вероятной связь с омоморфной глагольно-именной парой **tap ~ *tap-*: *tap* ‘сердитый, раздраженный’, *tapu-* ‘сердиться’, *даргын* ‘рассерженный, гневный’ [ЭСТЯ 1980, с. 190]. Ср. также аз. *dyrdyr* ‘болтовня’ [СИГТЯ, 1988, с. 518], тур. *dirdir* ‘галдеж; болтовня’, *dirdir et-* ‘болтать без умолку’, *dir-dir-dir söylenme* ‘уе’ ‘ворчать что-то себе под нос’ [Илиуф, с. 8].

В т.-ма. языках представлены глаголы: ульч. *дуржү-*, нан. *дурги-*, ма. *дукжү-* ‘шуметь, кричать, громко говорить’ [ССТМЯ, 1975, с. 225]; ма. *таруда-* ‘говорить наобум, болтать вздор’; эвенк. *тур;-* ‘ругать (детей за шалости)’,

тур;л- ‘заговорить; ругать’, *тур;л᠔ᠪ-* ‘отвечать; обещать’, сол. *теp;-* ‘говорить; издавать звуки; кричать; звенеть’, эвен. *тjрэ-* ‘говорить; петь’, нег. *теј;-* ‘фольк. говорить; бранить’, ороц. *туртин* ‘рассказ (как один из видов устного народного творчества)’ [ССТМЯ, 1977, с. 189, 222]. Последняя форма коррелирует с п.-мо. *türe-*, мо. *турэ-* ‘подхватывать протяжную песню’, п.-мо. *türelge*, мо. *турлэг* ‘куплет протяжной песни’; бур. *туурээ-* (*юрөө-*) ‘фольк. говорить речитативом; рассказывать, клянясь и напевая’.

Итак, антропофоны обеих категорий в монгольских языках реализуются с помощью следующих корней.

Таблица 2

Типы корней, формирующих ЛСП «Человек»

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>olu</i>	<i>ölü</i>
\emptyset	<i>arč</i>	<i>er</i>	<i>ir, irk</i>	<i>or, ur, ord</i>	<i>örs</i>
<i>y</i>	<i>yar, yark, yard</i>	<i>yer</i>	–	<i>yor, yorq, yorj, yord</i>	–
<i>j</i>	<i>jar</i>	–	–	<i>jorg</i>	<i>jör</i>
<i>č</i>	–	<i>čer</i>	<i>čir, čirk</i>	<i>čor, čur, čurk</i>	<i>čür</i>
<i>š</i>	<i>šar, šarq</i>	–	–	<i>šork</i>	–
<i>s</i>	–	–	–	<i>sor, sur</i>	<i>sür, sürk</i>
<i>q/k</i>	<i>qar</i>	<i>ker, kerj</i>	<i>kirk</i>	<i>qork, qorj, qorč</i>	<i>kür, kürk, kürj</i>
<i>γ/g</i>	<i>γar</i>	<i>ger</i>	–	–	<i>gür, gürd</i>
<i>d</i>	–	–	–	<i>dur, dorj</i>	<i>dür</i>
<i>t</i>	<i>tar, tarč</i>	<i>terd</i>	–	<i>tur, tord</i>	<i>tür</i>
<i>b</i>	<i>bar, bark, bard</i>	–	–	–	–
<i>p</i>	–	<i>per, perč</i>	–	<i>purs</i>	–
<i>m</i>	<i>mar, mary</i>	<i>mer</i>	–	<i>mur</i>	–
<i>n</i>	–	<i>ner</i>	<i>nir</i>	<i>nur, nurm</i>	–

Данные таблицы свидетельствуют о том, что наиболее активное участие в формировании данного пласта ономастопов принимают анлаутные $[jč/š/s/y]$ – 34 %, $[q/k/γ/g]$ – 20 %. Менее активны $[t/d]$ – 13 %, $[b/p]$ – 9 %, на долю инициальных $[m]$ и $[n]$ приходится по 6 %. В ауслауте по-прежнему высока доля согласных $[q/k/γ/g]$ – 24 %, $[d]$ – 10 %, $[jč]$ – 8 %, $[s]$ – 3 %, $[m]$ – 2 %. Без ауслаута представлено 53 % корней, без анлаута – 11 %.

Семантический анализ рассмотренных глаголов показал, что корневой согласный $[r]$ служит для проявления следующих параметров: высокая

степень громкости (*кричать, орать, петь, приказывать*); высокий темп речи (*тараторить*); нечеткость артикуляции (*ворчать, мямлить*) и др. Помимо аппроксимированного, он также служит и для прямого отражения дрожащего элемента артикуляции: бур. *шарья-* ‘дребезжать, дрожать (о голосе)’, п.-мо. *tarsi-*, мо. *тарши-* ‘дребезжать, пустить петуха’.

Такой дифференциальный признак, как громкость речи, обусловил тяготение эмоционально-оценочного компонента в глаголах в сторону отрицательной оценки: ‘ругать; ссориться, ругаться; спорить; конкурировать’. Ряд рассмотренных глаголов демонстрирует эксплицитную связь с субъектами метафоры – животными как производителями звука (*хэрэлд-, арцалд-, өрсөлд-*), однако мы не можем утверждать, что все рассматриваемые глаголы в монгольских языках не являются исконно глаголами говорения.

Ономатопы, характеризующие коммуникативную сторону речи, служат для образования глаголов обращения к собеседнику, названия, речевого воздействия. Сема говорения заложена в лексемах со значениями ‘объявлять’, ‘приглашать’, ‘завещать’, ‘гадать, ворожить’, ‘клеветать, наговаривать’ и др. В целом нет сомнения, что глаголы речевой сферы представляют собой сложное лексико-семантическое поле, которое членится на группы и подгруппы, отражающие дробную дифференциацию устного коммуникативно-речевого процесса.

ЛСП «Неживая природа»

Звуковая оболочка рассматриваемой ниже категории слов диктуется акустическими свойствами звуков, издаваемых водой: бурления, журчания, плеска, кипения: п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-*, бур. *орьё-* ‘взвиваться; бить ключом; вскипеть’; мо. *хар хар гэ-*, бур. *харья-* ‘бурлить (о течении быстрой и мелкой речки)’; бур. *хорьё-* ‘журчать, шуметь; бурлить’, *хурье-* ‘клокотать’; п.-мо. *qorjgina-*, *qorčigina-*, мо. *хоржигно-*, *хорчигно-*; бур. *хоршогоно-*, калм. *хоржңн-*, ойр. *хоржңна-* ‘журчать’; п.-мо. *kürkire-*, мо. *хүрхрэ-* ‘реветь;

шуметь'; п.-мо. *γor-γor ki-*, мо. *гор-гор хий-*, бур. *горьё-*, *горхир-*, *горхол-*, ойр. *горжицна-* 'течь беспрерывно, сильной струей (о ручье); журчать'.

От указанных звукоподражательных глаголов образован ряд гидрографических терминов, обозначающих характер течения: п.-мо. *kürkir-e* [Kow. 2653], мо. *хурхрээ* 'водопад'; п.-мо. *γoriqun*, *γoriqa* [Kow. 1038], мо. *горхи(н)*, бур. *горхо(н)*, калм. *горьк*, ойр. *горха* 'ручей, речка; небольшой водный поток'²⁰; п.-мо. *qaraǰ*, *qaraǰa* [Kow. 836], мо. *харз*, бур. *харза* 'отмель, быстрина; незамерзающая вода на быстрине; полынья'; п.-мо. *qargi*, *qariγ*, мо. *харги*, *хариг*, бур. *харья* 'быстрина, быстрое течение; пережат (на реке)'. Относительно последней формы Э. М. Мурзаев отмечает: «устойчивость этого термина поразительна: тув. *харга* 'каменистая река', як. *харгы* 'быстрина; мелкое место на реке'; эвенк. *харги* 'мелководный', эвен. *карго* 'пережат; мель на реке', ма. *харги* 'быстрина'. На Севере европейской части России *карга* – мель, коса с острыми, выступающими камнями, нагромождениями валунов; плотное каменистое дно озера или реки. На Онеге – мелкое место на реке, озере» [Мурзаев, 1984, с. 260].

П.-мо. *dargi-* [Kow. 1682], мо. *дарги-* 'бурлить, хлопотать (о быстротекущей воде)'; п.-мо. *dürge-*, мо. *дүргэ-* 'вращаться (о водовороте)' дали п.-мо. *dargil* 'быстрое и шумное течение, поток' [Kow. 1682], мо. *даргиа* 'стремнина'; п.-мо. *targil* [Kow. 1777], мо. *таргил* 'быстрина, стремнина'; п.-мо. *borgiy-a* [Less. 121], мо. *боргио*, калм. *боржц* 'быстрина, быстрое течение, порог (на реке)'.

Инициальные согласные [s/š/jč] в монгольских языках также служат для передачи журчания, плеска: п.-мо. *ǰir-ǰir* 'хлопотание ключа' [Kow. 2358], ср.-мо. *šarkira-* [МА 331], п.-мо. *šargiya-*, мо. *шаргиа-*, бур. *шарья-* 'шуметь (о

²⁰ Прозрачна корреляция корней *ǰir/čir/ǰur/čur, передающих журчание, с корнем рус. журч-ать, созвучному *ǰur, метатеза согласных в котором дает *ruǰ/ruč > «рус. руч-ей, укр. ручай, болг. ручей, ручай, др.-рус. ручаи, ручии, чешск. ručej, словацк. ručaj, ručej, польск. ruczaj, в.-луж. ručej. Связано с болг. руквам, рукна 'вытекаю, бью струей', сербохорв. преручити 'перелить, пересыпать', мор. руčat' 'струиться'» [Фасмер, 1971, с. 524].

реке)'; п.-мо. *šorjǰina-*, *šorčigina-*, мо. *шоржигно-*, *шорчигно-*, бур. *шорьё-*, калм. *шоржџн-*, ойр. *шоржџнна-*, бур. *шорхир-*; бур. *шуршагана-*, *шурья-* 'шуметь, журчать (о воде)'; п.-мо. *sarki-*, мо. *сархий-* 'срр! (звукоподражание плеску, журчанию)', бур. *һарья-* 'с шумом течь (или высыпаться)', *сарса-* 'забрызгивать', бур. *сорьё-* 'бить (фонтаном)'; ср.-мо. *sürči-* [MA 99], пкл.-мо. *sürči-* [Tum. 557], п.-мо. *sürči-* [Kow. 1435], мо. *сүрчи-*, бур. *сүршэ-* 'окроплять, опрыскивать', бао. *чур-* 'литься'; п.-мо. *usun-iyar čarda-* 'спрыснуть водой' [Kow. 2114]. Ср. общетюрк. *сарқ-* 'капать; течь тонкой струей, сочиться'; каз. *сар* – подражание звуку переливающейся, проточной воды: *сар ету* 'выливаться с шумом', *сарқыра-* 'шуметь (о быстрой речке)' [Кайдаров, 1986, с. 272].

Мягкорядный вариант **serj* представлен в словоформе п.-мо. *serjīm*, мо. *сэржим*, бур. *сэржэм*, функционирующей в качестве общего названия некоторых жидкостей – водки, спирта, молока, чая, которыми совершается подношение для задабривания духов, в которой, также, по всей вероятности, корень **serj* воспроизводит звук разлетающихся брызг: *срр!* Ср. в тюркских языках: *серп-* 'выплескивать; брызгать, кропить, опрыскивать' [ЭСТЯ, 2003, с. 264].

Анализ семантики рассмотренных корней позволяет с осторожностью предположить, что корень **urs* (который можно также представить в виде **sur*) в глаголе ср.-мо. *oros-* [LH], *urus-* [MA 368], пкл.-мо. *urus-* [Tum. 608], п.-мо. *urus-* [Kow. 454], мо. *урса-*, бур. *урда-*, калм. *урс-*, ойр. *урас-*, орд. *urus-*, даг. *orsu-*, дунс. *usuru-*, *urusu-*, ж.-уйг. *urus-*, *urusu-*, *usuru-*, мнгр. *urosə-* [EDAL 1063] 'течь, протекать' также имеет звукоподражательное происхождение²¹. В Алтайском словаре глагол сопоставляется с Птюрк. **örs*, *örsen* 'река, русло реки; течь' [EDAL 1063].

Корни с *[b/p]* в анлауте обозначают бульканье, кипение: п.-мо. *bur bur* [Kow. 1212], мо. *бар бур* 'буль-буль, булькая'; п.-мо. *borgi-*, мо. *борги-*

²¹ Примечательно участие сонанта *[r]* в корне каждого слова: мо. *горхи жир жир хоржигнон урсана* 'досл. ручеек, журча *жир-жир*, течет'.

‘сильно вскипеть’; бур. *бүрэ-*, калм. *бүр-* ‘сбивать простоквашу’; бур. *парья-* ‘сильно кипеть’; п.-мо. *porčigina-*, мо. *порчигно-*, *пурчигна-*, бур. *поршогоно-*, *пуршагана-* ‘клокотать, шумно бурлить’, бур. *пурье-* ‘бултыхнуться’. В нашем материале зафиксирована единичная форма с анлаутным согласным [n]: п.-мо. *nurgi-*, мо. *нурги-* ‘медленно кипеть на слабом огне’.

В тюркских языках встречаются следующие звукоподражательные формы: тур. *şorşor* – о шуме текущей воды [СИГТЯ, 1988, с. 518], як. *күрүлээ* ‘бурлить, клокотать’, *өрө оргуй-* ‘кипеть, клокотать’, *бардырђаа-* ‘бурлить, клокотать’, *барылђан* ‘сильное течение, стремнина’, *борулф-* ‘журчать (о речке)’; *буру*, *бурулђан* ‘быстрина воды’, *бурулуи-* ‘течь, описывая круги (о воде быстро текущей воды)’; *дьара* ‘мелководье’, *чырылаа-* ‘журчать приглушенно’; башк. *қаран*, алт. *қаранты*, ног. *қарашык*, тув. *хара:лча*, шор. *каралчы*, як. *харалд'ык* ‘полынья, незамерзающий родник’. «В. В. Радлов производил тел. *қаранты* из *қара* ‘черный’. Хак. *харачы* и шор. *каралчы* М. Рясянен относит к монгольским заимствованиям» [ЭСТЯ, 1997, с. 298].

Широко представлены оноματοпы с идентичными значениями в т.-ма. языках: эвенк. *арба*, эвен. *арбати*, нан. *арба* ‘отмель; пережат’; эвенк. *бургаб-* ‘журчать’; эвенк. *бурук*, *бурукен* ‘водоворот’; орок. *горги* ‘водоворот’, эвенк. *гурукф* ‘плес’; *дарги-*, *јаргида-* ‘журчать’, ма. *јар*, *јор*, *јур сэмэ* ‘тонкой струей, ручьем’; орок. *јурул'эни* ‘водопад; пороги’; эвен. *курэл;н* ‘журчать’; эвенк. *хургику*, нан. *хорпō* ‘водоворот’; нан. *хэри*, ма. *хэрин* ‘пороги (на реке)’; нан. *лур* ‘ручьём, струей’, *лурги-* ‘струиться’; эвен. *нирълън* ‘журчание’, *н'ирги* ‘пережат (на реке)’ [ССТМЯ, 1975, с. 49, 50, 111, 114, 161, 174, 199, 343, 348, 351, 436, 471, 472, 482, 512, 599, 639], эвенк. *сарги-* ‘журчать’, нан. *сарги-* ‘шум, плеск (от массы рыб)’; ма. *сар сир сэмэ* ‘плещась’; ульч. *сар-р*, нан. *соар-соар* ‘с шумом, с всплеском’; *соролто-* ‘бить фонтаном (о крови)’; эвенк. *турā-* ‘лить; втекать, выливать’, *тураку* ‘водопад’; *уригдэн* ‘заводь; плес; полынья; стрежень’; ма. *фурги-* ‘плескаться, клубиться (о воде)’; эвенк. *һоролжōкōкөн*, сол. *орг'tl* ‘водоворот’; эвенк. *һиркэ* ‘ручеек (после дождя)’; *чир сэмэ* ‘просачиваясь, струясь (между камнями)’; ульч. *чорж'* ‘струиться,

стекать’, ма. *чор сэмэ* ‘ключом, фонтаном’, нан. *наму чорони* ‘морская пучина’ [ССТМЯ, 1977, с. 65, 66, 67, 113, 218, 284, 303, 327, 334, 400, 409].

Для передачи звуков дождя в монгольских языках используются корни **ḡr/sir/nur/bar*: ойр. *жиркелең* ‘мелкий, накрапывающий (о дожде)’, п.-мо. *sir sir oru*- ‘мелкий дождь идет’ [Kow. 1517], калм. *ширл*- ‘падать мельчайшими крупинками’; п.-мо. *nurgi*- [Kow. 697], мо. *нурги*- ‘моросить, идти (о дожде)’; ойр. *барэциңна*- ‘идти с шумом (о проливном дожде)’. Ср. каз. *сіркіреу, бүрік* ‘моросить’; эвен. *нирълън* ‘шум (от дождя о листья)’; ма. *нурху*- ‘не прерывать, делать что-л. непрерывно’ [ССТМЯ, 1975, с. 599, 613], орок. *пур*;- ‘моросить (о дожде)’, *пурој* ‘дождь мелкий’; нан. *сарги*- ‘шуметь (о дожде), ма. *сурсан сурсан* ‘морося’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 65, 66, 130].

Легкий шелест, шорох дождя слышен в ср.-мо. *qura* [HY 2, SH], *qura* [IM], *qura* [MA 310], *qora* [LH], пкл.-мо. *qur-a* [Tum. 536], п.-мо. *qura* [Kow. 951], мо. *хур*, бур. *хура*, калм. *хур*, ойр. *хур*, орд. *хура*, даг. *хуар*, дунс. *Gura*, бао. *Gura, Gora*, ж.-уйг. *хура*, мнгр. *xurā* [EDAL 747] ‘атмосферные осадки, дождь’. Ср. як. *курулаа*- ‘глухо шуметь (о дожде)’; нан. *хур-хур* ‘шум (о падающем дожде)’ [ССТМЯ, 1975, с. 437].

Звуки дуящего ветра передаются с помощью корней **kür/sür/ser/šur/ḡer/ḡr*. Сильный ветер «слышен» в бур. *хурье*- ‘сильно дуть’, *хүрилөөн* ‘вихрь’; калм. *хуралһ*- ‘вихриться, крутить’; бур. *һурье*- ‘дуть, продувать насквозь, сквозить’; п.-мо. *sürkire*- [Kow. 1438], мо. *сүрхрэ*-, калм. *сүркүр*- ‘шуметь, выть’; п.-мо. *šürkire*-, мо. *шүрхир*- ‘сильно дуть’; бур. *шур-шар*, калм. *шур-шур* – звук, выражающий шум ветра при быстрой езде рысью. Ср. эвен. *қургилан* ‘ветер переменный’, эвенк. *кургэкән*, эвен. *кур* ‘сильный ветер, буря’, *кургэ*- ‘гудеть, греметь’, *курълдън*- ‘бушевать (о ветре)’, *курэл;н*- ‘выть, стонать (о ветре)’ [ССТМЯ, 1975, с. 436], эвенк. *һарналкан* ‘вихрь’ [ССТМЯ, 1977, с. 317].

Легкие дуновения ветерка заложены в производных от корней **ser/ḡr*: п.-мо. *sere*-, мо. *сэр*- ‘слегка дуть, веять’, бур. *сэрье*- ‘дуть’; п.-мо. *serḡgine*-, мо.

сэржигнэ-, бур. *hэршэгэнэ-*, калм. *сержңн-* ‘свистеть, шуметь’; мо. *жир жир салхил*²². Анализ форм демонстрирует доминирующее положение гласной [u] при передаче сильных порывов ветра, которое можно отнести к категории лингвистических универсалий. Ср. участие данного звука в передаче «завывания» ветра не только в монгольских языках: п.-мо. *üliye-*, мо. *үлээ-*, бур. *үлээ-*; рус. *дуть*, англ. *blow*, фр. *souffler* и др.

Для озвучивания огня используются следующие ономотопы: калм. *нард* – подражание треску огня, ойр. *нард-нард ге-* ‘вспыхивать (об огне)’; п.-мо. *sirçigine-*, п.-мо. *ширчигнэ-* ‘трещать (о горящем полене)’; п.-мо. *čird ki-*, мо. *чирд хий-* ‘вспыхивать (об искре)’, п.-мо. *dürbigine-* ‘шум пламени; трещать’ [Kow. 1951]. Типологическое сходство для п.-мо. *kür*, мо. *хур хар*, передающего треск огня, наблюдается в т.-ма. языках: эвенк., нег. *кур-кур*, ороч. *хур*, ма. *хур хур* – о треске вспыхивающего пламени, ульч. *курж* – ‘трещать, гудеть (при горении)’ [ССТМЯ, 1975, с. 435].

Наконец, среди звуков неживой природы лишь один корень **nur* связан с землей: п.-мо. *nura-* [Kow. 695], мо. *нур-*, бур. *нура-*, калм. *нур-*, дунс. *нура-* ‘обваливаться, обрушиваться; оползать’; п.-мо. *nur-a* ‘берег, подмытый водой, обрушившийся берег’ [Kow. 695], ср. п.-мо. *nurgi-*, мо. *нурги-* ‘тихо гудеть’. Возможно, к ономотопу восходит тюрк. *қорум* ‘мелкие камни, образующиеся от разрушения скалы; щебень, галька; обвал камней; обломки скал; скала, валун, холм, высота; насыпь на крутых склонах, по которым проходят лишь козы’. В ЭСТЯ предполагается, что *қорум* – производное с аффиксом *-м*, образованное от глагольной основы **қор-*, представленной в турк. диал. *қор-* ‘обваливаться, обрушиваться’, турк. *қорул-* ‘осыпаться (о песке)’ [ЭСТЯ, 2000, с. 79].

Таким образом, таблица корней, передающих натурофоны, выглядит следующим образом.

Таблица 3

Типы корней, формирующих ЛСП «Неживая природа»

²² Ср. англ. *birr* ‘сильный ветер; производить дрожащий звук; быстро двигаться с таким звуком’.

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/у</i>	<i>ö/ü</i>
\emptyset	–	–	–	<i>or, ur</i>	–
<i>y</i>	–	–	–	–	–
<i>ĵ</i>	–	–	<i>ĵir, ĵirk</i>	–	–
<i>č</i>	<i>čar</i>	–	<i>čird</i>	–	–
<i>š</i>	<i>šar, šark,</i> <i>šarĵ</i>	–	<i>sir</i>	<i>šor, šur,</i> <i>šorq,</i> <i>šorĵ, šurč</i>	<i>šürk</i>
<i>s</i>	<i>sar, sarč</i>	<i>ser, serĵ</i>	–	<i>sor</i>	<i>sürk, sürč</i>
<i>q/k</i>	<i>qar, qarq,</i> <i>qarĵ</i>	–	–	<i>qor, qur,</i> <i>qorĵ, qorč</i>	<i>kür, kürk</i>
<i>γ/g</i>	–	–	–	<i>γor, γork,</i> <i>γorĵ</i>	–
<i>d</i>	<i>dar</i>	–	–	–	<i>dür</i>
<i>t</i>	<i>tar</i>	–	–	–	–
<i>b</i>	<i>bar, barĵ</i>	–	–	<i>bor, bur, burĵ</i>	<i>bür</i>
<i>p</i>	<i>par, pard</i>	–	<i>pirč</i>	<i>por, pur,</i> <i>porč, purč</i>	<i>pür, pürd</i>
<i>m</i>	–	–	–	–	–
<i>n</i>	–	–	–	<i>nur</i>	–

В данной сфере ономастопов в начальной позиции представлены согласные [jč/š/s] – 40 %, [b/p] – 25 %, [q/k/γ] – 23 %. Низка активность согласных [d/t] – 6 %, [n] – 2 %. В ауслауте на первой позиции расположились аффрикаты [jč] – 27 %, далее следуют [q/k/γ/g] – 15 %, [d] – 4 %. Без финальной согласной реализуют свои значения 54 % корней данной лексико-семантической группы, без инициальной согласной – лишь 4 %.

Смешанный тип

Здесь рассматриваются производные от корней, воспроизводящих звуки, издаваемые в определенных обстоятельствах объектами или непосредственно возникающие в результате воздействия человека на какие-нибудь предметы. Как отмечалось выше, основным признаком, передаваемым звуком [r], является дрожание, чистый диссонанс: бур. *дар-дар гэ-*, *дарагана-*; п.-мо. *darĵigina-*, *derĵigine-*, мо. *даржигна-*, *дэржигнэ-*, бур. *даржагана-*, *яржагана-*, калм. *даржңн-*, ойр. *даржңиңна-*; п.-мо. *dargi-*, *dorgi-* [Kow. 1897], мо. *дарги-*, *дорги-* ‘дребезжать, дрожать; звенеть, трещать, хрустеть’; п.-мо. *darči-*, мо. *дарчи-*, бур. *дүрхирэ-* ‘стучать, шуметь, топать’; бур. *дорьбо-* ‘трястись, содрогаться’; бур. *дорхогоно-* ‘шуршать, хрустеть (о

шкуре, коже)'; п.-мо. *durjgina-*, мо. *дуржигна-*; п.-мо. *dürge-*, мо. *дүргэ-*, бур. *дурья-* 'дрожать, дребезжать, трещать; шуметь; трепетать'.

В других языках алтайской общности: як. *дарбий-дирбий* 'громко стучать, шуметь, греметь', *доргуй* 'дрожать, трястись, сотрясаться', *дырэй* 'звенеть'; узб. *dirdir* 'дрожь' [СИГТЯ, 1988, с. 518]; эвенк. *дэрги-* 'вздогнуть; качнуть головой', *дэриң-* 'покачиваться (на ходу)', сол. *дэрбэл-* 'качать', ульч. *дэрји-* 'трястись', нан. *дэрги-* ~ *жэрги-* 'дрожать, трясись (о санях, телеге и т.п.)' [ССТМЯ, 1975, с. 237]²³. Как отмечает С. В. Воронин, «очень быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха, такие последовательности ударов ощущаются как диссонансы, и отсюда – фонема [r] в составе обозначающих их онематопов» [Воронин, 1982, с. 55].

Переднеязычный глухой смычный [t] представлен в анлауте онематопов: п.-мо. *tarčigina-*, мо. *тарчигна-*, бур. *таршагана-*, калм. *таржңн-*, ойр. *таржңна-* 'дрезбездать, трещать, стучать, шелестеть'; бур. *тэршэгэнэ-* 'шумно шевелиться, с шумом биться, барахтаться'; п.-мо. *tor-tor*, мо. *тор-тор* 'шепот, шум (выражение звука от бега мышей)'; п.-мо. *torčigina-* [Kow. 1897], *türčigine-*, мо. *торчигно-*, *түрчигнэ-*, бур. *торшогоно-*, *түршэгэнэ-*, калм. *торжңн-*, ойр. *торжңна-*, *түржңне-* 'раздаваться (о топоте, грохоте, треске); скакать с цокотом копыт (о многих)'; бур. *тарья-*, *түрье-* 'шуметь, грохотать'. Ср. ульч. *тарји-*, нан. *тарги-* 'трещать, тархтеть'; нег. *тэрги-* 'трещать (о льде); дребезжать (о стекле)'; ма. *тэртэн тартан* 'трясаясь (о дрожании тела от слабости после болезни)' [ССТМЯ, 1977, с. 168, 238, 239].

Глаголы со значением 'колыхаться', соотносимым с легкими, плоскими предметами (флаги, паруса, элементы одежды и пр.), образуются с помощью корней **dur/der/qor/sar/nar/ner*. Пкл.-мо. *darbalja-* [Tum. 362], п.-мо. *darbalja-*

²³ Слав. **drъgati*, словенск. *drgati* 'дрожать', чешск. диал. *drgat* 'трясти', польск. *drygać* 'дергаться, подпрыгивать', *drgać* 'дрожать', рус. *дрыгать* 'трясти, подергивать отдельными частями туловища или всем туловищем', *дрогнуть* 'прийти в смятение; задрожать (о звуке)', сербохорв. *дрхтати* 'трястись от страха', болг. *дрыготка* 'дрожь, трепет', укр. *дръжати* 'звучать, дрожать, трепетать'. В балтийских языках: литовск. *drugûs* 'лихорадка; бабочка', латышск. *drudzis* 'перемежающаяся лихорадка', др.-прусс. *drosis* 'тростник' [Цымбурский, с. 12–13].

, *darbulja*- ‘развеваться’ [Kow. 1680]; п.-мо. *durba*-, мо. *дурв*-; п.-мо. *derbe*-, мо. *дэрв*-, бур. *дэрбэгэнэ*-, ойр. *дерве*-; п.-мо. *qorulju*-, мо. *хоролз*- ‘развеваться по ветру; развевать, трепать ветром’ обусловлены звуками *дэр-дэр*, *хор-хор*, издаваемыми при колыхании чего-л. на ветру. В бурятском языке известны формы бур. *нэрбэгэр*, баргуз. *хархигар* ‘обвислый, свисающий; лохматый и растрепанный’, *харбагар* ‘растрепанный (о волосах)’, *харлагар* ‘лохматый, кудлатый’, *нарбагар* ‘длинный и широкий (об одежде)’, *нармалза*- ‘развеваться на ветру’.

Ср. ма. *дэргишэ*-, *дэркишэ*- ‘развеваться, взвиваться (о флаге)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237]; нан. *нэр-нэр гуд;нэси*, ма. *фэјңгэ* ‘старый, ветхий’; нан. *сарба-сарба бб*, ма. *сарбахун* ‘растрепанный (о волосах)’ [ССТМЯ, 1977, с. 48, 65], нан. *лэр-р* ‘мелко трястись, колыхаться на ветру’ [Киле, 1972, с. 135], Пяп. **dúr*- ‘качать(ся), махать’ [EDAL 472].

Среди субстантивов, возникших на основе данного типа звукоподражания, следует отметить: п.-мо. *darbalya*, *darbulya* ‘парус; флаг; флюгер’ [Kow. 1680], ойр. *дарвуул* ‘парус’; п.-мо. *darčuy* ‘лоскутки ткани с изображением священных слов, вывешиваемые на шестиках’ [Kow. 1682], мо. *дарцаг*, бур. *дарсаг*, *даржаг*, *даржаа*, ойр. *дарцаг* ‘флажок; вымпел, флаг; буддийский флажок с молитвами и священными изображениями’²⁴. Суффикс *-ngya* в п.-мо. *oringya* [Kow. 449], мо. *оронго*, калм. *орңһ* ‘хоругвь, знамя’ указывает на то, что лексема относится к пласту древнейшей изобразительной лексики. Семантика лексемы позволяет сопоставить корень **or* с корнем **qor* в п.-мо. *qorulju*- ‘развеваться по ветру’.

Признак ‘растрепанный, лохматый’, на наш взгляд, наблюдается п.-мо. *sarkinaу* [Kow. 1338], мо. *сархинаг*, бур. *хархинсаг* ‘книжка (часть желудка жвачных животных)’. Известно, что книжка в разрезе состоит из множества

²⁴ Считается, что нид. *vlag*, нем. *Flagge*, англ. *flag*, польск. *flaga*, чешск. *vľajka*, рус. *флаг*, равно как и п.-мо. *tüg*, мо. *түг*, также восходят к ономотопам. Ср. англ. *flap* ‘взмахивать, хлопать (о крыльях, флаге); что-л. прикрепленное за один конец и развевающееся по ветру; звук, производимый развевающимся флагом’ [Воронин, 1982, с. 61]; бур. *түг-түг гэ*- ‘сильно стучать; биться (о сердце)’, п.-мо. *tügsi*- ‘трепетать, дрожать’ [Kow. 1934].

тончайших пластин, которые напоминают страницы книги, за что данный анатомический орган и получил русское название. Значение ‘книжка’ манифестируется тур. диал. *сарқанақ*, тув. *саргыйак*, хак. *сархынжах*. Як. *таңқычах*, эвенк. *саргина* рассматриваются как заимствования из монгольских языков. Относительно этимологии термина авторы ЭСТЯ допускают, что **sarkin* – рефлексивная форма *sark-* ‘капать’, так как из книжки жидкая пища стекает в сычуг [ЭСТЯ, 2003, с. 220]. Более близкой нам кажется версия Дж. Клосона, который производит *sarknyuk* от *sark-* ‘висеть, свисать’ [Cl. 849].

Большое количество корней с доминантой [r], зачастую в сопровождении расширителя [d], содержит семы ‘быстрый, мгновенный, внезапный’. Так, п.-мо. *terd*, *tord*, *tüird*, мо. *тэрд*, *торд*, *түрд*, бур. *тэрд*, *түрд* передают звук от треска, легкого удара, бега, стремительного прыжка, моментального разрыва чего-л. и т. д. Корню п.-мо. *tür*, мо. *түр тор* [яв-] свойственна передача звука быстрой походки, в ойр. *түрээн* ‘торопливый топот’ произошло наложение друг на друга звука топота *түр-түр* и скорости действия. Оттенок быстротечности заложен в п.-мо. *tür*, мо. *түр*, бур. *түр*, ойр. *түр* ‘на миг, на короткое время; временный, короткий’.

Отсюда ср.-мо. *turgen* [HY 52], *türgen* [MA 359], пкл.-мо. *türgen* [Tum. 596], п.-мо. *türgen* [Kow. 1953], мо. *түргэн*, бур. *түргэн*, калм. *түргн*, ойр. *түрген*, орд. *turgen*, даг. *turegun*, ж.-уйг. *turgen* [EDAL 1448] ‘быстрый, скорый’; пкл.-мо. *terigü:(n)* [Tum. 582], п.-мо. *türügüü* [Less. 856], мо. *түрүү*, бур. *түрүү*, калм. *түрүн* ‘опередивший, передовой; глава’; п.-мо. *dürbe* [Less. 281], мо. *дүрвэ*- ‘бросаться наутек, удирать’. Ауслатный [d] представлен в ср.-мо. *qurdun* [IM], пкл.-мо. *qurdun* [Tum. 537], п.-мо. *qurdun* [Kow. 970], мо. *хурдан*, бур. *хурдан*, калм. *хурдн*, ойр. *хурдан*, бао. *бордоң* ‘быстрый, скорый’. В. И. Цинциус сопоставляет мо. *qurdun* с ма. формой *ордон* ‘проворный, ловкий (при езде на лошади)’, в которой «начальный гласный свидетельствует об утерянном анлаутном *k» [Цинциус, 1984, с. 117]. Ср. нан. *кур/курс* ‘моментально развернувшись, повернувшись на 180°’

[Киле, 1972, с. 121]. О фонетически близком ономастопе Л. Д. Шагдаров пишет: «В определенных контекстах слово *шурд* не столько подражает звуку, сколько обозначает стремительность, легкость, быстроту действия» [Шагдаров, 1962, с. 62].

Шум, шорох крыльев при взлете, полете птицы передается с помощью корней *der/dür/ter/per/pür/sar/čir*: п.-мо. *der der*, мо. *дэр дэр* ‘трр! фпр!’; п.-мо. *dürdki-* [Less. 281], мо. *дүрд хий-* ‘вдруг взлететь (об испуганных и птицах)’; п.-мо. *per per, pür*, мо. *пэр пэр, нүр*, бур. *нүр* ‘фпр!’, п.-мо. *pürki-*, мо. *пүрхий-* ‘взметнуться, взлететь’²⁵; бур. *har-har ниидэ-*, мо. *чирд гэ-* ‘вспорхнуть’.

Ср. як. *тырыбынай* ‘трепетать, биться (о птичке)’, *тырын-тырын* ‘взмах крыльев’; в т.-ма. языках: нан. *пур-р/пэр-р* ‘шумно взлетая (о птице)’ [Киле, 1972, с. 146], эвенк. ма. *к’ор сэмэ* ‘с шумом (о внезапном вспархивании больших птиц)’; нан. *хур-хур* ‘шум (о крыльях птиц при полете)’ [ССТМЯ, 1975, с. 416, 437], эвенк. *пернуки* ‘перепелка (с шумом вспорхнувшая)’, *пэрпэгэрэ-*, *пэр-* ‘с шумом вылетать’, ма. *пар пар сэмэ* ‘порх!’; ма. *сар сир сэмэ* ‘проворно, мигом, вдруг’; *чурхо, чурхун* ‘полет, перелет (птицы с одного места на другое); счетное слово для перелетов птиц; быстро, мигом’ [ССТМЯ, 1977, с. 48, 66, 417].

К моментальным, неакустическим действиям можно отнести моргание глаз: п.-мо. *irma-, irme-* [Kow. 324, 325], мо. *ирмэ-*, калм. *ирм-*, ойр. *ирме-* ‘моргать, подмигивать’. Сонант [r] представлен в эвен. *муръм-* ‘моргать’²⁶, [ССТМЯ, 1975, с. 560], эвенк. *саримб-*, эвен. *харъм-* ‘мигать’; эвенк. *хурим-*, эвен. *хуръм-* ‘моргать; щуриться’ [ССТМЯ, 1977, с. 66, 352].

Корни, начинающиеся на [s/š/č], в целом передают шарканье, шорох, скрип, треск, звон, хруст, шелест, шипение: мо. *сар сар хий-*, бур. *сар-сар гэ-*, калм. *сар-сар ги-*; мо. *сарчигна-*, бур. *харшагана-*, калм. *саржңн-*, ойр. *саржңна-*, калм. *шаржңн-*, ойр. *шаржңна-*; п.-мо. *šarjgina-*, мо.

²⁵ Ср. рус. вс-*порх-*нуть, *порх-*ать, разг. за-*пурх-*аться.

²⁶ Рус. *моргать*, укр. *моргати*, бел. *моргаць*, польск. *mrugać* ‘моргать, мигать’ М. Фасмер сближает с лит. *turgai*, лтш. *tūrgi* ‘видения, грезы’, лит. *mirgėi* ‘мерцать’, *mārgas* ‘пестрый’, *marguoti* ‘переливаться’, др.-исл. *myrkr* ‘темный’ [Фасмер, 1967, с. 652].

шаржигна-; п.-мо. *šarčigina-*, *sirčigine-*, мо. *шарчигна-*, *шурчигнэ-*, бур. *шаршагана-*; п.-мо. *šarbigina-*, мо. *шарвигна-*; бур. *шарья-*, калм. *шарг-*, мо. *шур хий-*; бур. *шуршагана-*, калм. *шуржңн-*; п.-мо. *šargi-* [Kow. 2115], мо. *царги-*; п.-мо. *širčigina-*, мо. *чарчигна-*; п.-мо. *irjigine-*, мо. *иржгэнэ-*. Ономатопом в прошлом являются глаголы п.-мо. *sir-*, *šir-* [Kow. 1523, 2189], мо. *чирэ-*, бур. *шэрэ-*, калм. *чир-*, ойр. *чир-* ‘тащить, волочить’, п.-мо. *türki-* [Kow. 1954], мо. *түрхэ-*, бур. *түрхи-*, калм. *түрк-* ‘смазывать; натирать’. Тюрк. *сүр-~сүрт-* ‘тянуть, тащить, волочить’ «в ряде источников сопоставляется с *сүр-* ‘тереть’» [ЭСТЯ, 2003, с. 392].

Ярко выражено звукоподражательное начало в *sira-* [ЛН, ИМ, МА 335], п.-мо. *sira-* [Less. 714], мо. *шар-*, бур. *шара-*, калм. *шар-*, ойр. *шар-*, орд. *šara-*, дунс. *šara-*, мнгр. *širā-* [EDAL 1326] ‘жарить, печь’; пкл.-мо. *sirgi-* [Tum. 565], п.-мо. *sirge-* [Kow. 1534], мо. *шургэ-*, бур. *шургэ-* ‘испаряться, высыхать’ < ‘издавать шипение, звук *ш-р-р*’. Согласно EDAL, этимология Пмонг. **sira-* ‘жарить’, Птунг. **šere* (восстановленной на основе эвенк. *чэрэ-* ‘печься около огня’) и Пкор. **šar-m-* ‘варить’ достоверна, несмотря на слабое проявление в т.-ма. языках [EDAL 1326–1327].

Глаголы п.-мо. *šörge-* [Kow. 1534], мо. *шөрг-*, бур. *шүргөө-* ‘чесать, тереть обо что-л. (о скоте)’; п.-мо. *šürge-*, мо. *шүргэ-* ‘касаться, задевать что-л.’, калм. *шүрг-*, ойр. *шүрге-* ‘тереть; сметать; слегка задеть’ сопоставим с «ма. *хирху-* ‘тереться, чесаться о дерево (о скоте)’» [ССТМЯ, 1977, с. 324]. В Алтайском словаре дан показательный ряд праформ: Пмонг. **sürči-* ‘тереть, втирать’, Птунг. **šürü-* (**šurü-*) ‘раздирать (когтями); точить; сдирать (кожу, мясо); нож для вырезания орнамента’, Птюрк. **sür(-t)-* ‘тереть, мазать’, Пяп. **sür-* ‘тереть, точить, полировать’ и Пкор. **sürh-* ‘полировать’ [EDAL 1341].

Идентичные значения реализуются в ма. *бир сэмэ-* ‘волоча, таща по земле (о подоле платья)’, ульч. *žop-p* ‘шурша (при задевании дна лодки о каменистое дно)’, *žopi* ‘галька’²⁷ [ССТМЯ, 1975, с. 85, 265], ма. *сар-сар сэмэ-*,

²⁷ Данное значение в монгольских языках реализуется с помощью корня с дифтонгом: п.-мо. *qayir*, мо. *хайр*, бур. *хайр* ‘галька; мелкий камень; отмель’.

сэрсэн сарсан сэмэ, эвенк. *сир шар сэмэ* ‘шелестя (о листьях при слабом ветре)’; эвенк. *һирэ-* ‘дрожать’; ма. *чарцана-* ‘подернуться льдом; замерзнуть (тонкими полосками)’, эвенк. *чарчā-* ‘подморозить (после сырости)’ [ССТМЯ, 1977, с. 66, 95, 96, 146, 328, 385]. Звук шипения передается с помощью тур. *жыр* – о шипении на сковороде [СИГТЯ, 1988, с. 518]; эвенк. *ларгб-* ‘закипать (о жире на сковороде)’; *лирэ-* ‘зашипеть (о жире на сковороде)’ [ССТМЯ, 1975, с. 494, 500], ма. *чар чир* ‘треща (о кипящем при жарении масле)’, эвенк. *чирги-* ‘шипеть (о масле на сковороде, змее)’ [ССТМЯ, 1977, с. 385, 399].

Благодаря своим звукоподражательным возможностям, корень **čar* стал основой для возникновения ряда лексем, связанных со скрипом снега: п.-мо. *čar* [Kow. 2026], мо. *цар*, калм. *цар*, ойр. *цар* ‘наст, оледенелая поверхность снега’; п.-мо. *čarya*, *čiryа* [Kow. 2113], *čaryu*, мо. *чарга*, *царга*, бур. *шарга*, ойр. *чирһа* ‘сани; санки, салазки’²⁸; п.-мо. *čiry-a*, *čargi*, мо. *чарга*, *царги*, бур. *сарья* ‘колея; след (животных); протоптанная по снегу, затвердевшая дорога’. Ср. Птюрк. **čar-* ‘пороша; туман’ (башк. *sar* ‘следы животных на снегу’) [EDAL 424]. П.-мо. *čiryа* < *tiryа* ‘сани, нарты’ Б. Я. Владимирцов сближает с уйг. *tar-t*, кир. *таp-т*, чув. *тур-т* ‘тащить’ [Владимирцов, 1929, с. 146].

Корень **šark* дал п.-мо. *šarki*, мо. *шархи* ‘унты, ичиги’, бур. *шархи* ‘башмаки, чирки, поршни’ < ‘то, что издаёт шарканье’ (ср. рус. *шарк-ать*), а также образное прилагательное: п.-мо. *šarkiyar*, бур. *шархигар* ‘плохой, худой (чаще об обуви); куцый, невзрачный’. По мнению В. И. Рассадина, бур. *шархи* может быть адаптацией тюрк. *чарык* ‘чарыки, поршни’, либо рус. *чирки* ‘род легкой кожаной обуви’ < тюрк. *чарык* [Рассадин, 2007, с. 97].

На основе п.-мо. *sir-sir ge-*, бур. *шар-шар гэ-* ‘скрипеть под ногами’ становится эксплицитна звукоподражательная основа лексемы ср.-мо. *sira 'u* [HY 2], *sira 'ai* [SH], *sirū* [IM], *sirū*, *sira 'u* [MA 336], пкл.-мо. *siryai* [Tum. 566], п.-мо. *sirui* [Kow. 1526], *siryu*, *siryu(i)*, *sirui* [Less. 719], мо. *шорой*, *шороо*, бур. *шорой*, калм. *шора*, ойр. *шораа*, орд. *šorō*, даг. *sirō*, *sirtal*, дунс.

²⁸ Ср. Пяп. **səri* ‘сани’ [EDAL 1299].

šaura, бао. *siro*, *širu*, ж.-уйг. *šarū*, мнгр. *širū* [EDAL 1269] ‘земля, почва; пыль, песок, сор’ < ‘то, что скрипит под ногами’. В т.-ма. языках: эвенк. *сируб* ‘песок; галька; отмель (на реке)’, сол. *ш’ирукта* ‘песок’, нег. *сијун* ‘песок’, ороч. *сиру* ‘песок’, ульч. *сиру* ‘песок; галька; гравий’ [ССТМЯ, 1977, с. 96]. Сопоставление тюрк. **sa:r* ‘болото, грязь’ с т.-ма. и мо. формами заставляет И. Г. Добродомова в качестве первоосновы тюркского термина выделить значение ‘неплодородная земля’, которое было конкретизировано в качестве обозначения болота на тюркской почве [СИГТЯ, 2001, с. 93].

На основе восприятия звона возникли следующие лексемы: п.-мо. *čargil* ‘музыкальные палочки’ [Kow. 2116], мо. *царгил* ‘кастаньеты; ксилофон’; п.-мо. *šarginau*, мо. *шаргинаг* ‘металлические бляхи на латах, узде, платье; побрякушки’, калм. *шарка* ‘бубенцы’. Ср. эвенк. *гиргивча-* ‘звенеть (о металлических подвесках)’ [ССТМЯ, 1975, с. 155], ма. *чарки* ‘кастаньеты (деревянные)’, *чарки-* ‘бряцать (о каменных и др. привесках)’ [ССТМЯ, 1977, с. 385].

Корни *čar/čir/čir* передают звук чирканья, росчерка: ср.-мо. *čiru-* [MA 207], пкл.-мо. *čiru-* [Tum. 431], п.-мо. *čiru*²⁹ [Kow. 2359], мо. *зур-*, бур. *зура-*, калм. *зур-*, ойр. *зура-*, орд. *čiru-*, даг. *čirī-*, *čori-*, мнгр. *čiri-* [EDAL 1013] ‘рисовать, чертить’, ср. рус. *чиркнуть (спичкой)*, *черкнуть (пару строк)*. В других языках: Птюрк. **čir-* ‘чертить’ [EDAL 435]; тюрк. *дырма-~дырмала-~дырна-* ‘царапать, скрести; боронить; сгребать в одну кучу’ [ЭСТЯ, 1980, с. 345]; эвенк. *čурта-*, *čуре-*, сол. *čурб-*, ма. *čiči-~čiči-* [**čirgu-*] ‘чертить, проводить линию, рисовать тушью’; сол. *нируђан* ‘рисунок’, нег. *нијијит-*, *нију-* [**ниру-*], нан. *ниру-* ‘писать; рисовать’, ма. *ниру-* ‘рисовать; чертить’, *нируган* ‘рисунок, картина’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 278, 600], эвенк. *чарги-* ‘зажечься (о спичке)’, ма. *чарги-* ‘зажигать, пускать фейерверк’; эвенк. *чирчб-* ‘сцарапать, содрать кожу’ [ССТМЯ, 1977, с. 385, 400].

²⁹ Ср. корень **ris* // *čir* в рус. *рисовать*, укр. *рисувати*, польск. *rysować* и др.

Среди производных следует отметить пкл.-мо. *járuiqai* [Тум. 431], п.-мо. *járuiqai* [Kow. 2359], мо. *зурхай* ‘черта, линия’; п.-мо. *járige*, мо. *жирээ* ‘полоса; рейка’; п.-мо. *šaraγa* [Kow. 2112], мо. *цараа*, бур. *saraa*, калм. *царан*, ойр. *цараан*, *царга* ‘след, черта’; п.-мо. *šariγ*, мо. *цариг* ‘колея’. В целом, по замечанию А. Б. Михалева, семантический переход ‘резать’ → ‘царапать’ → ‘чертить’ → ‘рисовать’ хорошо известен этимологам в различных языках [Михалев, 1995, с. 64].

Словосочетание мо. *гахайн жирээ* ‘полоса у кабана’ позволяет предположить, что животные, обозначаемые лексемами п.-мо. *járuiq-a*, мо. *зорх* ‘барсук (самец)’; ср.-мо. *дорган* [ЛН], п.-мо. *doryu*, *doryuγu* [Kow. 1892], мо. *дорго*, бур. *доргон* ‘барсук’; п.-мо. *járke*, мо. *жирх*, бур. *жэрхи*, калм. *жирх* ‘бурундук’ названы по наличию полос на теле. У барсука, как известно, от носа к ушам через глаза тянутся две широкие черные полосы, а отличительным признаком бурундуков являются пять темных полосок вдоль спины. Ср. в т.-ма. языках: «эвенк. *урикэ* ‘суслик; сурок’, ороц. *урикэ* ‘нерпа (черная с белыми полосами)’» [ССТМЯ, 1977, с. 285].

Вызывает интерес форма п.-мо. *járükebšai/järükebšai* [Kow. 2424], мо. *зурхэвч* ‘бурундук’, которой суффикс *-šai* не придает характерное значение ‘футляра или прикрытия для предмета, выраженного в производящей основе’. Согласно мнению А. А. Бурькина, мо. суффикс *-šai* не только обнаруживает параллели с регулярными фонетическими соответствиями в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках, но и восходит к самостоятельному слову *юпть//һун-ть* ‘завязывать, стягивать’, сохранившемуся в нивхском языке [Бурькин, 2000, с. 19]. Растения п.-мо. *járgen-e*, мо. *жиргэн* ‘ревень’; п.-мо. *járui*, мо. *жируу* ‘бороздоплодник уклоняющийся’, вероятно, названы так благодаря бороздкам на прямых и толстых стеблях.

Аффриката [ʃ] в анлауте также участвует в передаче следующих значений: ср.-мо. *jur-* [МА 211], п.-мо. *járui-*, мо. *зор-*, бур. *зоро-*, калм. *зор-*, ойр. *зор-*

‘строгать, обстругивать; царапать’ (ср. рус. *царап-ать*); п.-мо. *ǰerte-*, мо. *зэрм-* ‘сдирать кожу (с дерева)’; п.-мо. *ǰürte-*, мо. *зүрм-* ‘размельчать, раздроблять’. Отметим субстантивы п.-мо. *ǰir* ‘стружки, оскребки, лоскутки’ [Kow. 2401], п.-мо. *ǰirt-e*, мо. *зүрэм*; п.-мо. *ǰürmedeg*, мо. *зүрэмдэг* ‘тонкие обрезки чего-н.’, бур. *зүрмэ* ‘фарш (из печени, легких и жира брюшины, которым начиняют тонкие кишки)’; бур. диал. *зүр мяхан* ‘мясо, выдающееся полоской’. В тюркских языках представлены формы *йө:рме~жөргөм~йөргөмөч* ‘вид бараньей колбасы’. М. Рясянен обратил внимание на генетическую связь *ǰörgämäč*, *ǰörgöm* и *ǰörte* с глаголом *ǰörgä-* ‘обвивать’. Реальность такой связи Э. В. Севортян подтверждает як. *сөрүө<*йөрүг* ‘коврик, сплетенный из конского волоса’, тат. диал. *жүрмэ* ‘плеть, плетка’ [ЭСТЯ, 1989, с. 236].

Обращение к алтайскому материалу дает Птюрк. **čert-* ‘обрезать (края), делать зарубки; щелкать’ [EDAL 435], общетюрк. *сүр-*, *сүрт-* ‘тереть; строгать (рубанком, фуганком); скоблить; смазывать; вычеркнуть’ [ЭСТЯ, 2003, с. 392]; эвенк. *ирэнчб-* ‘строгать, скоблить’, эвен. *эр;пчин* ‘рубанок’, нег. *эрэнчивун* ‘скобель (для дерева)’, орок. *ирэнчу* ‘струг (для обработки дерева)’, орок. *ирэнчинэ* ‘рубанок’ [ССТМЯ, 1975, с. 329], ма. *тэрги-* ‘прилаживать, пригонять (железный наконечник с стреле); подстругивать (древко)’; эвен. *эргъ-* ‘строгать’ [ССТМЯ, 1977, с. 238, 462].

Резкий звук *яр-р*, издаваемый при рассекании, разрыве, заложен в глаголе п.-мо. *ira-* ‘разрезать на пласты, раскраивать; надсекать’ [Kow. 318], мо. *яр-* ‘разрезать, резать ножом; раздвигать’; мо. *яр хий-* ‘трескаться, лопаться’, бао. *джарэ-* ‘резать’. Ср. тюрк. *йа:р--йар--жар--чар-* ‘рассекать, раскалывать, отделять, разрывать’, *йир-* ‘порвать, расколоть; рассекать’ [ЭСТЯ, 1989, с. 203]; .

По аналогии с глаголом *ira-* ср.-мо. *ür-* ‘сдирать’ [МА 104], п.-мо. *uru-*, *ürü-* ‘разламывать; разбивать на части’ [Kow. 451], мо. *ур-*, бур. *ури-*

‘разорвать, изодрать³⁰; царапать; кусать’; п.-мо. *üre-* [Kow. 586], мо. *үрэ-*, бур. *үрэ-* ‘тереть; обтачивать’, калм. *үр-*, ойр. *үре-* ‘чесать, трепать (шерсть)’ также можно отнести к звукоизобразительной сфере, т.к. они представляют собой действия, непременно сопровождаемые звукорядом: *(x)ур-р*, *х-р-р*. П.-мо. *örübtiil* ‘терпуг, скребок’ [Kow. 582], мо. *өрөвтөл*, бур. *үрэбтэр* ‘рашпиль’, по всей видимости, мотивировано звукоподражанием. Ср. нан. *кур-кур хосақтачи-*, *керэ-керэ та-* ‘царапать’ [ССТМЯ, 1975, с. 437], эвенк. *һургу-* ‘дробить; молоть, растирать (камнем)’; *урган-* ‘изорваться (об одежде)’; *чари-* ‘порвать’; *чури-* ‘раздирать (когтями)’; ма. *эрэ-* ‘драть бересту’ [ССТМЯ, 1977, с. 283, 385, 416, 466].

Согласные [q/k] представлены в анлауте следующих глаголов: п.-мо. *qargi-*, мо. *харги-* ‘скрипеть, скрежетать’; п.-мо. *qarjgina-*, мо. *харжигна-*, калм. *харжңн-*, ойр. *харжңна-* ‘стучать, бречать’; п.-мо. *qarčigina-*, мо. *харчигна-*, бур. *харшагана-* ‘скрежетать зубами, хрустеть; трещать (о чем-л. металлическом)’; п.-мо. *qara-* [Kow. 844], мо. *хар-* ‘строгать, скоблить, скрести’; п.-мо. *kerčigine-* ‘скрипеть’ [Less. 451]; ср.-мо. *kürkire-* [МА 220], п.-мо. *kür kür* ‘перекаты грома’ [Kow. 2636], мо. *хурчигнэ-* ‘продолжительно грохотать’, бур. *хур хур гэ-*, *хүршэгэнэ-* ‘хрустеть’. Ср. эвенк. *қаруми-* ‘шуршать’, *қарумалима* ‘санки (детские)’ [ССТМЯ, 1975, с. 382].

В п.-мо. *kerči-* [Kow. 2518], мо. *хэрчи-*, бур. *хэришэ-*, калм. *керч-*, ойр. *керчи-*, даг. *keresi-* [MD 182] ‘резать, нарезать, мелко рубить, сечь’ заложен звук *хэр-хэр*, сопровождающий процесс работы ножом. Глагол сопоставим с тюрк. *керт-* ‘делать зарубку, метку; надсекать, нарезать; рубить, отрубать’ [ЭСТЯ, 1997, с. 54], эвенк. *кэрчи-* ‘крошить, резать на куски’, *кэрчимэ* ‘мясо (сушеное, мелко раскрошенное, залитое жиром)’, орок. ульч. *кэрчу-*, орок. *кэрэн-*, ма. *кэрки-*, *кэрчи-* ‘крошить, резать на куски’ [ССТМЯ, 1975, с. 453].

Распространенное в тюркских языках обозначение плотничьего орудия *керки* ‘топор, топорик; мотыга; кинжал; нож для рубки соломы и клевера’ К.

³⁰ Ср. рус. *драть, дергать, дробить*, англ. *draw* ‘тянуть, вырывать’, греч. *dero* ‘драть’, *drepo* ‘отламывать, отрезать’, авест. *dar* ‘отдирать, разрывать’ [Илиуф, с. 8].

Менгес производит это слово от глагола *kärt-* ‘делать надрезы’ [ЭСТЯ, 1997, с. 52]. Лабиялизованные корни дали эвенк. *hopo-* ‘толочь’, *hopчо-* ‘крошить мясо для сушки’; эвенк. *хуру-*, эвен. *хуруң-*, нан. *пору-*, ма. *фуру-* ‘крошить, дробить, толочь; молотъ’ [ССТМЯ, 1977, с. 333, 354].

Более высокий звук реализуется посредством гласного [i] в п.-мо. *kira-*, мо. *хяр-* ‘крошить, мелко резать’, бур. *хирма-* ‘чистить скребком; резать’; ср.-мо. *qirya-* [МА 298], п.-мо. *kirya-* [Kow. 2551], мо. *хярга-*, бур. *хирга-*, калм. *кирв-*, ойр. *кирве-*, *кирхе-* ‘стричь (ножницами)’. Ср. яп. *куру* ‘резать узкое’ и *кару* ‘резать широкое; стричь’. Ср.-мо. *kirö:* [ИМ, МА 219], п.-мо. *kirüge* [Kow. 2550], мо. *хөрөө(н)*, бур. *хюрөө*, дунс. *чірэу* ‘пила’ < ‘нечто, издающее звук *хир-хир*’. Лексема отчетливо коррелирует с «нан., ульч. *суро*, орок. *сбро*, эвенк. *ирэу*; и др. ‘подпилоч, напильник’; бараб. *kirä*, леб. *kirä*, сой. *хирē* ‘пила’» [Цинциус, 1984, с. 92].

Наиболее тесная связь со звукоподражательным глаголом наблюдается в п.-мо. *kirüimčay*, мо. *хярамцаг* ‘замороженные внутренности, завернутые в рубец, ливер (кушанье)’, бур. *хирмаса* ‘ливвер (при осеннем забое скота легкие, печень, кишки и мясо заворачивались в брюшину и замороженные в таком виде использовались для питания зимою)’. В современном баргузинском говоре слово *хирмаса* утратило значение «сложного» блюда и стало обозначать просто нарезанные и сваренные кусочки мяса.

Тюрк. *қырқ-* ‘стричь; брить; резать; истреблять’ большинство ученых сближают с мо. *хирга-* [ЭСТЯ, 2000, с. 238]. В т.-ма. языках: эвенк. *гир-*, эвен. *гир-*, нег. *гир-* ‘вырезать, кроить’ [ССТМЯ, 1975, с. 153], эвенк. *кирга-*, ма. *қарги-* ‘стричь, брить; разрезать’ рассматриваются как монголизмы [ССТМЯ, 1975, с. 398]. Выбор корня **kir* в п.-мо. *kiram* ‘заразительная болезнь; эпидемия’ [Kow. 2547], мо. *хярам* ‘поветрие, эпидемия, повальная болезнь (большей частью о скоте)’, по всей видимости, можно сопоставить с рус. *зараза*, которое восходит к корню **раз-*ить, т.е. ‘губить’. С п.-мо. *kiram* семантически связана другая лексема: п.-мо. *уару-а*, мо. *ярга* ‘убой, бойня,

резня', которая, согласно мнению В. И. Рассадина, заимствована из тюркских языков: *jar-* 'раскалывать' [Рассадин, 2007, с. 130].

Корни **kör/körj/kir*, передающие скрип снега, земли, шорох листьев под ногами, дали следующие лексемы: п.-мо. *körüsü* [Kow. 2641], мо. *хөрс*, бур. *хурьһэн* 'почва, грунт, земля'; п.-мо. *köre-* [Kow. 2645], мо. *хөр-*, бур. *хүрэ-*, калм. *көр-*, ойр. *көр-* 'охлаждаться, остывать' < 'издавать звук *хөр-хөр*' (*мөс хөрөв* 'лед образовался; заледенело'); п.-мо. *körtmeg* [Kow. 2651], мо. *хөрмөг* 'слой опавших листьев на почве'; п.-мо. *kür* [Kow. 2636], мо. *хөр*, бур. *хур* 'уплотнившийся сугроб; оледеневший снег на траве'. Тюрк. *күрт* ~ *көртүк* ~ *күртүн* 'сугроб; снежная глыба, скатившаяся с горы; свежесвыпавший снег' Л. С. Левитская считает производным от глагола **көрү-* > *күрү-* 'сгребать/сметать (о ветре)', ср. рус. *сугроб* ← *сгребать* ← *грести* [ЭСТЯ, 1997, с. 150].

В п.-мо. *kiraу-a*, *kiraуи(n)*, *kiruуин* [Kow. 2546], мо. *хяруу*, бур. *хюруу* 'иней'; п.-мо. *kiramaу*, *kirmaу* [Kow. 2546], мо. *хярмаг*, бур. *хирмаг*, орд. *kirmaG*, даг. *kiarəmsən* 'пороша, небольшой снег' также заложен звук снега, скрипящего под ногами³¹. С последней формой тесно связана тюрк. *кырпак* 'первый (тонкий/легкий/мелкий) снег; осенние сильные заморозки; тонкая пленка на поверхности воды' [ЭСТЯ, 2000, с. 242]. Б. И. Татаринцев считает, что *кырпак*, скорее, отглагольное, нежели отыменное образование и что ближе к истине те, кто связывают его с основой *кыр-* 'крошить, измельчать', однако аффикс *-пак* сомнителен по своей форме. По предположению исследователя, согласный *n* составляет часть глагольной основы, являясь показателем интенсива (*кырбак* < **кырп-ак*) [Татаринцев, 2004, с. 415]. По мнению В. И. Рассадина, п.-мо. *kiraуи* заимствовано из др.-тюрк. *qiraуи* 'иней' [Рассадин, 2007, с. 47]. В т.-ма. языках эвенк. *күреп-* 'намерзнуть (о льде на окне)', *күрилкэ* 'сугроб, намет (снега после пурги)' [ССТМЯ, 1975, с.

³¹ Хотя п.-мо. *kirmaула-* 'снег идет при свете солнца' [Kow. 2546] также позволяет предположить номинацию на основе зрительного восприятия сияющих на солнце снежинок.

436, 437], эвен. *hору-* ‘выпасть (о первом снеге); покрыться снегом’, *horун* ‘снегопад’ [ССТМЯ, 1977, с. 334].

Согласный [n] встречается в анлауте мо. *нир-нар хий-*, *нирдхий-* ‘оглушить’, *нярхий-* ‘грохнуть (от разбитой посуды и др.)’; п.-мо. *nirge-*, мо. *ниргэ-* ‘сверкать, ударять (о молнии); громить’; п.-мо. *nürge-*, мо. *нүргэ-*, *нур хий-*, бур. *нарья-*, *нэрье-*, *нэрхир-*, *нүрхир-* ‘гремять, громыхать, трещать’, п.-мо. *nirgi-*, мо. *нирги-* ‘тихо гудеть; писать плавно’; як. *n'ir-n'ir* – о грохоте грома [СИГТЯ, 1988, с. 518], эвенк. *нирги-* ‘гремять, шуметь’ [ССТМЯ, 1975, с. 599].

Билабиальный [b] в анлауте дал п.-мо. *burγui*, мо. *бурγуй*, бур. *бургы*, калм. *бурһу*, ойр. *бурһуу* ‘сверло, бурав’ от звукоподражания *бур-р*. В т.-ма. языках звук сверления передается с помощью корней **tur/šur/pur/per/er*: эвенк. *мурупчанэ* ‘сверло’, орок. *муруку* ‘винт’ [ССТМЯ, 1975, с. 560], эвенк. *пурул-* ‘сверлить’, *пурупчāнэ* ‘сверло’; *пэриун* ‘дрель для сверления’; ма. *шуру-* ‘точить, обтачивать (на токарном станке)’; эвен. *эрэһэ* ‘сверло, бурав’, ма. *эрувэдэ-* ‘сверлить’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 430, 467]. П.-мо. *büriy-e* [Kow. 1257], мо. *бүрээ*, бур. *бүрээ*, калм. *бүрә*, ойр. *бүрәә* ‘труба, рожок, горн’ Э. В. Севортян сопоставляет с калм. *bör* – звукоподр. (о гремящих звуках), *bör-bör ge-* ‘гремять; рычать’. Автор также придерживается версии о звукоподражательном происхождении тюрк. *бору*, *borqu*, *буру*, *burqu* ‘дудка; свисток из ивовой ветки’, ссылаясь вслед за Б. Лауфером, А. Зайончковским на тур. *bur*, *pur* ‘гудение’ [ЭСТЯ, 1978, с. 195].

И, наконец, корни с анлаутной [p] служат для обозначения хлопанья, шлепанья, бульканья, чавканья, шарканья (о шагах грузного человека), треска мотоцикла, глохнущего мотора, писка и верещания: п.-мо. *parjgina-*, мо. *паржигна-* ‘трещать, гремять’; п.-мо. *parčigina-*, мо. *парчигна-*, бур. *паршагана-*, ойр. *парчиңна-*; п.-мо. *pirjigine-*, мо. *пиржигнэ-* ‘хрустеть’, бур. *пиршагана-*, *пирья-*; п.-мо. *pürdki-*, мо. *пүрдхий-* ‘шипеть при тушении огня водой’.

Рассмотренная категория ономастов представлена следующими корневыми морфемами.

Таблица 4

Виды корней, формирующих смешанный тип ономастов

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/у</i>	<i>ö/ü</i>
\emptyset	–	–	<i>ir, irj</i>	<i>or</i>	<i>ür, örb, örm</i>
<i>y</i>	<i>Yar, yarj</i>	–	–	–	–
<i>j</i>	–	<i>jerm</i>	<i>jir, jirk</i>	<i>jor</i>	<i>jürm</i>
<i>č</i>	<i>čar, čark, Čard, čarm</i>	–	<i>čir, čirk, čirč</i>	–	–
<i>š</i>	<i>šar, šark, šarj, šarč, šarb</i>	–	<i>sir, sirk</i>	<i>šur, šurj, šurč</i>	<i>šör</i>
<i>s</i>	<i>sar, sarč</i>	–	–	<i>sor, sorč</i>	–
<i>q/k</i>	<i>qar, qarj, qarč</i>	<i>kerč</i>	<i>kir, kirk</i>	<i>qor, qurd</i>	<i>kör, kür, kürk, kürd</i>
<i>γ/g</i>	–	–	–	–	–
<i>d</i>	<i>dar, darj, darč, dars, darb</i>	<i>der, derj, derb</i>	–	<i>dor, dorq, durj, durb</i>	<i>dör, dür, dürk, dürd, dürb</i>
<i>t</i>	<i>tarj, tarč</i>	<i>ter, terč, terd, tert</i>	–	<i>tor, torj, torč, tord</i>	<i>tür, türč, türd</i>
<i>b</i>	–	–	–	<i>bur</i>	<i>bür</i>
<i>p</i>	<i>par, parj, parč</i>	<i>per</i>	<i>pirj, pirč</i>	–	<i>pür, pürd</i>
<i>m</i>	–	–	–	–	–
<i>n</i>	<i>nar, narb, narm</i>	<i>ner, nerk, nerb</i>	<i>nir</i>	<i>nur, nurk</i>	<i>nürk</i>

Из таблицы явствует, что данный тип ономастов обладает большим набором корней, реализующих широкий спектр значений. В позиции инициали выходят на первый план согласные $[d/t]$ – 32 %, $[j/č/š/s]$ – 27 %. Приблизительно одинаковы показатели $[q/k]$ – 12 %, $[n]$ – 10 %, $[b/p]$ – 9 %, наконец, $[y]$ – 2 %. В ауслауте главенствуют аффрикаты $[j/č]$ – 28 %, далее следуют $[q/k]$ – 11 %, $[d/t]$ – 9 %, $[b]$ – 8 %, $[m]$ – 7 %. В рассмотренном материале зафиксировано 37% корней без ауслаутного и 6 % – без анлаутного согласного. Следует отметить, что ономастические слова данной группы имеют стертый характер денотата, что в определенной мере обусловлено слабой степенью дифференциации шумов одного класса, имеющих различные акустические характеристики.

В целом, наложение данных четырех таблиц, отображающих функционирование ономастов всех четырех лексико-семантических групп, дает следующую картину:

Таблица 5

**Типы корней с доминантой [r],
действующих в звукоподражательной сфере**

C_{un} / V	a	e	i	o/у	ö/ü
∅	<i>ar, ark, arč</i>	<i>er</i>	<i>ir, irk, irj</i>	<i>or, ur, ork, ord</i>	<i>ür, örs, örb, örm</i>
y	<i>yar, yark, yarj, yard</i>	<i>yer</i>	–	<i>yor, yorq, yorj, yord</i>	–
ǰ	<i>ǰar</i>	<i>ǰerm</i>	<i>ǰir, ǰirk</i>	<i>ǰor, ǰorg</i>	<i>ǰör, ǰürm</i>
č	<i>čar, čark, čarč, čard, čarm</i>	<i>čer</i>	<i>čir, čirk, čirč, čird</i>	<i>čor, čur, čork, čurk</i>	<i>čür</i>
š	<i>šar, šark, šarj, šarč, šarb</i>	–	<i>sir, sirk</i>	<i>šork, šur, šurj, šurč</i>	<i>šör, šürk</i>
s	<i>sar, sarč</i>	<i>ser, serj</i>	–	<i>sor, sur, sorč</i>	<i>sürk, sürc</i>
q/k	<i>qar, qarq, qarj, qarč, qard</i>	<i>ker, kerj, kerč, kerm</i>	<i>kir, kirk</i>	<i>qor, qur, qorj, qorč, qurk, qurd</i>	<i>kör, kür, kürk, kürd, kürj, kürč</i>
ɣ/g	<i>ɣar</i>	<i>ger</i>	–	<i>ɣor, ɣork, ɣorj, ɣurɣ</i>	<i>gür, gürd</i>
d	<i>dar, darj, darč, dars, darb</i>	<i>der, derj, derb</i>	–	<i>dor, dur, dorq, dorj, durj, durb</i>	<i>dör, dür, dürk, dürd, dürb</i>
t	<i>tar, tarj, tarč</i>	<i>ter, terč, terd, tert</i>	–	<i>tor, torj, torč, tord</i>	<i>tür, türč, türd</i>
b	<i>bar, bark, barj, bard</i>	–	–	<i>bor, bur, burq, burj</i>	<i>bür, бүрк</i>
p	<i>par, pard, parj, parč</i>	<i>per, perč</i>	<i>pirj, pirč</i>	<i>por, pur, porč, purč</i>	<i>pür</i>
m	<i>mar, marq</i>	<i>mer</i>	–	<i>mur</i>	–
n	<i>nar, narb, narm</i>	<i>ner, nerk, nerb</i>	<i>nir</i>	<i>nur, nurk, nurm</i>	<i>nürk</i>

Как видно, в сфере звукоподражания в монгольских языках представлены почти все возможные слоги с дрожащим сонантом [r] в позиции доминанты. При этом некоторые инициальные согласные имеют четкую привязанность к определенной лексико-семантической группе, о чем можно судить по данным следующей таблицы.

Таблица 6

Продуктивность $C_{ин}$ в корнях с $C_D [r]$ (в %)

	Животный мир	Человек	Неживая природа	Смешанный тип	Средний показатель
\emptyset	16	11	4	8	15
$ʃč/š/s/y$	31	34	40	27	28
$q/k/γ/g$	34	20	23	12	22
t/d	7	13	6	32	16
b/p	10	9	25	9	13
n	–	6	2	10	4
m	2	6	–	–	2

Как видно, инициальные $[b/p]$ формируют большое количество натурофонов. Согласные $[d/t]$, $[n]$ характерны в основном для ономатопов смешанного типа, согласный $[m]$ встречается преимущественно в анлауте антропофонов.

В конечной позиции, выступают, как правило, одни и те же согласные. Доминируют $[ʃč/s]$ – 22 %, с небольшим отрывом идут гуттуральные $[q/k/γ/g]$ – 20 %. Большая часть корней все же выступает без финального согласного – 46%. Оставшиеся 12 % распределены между ауслуутными $[d/t]$ – 7 %, $[m]$ – 3 % и $[b]$ – 2 %.

2.2. Участие доминанты $[m]$ в формировании звуковой сферы

В отличие от согласного $[r]$ возможности согласного $[m]$ в сфере звукоподражания настолько ограничены, что Л. Д. Шагдаров отмечает: «среди звукоподражательных корней [бурятского языка] нет корней с конечным m » [Шагдаров, 1962, с. 104]. Однако нам все же удалось установить несколько ономатопов с доминантой $[m]$, а также выявить ее участие в формировании поля нулевой фонации как средства вербализации молчания и тишины. В связи с тем, что звукоподражательный материал с доминирующим согласным $[m]$ представлен в сравнительно небольшом объеме, мы сочли возможным не выделять в нем отдельные группы по источникам звуков.

Активное участие губ в артикуляции согласного $[m]$ обусловило появление в монгольских языках ряда антропофонов, в том числе кинем,

обозначающих звуковые физиологические процессы, производимые человеческим ртом во время приема пищи: п.-мо. *šam šam* [Kow. 1450], мо. *шам шам хий*- ‘чавкать; есть’ (ср. рус. *шам-кать, чмо-кать*), *шам хий*- ‘уплетать’, бур. *шам-шам жажал*- ‘жевать, шлепая губами’, *шамшар*- ‘причмокивать’; калм. *шам-шам гиж ид*- ‘есть, чавкая’; п.-мо. *šimala*- ‘хотеть большего’ [Kow. 184], бур. *шамарла*- ‘не удовлетворяться тем, что есть (или что дают)’; п.-мо. *šatang*, мо. *цаман* ‘слишком разборчивый в еде; сытый, пресыщенный’; бур. *шомшор*- ‘прищелкивать, цокать (языком)’.

Ср. як. *чамыгыраа* от *чам* ‘звук при резком открывании и закрытии рта’; нег. *хамки*- ‘чавкать, жадно есть’; ма. *мамара*- ‘жадничать; требовать большего, лишнего’; эвенк. *чимңэ*-, сол. *ниңэ*-, эвен. *н’имңэ*-, нег. *нимңэ*-, ороц. *н’иммэ*-, орок. *нумгэ*- ‘проглотить’, нег. *нимңэли*- ‘глотать жадно, быстро’ [ССТМЯ, 1975, с. 461, 581, 595], нег. *чамули*- ‘съесть что-л. одному (не поделиться)’; ма. *чимкиша*- ‘чавкать’, *чимкишамэл’ан* ‘неохотно, без аппетита, чавкая есть’ [ССТМЯ, 1977, с. 386, 395].

Пкл.-мо. *sim, sime* [Tum. 562], п.-мо. *sim-e* [Kow. 1503], мо. *шум*, бур. *шэм*, калм. *шум*, ойр. *шуме*, орд. *sime*, мог. *simi*, даг. *sim, sime*, ж.-уйг. *šəte*, мнгр. *šime, šimēn* [EDAL 1328] ‘сок; питательность; плодородие; жизненные силы; влага; упитанность’; ср.-мо. *simi*- [SH], *sime*- [MA 333], п.-мо. *sime*- [Kow. 1505], мо. *шум*- ‘сосать, высасывать, обсасывать; лобзать’, бур. *шэмэ*-, калм. *шум*-, ойр. *шуме*-, орд. *sime*-, мог. *simi*-, даг. *sime*-, *simi*-, ж.-уйг. *šəte*-, мнгр. *šəte*-, *šəti*-, *šimu*- [EDAL 1328] ‘высасывать сок; смаковать какой-л. напиток’ восходят к движению губами, условно воспроизводящемуся с помощью корня **sim*, обозначающего высасывание сока из чего-л. и причмокивание. Аналоги достаточно четко восстанавливаются в языках алтайской общности: Птунг. **sime*- ‘просачиваться, сосать’, Птюрк. **simü*-, *šimü*- ‘сосать’, Пяп. *šim*- ‘впитываться, просачиваться’ [EDAL 1328].

К звукоподражательному корню **söm* следует возвести и п.-мо. *sömesü*, *sömüsin* ‘съестные припасы, пища; соус, похлебка, уха’ [Kow. 1430], мо. *сөмс*

‘отвар из овощей, злаков; жидкая похлебка’³². Ср. в тюркских языках: *сум-*, *сүмүр-* ‘глотать, жадно пить; потягивать (вино); тянуть, пить помаленьку; пить медленно, втягивая воду, цедя ее через зубы; хлебать; вылакать; съесть все сразу’ [ЭСТЯ, 2003, с. 380].

Функционирование ср.-мо. *čimegan* [НУ 48, МА], п.-мо. *čimüge(n)* ‘мозг (в костях), мозговая трубка’ [Kow. 2170], мо. *чөмөг*, бур. *сэмгэ(н)*, калм. *чимгн*, орд. *čotogo*, даг. *simug*, *simehe*, *simæg*, дунс. *čimeGe*, ж.-уйг. *čeŋgən*, мнгр. *čimige* [EDAL 430] ‘костный мозг; костномозговая масса; трубчатые кости’ также обусловлено движением губ при высасывании костномозговой массы из трубчатой кости. В т.-ма. языках: эвенк. *симит-* ‘грызть, глодать (кость)’, сол. *ш’имэ-* ‘сосать’, эвен. *нимат-* ‘грызть, сосать (кость)’, ороц. *симичи-*, уд. *симиси-* ‘сосать’, ульч. *симинэ-*, орок. *сими-*, нан. *сими-*, ма. *сими-* ‘всосать, впитать’; ма. *умэхэ* ‘кость (мозговая трубка верхней части передней ноги у животных, соединенная с лопаткой)’; эвен. *чѳмча-* ‘сосать, высасывать (кровь, мозг из костей)’; эвенк. *чумэ-*, *чумэмэ-* ‘сосать что-л.’, эвен. *чѳмэчин* ~ *чѳмэчен* ‘вымя’, ма. *чимику* ‘рожок (для кормления детей молоком)’, *чимилан* ‘рог охотничий’ [ССТМЯ, 1977, с. 87, 272, 394, 414]. А. В. Дыбо приводит Птюрк. форму **simgök>*siŋök* ‘кость, костный мозг’ [СИГТЯ, 2001, с. 261].

Как отмечает С. В. Воронин, отрывание языка от неба (и постепенное образование щели) – после смычной стадии «сосущего» движения языка, с силой прижатого к небу, – обуславливает выбор аффрикаты (как фонемы со смычно-щелевой артикуляцией) в соответствующих звукоизображениях. Ср. англ. *munch* ‘жевать, чавкать’, индонез. *kercap* ‘чавканье, чмоканье’, селькуп. *сорр* – о чмокании [Воронин, 1982, с. 92].

Семантически близко п.-мо. *kemi* ‘кровяной мозг в костях; отверстие в кости с кровяным мозгом’ [Kow. 2483], мо. *хим*, *хэм* ‘губчатое вещество костей’, калм. *кем* ‘губчатая кость’, ойр. *кем* ‘костный мозг’. С данной

³² П.-мо. *šölii*, мо. *шөл*, бур. *шүлэн*, калм. *шөлн*, ойр. *шөлен* ‘суп, бульон’, равно как и англ. *soup* ‘суп’, также восходят к подражанию, передающему звук всасываемой губами жидкости.

лексемой, а также с ма. *keti* ‘мозг, покрытый кровью’ обычно сопоставляют тюрк. лексему *кемик* ‘губчатое костное вещество; мягкие части костей; кость’, которая, по замечанию Л. С. Левитской, достаточно широко распространена в современных тюркских языках. Производящей основой тюрк. *кемик* Э. В. Севортян считает глагол **кем-* ‘грызть, глотать’, восстанавливаемый из *гемир-* ‘глотать’ [ЭСТЯ, 1997, с. 36]. Для т.-ма. языков А. В. Дыбо восстанавливает праформу **хитНан* < *хати-Нан* ‘костный мозг трубчатых костей’: эвенк. *ум̄ан*, сол. *ем̄а*, эвен. *ум̄н*, негид. *оман*, ороч. *ум̄ан*, уд. *ума(н)*, ульч. *хома(н)*, орок. *хума(н)*, ма. *ум̄жан* ‘костный мозг’ [СИГТЯ, 2001, с. 262].

Следует отметить, что в монгольских языках также представлен глагол ср.-мо. *ketile-* [МА 215], п.-мо. *keteli-* [Ков. 2483], мо. *хэмлэ-*, *химлэ-*, бур. *химэл-* ‘глотать, обглаживать; щипать траву (о лошади)’, калм. *кемл-*, ойр. *кемле-* ‘грызть (семечки); грызть (о лошади)’; п.-мо. *ketki-* ‘кусать; грызть, хватать рылом’ [Ков. 2489], мо. *хэмх-* ‘ранить, наносить ранение (о животном), кусать, грызть’: яс *хэмх-* ‘грызть кость’, калм. *кемк-*, ойр. *кемке-* ‘кусать (о собаке)’.

Значение ср.-мо. *qotuγai* [МА 301], п.-мо. *qotqai*, мо. *хомхой*, бур. *хомхой* ‘жадный, ненасытный’ также возникло на основе звукоподражания: ‘едящий, издавая звуки *хом-хом*’³³. Тат. *қўм*, тат. диал. *қўмсык*, башк. *қўмсыз*, *қўмхуз* ‘жадный’ Л. С. Левитская производит от глагола *қумсы-* ‘жадничать’ [ЭСТЯ, 2000, с. 147], который, очевидно, также имеет звуко-мимическое происхождение. Пкл.-мо. *qatki-* [Тум. 519], п.-мо. *qatki-* [Ков. 813], мо. *хамхи-*, ойр. *хамха-* ‘прикрывать; складывать; запахивать; смыкать, закрывать’ сопоставим с «Птунг. **kamp-* ‘складывать, сгибать; сжимать’, Пкор. **kām-* ‘закрывать (глаза)’» [EDAL 641], як. *хам* ‘плотно, крепко, туго’.

Корень **tamš/tamt*, обозначающий причмокивание, чавканье, без труда восстанавливается в глаголах п.-мо. *tamsiya-* [Ков. 1646], мо. *тамшаа-*, бур. *тамшаа-*, калм. *тамша-*, ойр. *тамшаа-* ‘чавкать; производить губами и

³³ Ср. рус. разг. *хав-ать*, *за-хан-ать*, *хан-уга*.

языком громкие, причмокивающие звуки'; п.-мо. *tamturi-*, мо. *тамтпру-* 'пытаться съесть что-л., пробовать'. Ср. Птунг. **tami-* 'чавкать; вдыхать; глотать (воздух, слюну)', Пяп. **tàmias-* 'пробовать'. По предположению Г. Дёрфера, корень имеет ономатопеическое происхождение (*onomatopoetisch-verdächtig*) [EDAL 1397–1398].

Номинация в п.-мо. *tamaki* [Kow. 1644], мо. *тамхи(н)*, бур. *тамхи(н)*, калм. *тамк*, ойр. *тамке* 'табак', п.-мо. *дамга-а*, мо. *дамга* 'желтый нюхательный табак' также, по всей вероятности, обусловлена причмокивающими звуками, сопровождающими процесс курения. В тюрк. языках: каз. *темеки*, тат. *темеке*; в т.-ма. языках: эвенк. *дамга*, сол. *даңга*, ороц. *дāмиги~дāмиси*, уд. *дами*, ульч. *даңти*, нан. *дамахи* 'табак' [ССТМЯ, 1975, с. 195]; орок. *тума* 'мундштук (для курительной трубки)' [ССТМЯ, 1977, с. 414].

П.-мо. *emkii-*, *imkii-* [Kow. 220, 540], мо. *үмхэ-*, бур. *үмхэ-*, калм. *омх-*, *үмк-*, ойр. *үмке-*, орд. *иңки-*, даг. *ипки-*, *итки-*, мнгр. *иңквā-* 'брат, класть в рот; держать во рту; куснуть, откусывать' восходят к мимемам **imk/emk*. Калм. глаголы *үмк-/үмг-* также имеют значение 'кусать, покусать (о собаках)'. П.-мо. *ötii*, мо. *өм*, калм. *өм* функционирует в роли частицы, обозначающей что-л. оторванное от целого или процесс отделения части от целого: *өм цөм* 'оторванный кусками, разбитый вдребезги', *өм тат-* 'отрывать куском; разорвать', п.-мо. *čötele-*, *čömiile-* 'срывать, отламывать, разбивать, разрушать' [Kow. 2226]. Наиболее древним выглядит звуко-символическое значение в сложном глаголе мо. *өм хаз-* 'откусывать зубами', ойр. *шүдээрэн цөм хаза-* 'прокусить зубами'.

В рамках тюрко-монгольской изоглоссы Пмонг. **emkii-* 'глотать; кусать; жевать' сопоставляется с Птюрк. **em-ig*, **em-ček* 'грудь (женская); сосать; сосок' [EDAL 505–506]. Ср. также ма. *тумиҳа* 'сосок' [ССТМЯ, 1977, с. 213]. Как отмечает Э. В. Севортян, этимологию тюрк. *ем-* такие исследователи, как Г. Рамстедт, Б. Коллиндер пытались объяснить подражанием движению рта [ЭСТЯ, 1974, с. 271]. Прозрачно звуко-мимическое происхождение п.-мо. *ötügelje-* 'смеяться, высунув язык; осмеивать' [Kow. 538], мо. *өмөлз-*

‘смеяться, хихикать, плакать, сжимая рот’; мо. *өмөс-өмөс* ‘беззвучно есть’, *өмхөсхий-* ‘внезапно беззвучно засмеяться’³⁴.

Известно, что в т.-ма. языках корень **um*, артикуляция которого сопряжена с вытягиванием вперед и смыканием губ, служит для образования значения: эвенк. *ум-* ‘пить’, нег. *ом-*, ороч. *уми-*, уд. *уми-*, нан. *оми-*, ма. *оми-* ‘пить; курить’ [ССТМЯ, 1977, с. 266]. Г. Рамстедт отмечает, что в основе мо. *ии-* (<**ири*) ‘пить’ и *umdān* ‘напиток’ лежит подражание движению губ [Рамстедт, 1955, с. 108]. К ср.-мо. *undan* [SH], пкл.-мо. *umda(n)* [Tum. 602], п.-мо. *umda(n)* ‘напиток; сусло, сладкий квас хлебный’ [Kow. 414], мо. *унд*, бур. *умда(н)*, *унда(н)*, калм. *ундн*, ойр. *умдан*, орд. *unda*, мог. *undō*, *ondān* ‘напиток, питье’; ср.-мо. *unda ān* [MA 364], *umdaan* [LH], пкл.-мо. *umdaya:n* [Tum. 602], п.-мо. *umdayan* ‘питье’ [Kow. 414], мо. *ундаа* ‘кислое, молочное питье; напиток’; бао. *ндэга*, *ндэгу* ‘еда, пища’ [Тодаева, 1964, с. 145] в Алтайском словаре также приводится Пкор. форма **та-* ‘пить’, в которой произошло закономерное выпадение инициальной гласной. «Несмотря на мнение Г. Дёрфера, В. Розицкого, монгольская форма (зафиксированная уже в «Тайной истории монголов») не может быть тунгусизмом» [EDAL 1500].

Выделяя корень **um* ‘глотать воду, пить’ в бур. *ундан* // *умдан*, калм. *умср* ‘влажный, талый (о снеге)’, *умсрх* ‘увлажняться’, общемонг. *умба-* ‘плыть’, В. И. Рассадин приходит к выводу, что именно от этого корня образовано слово **umsun* ‘вода’ (т.е. ‘то, что пьют’), давшее в современных монгольских языках рефлексy: бур. *уһан*, мо. *ус*, калм. *усн*, дунс. *усу* ‘вода’ и т.п. На данном примере автор демонстрирует закон выпадения сонантов перед шумными согласными, действовавший достаточно интенсивно в прошлом (например, п.-мо. *mölsün* > мо. *мөс* ‘лед’, п.-мо. *moylsun* < зап.-бур. *мойһон* ‘черемуха’ и др.) и действующий ныне в ряде монгольских языков и диалектов. О реальности предположения архетипа **umsun* для называния воды в древнемонгольском языке свидетельствует на алтаистическом уровне

³⁴ Звукоподражательное начало легко восстанавливается в русском глаголе *хмык-нуть*, но совсем затемнено в существительном *смех*.

наличие т.-ма. параллели в виде глагола *om-* // *um-* ‘пить’ [Рассадин, 2008, с. 166–167]. Л. В. Дмитриева также предполагает, что п.-мо. *usun* ‘вода’ восходит к той же основе, что и *uu-/uyu-* ‘пить’ [Дмитриева, 1984, с. 165]. В качестве альтернативы можно также предположить и выпадение сонанта [r] в Пмонг. форме **ursun* ‘вода’ (> *usun*), которая коррелировала бы с глаголом *urus-* ‘течь’.

Корни **gem/ǰem/tam/dam* могут передавать различные оттенки высказывания: п.-мо. *gemere-* [Kow. 2483], бур. *гэмэр-* ‘ворчать, брюзжать, быть всегда недовольным’³⁵; п.-мо. *ǰemle-*, *ǰimle-* ‘обвинять кого-л. в проступке; журить’ [Kow. 2313], мо. *зэмлэ-*, бур. *зэмэл-*, калм. *земл-*, ойр. *земле-* ‘порицать, осуждать, ругать (слегка)’, п.-мо. *tam tum ögüle-* ‘говорить вздор’ [Kow. 1643], мо. *там тум яри-* ‘плохо говорить’; п.-мо. *dam dum*, мо. *дам дум сонс-* ‘улавливать лишь кое-что’; п.-мо. *tamala-* ‘петь (о шаманах)’ [Kow. 1644], мо. *тамла-* ‘петь, напевать; говорить речитативом’; п.-мо. *damir üge* ‘пустословие’ [Kow. 1646], мо. *дамар* ‘острословие; насмешка’, калм. *дамар* ‘уст. пустословие’, *дамбрл-* ‘высмеивать, подшучивать’, *дамбрч* ‘сатирик’³⁶.

Сема говорения заложена и в п.-мо. *demeyire-* [Kow. 1725], мо. *дэмийр-*, бур. *дэмыр-* ‘бредить; болтать бессвязно; действовать безрассудно; говорить чепуху’³⁷; п.-мо. *dom* [Kow. 1860], мо. *дом*, бур. *дом*, калм. *дом*, ойр. *дом*, орд. *dom*, даг. *dom*, ж.-уйг. *dom* [EDAL 888] ‘заговор (от болезни); магия, магическое средство; знахарство’ и ср.-мо. *domox(či)* [SH], п.-мо. *domu* [Kow. 1863], мо. *домоғ*, бур. *домоғ*, калм. *домғ*, ойр. *домоғ*, даг. *domege*, ж.-уйг. *domog* [EDAL 888] ‘легенда, предание; миф; рассказ; история’.

Лексемы *dom* и *domu* сопоставляются алтаистами с Птунг. **nim-ŋā-* ‘шаманить; сказка’, Птюрк. **jom*, **jom(ŋ)ak* ‘рассказ, притча; счастье, доброе

³⁵ Калм. *гемур* функционирует в переносном значении ‘душевное беспокойство, тревога’.

³⁶ Однако в п.-мо. *tomurun* [Kow. 1864], мо. *томруун* реализуется противоположное значение ‘отчетливый, ясный, определенный’, *томруун үг* ‘внятное слово, ясная речь’, «ма. *томорхон* ‘ясный, чистый (о выговоре, произношении слова)’» [ССТМЯ, 1977, с. 196].

³⁷ Ср. баргуз. *тэмэгэнэ-* ‘суетиться, мельтешить; делать необдуманные поступки’.

предзнаменование; слово; загадка' [EDAL 888–889]. В компоненте ср.-мо. *em* [ЛН, МА 152], пкл.-мо. *em* [Тум. 385], п.-мо. *em* [Ков. 213], мо. *эм*, бур. *эм*, калм. *эм*, ойр. *эм*, бао. *мам* 'лекарство', образующем с *дом* парное слово (п.-мо. *em döm* [Ков. 213], мо. *эм дом* 'целебное средство, лекарство'), возможно, также заложена сема говорения, бормотания при заговоре болезни.

Как отмечает Л. С. Левитская, с тюрк. *қамчы* 'гадающий, вызывающий мертвых духов, шаман, волшебник, прорицатель, чревовещатель' нередко сравнивают чув. *йумçă* 'ворожея, знахарь, знахарка'. Соответствие начальных *й ~ қ* подтверждается другими примерами и фонетически *йумçă ~ қамчы* вполне возможно, в связи с чем чув. *йум* можно признать закономерным соответствием *қам*. Семантика же *йум* (судя по парному слову *им-йум* 'лекарства' и *йумла-*, *им йумла-* 'лечить народными средствами, заклинаниями, заговорами') совпадает со значением турк. *йом* (в составе *ем-йом* 'лекарства'), тур. 'счастье, благополучие, добрая весть' [ЭСТЯ, 1997, с. 241]. Таким образом, можно предположить, что корневой согласный [т] служил для образования лексем со значением 'прорицатель', пройдя ступень звукоподражания.

В т.-ма. языках представлен широкий спектр звукоподражательных глаголов данного лексико-семантического поля: ма. *бэмбэрэ* 'заговариваться, повторять одно и то же (от забывчивости, в старости)'; ульч. *гэмури-* 'бормотать, разговаривать самому с собой'; нег. *кэмбэ-* 'ворчать, брюзжать'; эвенк. *лэмек* 'постоянно чем-то недовольный, жалующийся'; ма. *намси гисурэ-* 'молоть всякий вздор'; нег. *Уэмутэ-*, орок. *Уэмури-* 'шептать', нан. *ајактачими гэмури-* 'ворчать', *гэм-м* – о слабо уловимом гомоне³⁸ людей, *гэмури-* 'шептать, бормотать; разговаривать самому с собой'

³⁸ Рус. *гомон*, согласно мнению М. Фасмера, заимствовано из германских языков: ср. др.-исл. *gatan* 'радость, веселье', англ. *game* 'игра' [Фасмер, 1964, с. 436]. Рус. *гам*, *гамень*, *гамить* 'шуметь' Э. Бернекер склонен считать звукоподражаниями, в то время как другие допускают здесь чередование гласных с *гомон* 'шум' [Фасмер, 1964, с. 390]. Относительно же лексем *шум* такие авторы, как А. Г. Преображенский, Н. В. Горяев, А. Брюкнер считают, что исходным было звукоподражательное **šiu-* [цит. по: Фасмер, 1973, с. 486].

[ССТМЯ, 1975, с. 125, 179, 447, 516, 582, 669], ульч. *самчу*- ‘бормотать; бредить (во сне)’; эвенк. *шименам̄т*-, нег. *симумат*-, орок. *симерууи*, *симумтчи*-, нан. *симуэчи*- ‘шептать; бормотать’; эвенк. *һумэт*-, эвен. *һумкэмэт*-, ороц. *сумэчи*-, уд. *сумэмэси*- ‘шептаться, шушукаться’; эвенк. *тампа*- ‘болтать вздор’; эвенк. *тимнэ*- ‘ворчать; говорить про себя; бредить’; эвенк. *чомби*- ‘болтать вздор; бубнить’ [ССТМЯ, 1977, с. 60, 88, 126, 160, 182, 406].

Птюрк. **sim*- ‘говорить невнятно; шептать’ восстанавливается на основе карах. *sumli*-, турк. *sim-sim*, хак. *sim* ‘тишина’; тув. *simiran*-, тоф. *simira*-, чув. *səmpəltet*- ‘лопотать’ [EDAL 1252], узб. *gumbur-gumbur* – о рокоте голосов [СИГТЯ, 1988, с. 518], каз. *гум* – подражание низкому баритону, басу, *гүмпілде*- ‘говорить громко (басом)’ [Кайдаров, 1986, с. 200]. От подражательной основы **сам/самыр* также образованы турк. *сам сам* ‘болтливый’, *самыр самыр* – подражание длительному бормотанию, *самра*- ‘бредить, болтать вздор’, тур. диал. *samra*- ‘бредить, болтать во сне’, *samirda*- ‘бредить; бессмысленно болтать; много говорить’ [ЭСТЯ, 2003, с. 226].

Лексический материал с доминантой [m] свидетельствует о том, что этот согласный также служит для образования поля нулевой фонации как репрезентации молчания и тишины. По всей видимости, это связано с тем, что сомкнутые губы по-своему символизируют отсутствие каких-либо звуков. Данный звук широко представлен в лексемах, номинирующих тишину, безмолвие, молчание, различной огласовки: п.-мо. *em j̄im* [Kow. 218], мо. *эм жим* ‘безмолвие, ничем не нарушаемая тишина’; п.-мо. *im čim, im j̄im* [Kow. 312], мо. *им жим* ‘тихо, безмолвно, бесшумно’; п.-мо. *j̄imir*, мо. *жимэр* ‘тишь да гладь; без забот’; п.-мо. *dömtüger*, мо. *дөмгэр* ‘тихий, спокойный’; п.-мо. *pat güim* [Kow. 594], мо. *нам гүм*, бур. *нам*, *нэм*, калм. *нам*, ойр. *нам* ‘тихий, спокойный’; ср.-мо. *патиуан, потиуан* [МА 245, 560], п.-мо. *патиуип*, мо. *намуун* ‘тихий, слабый, нежный’; пкл.-мо. *потуқан* [Тум. 486], п.-мо. *потуқан* [Kow. 690], мо. *номгон*, бур. *номгон*, калм. *номһн*, калм. *номхон* ‘смирный, спокойный’ и пр.

Пмонг. **notu-lnete-lnima-* ‘спокойный, кроткий, мягкий, нежный’ сопоставляется с Птунг. **ñute-lñamalñet-* ‘теплый; мягкий; спокойный; слабый, расслабленный’ и Птюрк. **jim-lǰa-k* ‘мягкий’. По предположению авторов Алтайского словаря, первоначальным значением должно было быть ‘мягкий, нежный (в целом и в частности, о погоде, фруктах и пр.)’ [EDAL 992–993]. Здесь мы имеем дело с соотношенностью артикуляторных характеристик согласного [m] с сенсорно-эмоциональными характеристиками денотата.

В т.-ма. языках распространены следующие лексемы с идентичной семантикой: нег. *хэмэ*, ороч. *хэмэ*, ульч. *хэмэ*, орок. *хэмэ*, нан. *хэм-хэм* ‘молча, тихо’; ма. *мими-* ‘зажимать рот; не говорить’; ороч. *мэмэ* ‘немой’, ма. *момоқори-* ‘безмолвно, молча’; эвенк. *уэмел;* ‘молчать, сидеть молча’ [ССТМЯ, 1975, с. 481, 537, 567, 669], эвенк. *омтāн-* ‘молчать’, эвенк. *симелā-* ‘молчать’, нег. *симухин* ‘молчаливый’, уд. *сим-сим* ‘молча’, ульч. *сим очо-* ‘замолкнуть’, нан. *симчэк;* ‘тишина’; эвенк. *сумкэт-*, нег. *сум;т-*, ульч. *сумэчи-* ‘таить, молчать, умалчивать о чем-л.’; эвенк. *тамурга-* ‘замолчать’ [ССТМЯ, 1977, с. 18, 88, 160]³⁹. В тюркских языках также функционируют корни *тым/дым* со значениями ‘умолкать, замолкать; безмолвно, молча; молчаливый, спокойный; осторожно, исподтишка’: ср. каз. *тым-тырыс* ‘безмолвие’, ккал. *тым-тырс* ‘тишина, пауза’ [ЭСТЯ, 1980, с. 340–341].

Как видно из значений примеров, фонема [m] в корне передает как отсутствие звуков, шумов, так и душевное спокойствие, умиротворение: п.-мо. *атар*, мо. *амар*, бур. *амар*, калм. *амр*, ойр. *амар* ‘спокойствие, благополучие’; пкл.-мо. *атиууланг* [Тум. 299], п.-мо. *атиууланг* [Ков. 108], мо. *амгалан*, бур. *амгалан*, калм. *амулң*, ойр. *амһалаң* ‘мир, покой; тишина, умиротворение’. Значение ‘спокойствие’ восстанавливается в идентичных корнях других алтайских языков: Птунг. **ām-* ‘спать, хотеть спать’, Птюрк. *йт-* ‘тихий, спокойный; любить, радоваться; вежливость; милый; быть спокойным’ [EDAL 298–299].

³⁹ Ср. функцию [m] в рус. имитативном корне **молк:* с-молк-нуть, у-молк-нуть, молч-ать.

Закономерно, что в ряде случаев сема ‘тишина’ влечет за собой ‘осторожность’: п.-мо. *damdum* ‘нерешительно’ [Kow. 1649], п.-мо. *dam dum*, мо. *дам-дум* ‘с опаской’, бур. *дүмүү* ‘осторожный’; ср.-мо. *sem, sim* [SH], *sem* [IM], *sem* [MA 320], пкл.-мо. *sem* [Tum. 550], п.-мо. *sem* [Kow. 1357], мо. *сэм*, калм. *цем*, ойр. *сем*, орд. *semēr*, дунс. *śiātə*, бао. *somkənaŋ*, ж.-уйг. *semēr*, мнгр. *sətiugēr* [EDAL 1516] ‘тихо, крадучись; бесшумно, тайно’.

Однако в значении некоторых слов все же проявляется сема ‘звук, шум’: ср.-мо. *čime'en* [HY], п.-мо. *imege čimege, čim-e* [Kow. 310, 2167], мо. *имээ, чимээ*, бур. *шэмээ*, калм. *чимэн*, орд. *čimē*, мнгр. *čimē* [EDAL 1426] ‘шум, гул, крик; молва, слухи’. К форме *čimege* авторы EDAL приводят следующие алтайские параллели: Птунг. **tim-* ‘затишье (о погоде); притихнув, примолкнув; шевелить губами, ворчать; тишина (ночью в лесу)’; Птюрк. **Tiŋ(mi)* ‘звук; говорить; ворчать’; Пяп. **tàmár-* ‘молчать’; Пкор. **tamir-* ‘закрывать рот, молчать’ [EDAL 1426–1427].

Ср. эвенк. *дэмбулк;н-* ‘послышаться (о шуме реки)’ [ССТМЯ, 1975, с. 234], эвенк. *чумри-* ‘звучать, раздаваться (об эхо в воде)’ [ССТМЯ, 1977, с. 414]. Функционирование в языке корней **jīm* ‘тишина’ и *čim* ‘шум’ подтверждает то, что сфера тишины как репрезентация отсутствия звуков связана как с отсутствием движения (покоем), так и с наличием слабо выраженных звуковых сигналов. Это, в свою очередь, свидетельствует о диффузном характере сферы тишины в пределах общей звуковой сферы и об отсутствии четких границ между звуком и его отсутствием в слуховом восприятии. Возможно, поэтому в эвенкийском языке ‘тишина’ репрезентируется с помощью корня **čer*: *чэрелб* ‘тишина, спокойствие, покой’, *чэрелэжэ* ‘тихий, спокойный; тихо, бесшумно (о природе)’ [ССТМЯ, 1977, с. 422]. Ср. рус. *звнящая тишина*.

Значения ‘дышать’ реализуются в следующих производных от корня-мимемы **am/ams*, передающей хватание воздуха ртом: ср.-мо. *hamis-* [MA 181], пкл.-мо. *amis-* [Tum. 297], п.-мо. *amisa-*, мо. *амьса-*, даг. *amisa-*; бур. *амил-*, калм. *эмл-* ‘дышать’; ср.-мо. *amu-* [LH], п.-мо. *amu-*, мо. *ама-*

‘передохнуть, вздохнуть; успокаиваться, отдыхать; жить спокойно’; пкл.-мо. *amara-* [Tum. 297], п.-мо. *ama-*, *amara-* [Kow. 99], мо. *ама-*, *амра-*, бур. *амар-*, калм. *амр-*, ойр. *амра-*, дунс. *hamura-*, бао. *hamera-*, мнгр. *xaturā-* [EDAL 298] ‘передохнуть; вздохнуть, отдышаться’. В буддийской философии дыхание рассматривается как связующее звено между внутренним миром тишины и внешним миром активности.

По всей видимости, глагол ср.-мо. *unta-* [MA 365], пкл.-мо. *umta-* [Tum. 602], п.-мо. *umta-* [Kow. 414], мо. *унта-*, бур. *унта-*, калм. *унт-*, ойр. *унта-* ‘спать, уснуть’ также сопряжен с образом сомкнутых губ во время сна: баргуз. *хум гэ-* ‘вздремнуть’, где **qum/um* передает спокойное, размеренное дыхание спящего человека. Б. И. Татаринцев приводит следующие формы, распространенные в тюркских языках: тув. *кум кылын-* ‘дремать, вздремнуть’, *кумна-* ‘быть глухим, безразличным к происходящему’, тоф. *һым кын-* ‘немного вздремнуть’, як. *кум* ‘мгновенный сон; сон на одно мгновение’, *кум гын-* ‘недолго поспать’, хак. *хым* ‘кратковременный сон’, *хым ит-* ‘вздремнуть’ [Татаринцев, 2004, с. 294].

Рассмотренные глаголы тесно взаимосвязаны с соматическими терминами, обозначающими внешние каналы поступления воздуха в организм человека, животного. Базовый соматический термин ср.-мо. *aman* [HY 45, SH], *aman* [IM 432], *aman* [MA 99], пкл.-мо. *aman* [Tum. 296], п.-мо. *ата(н)* ‘рот, уста; нос птичий; рыло’ [Kow. 95], мо. *ам(ан)*, бур. *ама(н)*, калм. *амн*, ойр. *аман*, орд. *ата*, мог. *атап*, *атип*, даг. *ата*, дунс. *атап*, бао. *атап*, ж.-уйг. *атап*, мнгр. *ата* [EDAL 296] ‘рот, уста; пасть, зев’ представляется мимемой, воплощающей зрительнообразное представление закрывающегося рта во время вдыхания воздуха: *[a]* передает образ открытого рта в момент произнесения данного гласного, *[m]* – образ смыкания губ при артикуляции данного согласного.

В монгольских языках также представлены производные от корня **sam:* п.-мо. *samaldaγ*, мо. *самалдаг* ‘хрящевые пластинки, образующие носовые проходы’; п.-мо. *samsa* ‘хрящ в ноздрях’ [Kow. 1317], мо. *самсаа*, ойр.

самсаа, орд. *samsā* [EDAL 1317] ‘крылья носа; ноздри, ноздревой хрящ с обеих сторон носа’, сопоставляемые с «Птунг. **songi-* ‘нос; кончик носа; кольцо в носу’, Птюрк. **sum-* ‘нос’» [EDAL 1317], а также п.-мо. *kimsa*, мо. *хямсаа* ‘крылья носа’; бох. *амһааг, самааг* ‘жабры’.

Подобное «прочтение» семантики приведенных выше терминов делает возможным привлечение к данному семантическому ряду и термина ср.-мо. *qabar* [НУ 45, SH, MA 285, LH], п.-мо. *qabar, qamar* [Kow. 804], мо. *хамар*, бур. *хамар*, калм. *хамр*, ойр. *хамар*, мог. *qabar*, даг. *qamar*, дунс. *qava*, бао. *хор*, ж.-уйг. *xawar*, мнгр. *xawar* [EDAL 806] ‘нос’⁴⁰. Менее вероятно возникновение соматизма на основе зрительного восприятия его формы, хотя некоторые формы из других языков свидетельствуют в пользу данного вероятия: як. *хомпоһор, хомпорхои* ‘горбатый, выгнутый’, *хомпо мурун* ‘с высоким переносьем’; нан. *қомб* ‘переносица’; ма. *кумчухун* ‘горбатый’, *кумчурэ-* ‘сгорбиться’; нан. *кумурэ* ‘выпукло, бугристо’ [ССТМЯ, 1975, с. 409, 431, 447]. В EDAL форма сопоставляется с Птунг. **хоһа-* ‘нос; нос (лодки); переносица’; Птюрк. **K(i)аһ-(ir)-* ‘нос; гнусавить; клюв, морда; пересохший (о носе); переносица’ [EDAL 806].

Таким образом, во всех лексемах со значениями ‘нос; рот’ выделяемая мимема **am/qam/sam* представляет собой имитацию дыхания. При этом согласный [s] в разных позициях создает «шумовой» компонент вдыхания/выдыхания воздуха через ноздри, жабры, в то время как [q] в анлауте предстает как наиболее органичный, «бесшумный» показатель начала звучания. Ту же линию семантического развития демонстрируют лексемы *хоншоор, хушуу* со значением ‘морда, рыло’ (см. §4.4).

Эвен. форма *там-* ‘вдохнуть, втянуть в себя воздух’ [ССТМЯ, 1977, с. 158] позволяет выявить связь п.-мо. *tamir* [Kow. 1645], мо. *тамир*, бур. *тамир*, калм. *тамр* ‘сила; энергия, здоровье; крепость физическая’ со ср.-мо.

⁴⁰ Б. Я. Владимирцов пишет, что при чередовании согласных [b] и [m] формы с [m] оказываются более новыми, возникшими под влиянием монгольских живых говоров: *хабар ~ хатар (~ хатбар)* ‘нос’, в дальнейшем также отмечая древнее чередование [b] и [m] [Владимирцов, 1929, с. 401]. Согласные [b] и [m], относясь к категории смычных фонем, с точки зрения фоносемантики могут передавать идентичные признаки.

amin [ЛН], пкл.-мо. *amin* [Тум. 297], п.-мо. *ami(n)* ‘дух, дыхание; жизненный дух, жизнь, живот, т.е. соединение всех чувств и органов’ [Kow. 101], мо. *амь* (*амин*), бур. *амин*, калм. *эмн*, ойр. *эмен*, орд. *ати*, даг. *ати*, дунс. *amin*, мнгр. *ати* [EDAL 298] ‘жизнь, душа; сердце, дух’. Сол. *ами* ‘жизнь’ относится к заимствованиям из монгольских языков [ССТМЯ, 1975, с. 37].

Семантически близка к рассмотренным выше лексемам п.-мо. *sambaya* [Kow. 1317], мо. *самбаа* ‘сила, крепость; смелость, отвага’, в которой развился широкий спектр значений: ‘хладнокровие, самообладание; находчивость; подходящий момент’. Как отмечают авторы Алтайского словаря, «выдвигались различные версии о заимствованном характере данного слова: Г. Рамстедт – из неизвестного тибетского источника, Сухбаатар – от санскритского слова **sambhaga*, связь с которым очень сомнительна». Сами авторы предполагают, что слово может быть исконно монгольским [EDAL 1208]. Здесь мы наблюдаем закономерную с точки зрения физиологии семантическую цепочку: ‘дыхание’ → ‘сила’.

В данной главе мы также сочли возможным рассмотреть корни с согласным [т], передающие значение ‘трястись, колебаться’, поскольку вибрационная чувствительность, относящаяся к недостаточно изученным интермодальным видам чувствительности, связывает тактильно-моторную сферу со слуховой и в генетическом плане, по мнению ряда психологов, является переходной формой от осязательных ощущений к слуховым. «Основное положение «слуховой» теории заключается в том, что тактильное восприятие звуковой вибрации понимается как диффузная звуковая чувствительность. Представители этой теории придерживаются той точки зрения, что тактильно-вибрационная чувствительность – этап развития слуха» [Рубинштейн, 2002, с. 197].

Физические свойства объекта ‘трясущийся, колышущийся’ реализуются в корнях **bamb/nam/namb*: п.-мо. *bambalǰayur*, мо. *бамбалзуур*, бур. *бамбалзуур* ‘трясина, зыбкое болото’; п.-мо. *namalǰa-* [Kow. 616], мо. *намалз-* ‘колыхаться; пружинить’; п.-мо. *namira-*, мо. *намир-*, бур. *намир-*, ойр. *намар-*

‘развеваться, реять’. Ср. эвенк. *нуми-* ‘маячить’ [ССТМЯ, 1975, с. 610]. Сопоставление данных глаголов с рассмотренными выше п.-мо. *durba-*, *darbalǰa-*, *derbe-*, *qorulǰu-* ‘развеваться по ветру; крутить, трепать ветром’ позволяет выявить разницу в использовании данных глаголов: если в производных от корней с доминантой [r] отчетливо «слышится» звук развевающегося на ветру полотна (ср. рус. *ветер рвал паруса*), то в глаголах с корневым [m] описываемый процесс, очевидно, происходит более плавно и почти бесшумно (рус. *флаги реяли над площадью*).

Значения ‘колеблющийся, топкий’ эксплицитно в п.-мо. *патуу* [Kow. 616], мо. *намаг*, бур. *намаг*, калм. *намаг*, ойр. *намаг* ‘болото, трясина, топь’. В Алтайском словаре к Пмонг. **natug* ‘болото’ помимо Птунг. **lāmi* ‘море, волна’ также дается Пяп. форма **nàtì* ‘волна’ [EDAL 866–867]. Ср. эвен. *имьлқан* ‘болото, топь, тундра’; ма. *қамбулǰа-* ‘трястись, колебаться (о болотистой почве под ногами)’; ма. *лумбурǰа-* ‘струиться (о воде); колыхаться (о трясине)’ [ССТМЯ, 1975, с. 312, 370], эвен. *омчик* ‘топь; трясина, болото’; ма. *сумбулǰа-* ‘трястись, колыхаться (о земле под ногами после растаявшего снега)’; эвен. *тэмбьу* ‘трясина, топь, болотистое место’, нан. *тэмбил-тэмбил бв* ‘зыбкий, колеблющийся’; уд. *чомпо-* ‘увязнуть (в болоте, грязи, снегу); проваливаться одной ногой под лед’ [ССТМЯ, 1977, с. 18, 125, 233, 406].

В п.-мо. *јатау*, *јатуу* ‘болотистое растение’ [Kow. 2292], мо. *замаг*, бур. *замаг*, калм. *замг*, ойр. *замаг*, орд. *јатаG*; мнгр. *јamburaG* [EDAL 1534] ‘тина, водоросли’ также, возможно, заложен признак ‘нечто колыхущееся (на воде), топкое’. Эвенк. *јмак* ‘мох’ считается заимствованием из монгольских языков [ССТМЯ, 1975, с. 247]. В EDAL Пмонг. **јатау* сопоставляется с Птунг. **јетки* ‘название растения (болотного, которое любят олени и лоси); кормовище (олений и лосей), заводь, протока (куда приходят есть болотное растение и на водопой изюбри и другие животные)’, Птюрк. **јат* ‘соринка; мусор, плавающий по воде’ [EDAL 1534].

В фитонимах п.-мо. *ǰamal* ‘водная чечевица’ [Kow. 2292], мо. *ǰамал* ‘щитолистник болотный’; п.-мо. *ǰambaγan-a*, мо. *замбагана* ‘болотноцветник’; п.-мо. *simarsu*, *simersü*, мо. *шамарс*, *шимэрс* ‘копеечник альпийский’ также допустима мотивация, связанная с вибрационной чувствительностью, поскольку указанные растения произрастают по окраинам болот.

В монгольских языках корни с доминантой [m] также образуют глаголы, означающие движение по воде: п.-мо. *samira-* [Kow. 1316], мо. *самра-*, бур. *һамар-*, калм. *самр-*, ойр. *самар-* ‘плавать, плыть (на поверхности)’; бур. *тамар-* ‘плавать’; ср.-мо. *unba-* [MA 364], п.-мо. *umba-*, *umbi-* ‘плыть по воде (без судна)’ [Kow. 414], мо. *умба-*, бур. *умба-*, даг. *хотрā-*, дунс. *umba-*, бао. *tba-*, ж.-уйг. *umba-*, *mbā-*, мнгр. *ximbā-* [EDAL 1171] ‘брести по воде; плавать в воде, плыть по воде’; п.-мо. *ǰumba-*, мо. *шумба-*, ойр. *шумба-* ‘нырять; погружаться в воду’. Следует отметить, что для Пмонг. *humba-*, Птунг. **rom-* ‘оставить свежий след; подкрадываться; бродить; черпак’; Птюрк. **омащ-* ‘погружаться; черпак’ и Пяп. **rūt-* ‘ступать, топтать’ авторы EDAL выявляют единое значение ‘двигаться с трудом, через что-л. (воду, траву, снег и пр.)’ [EDAL 1171].

Ср.-мо. *laba* [IM], п.-мо. *патаγа* [Less. 562], мо. *намаа*, бур. *намаа*, калм. *намч*, ойр. *намчи* ‘листва’, орд. *патā*, мог. *пōт*, даг. *lavā* [EDAL 871] ‘лепесток’; п.-мо. *патq-a*, мо. *намх*, бур. *намжа* ‘полынь’ созвучны бур. *намхи-һамхи* ‘нечто висящее, колыхающееся, увешанное’. Ср. также нег. *н'амкачйн* ‘лохмотья’; эвенк. *н'амулла*, эвен. *н'амълръ* ‘мох (кукушкин лен)’, нег. *н'амула*, ульч. *н'амулта*, орок. *намул'та*, нан. *н'амолта* ‘мох (болотный, употребляется для конопачения)’, ма. *н'амала* ‘мох (зеленый у корней деревьев и на камнях в сыром месте)’ [ССТМЯ, 1975, с. 632]. В п.-мо. *патигу-a*, мо. *намарга*, калм. *намрһ*, ойр. *намарһа* ‘роса’; п.-мо. *патираγ-a*, мо. *намираа* ‘капля воды; вода, скопившаяся на листьях растений (после дождя)’ восстановим образ ‘нечто трепещущее (на листьях)’.

Признак ‘колышущийся’ тесно связан с ‘плавностью’: ср. *намалзан яв* ‘ходить плавно’, *намбагана* – ‘ходить спокойно, важно’. Отсюда ряд значений ‘солидный, франтоватый’, характеризующих движения/походку человека: п.-мо. *nambaγar*, *γambaγar*, мо. *намбагар*, *гамбагар*, бур. *намбаа*, *гамбаа* ‘спокойный, пристойный, солидный’; п.-мо. *γambiγar*, мо. *гамбигар* ‘щеголеватый’; п.-мо. *ṣembeger*, *ṣetṣeger*, мо. *цэмбэгэр*, *цэмцэгэр*, бур. *сэмсэгэр*, калм. *цэмцхр*, ойр. *цемцегер* ‘опрятный; нарядный, франтоватый’. Ср. нег. *лэмби-лэмби* ‘раскачиваясь (о походке человека)’ [ССТМЯ, 1975, с. 516].

К собственно звукоподражаниям, на наш взгляд, восходит лексема ср.-мо. *suti* [IM], *sutin* [LN, MA 327], пкл.-мо. *sumin* [Tum. 555], п.-мо. *sumin* [Kow. 1403], мо. *сум*, бур. *хомон*, калм. *сумн*, ойр. *суман*, дунс. *суму*, мог. *some* [MD 211] ‘пуля; патрон; гильза; стрела’. Корневая звукоподражательная морфема **sum* наглядно отображает последовательность дифференциальных признаков звучания отпущенной стрелы и делает возможным ментальное разложение данного звучания в своеобразный артикуляционный спектр. Известно, что пущенная стрела свистит, т.е. начинается звучание с согласного [s], далее переходя в гласный [u], раздающийся в момент рассекания воздуха оперением стрелы. И, наконец, согласный [m] моделирует распространение звуковой волны и символизирует стихание, а в дальнейшем полное исчезновение звука полета стрелы: мо. *сун хий* – ‘свистеть, выть (о стреле, пуле, ветре); нестись, мчаться (о самолете, машине, всаднике и т.д.)’⁴¹. Ср. также эвенк. *чумри-*, *чуңри-* ‘звучать, раздаваться (об эхо в воде)’, *чумрин* ‘эхо в воде’ [ССТМЯ, 1977, с. 414].

Как отмечает С. В. Воронин, при передаче чисто шумовых континуантов, обозначающих собственно шум с его наиболее чистом виде, обязательное наличие хотя бы одного ффрикативного (в анлауте либо в ауслауте) отнюдь не случайно. Глухой характер ффрикативных обусловлен глухим, т.е. чисто шумовым характером изображаемого звучания. Ср. англ. *whistle* ‘свистеть’,

⁴¹ Фонетически и семантически близок англ. глагол *zoom* ‘взмыть, поднять вверх’.

hiss ‘шипеть; свистеть’, башк. *syj* ‘свист от быстрого движения’, индонез. *sit* ‘шипение, свист хлыста’ [Воронин, 1982, с. 52], а также хак. *суух-саах* – подражание свисту [СИГТЯ, 1988, с. 518], п.-мо. *isgere-*, мо. *исгэрэ-* ‘свистеть, присвистывать’.

Схожий мотив номинации, по всей видимости, действовал в п.-мо. *simbü*, мо. *сүмбэ*, калм. *сүм* ‘шомпол’, а также в пкл.-мо. *tömiige* [Tum. 589], п.-мо. *tömiige* ‘алебарда, бердыш’ [Kow. 1924], мо. *төмөө* ‘уст. алебарда’, где [t] передает глухой звук удара. Тюрк. *сүмме~сүме* ‘шомпол; штык⁴²; бородок (кузнечный инструмент для пробивания отверстий в железе)’, по предположению М. Рясненна, имеет монгольское происхождение. Л. С. Левитская вслед за Г. Яррингом и К. Юдахиным относит тюрк. *сүмбэ*, *сүмбө* к иранским заимствованиям [ЭСТЯ, 2003, с. 380–381].

П.-мо. *сөт*, мо. *цөм*, бур. *сүм*, ойр. *цөм* сопровождает процесс пробивания (насквозь), соответствуя приставкам *про-*, *об-*, *из-*, *ис-*, *рас-*: бур. *сүм буу-* ‘обвалиться’, *сүм гэихэ-* ‘растаптывать’; п.-мо. *сөтмüre-* [Kow. 2226], мо. *цөмрө-*, бур. *сүмэр-*, калм. *цөмр-* ‘проламываться, проваливаться’; п.-мо. *сөтмиле-*, мо. *цөмлө-*, ойр. *цөмел-* ‘пробивать, протыкать’. Ср. эвенк. *умр-* ‘проваливаться (в снегу)’ [ССТМЯ, 1977, с. 268]. Корень **сөт* в значении ‘проваливаться’ разложим на фоносемантические компоненты: [с] передает шорох, шелест земли, песка при обвале, [m] – тихий, постепенно исчезающий звук.

Среди зоофонов зафиксирован лишь один ономотоп **sim*, который наблюдается в ср.-мо. *simül* ‘муха’ [МА 333], пкл.-мо. *simuуи:l* [Tum. 562], п.-мо. *simuуul* [Kow. 1503], мо. *шумуул* ‘комар, москит’, бур. *шумуул* ‘насекомое’. В качестве внешних параллелей А. В. Дыбо рассматривает тюрк. **siηek* ‘какое-то надоедливое насекомое; муха’, т.-ма. **süηke* ‘жук’, допуская звукоподражательное происхождение: *siη* ‘звукоподр. о жужжании’ [СИГТЯ, 2001, с. 185–186].

⁴² Заметна звукоподражательная специфика фонетической структуры рус. *штык*, которая также проявляется в *тык-ать*, *про-тк-нуть* и др.

Рассмотренные звукоподражательные корни с ведущим согласным [m] отражены в следующей таблице.

Таблица 7

**Типы корней с доминантой [m],
действующих в звуковой сфере**

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/ɔ</i>	<i>ö/ü</i>
\emptyset	<i>am</i>	<i>em, emk</i>	<i>im</i>	<i>umt, umd, umb</i>	<i>öm, ümk</i>
<i>y</i>	–	–	–	–	–
<i>ɟ</i>	<i>ɟam</i>	–	<i>ɟim</i>	–	–
<i>č</i>	<i>čam</i>	<i>čemb, čemč</i>	<i>čim</i>	–	<i>čöm</i>
<i>š</i>	<i>šam</i>	–	<i>šim</i>	<i>šom, šumb</i>	–
<i>s</i>	<i>sam, samb</i>	<i>sem</i>	–	<i>sum</i>	<i>söm, süm, sümb</i>
<i>q/k</i>	<i>qam, qamk</i>	<i>kem, kemk</i>	<i>kim</i>	<i>qom, qum</i>	<i>köm</i>
<i>ɣ/g</i>	<i>ɣamb</i>	<i>gem</i>	–	–	<i>güm</i>
<i>d</i>	<i>dam, damɟ, damb</i>	<i>dem</i>	–	<i>dom, dum</i>	<i>döm</i>
<i>t</i>	<i>tam, tamk, tamš, tamt</i>	<i>tem</i>	–	<i>tom</i>	<i>töm</i>
<i>b</i>	<i>bamb</i>	<i>bemb</i>	–	–	<i>böm</i>
<i>p</i>	–	–	–	–	–
<i>n</i>	<i>nam, namq, namɟ, namb</i>	–	–	<i>nom</i>	–

Доминанта [m] не принимает в анлауте звукоподражаний согласные [y], [p]. Как и в корнях с доминантой [r], высока доля корней с инициальными [ɟ/č/š/s] – 30 %, далее следуют [d/t] – 23 %, [q/k/ɣ/g] – 18 %, [n] – 8 % и [b] – 6 %. В сравнении с r-корнями положение выглядит следующим образом:

Диаграмма 2
 C_{un} в корнях с $C_D [r]$

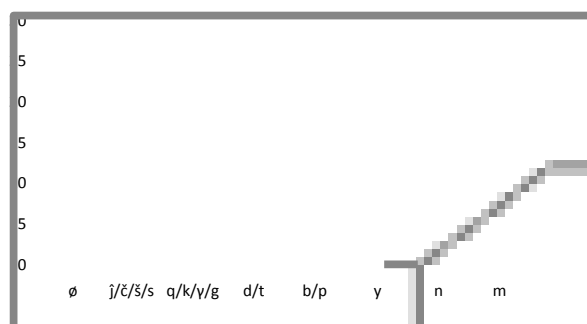
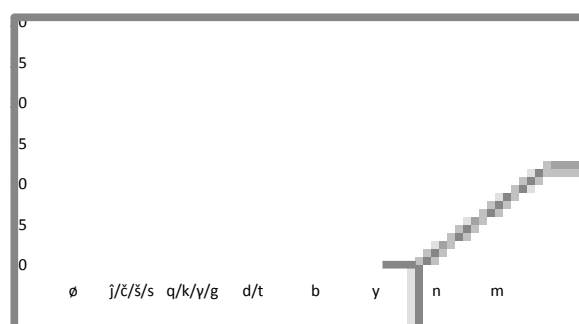

Диаграмма 3
 C_{un} в корнях с $C_D [m]$

В ауслaute ведущая роль отводится согласному [b] – 16 %, [q/k/ɣ/g] присоединяются к 10% корней, по 5 % составляют корни с финальными согласными [d/t] и [ɟ/č]. По-прежнему велика доля корней, выступающих без

ауслота – 58 %, без анлаута функционирует 15 % морфем. Как видно, по сравнению со звукоподражательными корнями с сонантом $[r]$, корни с доминантой $[m]$ присоединяют те же финальные согласные, за исключением $[m]$. Однако расстановка их «сил» несколько отличается:

Диаграмма 4
C_{aus} в корнях с C_D $[r]$

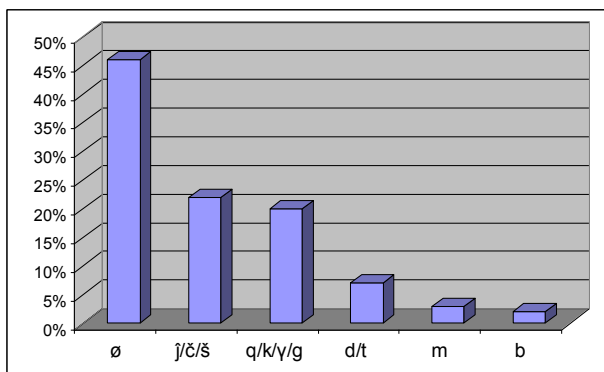
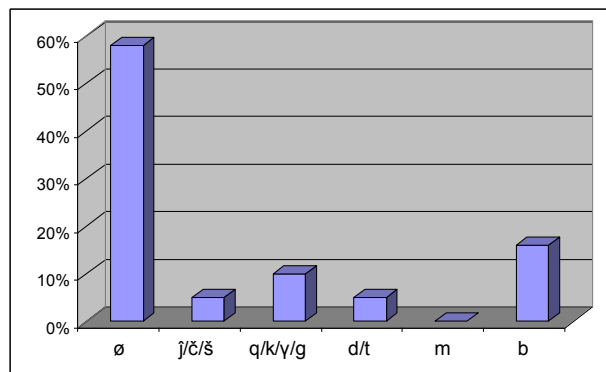

Диаграмма 5
C_{aus} в корнях с C_D $[m]$

Согласный $[m]$ в роли доминанты чаще сочетается с $[b]$ в ауслоте, нежели с аффрикатами $[jʃ]$. Следует отметить, что большинство звукоподражательных слов с дрожащим сонантом $[r]$ в корне обладает достаточно высокой степенью иконичности и легко поддается идентификации, что нельзя утверждать в отношении слов с доминантой $[m]$.

Таким образом, звукоподражательные слова с доминантами $[r/m]$ обладают закономерной, произвольной фонетически мотивированной связью между фонетическим составом корня и лежащим в основе номинации акустическим признаком денотата. При этом главную роль выполняет корневая доминанта, которую относительно легко вычленишь в монгольских языках. Она может быть либо первым согласным после гласной в корне типа $V+C_D$, $V+C_D+C_{aus}$, либо вторым – в корнях с анлаутным гласным: $C_{un}+V+C_D$, $C_{un}+V+C_D+C_{aus}$. В отличие от монгольских языков, в русском языке доминанта $[r]$ может занимать анлаутную позицию (*руч-ей*, *рыч-ать*), наряду с ауслотной (*ор-ать*, *бур-ить*) и инлаутной (*ворч-ать*, *крич-ать*, *грыз-ть*, *дрож-ать*, *трещ-ать*).

Представляя собой как прямую, так и аппроксимированную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами,

звукоподражательная лексика смогла «закрепиться» в категории глаголов говорения с доминантами $[r/m]$, претерпевших процесс относительной денатурализации, под которой понимается ослабление изначальной примарной мотивированности слова. Кроме того, в работе зафиксированы именные части речи, в которых значение ‘тишина’ реализуется посредством доминанты $[m]$. Их функционирование обусловлено диффузным характером сферы тишины в пределах общей звуковой сферы и отсутствием четких границ между звуком и тишиной в слуховом восприятии.

Дифференциальными признаками звукоподражаний с доминантой $[r]$ следует признать ‘громкий’, ‘резкий’, ‘грубый’, вызывающие неприятные ощущения. Согласно $[m]$, напротив, присущи признаки ‘тихий’, ‘спокойный’, ‘нежный’, что обусловлено акустико-артикуляционными характеристиками звуков и представляет собой одну из языковых универсалий в сфере ономатопеической лексики.

Глава III

Интерпретация зрительного восприятия формы объектов

В данной главе выявляются ключевые моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к характеристикам зрительного восприятия формы объекта. Известно, что при повторении звука возникает образный отклик, так как звук, благодаря ассоциации по смежности, связывается с ситуацией, когда он раздавался. Повторение звука, как правило, многократное, вне натуральной, характерной для него ситуации, благодаря механизму ассоциации, закрепляет ассоциативную связь между картиной, рисуемой в представлении индивида, и самим звуком.

Впервые на синестетический перенос «слух – зрение» в монгольском языкознании указал Л. Д. Шагдаров, выдвинувший предположение о том, что «развитие образной семантики в ономатопеических корнях происходит на основе представления того или иного звучания с физическими свойствами звучащего предмета (размеры, форма, вес и пр.). Предпосылкой такого развития в звукоподражательных корнях является ассоциация представлений. Восприятие того или иного звучания, изображаемого звуками нашей речи, сопровождается восприятием внешнего вида того предмета, который издает этот звук. Между образом звука и образом предмета, его издающим, образуется ассоциация, ввиду того, что восприятие звука и предмета происходит одновременно или же последовательно одно за другим. При воспроизведении образа звука воспроизводится и образ предмета, представление о предмете. Таким путем звукоподражательный комплекс связывается с образом предмета, благодаря чему в нем развивается образное значение» [Шагдаров, 1962, с. 131].

Изменение этимологии слова от его возникновения до настоящего времени, по мнению В. Н. Топорова, удобно представить как своего рода преобразование под влиянием воздействия различных «операторов». «Выяснив, какого типа преобразования осуществлялись в истории этого слова, и, определив последовательность действия «операторов», можно

получить возможность для внутренней этимологической реконструкции. Под «операторами» же при этимологическом анализе полезно иметь в виду все те структурные изменения, которые отразились на судьбе данного слова (изменения в составе фонем или в их отношениях; введение или снятие некоторых ограничений, налагаемых на структуру слога; изменение словообразовательной модели; перераспределение в структуре семантических полей и т.д.)» [Топоров, 1960, с. 58]. В качестве «операторов» в истории монгольских слов, содержащих информацию о форме объекта, наш взгляд, можно выделить моменты перехода от звукоподражаний к форме объекта.

3.1. Образные лексемы с доминантой [r]

Безусловно, не все ономотопы оказались в состоянии развить образ. Среди корней с доминирующим согласным [r] нами выявлено 5 ономотопов, на основе которых развилось 5 генеральных признаков (ГП):

- 1) ономотоп *ar,⁴³ передающий рычание диких зверей, со временем начал порождать в сознании референтов образ острых, оскаленных, торчащих зубов и послужил основой для признака ‘торчащий, остроконечный’;
- 2) ономотоп *kir, сопровождающий процесс нарезания чего-л. на ровные части (ножом, топором, ножницами, пилой), дал ряд лексем с ведущим признаком ‘ровный, прямой’;
- 3) ономотоп *bur, передающий бурление, журчание воды, постепенно стал служить для вербализации признака ‘круглый; курчавый’;
- 4) ономотоп *sar, воспроизводящий звук шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, породил признак ‘круглый, зияющий’;
- 5) ономотоп *ter, соотносимый со звуком отпущенной туго натянутой тетивы, пружины, стал предпосылкой для развития признака ‘надутый, пузатый’.

⁴³ Из большого количества фонетических вариантов нами выбран корень, наиболее характерный для передачи указанного звучания.

Как видно, развитие зрительного образа на основе звукоподражания шло по линии выделения специфического сенсорного содержания, т.е. наиболее характерного звука, ассоциируемого с предъявляемой формой. Именно эти звукоподражательные корни дали начало обширным семантическим корреляциям с незвуковыми номинативными единицами. По замечанию Е. С. Кубряковой, термин «восприятие» равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ» [Кубрякова, 1996, с. 17].

Под образами, или образными откликами, понимаются представления, возникающие в сознании при предъявлении того или иного слова. Они обладают такими признаками, как «высокая информационная емкость, многомерность, способность выступать в форме процесса и результата и разворачиваться на разных уровнях организации перцептивной системы» [Барабанщиков, 2000, с. 205].

В качестве основных составляющих внешнего вида объекта, как правило, рассматриваются форма, размер и цвет. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что значения ряда лексем с корневыми согласными [r/m], характеризующих размер, возникли на базе восприятия формы.

3.1.1. ГП ‘нечто торчащее’

Среди выделенных нами генеральных признаков особо разнообразен по воплощению и продуктивен по семантическому развитию признак ‘торчащий’, который мы рассмотрели в двух разных проявлениях: ‘остроконечный’ и ‘растопыренный’, внутри которых в дальнейшем развились признаки, отображающие длину и размер.

3.1.1.1. ‘нечто остроконечное’

В связи с тем, что генеральный признак согласного [r] ‘торчащий’ развился на основе образа торчащих зубов диких животных, сопровождаемого звуком их рычания, большое количество корней

семантически связано с референтом ‘клыки; зубы’. Приведем перечень морфем, оформляющихся суффиксом *-γar*, в которых реализуется данный признак:

1) тип $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arjayı-* ‘оскалывать зубы’ [Kow. 163], мо. *арзгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр*, ойр. *арзаһар* ‘оскаленный’; п.-мо. *orsuγur*, мо. *орсгор* ‘выдающийся вперед, торчащий; кривой (о зубах)’, ойр. *орсаа-* ‘торчать’; ср.-мо. *irjai-* [MA 198], пкл.-мо. *irjayı:-* [Tum. 418], п.-мо. *irjai-* ‘разевать рот или пасть’ [Kow. 325], мо. *ярзгар*, бур. *урзагар*, *урһагар*, калм. *урзһр* ‘с оскаленными зубами’, ойр. *урзээ-* ‘обнажать зубы’; п.-мо. *irtayı-* ‘разинуть, полурастворить рот’ [Kow. 324], мо. *яртгар* ‘высокомерный, надменный, с кислой миной’, калм. *уртң* ‘несмыкающийся (о рте, губах)’, ойр. *уртээ-* ‘скалить зубы, ухмыляться’.

В тюркских языках *ыржай-* ‘ослабиться; выступать; улыбаться’ рассматривается Э. В. Севортяном как производный глагол, образованный с помощью словообразовательного аф. *-жай* от основы **ыр ~ *ар* в образно-подражательном значении. Эти основы являются, по утверждению автора, общими для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В последних отмечаются следующие формы: эвенк. *урзарга-* ‘скалить зубы (о собаке)’, нан. *урза-урза би* ‘лязг зубов волка’ [ЭСТЯ, 1974, с. 664].

2) тип $C_{un}+V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *yarabayar* [Less. 428], мо. *ярвагар*, бур. *урбагар* ‘высокомерный, с кислой миной’, калм. *ярва-* ‘корчить гримасу; быть надменным’; п.-мо. *tarjayı-*, мо. *марзай-* ‘расплываться в улыбке’, бур. *марзай-*, *шарзай-*, ойр. *марзаа-* ‘ослабиться; показывать белые зубы’; п.-мо. *dorsuγur* [Kow. 1894], мо. *дорсгор* ‘выдавшийся вперед, наружу (о зубах)’, калм. *дорсаа-* ‘выдаваться вперед’; бур. *мирзай-* ‘ослабиться, расплыться в улыбке’; *мирмай-* ‘искажаться (о лице)’, *бирбагар* ‘имеющий недовольный вид’; *биртагар* ‘гримасничающий; некрасивый (о лице)’, калм. *биртә-*, ойр. *биртээ-* ‘печалиться, огорчаться’.

Признаки ‘раскрытый, разинутый’ реализуются в прилагательных пкл.-мо. *darbayar* [Tum. 362], п.-мо. *darbayar* [Less. 232], *larbayar*, мо. *дарвагар*,

ларвагар, калм. *дарвһр*, ойр. *дарваһар*; бур. *зарбагар*, *зарпагар*, *зурбагар*. Данные значения, характеризующие форму рта, по всей видимости, развились на основе образа ‘оскаленный’, о чем можно судить, исходя из значений бур. *жарбагар* ‘большой, с оскалом (о рте)’. В корне с мягкорядной вокалической огласовкой признак соотносится с иным референтом: мо. *дэрвэгэр*, бур. *дэрбэгэр*, калм. *дервһр* ‘широкий (об отверстии, верхе посуды)”; п.-мо. *derbeger* ‘имеющий широкую грудь; толстый сверху, а внизу тонкий’ [Kow. 1770].

От корня **čurb* с основным значением ‘с широко раскрытым ртом’ образованы названия птенцов: п.-мо. *čurba* [Kow. 2221], мо. *сурав* ‘птенец (домашних и диких птиц); крупный птенец, выводок фазана и других птиц; оперяющийся птенец’; п.-мо. *čurbang*, мо. *цурван* ‘большой цыпленок, молодка’; п.-мо. *čurbaγ-a* [Kow. 2221], мо. *цурвага*, баргуз. *зурбаахай* ‘цыпленок, птенчик’. Тот же мотив номинации наблюдается в синониме п.-мо. *angγaqai*, мо. *ангаахай* ‘птенец’. Известно, что птенцы, как и другие детеныши, отличаются относительно крупным клювом, широко раскрывая который, они дают о себе знать родителям. Бур. *сурба* функционирует лишь в переносном значении ‘ребенок; многодетный’.

В бур. *зурбагана-*, *зуртагана-* ‘городить чепуху; вести себя легкомысленно, кривляться’ так же, как и в мо. *марзгана-* ‘кривляться, дурачиться; быть упрямым, капризным, противным’ значения развились на основе образа ‘широко раскрывать, искривлять рот’. Признаки ‘крупный; грубый (о чертах лица)’ реализуются в п.-мо. *marliyar*, мо. *марлигар*, бур. *марзагар*, калм. *марзһр*; бур. *марьягар*, *мархигар*; бур. *зархагар* ‘с развитыми челюстями; скуластый’.

Кроме зубов, корни с доминантой [r] могут характеризовать форму ушей человека, лошади и других животных. Поскольку уши лошади имеют заостренную форму, можно предположить, что эти корни первоначально соотносились с очертаниями ушей животных, а впоследствии были перенесены на форму ушей человека. Признаки ‘торчащий, стоячий, острый;

оттопыренный’ реализуются в прилагательных: п.-мо. *derdeger* [Less. 253], мо. *дэрдгэр*, калм. *дэрдһр*; п.-мо. *derjigir*, мо. *дэржгэр*, бур. *дарбагар*, *дарбигар*, *дэржэгэр*, *дэрхэгэр*; п.-мо. *dercigir*, мо. *дэрчгэр*; п.-мо. *dermeger*, мо. *дэрэмгэр*; калм. *дерчһр*, бур. *дэрсы-* ‘оттопыриваться’; п.-мо. *sartang* [Kow. 1337], п.-мо. *serteger*, мо. *сэртгэр*, бур. *һэртэгэр*, *һэрхэгэр*, калм. *сертһр*, *серкэ-* ‘стоять торчком’, ойр. *сертегер*; п.-мо. *jerteger*, мо. *зэртгэр*. В ряде прилагательных развивается значение ‘настороженный, пугливый, дикий’: п.-мо. *sortuyur*, мо. *сортгор*, бур. *һүрмэгэр*, *һортогой*; ойр. *сорта-*, *сормаа-* ‘смотреть настороженно, приподняв уши’.

В т.-ма. языках: нан. *корбо-корбо* ‘наострить уши’; *лэрбэ-лэрбэ* ‘большой, оттопыренный (об ушах животных с тонкими ушными раковинами)’; *чэрэ-чэрэ* ‘сильно наостренные (об ушах животных)’ [Киле, 1972, с. 117, 134, 186], эвенк. *лэрбэмэ*, нег. *лэјбэ-лэјбэ* ‘торчком’, ульч. *лэлбэрэк* ‘насторожив уши’ [ССТМЯ, 1975, с. 518], эвенк. *чурпурāңчи-*, *чэрб;к;-* ‘насторожить уши’, а также як. *чөрбөі-* ‘удивляться; настораживать уши’ [ССТМЯ, 1977, с. 417, 421].

ЛСП «Животный мир»

Как известно, дикие животные делятся на три класса: плотоядные (лат. *Carnivore*), питающиеся преимущественно мясом; травоядные (*Herbivore*), питающиеся в основном растительной пищей, и всеядные (*Omnivore*) (в том числе человек), употребляющие в еду и то, и другое. По стратегии питания плотоядных животных можно также условно разбить на два класса – хищников и падальщиков, которые, однако, не взаимоисключающие [<http://ru.wikipedia.org>].

Плотоядные животные, как хищники, так и падальщики, в монгольских языках обозначаются лексемой п.-мо. *ariyatan* [Kow. 148], мо. *араатан*, бур. *араатан*, калм. *аратн*, ойр. *араатан* ‘имеющие клыки, клыкастые’, которая образована с помощью собирательного суффикса *-tan* от производящей основы *ariya*. Как видно, корень **ar* образует название именно того вида зубов конусовидной формы, на основе которого произошел перенос из

слуховой модальности в зрительную: ср.-мо. *ara'a* [SH], *aratai* [HY 10], *aral* [IM 432], *ari'ā*, *nari'ā* (*hari'ā?*) [MA 105, 246], пкл.-мо. *aray-a*, *arayā* [Tum. 302], п.-мо. *arayā* [Less. 47], мо. *араа*, бур. *араан*, калм. *аран*, ойр. *араан*, орд. *arā*, даг. *arā*, бао. *arə*, ж.-уйг. *arā*, мнгр. *arā*, *rā* [EDAL 316] 'коренной зуб, клык; шестерня', находящий параллели в других алтайских языках: Птунг. **(x)ar* 'росток, клык; зубец инструмента; название цветка (лютик, пострел)', Птюрк. **Arīg* 'клык' [EDAL 315–316]. Ср. также эвенк. *сурка* 'клык животного', эвен. *хурқъ* 'клык; бивень (моржа)' и др. [ССТМЯ, 1977, с. 130]. С данной лексемой фонетически и семантически сопоставимо п.-мо. *yarangy-a*, мо. *гаранга*, орд. *араηGa* [EDAL 316] 'лишние зубы (у жеребят)'.

«Дикие животные (плотоядные)»

В данном разделе рассмотрены названия плотоядных животных, возникших на основе признака 'острый, торчащий (о зубах)', в которых наиболее близка связь между звукоподражанием (рык, рычание) и образом.

Ср.-мо. *arslan* [MA 106], пкл.-мо. *arslan* [Tum. 306], п.-мо. *arsalan~arslan* [Kow. 159], мо. *арслан*, бур. *арсалан*, калм. *арслң*, ойр. *арсалаң* 'лев', бесспорно, относится к тюркизмам. Доказывая факт заимствования лексемы монгольскими языками из тюркских, Э. В. Севортян объясняет этимологию следующим образом: «*арслан* – название носителя процесса, образованное аффт. *-лан* от *арс* – подражания рычанию диких зверей, лаю» [ЭСТЯ, 1974, с. 178]. А. В. Дыбо, считая сомнительной производность от *арс*- 'скалить зубы', допускает возможность производности от *arsal* 'рыжий' [СИГТЯ, 2001, с. 158]. П.-мо. *ersleng* 'вид пятицветного льва' [Kow. 256], *ersleng* 'мифический пятицветный лев или животное, поедющее тигров' [Less. 331], мо. *эрслэн* 'львица', ма. *эрсэлэн* 'львица; миф. лев (с желто-желто-красной или желто-зеленой шерстью)' [ССТМЯ, 1977, с. 465] представляет собой мягкорядный вариант лексемы *арслан* 'лев'.

Примечательно название насекомого п.-мо. *arkilang*, мо. *архилан* 'муравьиный лев', семантическая и морфологическая структура которого напоминает *arslan* 'лев'. Можно предположить, что данная лексема возникла

от *арслан* на основе чередования ауслатных согласных [s/q], поскольку звукоподражательное происхождение лексемы, по всей видимости, исключено. Русское название ‘муравьиный лев’ дано в связи со своеобразным хищным образом жизни личинки насекомого, которое «сооружает в сухом песке воронку с осыпающимися краями и, зарывшись в ее дно, подстерегает мелких насекомых. Жертва скользит вниз и попадает в цепкие, как капкан, челюсти личинок муравьиного льва» [<http://www.3planet.ru>].

Лексема, номинирующая тигра, в монгольских языках выражается с помощью корней типа *CVC* и *CVCC*: ср.-мо. *bars* [ПМ, ЛН], пкл.-мо. *bars* [Тум. 316], п.-мо. *bars* [Kow. 1109], *bars, bers* [Less. 88, 100], мо. *бар, барс, бур. бар, барас*, калм. *барс*, ойр. *бар, барс*, дунс. *басы*, бао. *бас* ‘тигр, барс’. В тюркских языках *барс* в разных фонетических вариациях встречается в значениях ‘тигр; барс; пантера, леопард; рысь; лев; ягуар; хищное животное’. Большинство алтаистов склоняется к мысли, что это слово заимствовано из персидского языка: *pārs* ‘леопард; барс, пантера’ [ЭСТЯ, 1978, с. 69]. А. В. Дыбо относит термин к числу «бродячих слов» [СИГТЯ, 2001, с. 157]. Так же, как и *арслан*, он через образ ‘оскаленный’ может восходить к ономотопу (б)ар-р! (о рычании).

П.-мо. *baraqai*, мо. *барахай* ‘разновидность барса’ следует отнести к хронологически поздним образованиям. В лексеме п.-мо. *barmadai*, мо. *бармадай* ‘питон тигровый’, очевидно, имела место вторичная номинация от *барс* ‘тигр’, обусловленная окраской этой змеи, схожей с окраской тигра. Замена ауслатного глухого щелевого согласного [s] на носовой сонант [m] (**bars* → *barm*), вероятно, связана с необходимостью «смягчить» основу, номинирующую уже не хищное животное с острыми зубами, а гибкую, извивающуюся змею. В данном случае произошло отвлечение от формы объекта с дальнейшим выделением сходства цвета в качестве основы обобщения.

В Алтайском словаре восстанавливается Пмонг. форма **ber* ‘волчонок’ на основе следующих форм: ср.-мо. *borte čino* [SH], п.-мо. *beltereg* [Less. 98:

belterge]; *berte činua*, *bortu* [Less. 128]; мо. *бэлтэргэ*, бур. *бэлтэргэ*, калм. *белтргэ* ‘молодой волк’, ойр. *белтерге* ‘волчонок’. На алтайском уровне Пмонг. **ber* ‘волчонок’, по мнению составителей EDAL, сопоставима с Птунг. **birin* ‘самка хищника (медведя, тигра)’ и Птюрк. **bōri* ‘волк’ [EDAL 343–344].

Как отмечает Г. Рамстедт, «мо. **beltereg* представляет собой результат регулярной метатезы < **berteleg*. Мо. *bortu* (*berte*) *činua* переводится ‘сивый волк (имя легендарного предка Чингисхана)’ и *bortu* зафиксировано в [Less. 128] как ‘пегий, сивый, серый’, но в действительности он в основном используется с *činua* и, скорее всего, первоначально восходит к тому же корню, что и *beltereg*» [Ramstedt, 1935, p. 42].

О. М. Ковалевским зафиксировано первоначальное значение лексемы п.-мо. *bertegčín* ‘щенок (медведя, волка)’, далее ‘детство⁴⁴; глупость, невежество’ [Kow. 1128], в котором восстанавливается тот же корень **bert*. Следует отметить, что в современных языках сохранились лишь ее переносные значения: мо. *бэртэгчин* ‘неразумный, глупый’, бур. *бэртэгшэн* ‘простой, обыкновенный; рядовой’, причины возникновения которых без значения ‘щенок’ было бы трудно выявить. В преклассическом монгольском языке лексема уже функционирует в качестве определения: *bertegčín amitan* ‘неразумные существа’ [Tum. 118], у Ф. Лессинга также дано переносное значение: *bertegčín* ‘глупость, невежество’ [Less. 100].

Тот факт, что лабиальный [b] встречается в анлауте *bars* ‘тигр’, *barkira* ‘рычать’, мягкорядный [e] представлен в варианте Ф. Лессинга *bers* ‘тигр’, *ersleng* ‘львица’, позволяет с большой долей осторожности включить лексемы *beltereg* < **berteleg*, *bertegčín* в приводимый ряд хищных животных, номинация которых происходила на основе восприятия оскаленных клыков. Сема ‘молодой хищник’ эксплицируется и в п.-мо. *sirayiqā* [Kow. 1520], мо. *ширайх* ‘рысий щенок, рысенок’, образованном от корня **sir* и

⁴⁴ П.-мо. *bertegčín-ü čay* ‘малолетство’ [Kow. 1128].

отличающимся неясностью морфологического состава. Предположительно, исходной была форма **siraqai*, в которой в дальнейшем дифтонг из состава форманта «переместился» на морфемный шов.

Тюркское название другого животного *syrtlan* ‘гиена’, не имеющее аналога в монгольских языках, А. В. Дыбо склонна возвести к основе *syrt* ‘щетина на спине’. Выделяя словообразовательный аффикс *-lan* в *arслан*, *syrtlan* и *kaplan* ‘большой хищник семейства кошачьих’, автор отмечает, что эти слова обладают затемненной производящей основой, относятся к раннеобщетюркским и «производят впечатление более поздних, возможно, табуистических наименований, словообразовательно затемненных в силу морфологической перестройки» [СИГТЯ, 2001, с. 158–159].

В монгольских языках корень **sert* придает производным следующие признаки: п.-мо. *serteger*, мо. *сэртгэр*, бур. *һэртэгэр*, калм. *сертхр*, ойр. *сертегер* ‘выступающий, торчащий; оттопыренный’. Ср. п.-мо. *serteng*, мо. *сэртэн* ‘стоячий; позвоночный отросток’; тюрк. *syrt* ‘щетина на спине’ < ‘нечто жесткое, торчащее’. На холке гиен действительно растет редкая грива, по которой могло быть названо животное. Хотя если придерживаться применимости рассматриваемого в данном разделе признака в номинации хищных животных, можно предположить, что эта категория падальщиков, равно как и «эвенк. *Жаргул*, ульч. *Жаргул* ‘шакал’, нан. *Жаргулу* ‘красный волк’, ма. *Жархө~Жарху*, *Жархун*, *Жарху н'хэ* ‘шакал, гиена’» [ССТМЯ, 1975, с. 253], также могла быть названа по оскаленным зубам.

К данному семантическому полю логически следует отнести п.-мо. *irbis* [Kow. 324], мо. *ирвэс* ‘леопард; барс; пантера; пума’, исходя из признаков **irb* ‘недовольно сморщившийся (о лице)’, **irj* ‘оскаленный (о зубах)’. Однако не менее вероятной представляется точка зрения Т. А. Бертагаева, считавшего, что «*ирвис* ‘сибирский барс’ происходит от глагола *ирбэхэ* ‘мельтешить, мелькать, быстро двигаться’» [Бертагаев, 1973, с. 177]. А. В. Дыбо склоняется к точке зрения Дж. Клосона о том, что формы современных тюркских языков типа *irbiz*, *irbis* ‘пантера, леопард’ являются «обратными

заимствованиями из монгольского. Современные формы типа *ilbirs* <...> следствие контаминации *irbiš* и *jo:l-barš*» [СИГТЯ, 2001, с. 156–157].

Рассмотрим название другого хищного животного ср.-мо. *kirsa* [НУ 10], п.-мо. *kirsa* [Kow. 2553], мо. *хярс*, калм. *курс*, орд. *girsа* [EDAL 651] ‘корсак; серая степная лисица’. В тюркских языках *қарсақ* ~ *қарсаң* имеет значения: ‘степная лисица; общее название для рыскающих зверей: волка, лисицы и т.д.; шакал; песец и др.’. «М. Рясянен полагал, что тюрк. *қарсақ*, мо. *kirsa* и ма. *kirsa* восходят к единой праформе. Дж. Клосон относил мо. *kirsa* к ранним заимствованиям из тюркского. В т.-ма. языках отмечены: эвенк. *кирса*, *кырса* ‘песец, ласка’, эвен. *кырса* ‘песец’, возводимые к як. *қырса* ‘песец’, которое, в свою очередь, рассматривается как монголизм. Ороч. *хаса*, ма. *кирса* ‘корсак’, уд. *ка^hи*, нан. *харсә* ‘куница’ сближаются как закономерные соответствия с мо. *кирса* и тюрк. *қарсақ*. Общий корневой элемент **қарс* так и не объяснен» [ЭСТЯ, 1997, с. 313–314].

Допуская то, что названия рассмотренных выше хищных зверей через посредство образных корней восходят к ономотопам (*arslan* < *arkira-*, *bars* < *barkira-*), то логичным кажется возведение названий более мелких рыскающих хищников к звуко-символическому корню **kirs* ‘оскаленный’, возникшему на базе звукоподражания: бур. *хир-хир хуса*- ‘лаять *хир-хир*’, мо. *хиар-хир* ‘крик хищных птиц и зверей’. Возможно, на определенном этапе развития языков корень **kirs* также стал ассоциироваться с зубами мелких хищников. Вокалическая огласовка корней **ar/bar*, **bert*, **ir/kir/sir* подтверждает выявленную Л. Д. Шагдаровым тенденцию «обозначать словами с гласными твердого ряда более значительное, большое по размеру, а словами мягкого ряда – слабое, малое» [Шагдаров, 1962, с. 112].

«Дикие и домашние животные (травоядные)»

Класс травоядных в монгольских языках обозначается лексемой п.-мо. *görügeten*, мо. *гөрөөтөн* ‘травоядные’, которая в паре с *араатан* ‘плотоядные’ образует сложное слово с собирательным значением *араатан гөрөөтөн* ‘звери’. Подобное использование лексемы существенно для

выявления мотивирующего признака корня **gör*. В контексте нашего исследования можно предположить, что корень **gör*, передавая значение ‘нечто торчащее, остроконечное’, номинировал рога травоядных животных: антилопы, козы, косули и др. [Ǯ]. Если *ariyatan* означает ‘обладающие клыками’, то *görügeten* можно интерпретировать как ‘обладающие рогами’⁴⁵.

Данное значение корней **gör/gur* контаминирует со значением корня **qur/qurč* в ср.-мо. *qurča* [HY 54, SH, IM, MA 311], пкл.-мо. *qurča* [Tum. 537], п.-мо. *qurča* [Kow. 972], мо. *хурц*, бур. *хурса*, калм. *хурц*, ойр. *хурца*, орд. *Gurča*, даг. *xorčın, korečın*, ж.-уйг. *qurča*, мнгр. *хижа* [EDAL 747] ‘острый, наточенный’. Пмонг. **qurča* сопоставляется с Птунг. **kōri-* ‘вырезать, выдалбливать’, Птюрк. **Kurč* ‘острый; твердый (о стали)’ [EDAL 747], где процессуальное значение Птунг. формы, возможно, восходит к ономотопу. Семантически сопоставимы эвенк. *пурта* ‘нож’; коми *пурт*, удм. *пурт* ‘нож’; эвенк. *hurқан* ‘нож’; сол. *ш'урухā* ‘нож’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 327, 426].

Ср.-мо. *gore'e, gore'esun* [SH], *görēsün* ‘дикая коза’ [IM, MA 172], пкл.-мо. *görüge:sün* [Tum. 408], п.-мо. *görügesü(n)* [Kow. 2644], мо. *гөрөөс*, орд. *gorōs*, мог. *gor[ä]sun*, даг. *gurēs, gurēse*, ж.-уйг. *görösən*, мнгр. *korosə* [EDAL 574] означает как общее, так и частное, причем развитие семантики, по всей видимости, шло от частного к общему: ‘зверье; дикое животное (преимущественно травоядное); антилопа’. В бур. *гүрөөһэн* ‘дикая коза, косуля’, калм. *гөрәсн* ‘антилопа-сайгак’ номинирует только частное, в то время как ойр. *гөрээсен* – только общее ‘дикое животное’. Выглядит релевантной предложенная в Алтайском словаре в качестве параллели к Пмонг. **görüye* Пкор. форма *kòrání* ‘олень, лось’. Менее вероятной кажется связь с Птунг. **gurma-/gurna-* ‘заяц; белка; горноста́й’ [EDAL 574]. Согласно мнению В. И. Рассадина, *görügesün* ‘дикое животное; антилопа’ образовано с

⁴⁵ Привлекает внимание фонетическая близость корня **gör* англ. *horn*, нем. *horn*, фр. *corne*, итал. *corno*, исп. *cuerno*, рус. *рог*. По замечанию Ж. М. Тамбиевой, «в древнеанглийском языке зафиксированы параллели названий рогатых животных со значением ‘рог’ (др.-англ. *raga* ‘косуля’)» [Тамбиева, 2003, с. 72].

помощью суффикса *-sün* от именной основы *görüge* ‘охота, дичь’ [Рассадин, 2008, с. 149].

Фонетические варианты **yur/ker/ger* дали п.-мо. *yura* [Kow. 1038], мо. *гур*, бур. *гуран*, калм. *хуран* ‘гуран, самец косули (в период, когда у него опадают рога)’; п.-мо. *keregčün* [Kow. 2513], мо. *хэрэгчин* ‘сайга-самка; самка косули’; п.-мо. *ger-e göriügesün* ‘самец сайги; единорог’ [Kow. 2505], *kers* ‘единорог’ [Kow. 2514], мо. *хирс* ‘носорог’.

По сведениям Т. М. Михайлова, буряты называли медведя не его собственным именем, а другими, табуированными: *хара гүрөөхэн* ‘черная косуля’, *хаан хүн* ‘царь-человек’, *дахатай үбгэн* ‘старик в шубе’ [Михайлов, 1980, с. 72]. В последних двух эвфемизмах «нельзя не увидеть осколок древнейшего представления о том, что медведь – это человек, сородич» [Там же, с. 73]. Первое же название *хара гүрөөхэн*, по всей видимости, связано с тем, что косуля представляла собой один из наиболее выгодных объектов для охоты: «мясо косули было хорошо в любое время года, потому что было вкусным и в сухом, и в свежем виде» [Жамбалова, 2004, с. 106]. А. Н. Кононов указывает на дополнительные значения слова *кара* в тюркских языках: большой, крупный; главный, великий, могучий [Кононов, 1978, с. 161–164], которые в полной мере применимы к характеристике медведя.

Встречаются также следующие лексемы, номинирующие антилопу: п.-мо. *jür* ‘сайга, коза’ [Kow. 2424], мо. *зүр*, калм. *зүр*, ойр. *зүр* ‘дикая коза, косуля’, бур. *зүрэ(н)* ‘сайга, антилопа’, п.-мо. *sürsü*, мо. *сүрс* ‘длиннохвостая антилопа (на вид похожая на собаку)’; п.-мо. *orungya, orungyu* ‘мелкая порода антилоп’ [Kow. 449], мо. *оронго*, бур. *оронго* ‘вид антилопы’. Оформление последнего названия специфическим аффиксом *-ngyu* позволяет выделить корень **or*, от которого образовано п.-мо. *orun [görügesü]* ‘олень у бурят’ [Kow. 449], мо. *ор*, бур. *оро* ‘северный олень’. Ср. Птунг. **oran* ‘олень’, Птюрк. **orga* ‘самка или детеныш марала’ [EDAL 1063]. К корню **or* также восходит п.-мо. *oryui* [Kow. 451], *oryuibči*, мо. *оргой*, *оргойвч*, бур. *оргой* ‘шаманский шлем с

железными рожками’. Ср. эвенк. *лэрбэжв* ‘шапка (шаманская, из ровдуги, с бахромой)’ [ССТМЯ, 1975, с. 518].

Аффриката [ʃ] представлена в анлауте следующих обозначений оленя: п.-мо. *ʃari* ‘дикий олень’ [Kow. 2301], мо. *зарь*, бур. *зари* ‘кастрированный северный олень (старше четырех лет)’; п.-мо. *ʃoryul* ‘однолетний лосий теленок’ [Kow. 2405], мо. *зоргол* ‘однолетний олень; лосенок; гривастый баран’, бур. *зоргол* ‘годовалый изюбр’. «Птунг. **hargu-* ‘молодой лось’, Пмонг. *ʃorgul* и Птюрк. **jargun* ‘вид дикого четвероногого’ образуют западную изоглоссу» [EDAL 1006].

Корни **arq/erk/derk/serk* дали следующие наименования диких животных: п.-мо. *arjali* ‘аргали, каменный или дикий баран; горная или дикая овца’ [Kow. 153], мо. *аргали*, бур. *аргали*, калм. *арһл*, ойр. *арһаль*, *арһа*, орд. *argali* [EDAL 1503] ‘самка архара, горного барана; архар, горный баран, дикий баран’; п.-мо. *ergel*, мо. *эргэл* ‘дикий горный баран’; п.-мо. *dergel*, мо. *дэргэл* ‘высокогорный тур’ также названы по торчащим рогам. Ср. п.-мо. *derleyi-*, мо. *дэрлий-* ‘торчать на высоте’; бур. *дарагар* ‘расставленный, растопыренный’. На связь между тюрк. *арқар* ‘архар’ и мо. *аргали*, ма. *arjali* указывал А. М. Щербак [1961, с. 117]. Кир., каз., ккалп., алт. *арқар* Э. В. Севортян определяет как глагольное имя на *-р* со значением названия признака от *арқа-*: ср. кир. подр. глагол *арқай-* ‘торчать во все стороны’ (о рогах животного) [ЭСТЯ, 1974, с. 176].

Авторы EDAL на основе значения ‘самка (архара)’ сопоставляют Пмонг. **(h)argali* с Птунг. **oru-n* ‘невестка (жена сына)’, Птюрк. **urag-* ‘самка’, отмечая главным образом тюркско-тунгусский характер изоглоссы: «Если мо. *argali* имеет к ней отношение, то тюрк. **arkar* ‘горный баран’ можно считать древним монгольским заимствованием, что, впрочем, сомнительно». Связь мо. *argali* с **araya* ‘клык’ они считают народной этимологией [EDAL 1503].

Возможно, к данному семантическому полю следует отнести п.-мо. *serke* [Kow. 1374], мо. *сэрх*, бур. *хэрхэ*, калм. *серк*, ойр. *серке*, орд. *serхе*, даг. *selek*, *selke*, ж.-уйг. *serke* [EDAL 1283] ‘кастрированный козел’. Тюрк. *серк* ‘козел’ Г. Ф. Благова считает несомненным монголизмом, хотя А. М. Щербак предполагает, что наименования многих домашних животных, в том числе козы/козла, могли быть тюркскими, поскольку они стали известны монголам через тюрков, и выделяет в качестве производящей глагольную основу *äрик-* ‘облегчиться, ослабеть’. По мнению Г. Ф. Благовой, наиболее корректной выглядит версия А. Н. Кононова, раскладывающего *сэркә* на *сэр* ~ *эр* ‘самец’ и *-кә* (уменьшительный аффикс) [ЭСТЯ, 2003, с. 263]. Однако указание на форму рогов животного четко прослеживается в производных от корня **sar:* в п.-мо. *sarayi-*, мо. *сарай-* ‘торчать как вилы или рога’; бур. *һарагар* ‘растопыренный; широко расставленные, раздвинутые (о рогах)’.

В основе номинации п.-мо. *šar* [Kow. 1452], п.-мо. *шар*, бур. *сар*, калм. *цар*, ойр. *цар* ‘вол, кастрированный бык’; п.-мо. *sarlay*, мо. *сарлаг*, бур. *һарлаг*, калм. *сарлг* ‘сарлык, як’, возможно, также лежит признак ‘с торчащими рогами’. Ср. п.-мо. *serü* [Kow. 1373], мо. *сэрүү*, калм. *орңһ* ‘носорог’; п.-мо. *erslig*, мо. *эрслэг* ‘единорог желтый’; п.-мо. *ит-а*, мо. *урам*, бур. *урам* ‘охотничий рог; манок’.

Лексема п.-мо. *irge* ‘легченый баран’ [Kow. 326], мо. *ирэг*, бур. *эрье*, калм. *ирг*, ойр. *ирге* ‘кастрированный взрослый баран, валух’ имеет тюркские параллели: тур. диал. *ирк*, кбалк., кир., алт. *ирик*, тув. *ирт* ‘холощенный баран; четырехлетняя овца’ [ЭСТЯ, 1974, с. 377], а также заимствована в т.-ма.: сол. *иргэ* ‘кастрированный баран’, ма. *иргэ* ‘кастрированный’ [ССТМЯ, 1975, с. 326].

Таким образом, фоносемантический анализ названий диких хищников, а также диких и домашних травоядных позволил выявить дифференциальный признак ‘острый, торчащий’, выраженный фонемой [r] в корне, в первом случае соотносимый с клыками животных, а во втором – с их рогами/рогом.

«Птицы»

П.-мо. *saralʃin*, мо. *сараалж(ин)*, *саралж*, калм. *саралжн* выступает в качестве главного компонента в сложных названиях некоторых птиц: мо. *бутын сараалж*, бур. *бутын хараалжан* ‘кулик болотный’, мо. *ойн сараалж*, бур. *ойн хараалжан* ‘вальдшнеп’ и мо. *хадны сараалжин*, бур. *хадын хараалжан* ‘бекас горный’. Объединяет этих трех представителей отряда ржанкообразных общий признак – очень длинный прямой тонкий клюв, который, очевидно, и стал основой для номинации. «Башк. *харылыын*, алт. *сыра:лд’ин*, шор. *сарачын* ‘бекас’ считаются заимствованиями из монгольских языков» [ЭСТЯ, 2003, с. 216].

Кроме того, эти же птицы обозначаются с помощью корней **jar/qar*: п.-мо. *јагау*, мо. *зараг* ‘кулик, бекас’; п.-мо. *qaraljī*, мо. *хараалж* ‘бекас; дупель’. Баклан-рыболов (п.-мо. *qarasu*, мо. *харс*) обладает длинным клювом с острым крючком на конце и острыми режущими краями, который позволяет этой птице с легкостью ловить рыбу.

Другая птица ср.-мо. *xarijača* [НУ 14], п.-мо. *qariyačai* [Kow. 843], мо. *хараацай*, бур. *хараасгай*, калм. *харада*, ойр. *хараадаа*, орд. *харāčā*, дунс. *qaranča*, мнгр. *xara(n)ciGə:*, *xarabǰGē*, *xarančiGē* [EDAL 652] ‘ласточка’, хоть и не обладает тонким клювом, однако отличается длинными, узкими и острыми крыльями и длинным хвостом хорошо выраженной вильчатой формы. Ср. бур. *һэрбээ* ‘стрелы ласточкиного хвоста’, бур. *һарагар* ‘растопыренный; распростертый (о крыльях)’.

Тюрк. *қарлав°а:ч ~ қарланғач ~ қырлағуч* ‘ласточка’ Д. Х. Базарова вслед за М. Худайкулиевым относит к звукоподражательным словам. Однако, по справедливому мнению Л. С. Левитской, корень **қар* в *қарға* ‘ворона’ едва ли отождествим с **қар* в *қарлиғач*. Щебетание ласточки передается глаголами звукоподражательного происхождения, но не содержит имитатив **қар*. Одним из путей народного переосмысления могло быть сближение с *қара* ‘черный’, так как верхнее оперение ласточек имеет темную окраску. Тот же признак, по предположению Л. С. Левитской, и в мо. *qaraγačai* ‘ласточка’

[ЭСТЯ, 1997, с. 308]. Сонант [r] представлен и в эвенк. *горивкб*, сол. *гарāсā*, нан. *кармор* ‘ласточка’ [ССТМЯ, 1975, с. 161, 399].

«РЫБЫ»

Дрожащий сонант [r] в основном участвует в образовании названий щуки, а также рыб, похожих на нее. Здесь представлены производные от корней **čord/šord/čur/šür*, давших п.-мо. *čordu* ‘пескарь, рыбка’ [Kow. 2221], мо. *цорд*, *шорд* ‘небольшая щука’, хорин. *сордо*, баргуз. *сордон* ‘щуренок’, сел. *шорд* ‘небольшая щука’, калм. *цурдг* ‘щуренок’; п.-мо. *čiry-a*, мо. *цурга* ‘щучка, щука’; ср.-мо. *čuraqa* [SH], п.-мо. *čiruqai* [Kow. 2220], мо. *цурхай*, бур. *сурхай*, калм. *цурх* ‘щука’, калм. *цурдг* ‘щуренок’, которые названы так благодаря острой, вытянутой морде. Ср. п.-мо. *šoryur*, мо. *шоргор*, бур. *шорогор*, *шүрэгэр*, *шорбон* ‘острый, остроконечный’, *шорхогор* ‘островерхий (о головном уборе)’; п.-мо. *šorniyur*, мо. *шорногор*, бур. *шорногор* ‘остролицый (о человеке), остромордый (о собаке)’; *шүрдэгэр* ‘тонкий’, *шүрмэгэр* ‘узкий и худощавый (о лице)’, *шүрнэгэр* ‘острый (о клюве птицы, морде животного)’. Название п.-мо. *šürüi*, мо. *шүрий* ‘таймень’ связано с тем, что голова тайменя по форме напоминает голову щуки, поэтому на Урале тайменя называют «красной щукой».

В Алтайском словаре в качестве параллели дана Птунг. форма **čör* ‘щука; рыба молодь’: ма. *čurxu*; сол. *sōraldī*. Маньчжурская форма *čurxu* рассматривалась В. Розицким как монголизм, однако авторы EDAL склонны считать ее исконным словом (в отличие от эвенк. *čirukaj* ‘щука’) [EDAL 452–453]. Для пратюрк. **čortan* ‘щука; угорь’ А. В. Дыбо приводит внешнюю параллель мо. *čurkaj* ‘щука’, заимствованную во многие тюркские языки [СИГТЯ, 2001, с. 178]. Тот же мотив, на наш взгляд, заложен в п.-мо. *kirbi*, мо. *хирви* ‘осетр сибирский’; нан. *кирну*, ма. *кирфу* ‘осетр’ [ССТМЯ, 1977, с. 334], поскольку осетровые обладают конически заостренным рылом.

Основой номинации ерша п.-мо. *šörge*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, калм. *шөрг* ‘ерш’⁴⁶, несомненно, стали его многочисленные колючки, расположенные в спинном, брюшных плавниках, а также на жаберной крышке. На алтайском уровне проводится сопоставление с «Птунг. **sarga-* ‘окунь; хариус; сиг; сельдь’, Птюрк. **sārV-gan* ‘сазан; змей, дракон’» [EDAL 1220]. Учитывая внешние параллели, А. В. Дыбо также предполагает, что Пратюрк. **sa:zgan* первоначально было названием колючей рыбы [СИГТЯ, 2001, с. 179].

Ср. п.-мо. *mörgü* [Kow. 2070], мо. *мөрөг*, бур. *мүргэ* ‘карп, сазан’; п.-мо. *kirüge nirüü* ‘название рыбы’ [Kow. 2550] досл. ‘пила-спина’; п.-мо. *serbege*, мо. *сэрвээ*, бур. *хэрбээ*, калм. *сервэ*, ойр. *сервээ* ‘спинной плавник (рыбы); зазубрина’; п.-мо. *serteng*, мо. *сэртэн* ‘стоячий; позвоночный отросток’.

Примечательно, что на основе восприятия колючек был назван и ср.-мо. *ǰari’ā* [MA 201], п.-мо. *ǰarayā* [Kow. 2301], мо. *зараа*, бур. *заряа*, калм. *зара*, ойр. *зараа* ‘еж; колкий, колючий’ < ‘нечто торчащее, острое (об иголках)’. «Сол. *ǰarā* ‘еж’ < мо.» [ССТМЯ, 1975, с. 252]. С помощью аффрикаты [ʃ] и дрожащего сонанта [r] достигается максимальная степень актуализации признака ‘колючий, торчащий’. А. В. Дыбо восстанавливает пратюрк. **tirpi*, *kirpi* ‘еж’, предполагая, что формы с *k-* возникают под влиянием *kirpik* ‘ресницы, колючки’ или глаголов *kirpiš-* ‘становиться дыбом, топорщиться, щетиниться’, *kirpilän-* ‘сморщиваться, съеживаться’. В таком случае, по мнению автора, можно было бы восстанавливать пратюрк. **tirpi* и связывать его с мо. *ǰaray-a* ‘еж’ (< **dirβa*; этимология О. А. Мудрака) [СИГТЯ, 2001, с. 166].

ЛСП «Растительный мир»

Здесь рассматриваются названия растений и деревьев, обладающих шипами, колючками, иголками. Для именования шипов в монгольских языках используются корни **örg/sör/šör:* ср.-мо. *örgesün* [IM, MA 278], пкл.-

⁴⁶ Рус. *ёрш* и бур. *ёрмохи* ‘ёрш’ имеют общий корневой элемент **yor*, свидетельствующий о том, что в русском языке корень *ep/ёр* также может передавать признак ‘торчащий, колючий’: *ершить волосы, ёрзать, ёрничать*.

мо. *örgesün* [Тум. 511], п.-мо. *örgüsü*, мо. *өргөс*, бур.НУ *үргэһэн*, *үргэн*, калм. *өргөс*, *үргсн*, ойр. *үргесен* ‘заноза; шип, колючка; зубок (у маленьких детей)’; калм. *сөр* ‘большой гвоздь; заноза; кости рыбы’, *шөрә* ‘шпоры; шипы’. Ср. Пяп. **irà* ‘шип, колючка’ [EDAL 315]. По наличию шипов назван п.-мо. *šörge*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, калм. *шөрг*, *сөр* ‘намордник для телят’.

В тюркских языках представлены тув. *өрген*, тоф. *өрген*, сойот. *өргэн* ‘колышек’, хак. *өрген* ‘кол; прикол для зимней привязи рабочих лошадей’, шор. *өрген* ‘кол’, чул.-тюрк. *өргән* ‘частокол’. У соответствий этих названий в хакасских диалектах В. В. Радлов фиксировал, с одной стороны, значение ‘гвоздь’, а с другой – ‘маленький столбик, столб для привязывания лошадей’, существование которого дает Б. И. Татаринцеву основание для возведения лексем к глагольной основе *өр-* ‘подниматься, вставать’. Их связь с як. *өргүүр* ‘кол, колышек, к которому привязывали жеребенка вскоре после его рождения’ и *өргөс* ‘острие коровьего рога; острие (обычно колющего и режущего оружия); колющее оружие’ также позволяет автору вычленить глагольную основу **өрге-* ~ *өргү-*, означавшую нечто вроде ‘заострять(ся); колоть, быть колющим оружием’ [Татаринцев, 2008, с. 406–407].

П.-мо. *samai*, мо. *сарнай* ‘роза (шиповник)⁴⁷ восходит к образу ‘нечто с шипами, колючками’; п.-мо. *serteg*, мо. *сэртэг* ‘галения’ названа благодаря нектарникам в виде шпор на лепестках. У растения п.-мо. *arjayan-a*, мо. *арзгана* ‘кузиния’ нижние стеблевые листья по краю выемчато-зубчатые с коротко заостренными зубцами.

Участие корня **qar* в образовании ряда фитонимов также обусловлено наличием у них колючек (ср.-мо. *qar* ‘гвоздь’ [ЛН]). Так, у караганы (п.-мо. *qaraqana* [Kow. 831], мо. *харгана*, бур. *харгана*, *харганаан*, ойр. *харһана*) черешки листьев часто не опадают, как и прилистники, а одревесневают и превращаются в колючки. Кустарник п.-мо. *qartaу*, мо. *хармаг* ‘селитрянка Шобера’ назван так благодаря его сильноветвистым колючим побегам. По

⁴⁷ Ср. участие согласных [r] и [z] в рус. *роз-а*, лат. *rosa*, англ. *rose*, нем. *rose*, фр. *rosier*, итал. *rosa*, польск. *róża*, чешск. *ruže*, *ružice*, эст. *roos*, лит. *rožė*, шведск. *ros*, венг. *rózsa* и др.

мнению В. И. Рассадина, фитоним *qaryan-a* восходит к тюркскому названию акации [Рассадин, 2010, с. 36]. В тюркских языках представлены две формы *қараған* и *қарағана* ‘желтая акация, карагана, золотарник’, первую из которых авторы ЭСТЯ относят к производным от *қара* ‘черный’ (ср. башк. диал. *қара ййләғй* ‘крушина’), вторую, судя по ауслаутному *-a*, – к заимствованиям из монгольских языков [ЭСТЯ, 1997, с. 294]. Тот же мотив выделим в п.-мо. *ürgene*, мо. *үүргэнэ*, бур. *үүргэнэ* ‘терн, терновник’, бур. диал. *үүргэнэ* ‘шиповник’.

Безусловный интерес представляют фитонимы ср.-мо. *arči* [МА 104], пкл.-мо. *arja* [Tum. 304], п.-мо. *arča* [Kow. 161], мо. *арц*, бур. *арса*, ойр. *арца* ‘можжевельник’, калм. *арц* ‘можжевельник, кипарис’; п.-мо. *arčay* [Kow. 162], мо. *арцаг* ‘можжевельник казахский, сабина’. В тюркских языках распространена форма *arčyn*: др.-тюрк. *artuč* ‘можжевельник’, алт., тув., башк., тат. *артыш*, аз. *артыч*, тур. *ardiç* ‘можжевельник’. По предположению Э. В. Севортяна, лексема *arčyn* ‘можжевельник’ имеет иранское происхождение [ЭСТЯ, 1974, с. 183]. Э. Р. Тенишев считает, что «этимология **arčyn* объяснима на тюркской почве: глагол *ary-* ‘очищаться’ + аффт. *-čan*: *arčan* > *arčyn*. Такое предположение находит подкрепление и в общем соображении, что арабских и иранских заимствований в тюркских языках Сибири незначительное количество» [СИГТЯ, 2001, с. 130]. Вероятно, в основе номинации этого вечнозеленого хвойного кустарника лежит его внешний вид, точнее, острые иголки. Примечательно, что латинское название растения *juniperus*, а также кельтское *jenepirus* переводятся на русский язык как ‘шершавый; колючий’.

Наконец, лиственница сибирская (п.-мо. *qaryai* [Kow. 844], мо. *харгай*, калм. *харһа*, ойр. *харһаа*) относится к хвойным породам, сонант [r] также представлен в корне бур. *зэргэнэ* ‘хвойник’. Тюрк. *карагай* ‘сосна; ель; лиственница; кедр; еловый лес, сосняк’ Г. Рамстедт возводил к *qara* ‘черный’. Г. Дёрфер тюркскую форму *карагай* квалифицирует как монголизм. М. Рясянен сопоставляет тюрк. *qarayai* на уралоалтайском

уровне: с фин. *kara* ‘твердый, сухой сук’, *karahka* ‘молодая пихта’, самод. *hāru*, *karu* ‘лиственница’, эвенк. *gara*⁴⁸, эвен. *gar* ‘сухая ветвь’, а также кор. *karak* ‘корейский дуб’. В. И. Рассадин восстанавливает тюркскую праформу **qadī*, относящуюся к древнейшему общеалтайскому лексическому фонду, предполагая ее глубинную этимологическую связь с самод. **ka°ət*, поскольку известно, что самодийские племена ранее обитали в Южной Сибири, где они входили в контакт с древними тюркскими племенами [цит. по: ЭСТЯ, 1997, с. 291]. Э. Р. Тенишев рассматривает лексему как монголизм [СИГТЯ, 2001, с. 133].

Если учесть возможность чередования *q/n* в анлауте корня, то тот же признак ‘колючий (о хвое)’ восстановим в названии другого хвойного дерева: ср.-мо. *parasun* [НУ 6], пкл.-мо. *parasu* [Тум. 477], п.-мо. *parasu* [Kow. 622], мо. *нарса(н)*, бур. *нарһан*, ойр. *нарсан*, орд. *parasu*, даг. *nars*, *narsu*, *narese* [EDAL 973] ‘сосна; пихта’. Н. Н. Поппе видит в качестве производящей основы существительное *нар* ‘солнце’ [Ропре, 1981, р. 388]. На алтайском уровне оно сопоставимо с эвен. *н’ерми* ‘лиственница’; *н’иргуқи* ‘хворост, сучья (ветки кедровника, сухие, с сухими иголками)’ [ССТМЯ, 1975, с. 654, 639]. Кбалк., кум., тат., башк. *narat* Э. Р. Тенишев вслед за М. Рясененом относит к заимствованиям из монгольских языков [СИГТЯ, 2001, с. 133].

ЛСП «Человек»

Морфемный анализ соматических терминов в монгольских языках позволил выявить ряд словоформ с дрожащим сонантом *[r]* в корне, большая часть которых относится к плечевому поясу. Известно, что рука, как и рот, является важнейшим органом человека, обеспечивающим жизнеспособность организма. В связи с этим в любом языке мира как сами части руки, так действия, совершаемые ими, в первую очередь нуждались в языковой интерпретации. Кроме того, рука представляла собой один из самых доступных для наблюдения и изучения объектов.

⁴⁸ Эвенк. *кирē* ‘сук (прямой)’.

Ср.-мо. *qar* [НУ 46, SH, IM], *qar*, *qari* [IM], *γar* [МА 175], пкл.-мо. *γar* [Тум. 397], п.-мо. *γar* [Kow. 1006], мо. *gap*, бур. *gap*, калм. *hap*, ойр. *hap*, орд. *Gar*, мог. *γar*, даг. *gari*, *gaŕ*, дунс. *qa*, бао. *xar*, ж.-уйг. *Gar*, мнгр. *Gar* [EDAL 530] ‘рука, руки’, вероятно, восходит к образу ‘нечто торчащее, прямое; жесткое’, о чем свидетельствуют формы бур. *гарагар*, *гардагар* ‘жесткий, твердый; жилистый’. В литературе по алтайским этимологиям мо. *γar* принято сопоставлять с тюрк. *qar*, *qarī* ‘рука (верхняя часть); предплечье; голенная кость животного; различные меры длины’. Как отмечает А. В. Дыбо, возможность заимствования тюрк. **kar* ‘плечевая часть руки’ в монгольский или наоборот «исключается значительным смысловым расхождением между тюркским и монгольским словами. Неверно сопоставление данной основы с ма. *gala* < **ɣala* ‘рука’, фонетические необоснованное и оспариваемое, в частности, В. Д. Колесниковой, которая предлагает в качестве т.-ма. параллели **gara* ‘сухая ветка, сучок’; последнее <...> не относится сюда, имея ностратические параллели (в частности уральские) со значением ‘сучок, колючая ветка, шип’» [Дыбо, 1996, с. 311]. Т. А. Бертагаев рассматривал согласный [r] в данном слове в качестве омертвевшего и крайне непродуктивного суффикса [Бертагаев, 1971, с. 105].

Если термином *γar* в монгольских языках обозначалась вся рука как активный орган, то ср.-мо. *čarballi* [LH], п.-мо. *čarbayu* [Kow. 2113], мо. *царвуун*, бур. *сарбаа*, *сарбуу*, калм. *царв*, орд. *ts‘arwū* [Дыбо, 1996, с. 226] ‘запястье, лучевая кость’; п.-мо. *sarbayu*, мо. *сарвуу* ‘часть руки от кисти до локтя’ обозначают ее части. По свидетельству А. В. Дыбо, сев.-мо. *čarbayu* заимствовано в тюркские языки: шор., куманд. *šarbak* ‘палец; медвежья лапа’. Лексему автор относит к категории отглагольных имен [Дыбо, 1996, с. 226], М. Рясянен сближает ее с образным глаголом *sarba-* ‘разветвляться’ [Räs. 403a]. Ср. эвенк. *сарбаџак* ‘след (зверя)’, *сарбака* ‘палец (ноги); лапа; плюсна, ступня’, сол. *шарбаган* ‘палец (ноги)’ [ССТМЯ, 1977, с. 65].

Термины *čarbayu*, *sarbayu* восходят к образным корням **čarb/sarb*, признаки которых ярко проявляются в п.-мо. *sarbayar* [Kow. 1336], мо.

сарвагар, бур. *харбагар*, калм. *сарвһр*, ойр. *сарваһар* ‘торчащий; сучковатый; широко расставленный, раскидистый’; п.-мо. *ĉarbaγu*, мо. *царвуу* ‘растопыренный; расширяющийся кверху’; бур. *сарбаа һүхэ* ‘большой широкий топор’. Очевидно, что часть руки от локтя до кончиков пальцев воспринималась как ‘нечто торчащее; расширяющееся, разветвляющееся (на пальцы)’ [🖐].

Неслучайно числительное ср.-мо. *xarban* [НУ 43, SH], *harban* [LH, IM 181], *hārban* [MA], п.-мо. *arban* [Less. 49], мо. *арван*, бур. *арбан*, калм. *арвн*, ойр. *арван*, орд. *arwa*, мог. *arbōn*, даг. *xarab*, *xarba(n)*, *harebe*, дунс. *haran*, *haruan*, бао. *harwaŋ*, *habran*, *hane*, ж.-уйг. *harwan*, мнгр. *xar(w)an*, *xarwan*, *xana* [EDAL 1191] ‘десять’, также репрезентируемое с помощью корня **arb*, отсылает к образу десяти растопыренных пальцев. Номинация связана с тем, что «монголы при изображении числа «десять» показывали свои пальцы» [Базаррагчаа, 1992, с. 218]. Здесь корень **arb*, стремясь к субстантивации, оформляется конечным согласным [n]. Известна точка зрения Г. Рамстедта, сближавшего компонент *-ан* с тюрк. *on* ‘десять’ [Рамстедт, 1957, с. 66]. В Алтайском словаре также восстанавливается Пмонг. форма **ha-* ‘десять; весь, все’, которая сопоставляется с Птюрк. **ōn* ‘десять’ [EDAL 1191].

Закономерно, что соматизмы, обозначающие пальцы в монгольских и тюркских языках, также имеют дрожащий сонант [r] в корне. Термин ср.-мо. *quru'un* [НУ 46, SH], *qurūn* [LH], *quryan* [IM], *quru'ū*, *qarūn*, *qurūn* [MA 124, 145, 312], пкл.-мо. *quruγu:n* [Tum. 538], п.-мо. *quruγu(n)* [Kow. 964], мо. *хуруу*, бур. *хурган*, калм. *хурһн*, ойр. *хурһан*, *хуруу*, орд. *xirū*, мог. *qurūn*, *qorun*, даг. *хорō*, дунс. *Gurun*, бао. *xur*, ж.-уйг. *χurūn*, мнгр. *xiri* [EDAL 856] ‘палец, пальцы; спицы’ восходит к образу ‘нечто длинное, тонкое; торчащее’ [ᵇ]. А. В. Дыбо на праалтайском уровне сопоставляет данную лексему с т.-ма. **xuru* ‘горсть’, ма. *urun* ‘мера длины шириной в палец’, т.-ма. **xuru-n* (адъективная форма) ‘копыто’ [Дыбо, 1996, с. 317]. Кроме указанных параллелей, в Алтайском словаре приводятся Птюрк. **K[a]r̥guk* ‘палка, колышек’, Пкор. **karak* ‘палец; палка’ [EDAL 856].

В тюрк. *бармақ* (**parŋak*) ‘палец; большой палец; ветвь или стебель растения’ [ЭСТЯ, 1978, с. 66] возможна реконструкция образного корня **barm* ‘нечто торчащее, растопыренное’. По предположению А. В. Дыбо, праформа данного соматического термина выглядела как «**parn/ŋak* (**p* слабое по огуз. рефлексам); чув. *пўрне*, а также тат. диал. *барңак* и тур. диал. *parŋak* свидетельствуют о первичном *-*rn-* или *-*rŋ-*, *-*rm-*, по-видимому, вторично. При такой реконструкции менее вероятно объяснение *barmaq* как отглагольного образования от алт. **bari-* ‘хватать, брать’ <...> Однако перестройка **parŋak* > *barmaq* могла происходить под влиянием **barim* ‘жменя, горсть’ или же просто по типичному суффиксу» [Дыбо, 1996, с. 321].

Корни **barb/bart/parb* в монгольских языках активно участвуют в образовании названий пальцев: бур. *барбаадай*, *барбаахай* ‘дет. большой палец на руке’, эхир. *бартан туулай* ‘дет. указательный палец’, а также образуют прилагательные, характеризующие форму пальцев, рук: п.-мо. *paribaγar*, мо. *паривгар* ‘грубоватый и толстый’, бур. *барьягар* ‘корявый, скрюченный (о пальцах); грубый’. Ср. каз. *барбий-* ‘разбухать (о пальцах)’. Также на основе признака ‘торчащий’ возникло прилагательное п.-мо. *soruy*, мо. *сорог [хуруу]* ‘короткий палец’, бур. *horog* ‘наполовину сломанный (о роге)’.

В данном контексте можно предположить семантическую связь между тюрк. *bir* ‘один’ и *barmaq* ‘палец’ на основе признака ‘нечто торчащее’ (в первом случае – о большом пальце). Следует отметить, что этимологию тюрк. *bir* Г. Рамстедт связывал с мо. *büri* ‘всё, все, каждый’, Ким-Ки-Сонь – с мо. *ori* ‘только, лишь, вовсе’ [цит. по: Болд, 2004, с. 95]. Авторы EDAL также сопоставляют тюрк. *bir* с Пмонг. **büri*, Пяп. **pitə* ‘один’ и Пкор. **piri-* ‘сначала, впервые, начинать’, отмечая, что Г. Дёрфер сомневается в предложенном Г. Рамстедтом тюрко-монгольском сравнении по фонетическим причинам, которое может быть подтверждено: в тюркских языках часто проявляется вторичная делабиализация *-ir-*, *-il-* < *-*ür-*, *-*ül-* (в особенности после лабиальных) [EDAL 364].

Признаки ‘торчащий, оттопыренный’ применимы также к термину ср.-мо. *xeregai* [SH], *erke*, *herekeyin* (род.п.) [LH], п.-мо. *erekei* [Kow. 250], мо. *эрхий*, бур. *эрхы*, калм. *эркэ*, ойр. *эркээ*, орд. *ereχī*, даг. *xereg*, *xergī*, *herehe*, ж.-уйг. *hermegči* [EDAL 1138] ‘большой палец (на руках и ногах)’ [♫]. Пмонг. **herekei* сопоставляется с «Птунг. **peru-* ‘большой палец’, Птюрк. **ernek* ‘палец, большой палец’» [EDAL 1138]. «А. фон Габен рассматривает тюрк. *еренгек* ‘большой палец’ в качестве производного, образованного от основы *ер* ~ *ерен* ‘муж, мужчина’ с помощью уменьшительного аффикса *-зақ/ -қақ* и т.д., и внутреннюю форму рассматриваемого производного передает в виде ‘человечек’. Так же у К. Брокельмана и М. Ряшенена» [цит. по ЭСТЯ, 1974, с. 299].

В п.-мо. *darabči* [Kow. 1664], мо. *даравч*, калм. *дарвч* ‘шпоры (у птиц); шпора’; п.-мо. *derebči*, мо. *дэрэвч* ‘шпоры у петуха’ сохраняется признак ‘торчащий’. Т. А. Бертагаев производит *даравч* от глагола *дара-* ‘давить, жать, ставить’ [Бертагаев, 1974А, с. 206]. В тюркских языках широко представлена лексема **darmaq* ‘лапа, когти; палец; разветвление’, которую А. В. Дыбо связывает с ног. *тарма-*, кир. *тарба-*, ккалп. *тарба-*, башк. *тарба-* и др. ‘разветвляться, растопыриваться’, по-видимому, производным от глагола **dar-* ‘расходиться, рассеиваться’ [СИГТЯ, 2001, с. 256].

В связи с тем, что во многих языках мира количественные числительные первого десятка непосредственным образом связаны с обозначениями пальцев, их формой, длиной или выполняемой функцией, мы считаем возможным рассмотреть здесь числительные, имеющие доминанту [r]. Ю. М. Шилков, отмечая важную роль руки в освоении действительности, пишет: «Она активно ощупывает и фиксирует предметные сведения <...>. Она указывает на телесное происхождение столь абстрактных понятий, как количество, число, счет и скрывающихся за ними операциональных процедур» [Шилков, 1998, с. 90].

Происхождение числительного ср.-мо. *xurban* [HY 42], *qurban* [SH], *qorbān* [IM], *urban* [LH], *urban*, *qurban* [MA 179, 310], пкл.-мо. *urban* [Tum.

401], п.-мо. *yurba* [Kow. 1039], мо. *гурав*, *гурван*, бур. *гурбан*, калм. *хурвн*, ойр. *хурван*, орд. *Gurwa*, мог. *yurbōn*, даг. *guarba(n)*, *guarəb*, дунс. *Guron*, *Guran*, бао. *Goraŋ*, *Gob-araŋ*, ж.-уйг. *Gurwan*, мнгр. *Gurān* [EDAL 1032–1033] ‘три’, на наш взгляд, можно связать с теми же признаками, что и в соматическом термине п.-мо. *quruγu(n)* ‘палец’ – ‘длинный, тонкий’. Д. Тумэртогоо раскладывает лексему на следующие элементы: *γu-r-b-an* [Төмөртоого, 2002, с. 237]. Л. Болд отмечает, что корень **γu* дал такие производные, как *γuna* ‘трехлетний бычок’, *γunaǰ* ‘трехлетняя корова’, *γurγutisun* ‘состоящий из трех частей’, *γucin* ‘три десятка’, а также участвует в образовании числительного *ǰir-γu-γan* ‘шесть’ [Болд, 2004, с. 98]. Г. Рамстедт пишет: «мо. *gurban* ‘три’, *gurmasun* ‘второе скрученный канат (бечева)’, *gurmasula-* ‘сплестать три пряди (в косу)’ связаны между собой так же, как тунг. *ilan* ‘три’ связано с основой *ilča-* ‘сплестать’, от которой оно было произведено» [Рамстедт, 1957, с. 65]. Таким образом, все авторы полагают, что приводимые ими производные, включая *yurban*, восходят к древнему корню **γu* с предполагаемым абстрактным значением ‘три’.

Тем не менее, звуковой облик числительного *yurban* настойчиво говорит о том, что он имеет образную основу. Большое количество производных корней **γur/γurb* позволяют выявить его главный мотивационный признак: п.-мо. *γurayar*, мо. *гургар* ‘длинный и тонкий’, бур. *гурагар* ‘стройный’; п.-мо. *γurǰayur* ‘высокого роста, долговязый и тощий’ [Kow. 1042]. Признак ‘длинный’ реализуется и в эвенк. *куреј* ‘хорей (длинный шест для управления упряжными оленями)’ [ССТМЯ, 1975, с. 436]. Все это позволяет предположить, что корень **γurb* номинирует именно средний палец, идущий третьим по счету, по причине того, что он и является самым длинным из пяти.

Логично допустить, что лексемы, обозначающие возраст животных (*гунан* и *гунжин*), возникли позднее, нежели само числительное, и представляют собой результат словообразовательной деривации, сопровождавшейся усечением производящей основы **γurb*. Последнего не произошло в случае с

лексемой пкл.-мо. *yurbaljin* [Tum. 401], п.-мо. *yurbaljin*, мо. *гурвалжин*, калм. *гурвлжн* ‘треугольник’. Следует отметить, что формант *-ljin* также является «надежным свидетелем» образного происхождения корня, поскольку сфера его «влияния» строго ограничена рамками звукосимволических образований. Лексему *ололжин* ‘многоугольник’, восходящую к наречию *олон* ‘много’, следует признать поздним образованием, созданным по аналогии с другими лексемами, обозначающими геометрические фигуры. По всей вероятности, существительное *гурвалжин* первоначально имело значение ‘нечто вытянутое кверху, остроконечное’, впоследствии перешедшее в область математической терминологии.

Что же касается лексемы п.-мо. *yurmasun* [Kow. 1042], мо. *гурмасан* ‘толстая веревка из трех пядей; скрученный в три раза; тройной, утроенный (о веревке)’, то ее можно разложить на две производящие основы: **yur* ‘три’ и п.-мо. *töci*, мо. *мөч*, бур. *мүсэ*, калм. *мөч*, ойр. *мөчи* ‘конечность’, где компонент **yur* передает количество прядей, используемых в процессе плетения веревки.

Морфологическая структура числительного ср.-мо. *jiryān* [IM, LH], *jiryān*, *jiryū’ān* [MA 206–207], пкл.-мо. *jiryūa:n* [Tum. 431], п.-мо. *jiryūan* [Kow. 2367], мо. *зургаа*, бур. *зургаан*, калм. *зурхан*, ойр. *зурхаан*, даг. *džirg<ō(η)*, дунс. *džirg<uan*, бао. *džirg<uan*, мнгр. *diryōn* [Болд, 2004, с. 101] ‘шесть’, по мнению Д. Тумуртоого, достаточно прозрачна. Она состоит из корня **jir(in)* в значении ‘два’, встречающегося еще в «Тайной истории монголов», и корня **yu*, встречающегося в слове *yu-r-ban* ‘три’. Таким образом, в каждом компоненте лексемы заложено числовое значение: 2×3 . С ним согласны и другие монгольские исследователи [цит. по: Болд, с. 2004, с. 100–102].

Несмотря на кажущуюся достоверность предыдущей версии, основанной на сложной операциональной процедуре, мы склоняемся к иному толкованию, впрочем, не претендуя на то, что наше объяснение правильное и единственно возможное. Числительное *jiryūa(n)* разложимо на корень

**ǰıɣ*/*ǰıɣ* и суффикс *-ɣa(n)*. При счете по пальцам шестым идет большой палец (чаще левой руки), для обозначения которого в монгольских языках также используется рассмотренная выше лексема п.-мо. *erekei*, восходящая к корню **erk*. Фонетическая близость корней **ǰıɣ* и **erk* позволяет также выделить признак ‘нечто торчащее, оттопыренное’ в числительном *ǰıɣууап*, в данном случае соотносящийся с большим пальцем. Ср. эвенк. *чараткб* ‘палец (на ноге)’, *шаракал* ‘палец’, сол. *ц'арáткi* ‘палец’; эвенк. *чурчāн* ‘палец (на ноге); лапа (животного); носок обуви; стопа’ [ССТМЯ, 1977, с. 385, 417].

Корневая доминанта [*r*] также представлена в числительном ср.-мо. *dörben* [ЛН, МА 143], пкл.-мо. *dörben* [Тум. 371], п.-мо. *dörben* [Kow. 1947], мо. *дөрөв*, бур. *дүрбэ(н)*, калм. *дөрвн*, ойр. *дөрвен*, орд. *dorwo*, мог. *dürbōn*, даг. *dirbe(n)*, дунс. *dzieruan*, бао. *deraŋ*, ж.-уйг. *dorwən*, мнгр. *deran* [Болд, 2004, с. 99] ‘четыре’. По предположению Г. Рамстедта, тюрк. *tort*, як. *tüört*, чув. *təvat*, мо. *dörben*, тунг. *digin*, *dujun*, ма. *duin*, кор. *turi*, сев.-кор. *ndujin*, *nduin*, вероятно, восходят к некоему праязыковому **do* [Рамстедт, 1957, с. 64]. Кроме того, на алтайском уровне числительное сопоставляется с Пяп. **də*- ‘четыре’ [EDAL 1377]. Л. Болд вслед за Д. Тумэртогоо и М. Базаррагчаа выделяет в лексеме корень *dö* и аффиксы *-r* и *-ben*: *dö-r-ben* по аналогии с *уи-*r-ban** [Болд, 2004, с. 99].

Так же как и *урбан*, числительное *dörben* можно рассматривать с позиции звуковой изобразительности. Значения корня **dörb* сопоставимы с п.-мо. *уорбуи-*, мо. *ёрвой-* ‘оттопыриваться, растопыриваться’, бур. *ёрбой-* ‘выдаваться острым углом’. Ср.-мо. *dörbeljin* [МА 350], пкл.-мо. *dörbeljin* [Тум. 371], п.-мо. *dörbeljin* [Kow. 1950], мо. *дөрвөлжин*, калм. *дөрвөлжн*, ойр. *дөрвөлжин* ‘квадрат, четырехугольник’, п.-мо. *dörbelji*, мо. *дөрвөлж* ‘четырёхугольная корзина (для топлива); игральные кости, кубик (для игры)’ восходят к образу ‘нечто с острыми, торчащими углами’.

Мотивирующий признак ‘торчащий, растопыренный’, на наш взгляд, не мог характеризовать безымянный палец, идущий четвертым по счету, ввиду

его «непримечательности» (даже в русском языке он не имеет специального названия). По всей вероятности, признак ‘торчащий, растопыренный’ соотносился с количеством конечностей человека: двумя верхними и двумя нижними.

В фитониме мо. *дормосон мүзз* ‘четырёхлистник золотистый’ компонент *дормосон* также, вероятно, состоит из **dör* ‘четыре’ и п.-мо. *möči* ‘конечность’, т.е. ‘с четырьмя лепестками’. Вторая часть названия *мүзз* восходит к образному корню **müggj/muγ*, значение которого восстанавливается на основе прилагательного п.-мо. *тиүяуар*, мо. *мүззгар* ‘куцый; короткостриженный’. Калм. *дөрү* ‘мера длины в четыре пальца’, как и термины животноводства *дөнөн* ‘четырёхгодовалый бык’, *дөнжин* ‘четырёхгодовалая (о корове, верблюдице)’ также могли возникнуть в результате усечения производящей основы **dörb*.

Важность признака ‘торчащий’ в номинации конечностей человека позволяет применить его и к некоторым названиям животных. В ср.-мо. *qurıqa(n)* [SH], *qurıxan* [HY 11], *qurıyan* [LH], *qurayan* [MA 111], п.-мо. *quray-a*, мо. *хурга(н)*, бур. *хурьган*, калм. *хурһн*, ойр. *хурһан*, орд. *xurGa*, мог. *qəγan*, дунс. *quyan*, *Guyan*, бао. *GorGaŋ*, ж.-уйг. *χurGan*, мнгр. *xorGa*, *xuroG* [EDAL 809] ‘ягненок, барашек’ можно попытаться выделить признак ‘с тонкими длинными ножками’. По всей вероятности, этот же признак в бур. *хурбэ* ‘ягненок’. Согласно мнению В. И. Рассадина, п.-мо. *qurayan* ‘ягненок, барашек, похожий на ягненка’ восходит к ротацирующей форме др.-тюрк. *qozī* ‘ягненок’ [Рассадин, 2010, с. 34]. В тюркских языках авторы EDAL восстанавливают Птюрк. форму **Kořī* ‘ягненок’, отмечая, что, вопреки мнению Г. Дёрфера и А. М. Щербака, она не может быть источником заимствования в монгольские языки [EDAL 809]. Эвенк. *куркан* ‘ягненок’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 437].

И. В. Кормушин, отмечая функционирование в ряде тюркских языков глагола *quzla-* ~ *qozla-* ‘ягниться’, обращает внимание на широту семантики кбалк. *qozla-* ‘родить (о кобыле, корове, овце)’. Исследователь предполагает,

что это – свидетельство более широкой первоначальной семантики *qozu-* ‘детеныш некоторых домашних животных’, сузившийся впоследствии до ‘ягненка’ [СИГТЯ, 2001, с. 443]. Таким образом, можно предположить, что корни **qur* в монгольских, **qoz* в тюркских языках могли характеризовать детенышей домашних животных по внешнему виду, точнее, по длинным, тонким ногам.

Выделение данного признака возможно и в п.-мо. *sarbaγ-a*, мо. *сарваа* ‘двухлетний жеребенок’, калм. *сарва*, ойр. *сарваа* ‘годовалый жеребенок’. Слово заимствовано тюркскими языками: алт. *сарбага*, тув. *сарба:* и др. [ЭСТЯ, 2003, с. 217]. В словаре О. М. Ковалевского дается прилагательное *serbei* в качестве определения к *uнаγan*: п.-мо. *serbei uнаγan* ‘жеребенок’ [Kow. 1373]. Также по длинным конечностям названо другое животное: ср.-мо. *sarmačī* [IM], п.-мо. *sarbaγčīn*, *serbečīn* [Kow. 1337, 1373], *sarmaγčīn*, *sarbačīn* [Less. 675, 676], мо. *сармагчин*, бур. *хармагшан*, ойр. *сармечин*, орд. *sarmaGčīn* [EDAL 1213] ‘обезьяна, мартышка’ (ср. п.-мо. *sarmii-*, мо. *сармий-* ‘разметаться руками, ногами’).

Несомненный интерес представляет реализация данного значения в калмыцком сложном слове *сар-мөчн* ‘обезьяна’, состоящего из двух частей: **сар* и *мөчн* ‘обезьяна’ (мо. *мичин*) и возникшего, по всей вероятности, во многом благодаря семантической соотнесенности со вторым компонентом. В Алтайском словаре также отмечается, что лексема представляет собой сложное слово с искаженной второй частью *теčīn*. Изменение морфологической структуры слова произошло под влиянием частотного суффикса *-gčīn*, образующего названия женских особей животных. Также в издании приводится в качестве параллели Пяп. **sàrû* ‘обезьяна’ [EDAL 1213]. Однако, на наш взгляд, *sarmaγčīn* все же морфологически членится на корень **sarm* и словообразовательный формант *-γčīn*, который не всегда коррелирует с наименованиями женских особей, ср. *saraγčīn* ‘столбик, шпич посреди обона’, *eregčīn* ‘самец’ и др.

Следует отметить, что ряд образных корней дал в монгольских языках глаголы, значение которых относится к мануальной (ручной) сфере деятельности. Они, как правило, отсылают к образу растопыренных, вытянутых на всю длину рук человека, в ряде случаев ног животных: п.-мо. *ĉarba-* ‘хватать, ловить рукой; руками и ногами действовать в борьбе’ [Kow. 2113], мо. *царва-* ‘поднимать кверху руки или ноги; отмахиваться; хватать’; п.-мо. *sarbayi-* [Kow. 1336], мо. *сарвай-*, калм. *сарва-* ‘протягиваться, растопыриваться; торчать’, в бур. *һарбай-* на передний план выходит значение ‘протягивать руку (или что-л. в руках)’. Ср. ульч. *чараџи*, нан. *чарајган* ‘с протянутыми вперед руками’ [ССТМЯ, 1977, с. 385].

В тюркских языках действия, обозначаемые глаголом *сер-*, также производятся вытянутыми руками: ‘растягивать; развешивать (белье); раскладывать; расстелить; раскидать’. Тюрк. *серме-*, *сермеле-* ‘с силой протянуть руку, чтобы схватить; протягивать руки (ощупывая что-н. в темноте); вытягивать, вытаскивать; взмахивать; защищаться маханием оружия; хватать; щупать; шарить’, по Л. С. Левитской, образовано от глагола *сер-* ‘протягивать руку’ при помощи аффикса *-ме/-меле* с учащательным значением [ЭСТЯ, 2003, с. 264]. Форму *серп-* ‘делать отрывистые/резкие движения; откидывать, отбрасывать, швырнуть (в сторону); махать, трясти; рассеивать, разбрасывать’ Э. В. Севортян связывал с предыдущей формой *серме-* ‘махать’, выделяя в них корень *сер*. В качестве первичного значения *серме-* автор выделяет ‘протягивать руку’: ср. турк. *ел сер-* ‘попрошайничать’ [Севортян, 1962, с. 354].

Пкл.-мо. *erbei* [Tum. 388], п.-мо. *erbei*, мо. *эрвэй*, ойр. *эрвээ* ‘маховая сажень’ обозначает меру длины, равную размаху обеих рук, по концы средних пальцев. В тюркских языках название меры длины *қарыш* ‘пядь (расстояние от большого пальца до мизинца)’ А. В. Дыбо производит от глагольной основы *қары-* ‘хватать, брать’, отвергая его статус диминутива на *-(ы)ш* от *қар*, *қары* ‘плечевая часть руки, предплечье’ → ‘аршин’. «Модель

наименования пяди как уменьшительного от ‘локтя’, во всяком случае, в языках Евразии не представлена и мало вероятна» [ЭСТЯ, 1997, с. 325].

На основе значений глаголов *кары-* ‘щупать, ощупывать (животных); загребать’, др.-тюрк. *qaru-* ‘шарить, искать наощупь, идти наощупь’, як. *харба-*, тув. *карба-* ‘грести, сгребать; плавать’ Б. И. Татаринцев приходит к выводу, что соответствующие движения производятся раздвинутыми руками (в процессе плавания) или пальцами рук (когда что-л. ощупывают или пытаются что-л. нашарить, напр., в темноте), а также расставленными зубьями (греблей, вил). Это дает автору основание рассматривать *карыш* как название действия, производимого растопыренными пальцами, и считать его производным, скорее, от глагольной основы со значением ‘растягивать’, нежели ‘хватать’ [Татаринцев, 2004, с. 116]. Другие меры длины – Птунг. **siru* и Птюрк. **sere* ‘расстояние между большим и указательным пальцами’ [EDAL 1259] – также, очевидно, возникли на основе образа двух выпрямленных пальцев.

Глагол с мягкорядным вокалическим оформлением п.-мо. *čerbe-*, мо. *цэрвэ-* ‘отдергивать (руку)’ выступает как своего рода антоним бур. *һарбай-* ‘протягивать руку (или что-л. в руках)’. Корень **čerb* восстанавливается в прилагательном п.-мо. *čerbegüü*, мо. *цэрвүү* ‘далекий, удаленный’, т.е. ‘удаленный на расстояние руки’. Семантическая связь с рукой наблюдается в словосочетаниях *цэрвүү барилда-* ‘бороться руками (не прикасаясь друг к другу телом)’, *цэрвүү бари-* ‘держаться за что-л. (не прикасаясь телом)’. Ср. эвенк. *тургамāt-/ч-*, ороч. *туримкэчи-* ‘бороться (упираясь друг в друга)’ [ССТМЯ, 1977, с. 218]. П.-мо. *čerbelje-*, мо. *цэрвэлзэ-* ‘качаться, покачиваться’ характеризует действие «торчащих» растений, в бур. *сэрбэлзэ-* – овечьего хвоста.

Образная основа с [m] в ауслауте стала производящей для п.-мо. *čerte-*, мо. *цэрмэ-* ‘выбивать корм (о скоте, добывающем корм из-под снега); разгребать снег копытами’, калм. *церб-* ‘гарцевать’. Ср. як. *сүргэй-* ‘разбрасывать (землю копытами), раскидывать (стог сена)’, каз. *тарпи-* ‘бить

передними ногами (о лошади, верблюде)'. Здесь, в отличие от *čerbe-*, речь идет не о руках человека, а о ногах животного, что косвенно подтверждает правильность предположения о ведущей роли зрительного образа конечностей в названиях животных *sarbay-a* 'жеребенок' и *quruu* 'ягненок'.

Глагол п.-мо. *čoruı-* [Kow. 2220], мо. *цорой-*, бур. *сорой-* может соотноситься с состоянием как людей, так и животных: 'становиться на дыбы (о лошади); становиться на задние ноги (о животных); становиться на цыпочки; тянуться вверх'. То же в п.-мо. *sirba-*, *sirbe-*, мо. *шарва-*, *ширвэ-*, бур. *шарба-* 'махать, хлестать (хвостом), вилять'; баргуз. *гараараа шарбаада-* 'размахивать руками'.

Значение глагола ср.-мо. *qarbu-* [НУ 39, SH, MA 293], пкл.-мо. *qarbu-* [Tum. 522], п.-мо. *qarbu-* [Kow. 846], мо. *харва-*, бур. *харба-*, калм. *харв-*, ойр. *харва-*, даг. *харба-*, *харта-*, *harebe-*, бао. *хурэ-*, ж.-уйг. *харви-*, мнгр. *харту-* [EDAL 649–650] 'стрелять из лука', очевидно, связано с образом вытянутой левой и согнутой в локте правой рук. В Алтайском словаре дана т.-ма. параллель: эвенк. *каре-* 'убивать', орок. *карамачи-* 'драться' [EDAL 649]. Семантически близок эвенк. глагол *н'армал-* 'стрелять (пробовать, учиться)' [ССТМЯ, 1975, с. 635].

Движения рук, сопряженные с распрямлением и сгибанием их в локтях, реализуются с помощью корней **qarm/tarm:* ср.-мо. *qарта-* [MA 294], п.-мо. *qарта-* [Kow. 849], мо. *харма-*, ойр. *харма-* 'сгребать, собирать', отсюда п.-мо. *qартау*, *qартауир*, мо. *хармаг*, *хармуур* 'орудие для сгребания'. П.-мо. *тарти-* [Kow. 1681], мо. *тарма-*, бур. *тарма-*, ойр. *тарма-* 'сгребать, подбирать граблями', а также п.-мо. *čарта-*, *čирта-* 'передними ногами разрывать землю, сгребать снег'» [Kow. 2114], мо. *царма-* 'рыть землю, снег копытами (о животных)'. Ср. др.-тюрк. *тара-* 'расчесывать, причесывать'; ма. *нарга* 'борона', *нарга-* 'боронить, ровнять землю бороной' [ССТМЯ, 1975, с. 585], сол. *тараба-* 'чесать волосы'; эвенк. *чурбу-* 'сложить в кучу, сгрести'; эвенк. *эр-*, эвен. *эр-*, ульч. *хэру-*, орок. *хэри-*, нан. *хэручи-* 'разгребать (снег)' [ССТМЯ, 1977, с. 167, 416, 462].

По мнению Л. С. Левитской, турк. *қарба-*, хак. *харба-*, як. *харба:-*, тур. *kavra-*, кир. *қарма-* ‘хватать; ощупывать, шарить’ являются учащательной формой от *қар-*, образованной с помощью афф. *-ба/-ма/-ва*. Производящая основа *қар-* представлена в отглагольном имени *қарма* ‘грабеж’, тур. *қары-*, *қару-* со значением ‘щупать (например, овец), чтобы узнать, жирны ли; трогать руками скотину’. Г. Рамстедт выдвигал предположение, что тюрк. *qarma-* заимствовано из монг. *qarma-* ‘скрести, сгребать’, с которым был согласен М. Рясянен. Однако семантика тюрк. *қарма-* и возможность объяснения на материале тюркских языков дают Л. С. Левитской основание для отклонения их точки зрения [ЭСТЯ, 1997, с. 302–303].

Глаголы состояния п.-мо. *tarayi-*, *tarbayi-*, *tereyi-*, мо. *тарай-*, *тарвай-*, *тэрий-*, бур. *тарай-* ‘растянуться (о чем-либо при падении); раскинуться; растопыриваться, протягиваться свободно’, п.-мо. *dardayi-* [Kow. 1681], мо. *дардай-* ‘лежать широко растянувшись; вытягиваться во всю длину’, бур. *һарай-*, ойр. *saraa-* ‘распластаться, неуклюже раскинуться в стороны’ отсылают к образу человека, лежащего на спине или животе с вытянутыми руками и ногами. Ср. ма. *ларбахун* ‘растянувшийся, развалившийся (от усталости)’; эвенк. *н'арәлэ-* ‘спать (развалившись)’, *н'арорго-* ‘разлечься’ [ССТМЯ, 1975, с. 494, 635], ма. *сарбахун* ‘разметавшийся (о навзничь лежащем с раскинутыми руками и ногами)’; эвенк. *сиркун-* ‘вытянуть ноги лежа или сидя на земле’, эвен. *һиркумкән-* ‘вытянуть, протянуть (ноги, руку)’, нег. *сирхэмји-* ‘лежать, раскинув руки’, ульч. *сичэпулу-* [**сиркэпулу-*] ‘упереться ногами’, нан. *сикулэ-* [**сијкулэ-* < *сиркулэ-*] ‘вытянуться; толкнуть ногой’; эвенк. *чэрэргэ-* ‘распластаться, упасть (от сильного удара)’, нег. *чоројкин-* ‘упасть навзничь (на спину)’, ороч. *чорочина-*, орок. *торочи-*, нан. *чороачи-* ‘лежать на спине’ [ССТМЯ, 1977, с. 65, 95, 422].

Значение ср.-мо. *tari-* [IM], *tari-* [MA 341], пкл.-мо. *tari-* [Tum. 571], п.-мо. *tari-* [Kow. 1665], мо. *тару-*, бур. *тару-* ‘сеять’, возможно, связано с размашистым движением рук при разбрасывании семян и разравнивании земли чем-л. острым. Авторы EDAL вслед за Г. Дёрфером, А. М. Щербаком

считают данный глагол заимствованием из тюркских языков. Эвенк. *tari-*, ма. *tari-* и др. ‘сеять’ восходят к мо. *tari-* [EDAL 1438]. Ф. Ф. Гаффарова, рассматривая этимологию древнетюрк. *tari-* ‘сеять, засеять’, обращает внимание на древнетюрк. *tarma-* ‘царапать, скрести’ и кир. *тарын(v)* ‘царапать, рыть ногами землю’. Автор заключает, что эти основы соприкасаются в семантическом поле ‘обрабатывание земли’, что может свидетельствовать о значительной древности земледелия у тюрков. <...> Семантическое развитие, по-видимому, шло в направлении ‘царапать, скрести, рыть землю ногами’ > ‘мотыжить, взрыхлять землю мотыгой’ > ‘вообще обрабатывать землю’ > ‘заниматься земледелием’ > ‘зерно, хлеб’ > ‘просо’ [Гаффарова, 2009, с. 83, 85]. По всей видимости, изначально соприкосновение монгольских основ *tarma-* ‘сгребать’, *tara-* ‘разбрасывать, раскидывать’, *tari-* ‘сеять’ происходило все же в поле ‘совершать движения прямыми руками’.

Все вышеуказанное дает основание предположить то, что между глаголом ср.-мо. *bari-* [HY 33, SH, MA 102], *bāri-* [IM], пкл.-мо. *bari-* [Tum. 314], п.-мо. *bari-* [Kow. 1099], мо. *бару-*, бур. *бару-*, калм. *бар-*, ойр. *бар-*, орд. *bari-*, мог. *bari-*, даг. *bari-*, дунс. *bari-*, бао. *vār(ə)*-, ж.-уйг. *bar-*, мнгр. *bari-*, *wari-* [EDAL 328] ‘держат, брать руками, хватать’ и *бармақ* ‘палец’ действительно есть семантическая связь, основанная на образе **bar* ‘нечто растопыренное’, мысль о которой выдвигал в своих работах Г. Рамстедт [см. ЭСТЯ, 1978, с. 66–67].

Дрожащий переднеязычный сонант [r] также служит для обозначения в монгольских языках понятия ‘мужчина’: ср.-мо. *ere* [HY 29, SH, LH], *ärä* [IM], *ere* [MA 161], пкл.-мо. *ere*, *er-e* [Tum. 390], п.-мо. *er-e* ‘муж, мужчина; самец’ [Kow. 246], мо. *эр*, бур. *эрэ*, калм. *эр*, ойр. *эре*, орд. *ere*, мог. *erra*, даг. *er*, *ergun*, *ere*, дунс. *ere*, бао. *ere*, ж.-уйг. *ere*, мнгр. *rē* [EDAL 312] ‘мужчина, муж’; п.-мо. *eregčün* [Kow. 252], мо. *эрэгчин* ‘самец’. Тюркской параллелью, как известно, является **jer* ~ *er*, которое «первоначально означало ‘человек мужского пола’, впоследствии приобрело значение ‘супруг’. Главное

значение слова в современных языках ‘муж, супруг; мужчина’» [СИГТЯ, 2001, с. 303]. В качестве т.-ма. параллели Э. В. Севортян приводит эвенк. *ур* ‘самец, особь мужского пола; мужчина’ [ЭСТЯ, 1974, с. 322].

Выявленный нами и рассматриваемый в данном параграфе признак ‘торчащий, прямой’ на древнем этапе становления языка, по всей видимости, соотносился с мужским половым органом, обозначавшимся лексемами *er > ereg*. Последняя восстанавливается в п.-мо. *eregtei* [Kow. 252], мо. *эрэгтэй [хүн]*, бур. *эрэгтэй* ‘мужчина’. Как известно, по данной модели образованы лексемы п.-мо. *büsetei*, мо. *бүстэй* ‘юноша, мужчина’ < ‘имеющий пояс’ (п.-мо. *büsegüi*, мо. *бүсгүй* ‘девушка, женщина’ < ‘без пояса’), п.-мо. *gejgetü*, мо. *гэзэгт* ‘диал. жена; девушка, женщина’ < ‘с косами’. По мнению Т. А. Бертагаева, общемонг. *эрэ-(н)* ‘мужчина’ мотивировано глаголом *эрэ-* ‘домогаться, действовывать решительно, прямо, резко’ [Бертагаев, 1974А, с. 165].

Примечательно значение тув. *дирен-* ‘эрегировать (о мужском половом органе)’, которое Б. И. Татаринцев сопоставляет со значением общетюрк. *ди:ре-* ~ *дире-* ~ *тире-* ~ *тирке-* ‘подпирать; ставить (стоймя)’, тур. *tir-* ‘подпирать’. «Предполагаемая именная основа дала др.-тюрк. *tir-gük* ‘опора’, тур. *diren* ~ *dirgen* ‘большие деревянные вилы’, чаг., тур. *дирим* ‘деревянная решетка юрты’ <...> Речь определенно идет о значениях типа ‘бревно, балка; мачта; ствол’, т.е. об «опорной» семантике» [Татаринцев, 2002, с. 162–163].

Также к данному семантическому полю можно отнести тувинский соматический термин *бөртөк* ‘половой член мальчика’, который Б. И. Татаринцев рассматривает как производное от тюркской глагольной основы *бөрүт-* ~ *бөрт-* ‘пухнуть, вздуться; толстеть’, образованное с помощью аффикса *-(α)к* [Татаринцев, 2000, с. 276]. В целом соглашаясь с данной точкой зрения, можно также предположить, что в образном корне **bört* ‘нечто торчащее’ согласный *[b]* передает смягчение признака.

Баргуз. форма *нүртэбэй, хүртэбэй* с значением ‘penis’ образована от близкого корня **pürt/sürt* с помощью форманта *-bei*, придающего в данном

случае уменьшительный оттенок экспрессии. Сонант [r] также представлен в синониме аг. *борбоо*, баргуз. *бобоо* (ср. *борболзо*- ‘торчать’). Ауслатный [t] встречается в корне п.-мо. *ertegeter* ‘выдавшийся наружу, оттопыренный’ [Kow. 258], мо. *эртгэр*, калм. *өртхр*, ойр. *эртегер*, *өртегер* ‘загнутый, вздернутый’. Таким образом, вероятно, что значение ‘penis’ является в тюркских и монгольских языках «первозначением», легшим в основу слова *эр* ‘мужчина’.

Возможность чередования корней **er/ar* позволяет выявить в качестве ведущего признак ‘самец’ в п.-мо. *арγатау*, *арγитау* [Kow. 154, 155], мо. *аргамаг*, бур. *аргамаг*, калм. *аргамак*, ойр. *армаг* ‘аргамак, скакун; статный и резвый, хороший конь’. Ср. также унг. *аргалан* (*заан*) ‘слон’, каб. *архан* ‘самец нерпы’, бур. *архан хулэг* ‘рысак, аргамак’. Турк., тат. *аргамақ*, кир., каз., ног., ккалп. *аргымақ* ‘объезженный чистокровный породистый конь; быстроногая верховая лошадь’ [ЭСТЯ, 1974, с. 171]. В ойратской форме, по всей вероятности, произошло усечение производящей основы. А. М. Щербак проводит возможную в контексте нашего исследования параллель между тюрк. *аргамақ* и уйг. *аргы* ‘жеребец’, кир. *аргын* ‘гибрид дикого жеребца и домашней лошади’, а также *аргалы*, *арқалы* ‘газель’ [Щербак, 1961, с. 189].

Точку зрения В. Г. Егорова, возводящего *аргамақ* к *арга* ‘сила, ловкость’, опровергает Э. В. Севортян, отмечая, что это одинаково невозможно как морфологически (*-мақ* не сочетается с именными основами в значении названия носителя процесса), так и семантически. Сам же автор определяет *аргымақ/арқун/аргун* как название носителя действия, образованное с помощью аффиксов *-мақ*, *-н* от глагола *арга-/аргы-/аргу-* ‘бежать крупным карьером’ [ЭСТЯ, 1974, с. 171].

Таким образом, нами установлено, что на основе признаков ‘торчащий’ в монгольских языках появились такие современные соматические термины, как *γар* ‘рука’, *ṣarbaγu* ‘лучевая кость’, п.-мо. *sarbaγu* ‘часть руки от кисти до локтя’, *quruγu* ‘палец’. Кроме того, реконструирован древний, ныне не функционирующий термин *er(eg)* ‘penis’, значение которого в дальнейшем было перенесено на ‘самец; мужчина’. Здесь мы имеем дело с

метонимическим переносом, когда вторичное значение опирается на ассоциативные связи, возникающие при наименовании части и целого.

Однако в монгольских языках доминанта [r] представлена не только в терминах, номинирующих конечности человека, но и в соматизмах со значением ‘спина’, что, вероятно, обусловлено ее ингерентными способностями передавать признаки ‘прямой, длинный, вытянутый’: ср.-мо. *aru* [HY 11, SH 9], *aradān* ‘позади’ [MA 104, 106], п.-мо. *aru* ‘спина, хребет; спинка у птицы; зад, тыл’ [Kow. 149], мо. *ap*, бур. *apa*, калм. *ap*, ойр. *ap*, орд. *aru*, даг. *ar*, *arkən*, ж.-уйг. *ār* [EDAL 311] ‘спина; задняя сторона; север’; п.-мо. *aral*, мо. *арал*; п.-мо. *aray*, мо. *араг*, бур. *араг*, ойр. *араг* ‘телосложение, корпус’ и др.

Термин имеет лексические параллели в других языках алтайской семьи: П.-тунг. *arka(n)* ‘спина’, Птюрк. **ārka* ‘спина, задняя сторона’ [EDAL 311]. А. В. Дыбо, относя тюрк. **arka* к праалтайским лексемам, входящую в праалтайскую группу анатомических терминов, отмечает, что в монгольских языках рефлекс соответствующей основы контаминировался с рефлексом другой основы **ar* ‘зад, сзади’ [Дыбо, 1996, с. 305]. Примечательно, что в тюркских и т.-ма. языках не произошло семантического сдвига ‘спина’ → ‘север’, обусловленного традиционной ориентацией на юг (ср. кит. *bēi* ‘спина; север’), однако наблюдается другой закономерный сдвиг в географическую терминологию: ‘спина’ → ‘горный хребет’. Это переход наблюдается в кум., башк., ног., алт., хак., шор. и тув. языках [СИГТЯ, 2001, с. 268–269].

Семема ‘спина’ репрезентируется в монгольских языках и с помощью корня **nir* в производном ср.-мо. *niru'u(n)*, *niri'un* [SH], *nirisun* [HY 47], *niryun* [IM], *niryūn* [Lig.VMI], *nirūn* [LH, MA 257], пкл.-мо. *nirugu:n* [Tum. 484], п.-мо. *niryu(n)* [Kow. 672], мо. *нуруу*, бур. *нюрган*, *норуу*, калм. *нурһн*, ойр. *нурһан*, орд. *nirū*, даг. *nirō*, дунс. *nirun*, ж.-уйг. *nirūn*, мнгр. *niri*, *nirə* [EDAL 979]. Ср. п.-мо. *nöriḡüü*, мо. *нөрүү* ‘высокий ростом и немного сутулый (о человеке)’. Термин имеет достаточно надежную параллель в т.-

ма. языках: «Птунг. **niri*- ‘позвоночник, хребет, позвонки’, которую, вопреки Г. Дёрферу, не следует считать заимствованием из монгольских языков. Сопоставление с Птюрк. **jir*- ‘левый, север’ возможно с учетом закономерного развития ‘север’ < ‘спина’» [EDAL 979].

Достаточно большое количество корней передает признаки ‘худой, тощий (о человеке)’. Значения бур. *ардагар* ‘щупленький’, *мардагар* ‘прямой и сухощавый’ контаминируют с рассмотренным выше термином *ар* ‘спина’, а также с одним из древних значений корня **ar* в тюркских языках: *ар(ы)* ‘быть худощавым, тощим, болезненным; усталым’. «Глагол ‘худеть’ в форме *ары*- почти исчез в тюркских языках, сохранившись главным образом лишь в производном прилагательном турк. *арық, аррық* ‘худой, тощий’» [ЭСТЯ, 1974, с. 161]. В монгольских языках значение ‘худеть’ реализуется с помощью корня **tur* в ср.-мо. *turyan, turqan* ‘тощий’, *turuqsan* ‘истощенный’ [МА 355], *turyan* [ЛН], пкл.-мо. *tura-* [Тум. 594], п.-мо. *tura-* [Kow. 1880], мо. *тура-*, бур. *тура-*, ойр. *тура-* ‘худеть, исхудать’, бур. *туригар, туршагар* ‘сухопарый, сухощавый’; ойр. *тур* ‘рост, стать, стан’; «каз. *тұрық* ‘худой, истощенный’» [Кайдаров, 1986, с. 204].

Гуттуральные согласные представлены в анлауте бур. *гардагар* ‘сухощавый, худой’; п.-мо. *γarjγar* [Less. 353], мо. *гарзгар* ‘исхудалый, истощенный’; бур. *гарбигар, гарьбагар* ‘тощий’; *гарьягар* ‘громадный и худой, матерый (например, о волке)’; бур. *гэрдэгэр* ‘костлявый, сухощавый’; п.-мо. *kerjeger* [Less. 459], мо. *хэрзгэр* ‘скелетообразный; отощавший, с торчащими ребрами’; п.-мо. *γorduγur, γorjγur*, мо. *гордгор, горзгор*, бур. *горзогор*, калм. *horzhr* ‘сухощавый; высокий и тонкий (о человеке)’; бур. *гүрзэгэр, гүрдэгэр* ‘с резко выступающими ребрами (о животном)’; п.-мо. *qurqay*, мо. *хурхаг* ‘слабосильный; тощий’; п.-мо. *γuriγ*, мо. *гуриг*, бур.НУ *гури* [Рассадин, 1999, с. 132], калм. *хуря*, ойр. *хурьяа* ‘тощий, изможденный’; калм. *ярһа*, ойр. *йарһаа* ‘тощий, худой’.

Ср. также бур. *шүрэгэр* ‘худой, тонкий (о ногах)’, *шүрбэгэр* ‘поджарый (о телосложении)’; п.-мо. *šarṁiγar*, мо. *шармигар* ‘тонкий, тощий, худой’; п.-мо.

šorduγur, мо. *шордгор*, бур. *шордогор* ‘тонкий, жалко торчащий’; п.-мо. *čerčeger*, *čörčüger*, мо. *цэрцгэр*, *чөрчгэр* ‘ослабленный; тощий’. Таким образом, корни с дрожащим сонантом [r] способны передавать значения ‘худой’ < ‘длинный, тонкий’ < ‘торчащий’.

Как видно из примеров, значение ‘длинный, вытянутый’ в основном вышло на первый план в производных от корней с гласными [o/u]: ср.-мо. *urdu* [HY 52], *urtu* [SH, LH, IM], *urtu*, *utu* [MA 366], пкл.-мо. *urtu* [Tum. 608], п.-мо. *urtu* [Kow. 465], мо. *урт*, бур. *ума*, калм. *ум*, орд. *urtu*, мог. *urtu*, *orto*, даг. *orto*, *ortu*, *warda*, *ordōn*, *orete*, дунс. *fudu*, бао. *fdu*, ж.-уйг. *rdə*, мнгр. *fudur*, *šdur* [EDAL 623] ‘длинный; долгий’; бур. *ёрогор* ‘длинный и острый (о рогах); высокий и тонкий (о человеке)’; *хурай-* ‘вытягивать (шею)’, *сорогор* ‘вытянутый, длинный’, *сурагар* ‘тощий’, *суурагар* ‘длинноногий; стройный’. Данный признак лежит в основе п.-мо. *urtuči* ‘глиняный сосуд с узкой шейкой’ [Kow. 467], мо. *уртач* ‘глиняный сосуд для вина с узким горлом’.

Известно, что чрезмерное проявление признаков ‘длинный, тонкий’ влечет за собой развитие признака ‘искривленный, кривой’: ср.-мо. *turu(i)* [IM], *mura*, *turū(n)* [MA 241], пкл.-мо. *mürigü*: [Tum. 475], п.-мо. *turiyar*, мо. *муригар*, бур. *муригар* ‘кривой, косою’, п.-мо. *муруй* ‘кривой; извилина’ [Kow. 2048]; п.-мо. *nörigüü*, мо. *нөрүү* ‘кривой, согнутый; высокий и немного сутулый’; п.-мо. *nöre-*, мо. *нөр-* ‘становиться кривым, согнутым’. Ср. эвенк. *марив-*, эвен. *марлу-* ‘согнуться’; эвенк. *морокб* ‘излучина, извилина (реки)’, сол. *морчиган* ‘кривой’, орок. *моқчида-* ‘извиваться (о реке)’ [ССТМЯ, 1975, с. 532, 547], нан. *морийган* ‘согнуться’ [Киле, 1972, с. 136], эвенк. *урик;н-*, эвен. *уру-*, нег. *ујихэн-*, ульч. *урбн-* ‘согнуться’; эвенк. *хур-* ‘наклонить голову’; *чурул-* ‘сгорбиться’ [ССТМЯ, 1977, с. 285, 352, 417].

Развитие значения в глаголе ср.-мо. *mörgü-* [MA 240], пкл.-мо. *mörgü-* [Tum. 474], п.-мо. *mörgü-* [Kow. 2070], мо. *мөрг-*, бур. *мүргэ-*, калм. *мөрг-*, ойр. *мөрге-*, бао. *мэргэ-* ‘молиться, поклоняться’, по всей вероятности, шло в следующем направлении: ‘искривляться’ < ‘наклоняться’ < ‘молиться’. В т.-ма. языках: эвенк. *мурду-* ‘горбиться; сгибаться, наклоняться’, *мурдукб*

‘сутулый’, *мурдун* ‘наклон, нагибание’ [ССТМЯ, 1975, с. 558]. Тем не менее, это не единственная возможная линия развития семантики глагола. Не исключено возникновение данного значения на основе слухового восприятия: *törgü-* > *mör-mör ge-* ‘произносить звуки *mör-mör*’. Ср. п.-мо. *mar-mar ki-*, мо. *мар-мар хий-* ‘мямлить; слегка поболтать’; п.-мо. *merge*, мо. *мэргэ* ‘гадание, предсказание, ворожба’ и др. Возможно, в данном случае корень **mör* мог передавать бормочущие, нечленораздельные звуки молитвы.

ЛСП «Неживая природа»

Для обозначения верхушки, пика горы используются термины: ср.-мо. *xorai* [SH], *hurai* [MA], пкл.-мо. *orai*, *oroi* [Tum. 497, 499], п.-мо. *orui* [Kow. 446], мо. *орой*, калм. *ора*, ойр. *ораа*, орд. *orõ*; мог. *orei*, даг. *orē*, бао. *xoro* [EDAL 1173] ‘вершина, верхушка; темя; крыша’; ср.-мо. *xorgil* [SH], пкл.-мо. *orgil* [Tum. 499], п.-мо. *orgil* ‘верхняя, выдавшаяся часть, возвышение’ [Kow. 464], мо. *оргил* ‘вершина, пик’, бур. *орьёл* ‘острая вершина; заостренный’. Возможно, тот же признак в названиях островерхих жилищ: п.-мо. *orumjī*, мо. *оромж* ‘жилище, хижина, домик’; п.-мо. *ипица*, мо. *урц*, бур. *урса* ‘хижина; остроконечный шалаш из кольев, крытый берестой’.

По утверждению Г. Рамстедта, *орой* ~ *орай* ~ *урай* ‘макушка’, известное в большинстве кыпчакских языков, а также в якутском, заимствовано из монгольских языков. Исследователь также приводит параллели в т.-ма. языках: тунг., гольд. *porro*, ма. *foron*, ороц. *хо* (< *horo*), тунг. *horru* ‘вершина, макушка, верхушка; темя’ [Ramstedt, 1935, с. 288].

П.-мо. *ori* ‘только, лишь; одинокий’ [Kow. 439], мо. *ор*, бур. *ори* ‘одинокий’; п.-мо. *čori* [Kow. 2220], мо. *цор* (*ганц*), бур. *сори* (*ганса*) ‘совершенно один, единственный’, очевидно, развивалось на основе признака ‘торчащий в одиночестве’. Ср. эвенк. *урумукэн* ‘одинокий’ [ССТМЯ, 1977, с. 289]. Мягкорядный корень **ör* ‘нечто одиноко торчащее’, по всей видимости, дал значение ‘один; показатель единственного числа из парных предметов’: ср.-мо. *ore'elesun* [HY 44], *ore'ele* [SH], *örēle* [MA 277], п.-мо. *örügesun*, *örügel* [Kow. 585, 586], мо. *өрөөсөн*, *өрөөл*, бур. *үрөөхэн*, *үрөөлэ*, калм. *өрәсн*,

ойр. *өрээл, өрээсен*, орд. *oröl*, даг. *ergülen*, бао. *reji*, ж.-уйг. *orlō* [EDAL 1064].

Типологическая близость наблюдается в «ма. *zarza* ‘сук, ветка; конечности (руки, ноги); одиночный, непарный, нечетный’» [ССТМЯ, 1975, с. 141].

Варианты корня **or* со среднеязычным сонантом [y] в анлауте **yord/yorj/yorb* передают идентичные значения: п.-мо. *yorduγur*, мо. *ёрдогор*, бур. *ёрдогор* ‘торчащий, остроконечный’; п.-мо. *yorjuγur*, мо. *ёрзгор* ‘торчащий; длинный и острый’; бур. *ёрбогор, ёрмогор* ‘остроконечный, торчащий; колючий’; ойр. *йорзиу*- ‘выдаваться вперед, торчать’.

Наиболее «ярким» представителем данного поля можно назвать п.-мо. *saridaγ, sardaγ* [Less. 675], мо. *сарьдаг* ‘гора, покрытая вечным снегом; голец’, бур. *харьдаг* ‘безлесная горная вершина; крутая скала; горная цепь, горный кряж’. М. Н. Мельхеев выделяет в лексеме основу бур. глагола *харьха* ‘брызгать, моросить, накрапывать’ и аффикс многократного причастия *-даг*, поясняя, что «на сардыках, на высоких горах, вечно моросит, накрапывает дождь» [Мельхеев, 1969А, с. 142–143]. В. И. Рассадин считает, что данный орографический термин появился в результате лексикализации тюркского словосочетания *sari day* ‘желтая гора’, «поскольку гольцы в Саянских и Тункинских горах сложены из камней желтого цвета» [Рассадин, 2007, с. 68]. Однако если отбросить формант *-day*, релевантный для образных корней, остается корень **sar* ‘нечто остроконечное, возвышающееся’. Корни **serb/šor/šur/šör* дали термины: п.-мо. *serbeng*, мо. *сэрвэн* ‘гребнеобразный; гребень, взгорье’; п.-мо. *šoru*, мо. *шор* ‘одиноко торчащая вершина горы’; п.-мо. *šuraγ*, мо. *шураг*, калм. *шург* ‘скала, мыс (у реки, озера)’; п.-мо. *šörüng* ‘скала или гора, высунувшаяся вверх’ [Kow. 1542].

Ср. эвенк. *турук* ‘вершина (горного хребта, скалистая)’; эвенк. *урэ*, сол. *урэ*, эвен. *ур;кч;п*, орок. *хурэ(н)*, нан. *хур*; ‘гора; сопка’; эвенк. *чурпукау* ‘местность, покрытая острыми камнями; кристалл’, *чурпул-* ‘торчать, выступать’, *чурпун’а* ‘торчащий, остроконечный; вершина чего-л. (горы, чума и т.п.)’ [ССТМЯ, 1977, с. 221, 289, 417].

Ср.-мо. *aral* [SH, MA 104], п.-мо. *aral* [Less. 44], мо. *арал*, бур. *арал*, ойр. *арал*, калм. *арл*, орд. *aral*, даг. *alla, aral*, дунс. *aran*, бао. *alər, arən*, ж.-уйг. *aral*, мнгр. *rāl, ral, arā(r)* [EDAL 314] ‘остров’ возможно, на наш взгляд, рассматривать как ‘нечто торчащее/остроконечное, выступающее из воды’. В тюркских языках лексема *aral* распространена в значениях ‘остров; заросли кустарника, главным образом по берегам рек и озер’. «По предположению Н. Н. Поппе, мо. *арал* ‘остров’ является заимствованием из тюркских языков: тюрк. *арал* ‘лес’ (‘остров в степи’). Г. Дёрфер, в целом склоняясь к его точке зрения, допускает, что в собственно тюркском языке *арал* может быть древним заимствованием» [цит. по: ЭСТЯ, 1974, с. 167].

Авторы EDAL в монг. *арал* ‘остров’ выделяют этимон **ar* ‘открытое пространство’, соотнося его с мо. *армаг* ‘редковетвистый’, бур. *армагар* ‘редкий’. По предположению исследователей, «первоначальным значением корня **ar* было ‘расстояние между берегами (или рукавами реки)’, отсюда *армаг* ‘редкий’, *арал* ‘остров’» [EDAL 314]. Однако в значениях *армаг* ‘редковетвистый’ прослеживается тот же признак ‘торчащий (о ветвях)’: ср. бур. *армагар шүдэтэй тармуур* ‘грабли с редкими (т.е. торчащими) зубьями»; ма. *гэрбун гарбан, гэрбэн гарбан, гэрбэн гэрбэн* ‘редкий (о деревьях, траве, шерсти)’ [ССТМЯ, 1975, с. 182].

М. Базаррагчаа, рассматривая значения ‘остров, оглобля; пряжка’, считает, что лексема *арал* могла возникнуть в результате выпадения инициального согласного [t]: **ar < *tap/тэр/тор*, ср. *тор авах* ‘попадаться человеку на глаза’, *торни-* ‘расти; мужать’, *торниун* ‘рослый, крепкий’ [Базаррагчаа, 1992, с. 238]. Л. В. Дмитриева, связывая **ar* с понятием воды (венг. *ár* ‘поток’, индоевр. *ār/auer* ‘вода, влага’), интерпретирует значение *aral* как ‘водный’ или ‘то, что окружено водой’ → ‘остров’ [Дмитриева, 1984, с. 130].

Как отмечает В. И. Цымбурский, праслав. **ostrovъ* ‘земля среди вод’ традиционно рассматривается как префиксальное образование **o(b)-strovъ*, родственное слав. **struja*, литовск. *srovė*, греч. *ροή*, нем. *Strom* ‘течение’ и

трактуются как ‘нечто, окруженное струями’. Сам же исследователь предпочитает сближать его с индоевр. словами от **Hek'-r-/*Hok'-r* ‘острый’, относящимися к мысам, горам, холмам, а также к воздвигаемым на них укреплениям: ср. слав. *ostrоg* [Цымбурский, 1999, с. 7].

ЛСП «Материальная культура»

Здесь представлены названия артефактов культуры, т.е. созданных людьми предметов, вещей, имеющих остроконечную, вытянутую форму. Прежде всего, корни с дрожащим сонантом *[r]* служат как для родового понятия ‘оружие’⁴⁹, так и для обозначения видов холодного и метательного оружия: ср.-мо. *ǰer* [SH, NYt], п.-мо. *ǰer* [Kow. 2324], мо. *зэр*, бур. *зэр*, калм. *зер*, ойр. *зер*, орд. *ǰir* [EDAL 1534] ‘оружие, вооружение’; ср.-мо. *ira* [MA 197], п.-мо. *ir*, *ǰir* [Kow. 318, 2358], мо. *ир*, бур. *эри*, калм. *ир*, ойр. *ире*, даг. *xir*, *ir*, ж.-уйг. *hir*, мнгр. *ir* [EDAL 1136] ‘лезвие, острие’; п.-мо. *aram*, мо. *арам* ‘копьеобразное оружие; гарпун, дротик; острие меча, копья; меч, кинжал’, калм. *арм*, ойр. *арам* ‘метательное копье, дротик’; п.-мо. *ǰoru*, мо. *шор* ‘оружие длиннее меча, шпага’, калм. *шор*, ойр. *шор* ‘штык’; п.-мо. *ǰiruq-a*, мо. *зорх* ‘метательный снаряд с острым наконечником’; п.-мо. *ǰoruqu*, мо. *зорх* ‘костяной наконечник стрелы метательного снаряда, острый наконечник’.

В т.-ма. языках корни с доминантой *[r]* также служат для обозначения стрелы и ее частей: эвенк. *н'ур* ‘стрела (с железным наконечником)’, сол. *ниру* ‘стрела’, эвен. *н'урán* ‘стрела (с металлическим наконечником)’, ма. *ниру* ‘стрела большая, с прямым пером и толстым железком – на зверей’ [ССТМЯ, 1975, с. 648], ма. *орги* ‘наконечник, копьецо (обоюдоострое у стрелы)’; эвенк. *хурма* ‘стрела (с листообразным наконечником)’; сол. *ш'урдāl* ‘острие стрелы’, ма. *сирдан* ‘стрела (с железным наконечником)’, *сирдаңга* ‘стрелообразный’ [ССТМЯ, 1977, с. 23, 354, 426].

⁴⁹ Ср. фонетическую близость между др.-рус. *оружие* (при исконном рус. *ружьѣ*), укр. *оружжя*, белор. *ружжэ*, болг. *оръжие*, сербохорв. *ору̀жје*, словенск. *orožje*, *rožje*, чешск. *oruží*, польск. *oręż* [Фасмер, 1971, с. 154] и рус. *рожон*, укр. *рожен*, болг. *ръжен* ‘кочерга, вертел’, сербохорв. *ражањ*-, словен. *raznj*, чеш. *rozen*, польск. *rozen*, в.-луж. *rozen*, н.-луж. *rozen*, *rozon* [Фасмер, 1971, с. 493].

Образные корни с [š] в анлауте образуют большое количество лексем рассматриваемого семантического поля: ср.-мо. *sire* [IM], *sira* [MA 335], п.-мо. *šori* [Kow. 1542], мо. *шор*, бур. *шоро*, калм. *шор*, ойр. *шор* ‘вертел; остроконечная деревянная палочка (для жарения мяса)’; п.-мо. *siruγ* ‘рожон; кол для преступников; мачта’ [Kow. 1527], мо. *шураг*, калм. *шург* ‘рожон, вертел; шуруп; жердь, шест’; п.-мо. *šorung*, мо. *шорон*, бур. *шорон* ‘частокол; тюрьма, острог’; п.-мо. *šörü*, мо. *шөр* ‘штырь’; п.-мо. *šöрге*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, ойр. *шөрег* ‘изгородь’.

Согласные [s/č] не уступает по продуктивности [š] в инициальной позиции: п.-мо. *sarayčïn* [Kow. 1335], мо. *сарагчин* ‘столбик, шпиг на крыше часовни или посреди обона’; п.-мо. *saraljïn*, мо. *сараалж(ин)*, *саралж*, калм. *саралжн* ‘решетка; каркас; орудие пытки’; п.-мо. *čerge* ‘столбик, к которому лошадей привязывают’ [Kow. 2128], мо. *сэргэ* ‘прикол’, бур. *сэргэ* ‘коновязь’; пкл.-мо. *serege:*, *serige:* [Tum. 550], п.-мо. *serege*, *serige*, *seriy-e* [Kow. 1369], мо. *сэрээ*, бур. *хэрээ*, калм. *серэ*, ойр. *серээ*, орд. *serē*, даг. *serē* [EDAL 1225] ‘вилка; острога, гарпун, копьё с зубцами’; п.-мо. *seregelji* [Kow. 1370], мо. *сэрээлж* ‘вилка для плодов’; бур. *хэрбэ* ‘мутовка (для помешивания араки при перегонке, для сбивания масла)’.

По предположению авторов EDAL, Пмонг. **serege* ‘трезубец, вилы’, Пяп. **sárápi* ‘грабли, вилы’ и Пкор. **səih* ‘три’ объединены единым признаком ‘тройной, состоящий из трех частей’ [EDAL 1225]. Однако, как показывают примеры, значение корней **sar/ser/sor* может соотноситься как с одним (*čerge* ‘прикол’), двумя (*serke* ‘козел’), тремя, так и с множеством денотатов.

Корни **sor/sur/šur* также образуют различные наименования жердей, шестов, посохов: п.-мо. *surγay*, *šurγay* [Kow. 1542], *surγayay* [Less. 739], мо. *сургаг*, *шургаг*, *шургааг*, бур. *хургааг*, *хургы* ‘жердь’, в Алтайском словаре сопоставляемое с Птунг. **siaraŋ* ‘жердь’ и Птюрк. **sīruk/*sūrīk* ‘шест’ [EDAL

1276]; пкл.-мо. *sorbi* [Тум. 551], п.-мо. *sorbi*⁵⁰, мо. *сорви*, бур. *һорьбо* ‘трость, посох у шамана’; бур. *һорбон* ‘приспособление для подвешивания над огнем посуды при варке пищи’; *һорьбон* ‘скоба (вбитая в стену одним концом); тренога-таган’. К Пмонг. **sorbi* в качестве параллелей даются Птунг. **sarpukī* ‘палочки, щипцы (для еды)’ и Птюрк. **sa(r)pan* ‘плуг’. «Корень, возможно, обозначал палку, используемую в сельском хозяйстве, например, палку для копания или мотыгу, с последующим переходом в ‘плуг’ и необычно в ‘палочки для еды’ в т.-ма. языках» [EDAL 1216].

В тюркских языках *сы:рық* ‘большой шест; шест носильщиков; шест для сбивания плодов с деревьев; жердь; древко копья; пика’ [ЭСТЯ, 2003, с. 452]: каз. *сыри-* ‘торчат, вытянуться вверх как шест’, *сырғауыл* ‘жердь, шест’ [Кайдаров, 1986, с. 278], тоф. *сыган*, тодж. *сыран* ‘опорный шест чума’ [Рассадин, 1971, с. 94]; ма. *сурбэжэн* ‘шпинь (гвоздеобразный конец ножа или острия стрелы, которым нож насаживается в рукоятку и острие стрелы в древко)’; сол. *сэрбб* ‘острый’; ма. *шуруқу* ‘шест (судходный); весло кормовое; багор’ [ССТМЯ, 1977, с. 129, 144, 430].

Номинация п.-мо. *соруи* [Kow. 2221], мо. *цорго*, бур. *сорго*, калм. *цорһ*, калм. *цорһ* ‘горлышко (у чайника); перегоночная труба (по которой стекает молочная водка); желоб’; п.-мо. *сордунг*, мо. *цордон* ‘небольшая труба’, по всей видимости, возникла на основе образа ‘нечто вытянутое, торчащее’. Эвенк. *сарго*, ма. *чорхо* ‘труба для перегонки араки’ считаются заимствованием из монгольских языков [ССТМЯ, 1977, с. 65].

К данному лексико-семантическому полю относятся п.-мо. *урыа* ‘укрюк, шест с петлей для поимки лошадей’ [Kow. 460], бур. *урга* ‘шест с петлей (для ловли лошадей или скота); укрюк для ловли рыбы’; п.-мо. *борулж* [Less. 121], мо. *борголж* ‘шест, к которому прикручивают кладь на воде’; ср.-мо. *berī’e* [IM], п.-мо. *beriy-e* [Kow. 1127], мо. *бэрээ* ‘посох’. В тюркских языках

⁵⁰ Возможно, тот же мотив в п.-мо. *surbalji* ‘головка у стрелы, конец меча и ножа, втыкаемый в черен’ [Kow. 1416], мо. *сурвалж* ‘основание, корень; род, знатность; основа, та часть меча или шапки, которая высажена в рукоятку’.

представлены формы с согласным [т] в анлауте: тув. *мерге* ‘длинная палка для сбивания орехов с кедра; бита (напр., при игре в городки)’, тоф. *меърге* ‘палка, бита’, хак. *мирге* ‘биток при игре в городки, бита, прут’, которые М. Рясянен рассматривал как производные с аф. *-ке ~ -ге* от глаг. основы *бер-* ‘бить’. По мнению Б. И. Татаринцева, п.-мо. *berege* ‘посох’ – определенно тюркизм [Татаринцев, 2008, с. 112].

В т.-ма. языках в анлауте активно выступает согласный [t]: эвенк. *турга*, *тургэ*, нег. *тојга* [**турга*], нан. *тојга* [**турга*], сол. *тэре*, эвен. *тор*, нег. *тују* ‘подпорка; столбы, шесты в жилище, подпирающие верхние поперечные балки’; эвенк. *туру* ‘столб; жердь (верхним концом выходящая через дымовое отверстие чума для камлания)’, нег. *тојо*, ороч. *те*, нан. *тора*, ульч. *туру* ‘шест (из обтесанной листовенницы – дорога, по которой духи поднимаются в небо)’; эвенк. *тэркэ* ‘подставка; стрела (с вилообразным концом)’; эвенк. *урагантун* ‘полоз нарты’, эвен. *урауһчъ* ‘дуга у нары’; як. *урабас* ‘шест, жердь, прут, хлыст; оглобли (у бычий саней); эвенк. *ургун* ‘древко (пальмы, копьа)’ [ССТМЯ, 1977, с. 218–221, 239, 282, 283].

Первоначальное значение лексемы ср.-мо. *aral* ‘ось, стержень’ [НУ 18], п.-мо. *aral* [Less. 44], мо. *арал*, бур. *арал*, ойр. *арал*, орд. *aral*, даг. *aral*, ж.-уйг. *aral*, мнгр. *rāl* [EDAL 1125] ‘дышло, оглобли’⁵¹ также можно интерпретировать как ‘нечто длинное, торчащее, выступающее’ (ср. значения як. *урагас* < **сурагач* ‘шест, жердь, длинная палка; оглобля’). По замечанию авторов Алтайского словаря, сопоставляющих лексему с Птунг. **para* ‘лука седла, клин (посреди лука); сани; оглобля’, Птюрк. **aril* ‘оглобля’, Пкор. **parko* ‘вид саней, запрягаемых лошадьми’, «корень часто цитируется, но достаточно проблематичен. Тунгусскую и корейскую форму трудно считать заимствованиями» [EDAL 1125–1126].

⁵¹ Значение лексемы мо. *арал* ‘пряжка’, возможно, основано на образе ‘нечто выступающее, торчащее’, поскольку пряжки, в частности для подпруги (*оломны арал*), как правило, имеют железные шпеньки (небольшие шипы, стержни), продаваемые в круглые сквозные отверстия. Ср. як. *хараба* ‘чека, застежка’; ма. *тэру* ‘шпенек (у мотовила)’.

Э. В. Севортян относит тюрк. *арыш* к производным именам древнего образования, где **-ач* и *-ыш*, вероятно, имеют инструментальное значение, <...> **ар* можно было бы сопоставить со значением ‘соединять’, которое видно в тур. диал. *arıç* ‘развилка, которой дышло прикрепляется к телеге’ [ЭСТЯ, 1974, с. 190]. Калм. *арш*, ойр. *арши* ‘дышло, оглобля’ считаются заимствованиями из тюркских языков [EDAL 1125]. В. И. Рассадин рассматривает *aral* в качестве регионального тюркизма, бытующего в бурятском и халха-монгольском и отсутствующего в калмыцком [Рассадин, 2007, с. 66]. Вариант корня **arq/ary* прослеживается в бур. *аргаали* ‘ручка сохи или плуга’, где, очевидно, действовал тот же мотив номинации ‘нечто торчащее’.

Возможно, номинация в т.-ма. *турку* ‘нарта оленья’ [ССТМЯ, 1977, с. 220] происходила на основе зрительного восприятия в первую очередь длинных оглоблей нарт. Значения ма. *фара* ‘сани (для возки сена, дров); нарта; оглобли (у телеги, носилок); концы лука (оклеенные рогом)’ некоторым образом свидетельствуют в пользу данного вероятия. В таком случае выглядят закономерно предложенные в EDAL параллели: «Пмонг. **terge* ‘повозка’ и Пкор. **tǎrkó* ‘легкая повозка’» [EDAL 1433]. В. И. Рассадин производит мо. *тэрэг* от др.-тюрк. *tergän* – id. [Рассадин, 2010, с. 33].

Хотя, на наш взгляд, все же не следует исключать вероятности того, что в основе ср.-мо. *tergan* [HY 17, SH], *tergen* [MA 349], пкл.-мо. *terge(n)* [Tum. 582], п.-мо. *terge(n)* [Kow. 1775], мо. *тэрэг*, бур. *тэргэ*, калм. *тергн*, ойр. *терген*, орд. *terge(n)*, даг. *terge, tereg, terehe*, дунс. *čiege*, ж.-уйг. *tergen*, мнгр. *tēрге, tərge* ‘телега, повозка’ лежит звукоподражание: бур. [нарья-] *тэрье* ‘скрипеть, греметь (о телеге)’; як. *дэрдиргээ* ‘биться, колотиться от тряски (при езде)’ < *нар-тэр гэ* ‘издавать звуки *нар-тэр*’. Т.-ма. *турку* ‘нарта оленья’, равно как и мо. *шарга* ‘сани’, могло возникнуть благодаря слуховому восприятию скрипа снега под полозьями.

Итак, в данном разделе нами рассмотрены лексемы, номинация которых происходила на основе признака ‘торчащий, остроконечный; длинный’,

который в большинстве случаев соносился с одним (клюв птиц, морда рыб, вершина горы, части тела, острие оружия и других предметов) или двумя референтами (рога диких и домашних животных, крылья птиц). В виде множества референтов выступали ровно торчащие зубы диких животных, а также колючки некоторых рыб и животных.

3.1.1.2. ‘нечто растопыренное, лохматое’

Указанные признаки реализуются в следующих типах корней:

1) $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arsayar*, мо. *арсгар* ‘торчащий во все стороны; редкий’; п.-мо. *arbayar*, мо. *арвагар*, бур. *арбагар*, калм. *арвһар*, ойр. *арвахар* ‘лохматый; растопыренный; ветвистый’; п.-мо. *aramay* [Kow. 143], мо. *армаг*, бур. *армагар*, *ирмагар* ‘редкий’; п.-мо. *erbeger*, мо. *эрвэгэр*, калм. *эрвһр* ‘растрепанный; растопыренный’, бур. *эрбэн шэрбэн* ‘редкий (о бороде)’, бур. *эрзэ-эрзэ* – о шевелении волос на спине ошестинившейся кошки или собаки, *эрзэгэр* ‘взъерошенный’; п.-мо. *örbügür*, мо. *өрвөгөр*, бур. *үрбэгэр*, *үрзэгэр*, калм. *өрвһр*, ойр. *өрвегер* ‘взъерошенный; редкий’; п.-мо. *ürjeyi-*, мо. *үрзий-* ‘нахохлиться’. «В тур. *үрнер-*, аз. *үрнар-*, ног., ккалп. *үрней-*, кир. *үрнүй-*, каз. *үрний-* ‘становиться дыбом, ошестиниться’ основа **үрн* подражательного происхождения» [ЭСТЯ, 1974, с. 637].

2) $C_{un}+V+[r]$: п.-мо. *sörü-*, мо. *сөр-* ‘становиться дыбом, взъерошивать’; п.-мо. *sir ki-*, п.-мо. *шир хий-* ‘шестиниться’; п.-мо. *dereger*, мо. *дэргэр*, бур. *дэрэгэр*, калм. *дергр* ‘лохматый, взъерошенный (о головном уборе)’.

3) $C_{un}+V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *šarbiyar*, *šorbiyar*, *šorbuyar*, *sirbeger* [Kow. 1522], *šörbüger*, мо. *шарвигар*, *шорвигор*, *шорвогор*, *ширвэгэр*, *шөрөвгөр* ‘взъерошенный (о бороде, усах, волосах, шерсти)’, бур. *шарбагар* ‘виляющий хвостом’, *шүрбэгэр* ‘длинный и жидкий (о бороде)’; п.-мо. *serbeger*, мо. *сэрвэгэр*, бур. *һэрбэгэр* ‘раскидистый, взъерошенный’; калм. *сарсхр*, *сөрсхр*, ойр. *сарсаһар*, *сөрсегер* ‘стоящий дыбом (о волосах)’; п.-мо. *parpayar*, мо. *парпагар* ‘лохматый’; бур. *борбогор* ‘всклокоченный; реденький (о бороде)’; п.-мо. *borjuljin*, мо. *борголжин* [сахал] ‘жидкая борода’; п.-мо. *börjüger*,

bürjiger, мо. *бөрзгөр, бүрзгэр* ‘взъерошенный (о волосах), редкий’, бур. *бүрсэгэр* ‘маленький, жалкий’.

Признак, выраженный бур. *бартагар* ‘лохматый, нескладный’, стал ведущим в номинации *бартаху (баабгай)* ‘медведь’. Ср. др.-тюрк. *baraq* ‘охотничья собака с лохматой и длинной шерстью’, кир. *барак ит* ‘длинношерстная собака’, каз. *барақ* ‘порода собаки’, к.-калп. *барақ* ‘волосатый, лохматый’, узб. *бароқ* ‘лохматый; пушистый’, тур. *barak* ‘волосатый; порода охотничьих собак’ [Рассадин, 2007, с. 113], эвенк. *ларбаран* ‘распустить, распушить хвост (о птице); растрепать’, *ларбэлэмэ* ‘пушистый, мохнатый’, *ларбили* ‘пучком (о волосах, шерсти, ветвях)’, *ларбимэ* ‘лохматый; пышный’ [ССТМЯ, 1975, с. 494, 500].

Следует отметить, что на базе рассматриваемых признаков развился признак ‘громоздкий, величественный’ [👤], их контаминация прослеживается во многих производных, корни которых можно разделить на следующие типы:

1) $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arqayar* [Less. 55], мо. *архагар*, бур. *архагар*, калм. *архһр* ‘неуклюжий, громоздкий; беспорядочно валяющийся’, но ойр. *архаһар* ‘растопыренный; ветвистый’; бур. *арха-барха* ‘большой, крупный; в большом количестве, массой’; бур. *орхогор*, калм. *орхһр* ‘громоздкий’, но п.-мо. *orquur*, мо. *орхгор* ‘приподнятый, торчком’. Бур. *арья-барья, арья-дарья* ‘кучный, массивный, огромный’, *арьягар* ‘величественный, громадный’, *арьяаг, арьял, арьялаа, арьялаг* ‘огромный, исполинский’, бур. *арнагар* ‘большой и несуразный’. Б. И. Татаринцев приводит тув. *араазай* ‘очень высокий, высоченный; очень крупный (о человеке, животном)’, отмечая неясность происхождения слова. По предположению автора, *араазай* связано с некой именной или образной основой, характеризующей большую величину, размеры [Татаринцев, 2000, с. 125].

2) $C_{un}+V+[r]+C_{aus}$: бур. *бархагар* ‘неровный, бугристый; громоздкий; грубый’; калм. *барха-* ‘четко вырисовываться вдали; быть бугристым; громоздким; грубым’, ойр. *бархаа-* ‘громоздиться, смотреться

неподвижным?; п.-мо. *darγai*, мо. *даргай*; п.-мо. *darqayar, darkiyar* [Less. 233], мо. *дархгар, дархигар*, бур. *дархагар, дархигар, дарнагар, дарьягар*, калм. *дархр*, ойр. *дархаһар* ‘громоздкий, неуклюжий; старый, громадный’; п.-мо. *qarqayı-*, мо. *хархай-* ‘лежать кучей, громоздиться’, бур. *хархагар* ‘громадный, лежащий кучей’; *хархигар* ‘большой и расхлябанный (например, о телеге)’, *хорхи* ‘громоздкий’, *һархагар* ‘громоздкий; растопыренный’, *һархи-дархи, һарха-барха, һарха-һэрхэ*. Ср. каз. *қорби-, қоржи-* ‘восседать взгромоздившись, неуклюже’ [Кайдаров, 1986, с. 248].

В калмыцком языке корень **bart* передает значение ‘нечто крупное, большое’: *барта эртэ алчур* ‘платок с крупным орнаментом’, *барта зам* ‘большак (большая дорога)’. Этот же признак лежит в п.-мо. *bartay-a* [Less. 89], мо. *бартаа* ‘валуны, большие камни, скалистое место’; бур. *бархаг* ‘якорь; большой замок’.

ЛСП «Животный мир»

Рассматриваемые признаки в монгольских языках прослеживаются в ряде лексем, номинирующих различные виды волосяного покрова животных. Первоначальным значением лексемы ср.-мо. *arasun* [НУ 15, SH, LH, MA 104], *arasu* [IM], пкл.-мо. *arasun* [Tum. 303], п.-мо. *arisu, arasu* ‘кожа, шкура’ [Kow. 143], мо. *арьс*, бур. *арһан*, калм. *арсн*, ойр. *арсан*, орд. *arusu*, мог. *arōsun, ḡrōsun*, даг. *arsa, aras*, дунс. *arasun*, бао. *arsoŋ*, ж.-уйг. *arsəp*, мнгр. *arasə* [EDAL 520] ‘кожа; шкура; мех’, вероятно, было ‘нечто с торчащими, жесткими волосками’, которое в дальнейшем трансформировалось следующим образом: ‘мех; шкура дикого/домашнего животного’ → ‘кожа человека’. В Алтайском словаре Пмонг. **ara-su* сопоставляется с Птунг. **eru-ke-* ‘шуба, кафтан’: эвен. *иркэнми* ‘кафтан (детский мехом наружу)’, ороц. *эруэ* ‘шуба из собачьей шерсти’, ульч. *эруэ(н)* ‘шуба, одежда (меховая длинная)’ [EDAL 520]. Ср. также эвенк. *н'араһин* ‘шкура (непродымленная)’ [ССТМЯ, 1975, с. 635].

П.-мо. *örbelge, örbülge* ‘перья у чиновников на шапке, в соколином хвосте, для украшения’ [Kow. 587], мо. *өрвөлгө*, бур. *үрбэлгэ*, калм. *өрвлһ*, ойр.

өрвөлгө, орд. *örvölgö* [EDAL 1173] ‘вихор; перья на головном уборе’ сопоставимы с Птунг. **purakī* ‘крыло; кость крыла; ость (пера)’ и Пяп. **pərə* ‘крылья сокола; перья под крыльями’ [EDAL 1173]. Ср. п.-мо. *örbi* [Kow. 587], мо. *өрви*, *өрөвтас* ‘аист’. В основе орнитонима п.-мо. *orbulyu* ‘филин’ [Kow. 464], мо. *орволго* ‘совка, сплюшка’, возможно, заложен такой отличительный признак этих птиц, как довольно большие перьевые «ушки».

Семантически с *arasu* и *örbelge* связаны термины: п.-мо. *tar* ‘ость на меху’, *taraqai* ‘пуховое перышко’ [Kow. 1663], мо. *таp* ‘ость меха; редкий, редкошерстный’; п.-мо. *sor* [Kow. 1411], мо. *cop* ‘ость (меха); длинные отдельно торчащие из общей массы стебли травы’, бур. *һорьмой* ‘ость (у меха)’; п.-мо. *sirkeg*, п.-мо. *ширхэг* ‘волосок, щетина (свиная)’. В данное лексико-семантическое поле входят т.-ма. лексемы: эвенк. *һуракb* ‘крыло; кость плечевая (у птиц); ость (пера)’, эвен. *һуриқи* ‘предплечье (часть крыла птицы)’, орок. *хурақи* ‘кость (крыла)’; эвенк. *ширэку* ‘перо (большое, в крыле птицы)’ [ССТМЯ, 1977, с. 352, 426].

Отсюда ср.-мо. *sormue* [HY 45], *sormosu* [IM], *sorbisun* [MA 325], *sarmasūn* [Lig.VMI], п.-мо. *sormiusun*, *sormusu(n)* [Kow. 1418], мо. *copмос*, *copмуус*, бур. *һорьмоһо(н)*, калм. *сурмесг*, ойр. *copмасан*, орд. *sormūs*, *sormūsū*, дунс. *somosun* [EDAL 1218] ‘ресницы; ость’ < ‘нечто торчащее’. Ср. Птунг. **sarimī* ‘ресница, бровь’; Пкор. **sət* ‘бровь’ [EDAL 1218], а также эвенк. *киримкbн* ‘ресница’, эвен. *киримки* ‘бровь; веко’, нег. *кbмкb* (**кијумкb* < **киримкb* ‘ресница’) [ССТМЯ, 1975, с. 398].

С помощью корней **sar/ser/sor/sir/qur/kür/tur* в сопровождении ауслатных согласных [s], [m], [b] образованы следующие разновидности шкуры, кожи: ср.-мо. *sarisu* [MA 319], п.-мо. *sarisu* [Kow. 1335], мо. *сарьсан*, бур. *һарьһан*, калм. *сәрсн*, ойр. *сәрсен* ‘сыромятная кожа; мягко выделанная тонкая кожа (замша, шагрень, сафьян)’; п.-мо. *sarmai*, мо. *сармай*, бур. *һармай*, *һарьмай* ‘овечья шкура без шерсти; облезлая шкура’; п.-мо. *sermei* ‘кожан, шуба без шерсти’ [Kow. 1374]; п.-мо. *sorsun* [Kow. 1417], мо. *copс*, бур. *һорһо(н)* ‘зимняя грубая непрочная шкура косули’; п.-мо. *sorsun*, мо.

сорсон ‘дубленая кожа сайги или дикой козы’; п.-мо. *siri(n)* ‘кожа, шкура (для обертки ящиков); груз на одном боку вьючного животного⁵²’ [Kow. 1523], мо. *шур* ‘кожа, шкура (крупного скота); сыромять; яловка’; п.-мо. *qurisaγ-a*, мо. *хурьсага*, калм. *хурсх* ‘ягнячья шкурка, мерлушка’; бур. *хурбэдхэ* ‘овчина (или мех с короткой шерстью); отросшая после стрижки шерсть’; п.-мо. *tursaγ-a*, мо. *турсага* ‘шкура павшего от голода скота’.

Пмонг. **sari-* ‘овчина без шерсти; кожа, кожица; мошонка’ сопоставляется с Птунг. **sarga-* ‘верхний слой юколы вместе с кожей; панцирь’; Птюрк. **jari* ‘кожа; кожица’ [EDAL 1508]. Как видно, здесь термин п.-мо. *saranay*, мо. *сараанаг*, бур. *һараана* ‘мошонка (у животных)’ восходит к тому же этимону, что и *sarisu*, т.е. < ‘нечто с торчащими волосками, мохнатое’.

Данные примеры снова свидетельствуют о том, что гласный [u] соотносится с более мелкими по размеру или же более мягкими предметами, нежели [a]: *хурьсага* ↔ *арьс* (*хурга* ‘ягненок’ ↔ *сарваа* ‘жеребенок’, *хуруу* ‘палец’ ↔ *гар* ‘рука’). Если учесть закон выпадения сонантов перед шумными согласными, описанный Г. Рамstedтом, В. И. Рассадиным [Рассадин, 1982, с. 153–156], можно попытаться выделить рассматриваемые признаки ‘торчащий в разные стороны, лохматый’ в ср.-мо. *xusun* [HY 45, SH], *hason* [IM], *usun* [MA], п.-мо. *usu(n)* [Less. 1013], мо. *үс(эн)*, бур. *үһэн*, калм. *үсн*, ойр. *үсен*, орд. *usu(n)*, *оғи*, даг. *xusu*, *huse*, *xus*, дунс. *usuη*, *usun*, бао. *suη*, ж.-уйг. *həsun*, мнгр. *fuзə*, *sзə* [EDAL 1186] ‘волосы; шерсть, мех; щетина, иглы’ и представить Пмонг. форму в виде **hürsü(n)* (**ars* ‘шкура животного’ ↔ **ürs* ‘волосы человека’). В таком случае лексемы словосочетания бур. *үрзэгэр үһэн* ‘торчащие волосы’ могут восходить к идентичным корням **hürs/hürj̄*. Следует отметить, что в Алтайском словаре восстанавливается праалтайская форма *p’úñe* ‘волосы, шерсть’ на основе Птунг. **puñe-* ‘волос(ы)’, Пяп. **pánái* ‘перо’ и Пмонг. **hüi-sü* ‘волос’ [EDAL 1186].

Рассмотрим различные наименования помета домашних животных, в корневой части которых также присутствует сонант [r]. В ср.-мо. *haryal* [IM,

⁵² В калм. *шур* сохранилось только переносное значение ‘тюк’.

МА 182], п.-мо. *aryal* [Kow. 153], мо. *аргал*, бур. *аргал*, ал., баргуз. *аргаан*, калм. *арһен*, ойр. *арһасан*, орд. *argal*, даг. *xargal*, ж.-уйг. *harʒal*; мнгр. *harGar* [EDAL 1125] ‘аргал, кизяк (сухой помет, употребляемый как топливо)’ номинация, по нашему мнению, связана с образом ‘нечто с торчащими колючками’. Как известно, внешний вид сухого аргала как продукта жизнедеятельности домашнего скота (в особенности, лошадей) отличается тем, что из него, как правило, торчат мелкие сорные и кормовые травы, оставшиеся после переработки организмом животного⁵³.

Птунг. **parga-* ‘помет; испражняться’ авторы EDAL восстанавливают на основе единичной формы ма. *faʒan* ‘помет’, которую, вопреки В. Розецкому, вряд ли можно считать заимствованием из монгольских языков. Эвенк. *аргаһун* ‘помет’ – явный монголизм. Также ими реконструируется Птюрк. **ark* ‘навоз, экскременты’ [EDAL 1125]. «М. Рясянен ж.-уйг. *xaryar, xaryal* ‘пласты сухого навоза’ помещает как монголизм, тогда как хак. *арух* ‘кал’ имеет лишь отсылку к ж.-уйг. форме» [Цинциус, 1984, с. 33].

Правомерность возведения п.-мо. *sarmai, sarmidaγ*, мо. *сармай, сармидаг* ‘летний сухой помет’ к образу ‘нечто колючее; хрупкое’, на наш взгляд, подтверждают значения п.-мо. *sarmai*, мо. *сармай* ‘прическа, похожая на ежик’; п.-мо. *sarimaγar*, мо. *сармигар, сарамгар*, бур. *һармагар* ‘торчащий, растопыренный’; п.-мо. *sarmii-*, мо. *сармий-* ‘становиться тонким и хрупким’.

К данному лексико-семантическому полю, на наш взгляд, следует отнести п.-мо. *sirel, segürel* ‘мелко нарубленная солома, сечка; волосы на детородных органах’ [Kow. 1434]. Примечательно, что в «Мукаддимат-ал-Адаб» зафиксировано только последнее значение: ср.-мо. *sü:rel, se'ü:rel γaryaba kü:ken* ‘у мальчика появились *pubes*’ [МА 322, 330]. В халха-монгольском языке *сүрэл* функционирует в значении ‘солома, соломинка’, в бурятском *һүрил* ‘волосы на лобке’. Ведущую роль признака ‘торчащий’ подтверждает, на наш взгляд, альтернативное название можжевельника, приведенное О. М. Ковалевским: п.-мо. *sirü modu* ‘арча’ [Kow. 1435].

⁵³ Здесь также можно в некоторой степени допустить участие обонятельного восприятия.

И, наконец, корень **arb* ‘нечто растопыренное (о ножках)’ служит для номинации пауков: п.-мо. *arbaγaljī*, мо. *арваалж* ‘паук; ракообразные’; п.-мо. *arbaγan*, мо. *арваан* ‘паучок’; бур. хилок. *арбаахай*, баргуз. *арбаахалдай* ‘паук’.

ЛСП «Растительный мир»

В данном разделе представлены названия растений, восходящие к образу ‘нечто растопыренное, развесистое, лохматое’. Выбор образного корня **arb* в ср.-мо. *arbai* [НУ 8], *arbai*, *ārbāi* [МА 104, 253], п.-мо. *arbai* [Kow. 155], мо. *арвай*, калм. *арва*, ойр. *арваа*, орд. *arwā*, мог. *arfēi*, *arfā*, дунс. *ара*, мнгр. *šbā* [EDAL 312] ‘овес; ячмень’ обусловлен наличием торчащих в разные стороны длинноватых волосков, которыми обычно усажены узкие листья злакового растения.. Мотивацию в тюрк. *арпа* ‘ячмень’ по топорщащейся вверх форме колоса Ф. Ф. Гаффарова подтверждает такими семантическими свидетельствами, как кум. *арпалан*, ног. *арпаланув* ‘образование метелки (у злаковых)’ [Гаффарова, 2003, с. 131].

В. Котвич рассматривает ма. *арфа* как заимствование из тюркских языков, А. М. Щербак также считает эту лексему тюркской, но пришедшей в маньчжурский язык через посредство монгольского языка [цит. по: ЭСТЯ, 1974, с. 176]. По мнению Дж. Клосона, тюрк. *арпа*: ‘ячмень’ может быть индоевропейским (тохарским) заимствованием [С1. 198]. Э. В. Севортян относит мо. *арвай* к тюркизмам, ссылаясь на то, что тюрки, во всяком случае, уйгуры еще до XI в. были знакомы с различными земледельческим культурами, как о том свидетельствуют лингвистические данные, не говоря уже об исторических сведениях [ЭСТЯ, 1974, с. 176–177]. Однако авторы Алтайского словаря считают, что «мо. *арвай* не может относиться к тюркизмам» [EDAL 312], исходная образная семантика фитонима достаточно очевидна.

Основные значения корней **orb/urb* представлены в п.-мо. *orbuyur* [Kow. 465], мо. *орвогор*, бур. *орбогор* ‘взъерошенный, стоящий дыбом, торчащий’; п.-мо. *urbayar*, мо. *урвагар* ‘торчащий, лохматый; шероховатый’. Однако в

производных от указанных корней также развилось переносное значение ‘вывернутый, вывороченный’ на основе образа корневища дерева, вывороченного вместе с землей порывами ветра – ‘нечто с торчащими в разные стороны корнями’: п.-мо. *orbung* [Less. 616], мо. *орвон* ‘корень, стебель’, *модны орвон* ‘корневище дерева’, *орвонгоор нь суга тата* – ‘выкорчевать’. Номинация растения п.-мо. *oryudai* ‘корень женьшеня’ [Kow. 461], мо. *орхоодой*, бур. *орхоодой* ‘женьшень’, возможно, связана с его толстыми, ветвящимися корнями, широко известными своими целебными свойствами.

Признак ‘вывернутый’ прослеживается в следующих словах: бур. *урбагар* ‘вывернутый (о веках)’, *орбоног* ‘влагалище коровы’, *урбуудха* ‘сшитая из вывороченной шкуры одежда’, а также реализуется в глаголах: ср.-мо. *hurba-*, *urba-* [MA 187, 366], пкл.-мо. *urba-* [Tum. 606], п.-мо. *urba-* [Kow. 462], мо. *урва-*, бур. *урба-* ‘поворачиваться; изменять кому-л., предавать, отступить’; возможно, пкл.-мо. *körbe-* [Tum. 453], п.-мо. *körbe-*, мо. *хөрв-*, бур. *хурбэ-* ‘перевертываться, ворочаться’. Ср. эвенк. *курбу-* ‘вертеться; барахтаться’, сол. *хуббу-* ~ *хурбэ-* ‘ворочаться, перевертываться, валяться’, ма. *курбушэ-* ‘ворочаться’ [ССТМЯ, 1975, с. 435].

Корни **sarb/čarb* послужили основой для появления следующих фитонимов: п.-мо. *čarbang*, мо. *царван* ‘полынь крупноголовчатая, аптечная полынь’, хорин. *сарбан* ‘полынь’; п.-мо. *sarbayalji*, мо. *сарваалж* ‘щирца трехцветная’, п.-мо. *sarbalji* ‘какое-то растение’ [Kow. 1336], мо. *сарвалж* ‘дикое просо’, возникших благодаря густым колосовидно-метельчатым соцветиям растения. В бур. *харбаалжа* развилось метафорическое значение ‘родословное древо’.

Кроме того, корень **sarb* прослеживается в названии маньчжурского женского головного убора *сарвач*, похожего на корону, п.-мо. *sarbači* ‘сетка для покрытия волос, собранных в пучок’ [Less. 675], а также в бур. *харбай*, калм. *сартг* ‘трефы’. По всей видимости, п.-мо. *sarbači* перешло в бурятский язык, претерпев морфологические и семантические изменения: *харбаалжа*

‘бусины из янтаря, малахита, лазурита, яшмы (на головном женском украшении *даруулга* нашивались в три ряда бусины, средний ряд назывался *гол* ‘основной’, на него нашивались главные камни – кораллы, а бусины верхнего и нижнего рядов назывались *харбаалжа*)’ [Шагдаров, 2008, с. 551].

Также для обозначения полыни используются лексемы: п.-мо. *siralji* [Less. 715], п.-мо. *шарилж* ‘бурьян, полынь’; калм. *бардмэж* ‘полынь обыкновенная’; п.-мо. *ерте* [Less. 331], мо. *эрэм* ‘полынь-чернобыльник’, бур. *үрмэхэн, үрмэдэхэн* ‘полынь’, соотносящаяся с Птюрк. **eʻen* ‘полынь’, Пкор. **ɔrti* ‘вид травы’ [EDAL 521]. Близка нашей точка зрения Б. И. Татаринцева, который связывает тув. *маргаа* ‘полынь; высокое травянистое растение с полым стеблем, растущее в зоне альпийских лугов’, алт. *барга* ‘сорная трава, бурьян’, тел. *паргаа* ‘высокие травы’ и др. «с образной основой **bar* и соотносительной с последней глаг. **bar-*, вероятно, означавшей нечто вроде ‘торчать, растопыривать, выпирать’ или ‘обильно произрастать’» [Татаринцев, 2008, с. 79].

П.-мо. *sornu*, мо. *сорно* ‘серобородник’ (ср. образность корня **бород* в русском названии); п.-мо. *sornui*, мо. *сорной* ‘зубровка’; п.-мо. *šornui* ‘название какого-то растения’ [Kow. 1542], мо. *шорной* ‘лебеда татарская, белая марь’ названы благодаря густым метелкам. Образ растения п.-мо. *sorbu*, мо. *сорво* ‘вейник наземный’ хорошо восстанавливается по народному названию «волчий хвост». Признак ‘длинный, вытянутый (о стебле)’ заложен в п.-мо. *surγar*, *serleg*, мо. *сургар, сэрлэг* ‘багульник болотный’; п.-мо. *surnaγ*, мо. *сурнаг* ‘рута дикая’; растение п.-мо. *serdeg*, мо. *сэрдэг* ‘камнеломка’.

В п.-мо. *sirengi* [Less. 716], мо. *ширэнгэ*, бур. *шэрэнги* ‘роща, заросль тонких или низкорослых деревьев, кустарник, глушь, гуща, дебри, джунгли, завал’, ал. ‘сосняк, сосновый бор’ можно выделить образный корень **sir/šor* ‘нечто прямое, торчащее’, древняя семантика которого закрепилась в производных пкл.-мо. *sirbeyi:-* [Tum. 562], мо. *ширвэгэр* ‘взьерошенный, торчащий’, *ширвээ* ‘узкий и жесткий; хворост’; п.-мо. *siračay*, п.-мо. *шарцаг* ‘высокий девясил’.

На основе признака ‘торчащий’, восстанавливаемого с помощью образного прилагательного п.-мо. *dereger*, мо. *дэргэр*, бур. *дэрэгэр*, калм. *дэргр* ‘высохший и торчащий’, возникли лексемы: п.-мо. *deresü(n)* [Kow. 1769], мо. *дэрс*, бур. *дэрһэн* ‘ковыль блестящий, чий’, калм. *дерсн*, ойр. *дерсен* ‘чакан (дикий)»; п.-мо. *deresügen-e*, мо. *дэрсгэнэ* ‘соломинка’; калм. *дермн* ‘папоротник’; возможно, бур. *даргай* ‘мак голостебельный’.

Те же признаки передают корни с [q/γ/k], [t] в анлауте: п.-мо. *quryaljï*, мо. *хургалж* ‘полевичка малая’; п.-мо. *qursu*, мо. *хурс* ‘вегетативный побег’; п.-мо. *γuri*, мо. *зурь* [бөх] ‘гречиха восточная’; п.-мо. *γurbaljï*, мо. *зурвалж* ‘камыш, тростник’; п.-мо. *kürmeli* ‘трава осока, которой кроют дома’ [Kow. 2650]; п.-мо. *tarnu*, мо. *тарна* ‘горец’, бур. *тарнаан* ‘ревень полевой’; п.-мо. *tereljï* [Kow. 1770], мо. *тэрэлж*, бур. *тэрэлжэ*, *тэрэнги*, калм. *таралжн* ‘багульник’; п.-мо. *terem* [Kow. 1770], мо. *тэрэм* ‘вербейник’. Длинные, прямые, гладкие стебли данных растений, как стрелы, торчат вверх. В калм. языке функционируют формы с близкими значениями: *терни*- ‘распускаться (о дереве); куститься (о растении)’, *торлог* ‘взметнувшийся ввысь (о сооружении)’. Ср. ма. *зурби*, *зурбин* ‘тростник’ [ССТМЯ, 1975, с. 173], сопоставляемое с Птюрк. **KAr(a)gi* ‘тростник, камыш; копье, пика; вилы из бамбука; палка с острым железным наконечником’ [EDAL 556].

Значение геоботанического термина п.-мо. *darki* [Kow. 1682], мо. *дархи*, бур. *дархи* ‘бурелом, валежник; коряга’ выводимо из образа ‘нечто торчащее во все стороны; громоздкое’. Як. *даркы* ‘нагромождение плавника (по берегам рек, озер)’ < монг. В Алтайском словаре Пмонг. **darki* сопоставляется с Птунг. **daragan* ‘пырей; камыш’, Птюрк. **dari-g* ‘просо’, Пкор. **tār* ‘тростник’. «Птюрк. **dari-g* обычно рассматривается как производное от **TArî-* ‘обрабатывать (землю)’, что не исключено» [EDAL 1356].

ЛСП «Материальная культура»

Несмотря на прозрачную морфологическую структуру, выяснение мотива номинации в лексемах ср.-мо. *arqamǰï* [SH], *arγamčï* [IM 432], п.-мо.

arγatjī ‘веревка, аркан’ [Kow. 154], мо. *аргамж(ин)*, бур. *аргамжа*, калм. *арһмж*, ойр. *арһамжи* ‘кожаная веревка; бечева, аркан; привязь’; *arqaljī*, мо. *архалж* ‘привязь’, ойр. *архалаа* ‘привязь на ноге у лошади’ вызывает определенные затруднения. Тюрк. *аргамчы* ‘волосяной аркан; веревка из конских волос’ Э. В. Севортыян безоговорочно относит к монголизмам, опровергая точку зрения К. Брокельмана, предлагавшего модель *арга-* ‘плести’ + аффикс имени деятеля *-м + -чы*, в связи с тем, что аффикс *-чы* в значении орудия действия крайне редко встречается в тюркских языках [ЭСТЯ, 1974, с. 171]. Однако А. М. Щербак, В. И. Рассадин, О. Сухбаатар склонны считать, что термин в прошлом был заимствован из тюркских языков: *аргамж(ин)* ‘кожаная веревка’ < др.-тюрк. **arqan* [1996, 1997, 1999].

Вероятно, выбор корня **arq* обусловлен внешним видом веревки, плетеной из волоса: известно, что в процессе плетения неизбежно появляются торчащие волоски или кончики прутьев в случае со ср.-мо. *ariuq* [MA 113], пкл.-мо. *ariu* [Tum. 306], п.-мо. *ariu* ‘лукошко, кузов, корзина (для сбора топлива)’ [Kow. 149], мо. *араг*, бур. *араг*, ойр. *араг*, орд. *aruG*, дунс. *arei*, *arəi*, бао. *aroG*, *arGoŋ*, мнгр. *aruG*, *aroG* [EDAL 518] ‘плетеная из прутьев корзина (для сбора кизяка)’. В т.-ма. языках лабиализованный корень с инициальным гуттуральным [q] дал ульч. *хорку*, орок. *хорқо*, нан. *хорқо* ‘веревка’ [ССТМЯ, 1975, с. 471].

Авторы Алтайского словаря Пмонг. форму **arga-*, восстановленную на основе *arγatjī* ‘веревка, аркан’ и п.-мо. *ariu* ‘плетеная корзина’, сопоставляют с Птюрк. **Arka-* ‘лассо, толстая веревка’ и Пкор. **ark-* ‘завязывать, заворачивать’ и реконструируют праалтайскую форму **erka* с общим глагольным значением ‘завязывать, плести’ [EDAL 518]. Здесь также мог быть задействован тактильный модус перцепции, учитывая грубость, шершавость рассматриваемых объектов.

П.-мо. *arangy-a*, мо. *аранга*, бур. *аранга* ‘помост; вышка’, калм. *арһ* ‘уст. балкон; веранда’ предположительно образовано от образного корня **ar* ‘нечто громоздкое; торчащее во все стороны’. С этой лексемой Г. Рамстедт

сопоставлял «ма. *фараңга* ‘решетчатый’ (*фараңга дуқа* ‘решетчатые ворота’)» [цит. по: Цинциус, 1984, с. 34]. Известно, что монгольские и некоторые тюркские народы, в частности якуты, использовали помост в разных целях: для наземного захоронения людей или животных, для хранения продуктов или охоты на диких зверей. М. Н. Хангалов описывает данное сооружение следующим образом: «умерших шаманов или людей, убитых молнией, не сжигают, а выставляют в лесу на *аранга*. <...> Для этого выбирают толстые деревья, стоящие поближе друг к другу, на них укрепляют бревна и, наконец, доски так, что образуется помост на высоте 2, 3 или 4 сажен от земли, на этот помост и кладется покойник, заключенный в гробу» [Хангалов, 2004, с. 321]. Однако логично предположить, что в древности помост сооружали не из ровных обструганных досок, а из наломанных или нарубленных веток деревьев, которые и торчали с разных сторон. Ср. як. *сэрии* ‘настил из жердей поперек саней для сена’.

Таким образом, звук рычания диких животных в процессе становления и развития языка породил немало слов, отражающих очень широкий спектр конкретных понятий. Набор корней, передающих рассматриваемые в данном разделе признаки, отражен в таблице.

Таблица 8

Типы корней, передающих ГП ‘торчащий, растопыренный’

	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>olu</i>	<i>öli</i>
∅	<i>ar, arj, arč, ars, arq, arγ, ard, arb, arn, arm</i>	<i>er, erj, ers, erk, erg, ert, erb, erm</i>	<i>ir, irj, irg, irt, irb</i>	<i>or, urč, ors, orq, org, urγ, urt, orb, urb, urm</i>	<i>ürj, örg, ürg, örb, ürm</i>
<i>y</i>	<i>yarb</i>	–	–	<i>yor, yorj, yorb, yord</i>	–
<i>j</i>	<i>jar</i>	<i>jer, jert</i>	<i>jrq, jrγ, jrb, jrp</i>	<i>jory, jorb</i>	<i>jür</i>
<i>č</i>	<i>čarb, čarm</i>	<i>čerč, čerg, čerb, čerm</i>	<i>čirm</i>	<i>čor, čorq, čory, čord, čurb</i>	<i>čörč</i>
<i>š</i>	<i>šar, šarb, šarm</i>	–	<i>sir, sirj, sirb, sirm</i>	<i>šor, šur, šorq, šord, šorb, šorn</i>	<i>šör, šür, šörg, šürd, šörb, šürb, šürm</i>
<i>s</i>	<i>sar, sars, sart, sarb, sarn, sarm, sarl</i>	<i>ser, serk, serd, sert, serb, serl</i>	–	<i>sor, sur, sorγ, surγ, sort, sorb, sorn, surn, sorm</i>	<i>sör, sürs, sürt</i>

<i>q/k</i>	<i>qar, qars, qarq, qarb, qarm</i>	<i>ker, kers</i>	<i>kirs</i>	<i>qur, qurč, qurs, qorq, qurq, qury, qurb</i>	<i>kür, kürm</i>
<i>ɣ/g</i>	<i>ɣar, ɣarj, ɣard, ɣarb</i>	<i>ger, gerd</i>	–	<i>ɣur, ɣorj, ɣurj, ɣord, ɣurb</i>	<i>gör, gürr</i>
<i>d</i>	<i>dar, darq, dard, darb, darn</i>	<i>der, derj, derč, ders, derk, derg, derd, derb, derm, derl</i>	–	<i>dors, dorm</i>	<i>dörb</i>
<i>t</i>	<i>tar, tarb, tarn, tarm, tarl</i>	<i>ter, terg, term</i>	–	<i>tur, turč, torl</i>	–
<i>b</i>	<i>bar, bars, barq, bart, barb, barm</i>	<i>ber, bers, bert, berb</i>	<i>birb, birt</i>	<i>borb, bory</i>	<i>börj, bürj, bürs</i>
<i>p</i>	<i>parb</i>	–	–	–	<i>pürt</i>
<i>m</i>	<i>marj, marq, mard, marl</i>	<i>merb</i>	<i>mirj, mirm</i>	<i>mur</i>	<i>mör, mörg</i>
<i>n</i>	<i>nars</i>	–	<i>nir</i>	–	<i>nör</i>
<i>l</i>	<i>larb</i>	–	–	–	–

Без анлаута выступает 20 % корней, на первом месте по продуктивности в начальной позиции находятся согласные [jč/š/s] – 34 %, по 15 % приходится на корни с [q/k/ɣ/g] и [t/d]. Корни с инициалями [b/p] составляют 10 %, и, наконец, на долю корней с [m/n/l] приходится 4 %.

20 % корней не имеет ауслатного согласного, наиболее активен в указанной позиции согласный [b] – 19 %. Второе место занимают согласные [jč/s] и [q/k/ɣ/g], формирующие по 16 %. [t/d] выступают в финали 12 %, [m] – 10 %, [n] – 4 % и [l] – 3 % корней рассматриваемой группы.

3.1.2. ГП ‘нечто ровное’

Следует отметить, что поля следующих четырех признаков не столь обширны, как предыдущее. Психофизиологической основой для формирования образа ‘нечто ровное’ стали звуки, воплощенные в корнях *kir/ker, сопровождающие процесс нарезания чего-л. на ровные части (ножом, топором; ножницами, пилой), среди которых: п.-мо. *kerči-* ‘резать, нарезать, мелко рубить, сечь’; п.-мо. *kerbi-*, *kirbe-* ‘выровнять; состричь, обрезать’; п.-мо. *kiru-* ‘крошить, мелко резать’, бур. *хирма-* ‘чистить скребком; резать’; п.-мо. *kirɣa-* ‘стричь (ножницами)’. Отсюда п.-мо. *kerbigir*, мо. *хирвэгэр*, бур. *хирбэгэр* ‘ровный (например, об усах)’.

На основе признака ‘ровный’, по всей видимости, возникли следующие субстантивы: п.-мо. *kerdeg*, мо. *хэрдэг* ‘карниз’, калм. *керсэг* ‘ступенька’; п.-мо. *kerseng*, мо. *хэрсэн* ‘киль; продольный брус, проходящий по всей длине судна в середине его днища’. П.-мо. *kerseng* [Kow. 2516], мо. *хэрсэн*, бур. *хэрһэн*, ойр. *керсең* ‘грудинка’ имеет соответствия в тюркских языках: тув. *керзең* ‘кусочек шкуры, остающийся на груди убитого животного после освежевания; передняя подпруга (у вьючных животных)’, алт. *керсең* ‘шашлык из грудинки’, хак. *кирсе*, *кирсек*, *кирсен* ‘место схождения ребер на груди, грудная кость; жир бараньей грудинки, который отрезают вместе со шкурой и жарят на углях’, кир. *керчөө* ‘жир бараньей грудинки, снимаемый вместе со шкурой’. Б. И. Татаринцев предполагает, что тюрк. *керсең* и его более близкие варианты связаны с образными основами, характеризующими нечто выпирающее, выставляющееся вперед (ср. кир. *керсей*- ‘важничать, чваниться’). Автор также допускает связь с глагольной основой *кер*- ‘вырезать’, учитывая «разделочный» характер семантики *керсең* [Татаринцев, 2004, с. 144–145].

В п.-мо. *kira* ‘низменный горный хребет’ [Kow. 2546], мо. *хяр*, бур. *хяра*, калм. *kirə*, орд. *kirā*, даг. *харGaG*, *kira*, мнгр. *ćirē* [EDAL 768] ‘гребень (возвышенности); макушка; горная цепь, предгорье’ можно попытаться выделить признак ‘ровный’, поскольку, по определению В. А. Казакевича, этот орографический термин обозначает «остатки разрушенных горных пород, где уже не сохранилось главной оси хребта, а только ряды отдельных гряд и вершин *приблизительно одинаковой высоты* (курсив наш – Е.С.). Такие *xirā* тянутся на десятки километров во всех направлениях, представляя собой лабиринты, где очень трудно передвигаться» [Казакевич, 1934, с. 27].

Термин сопоставляется с Птунг. **xāri*- ‘кайма, обшивка’, Птюрк. **Kīr* ‘отдельно стоящая гора; вершина горы, гребень горы, возвышенность; степь, пустыня, равнина; край’ [EDAL 767–768]. Дж. Клосон полагает, что тюркская форма была заимствована в монг. языки [Cl. 641], допускает это и Л. С. Левитская [ЭСТЯ, 2000, с. 227].

Б. И. Татаринцев, рассматривая формы: тув. *кырлаң* ‘небольшой горный хребет, отрог; грань, ребро, образуемое двумя пересекающимися плоскостями (например, двускатной крышей)’, тоф. *кырлаң* ‘острая вершина хребта’, алт. *кырлаң* ‘небольшой горный хребет’, хак. *хырлаң* ‘горка, холмик’, представляет структуру в виде *кыр+ла+ң*, считая его образованием на *-ң* от глагольной основы *кырла-* ‘идти берегом, краем; ходить по горным хребтам’ [Татаринцев, 2004, с. 422–423].

Как справедливо отмечает И. Г. Добродомов, «в этом алтайском материале имела место явная контаминация с названием края, обрамления, каймы» [СИГТЯ, 2001, с. 96]. Развитие понятия края, берега, на наш взгляд, могло развиваться на основе образа ‘нечто прямое, ровное, отвесное’ в вертикальной плоскости, в то время как значения ‘плоскогорье, открытая местность’ и др. возникли в результате восприятия горизонтальной плоскости. Семантика корня в термине ср.-мо. (*hergi*), *ergi* [SH, NY 4], пкл.-мо. *ergi* [Tum. 391], п.-мо. *ergi* [Kow. 268], мо. *эрэг*, бур. *эрье*, калм. *эрг*, ойр. *эрег*, орд. *ерге*, даг. *эриг*, *эриг*, ж.-уйг. *еря*, мнгр. *хэрги*, *хэрге* [EDAL 1144] ‘берег; обрыв, яр; набережная’ выявляется с помощью производных: п.-мо. *eres* ‘утесистый, с крутым скатом’ [Kow. 248], мо. *эрс*, калм. *эрс* ‘крутой, отвесный, обрывистый’, калм. *эрс*, ойр. *эрес* ‘стена’; п.-мо. *ergi magnai* ‘высокий лоб’ [Kow. 268].

Связь значений п.-мо. *ergi* ‘берег; обрыв, яр’ [Less. 323] и п.-мо. *irmeg* ‘край всякой вещи; борт, берег; грань’ [Kow. 325], мо. *ирмэг*, бур. *эрмэг*, калм. *ирмэг*, ойр. *ирмег*, ж.-уйг. *ертег* [EDAL 1136] ‘острый край; грань, кромка; угол’ также прослеживается в т.-ма. языках. Так, эвенк. *кира* имеет значения ‘край, бок; грань, ребро; косогор; высокий берег’, уд. *кесе* [**kija* < **кира*] ‘край, берег’ [ССТМЯ, 1975, с. 397], ср. также ульч. *жэри(н-)* ‘край чего-л., грань, ребро’, нан. *жэри* ‘край, грань, ребро’, ма. *жэри* ‘край чего-л.’ [ССТМЯ, 1975, с. 285], эвенк. *хирки* ‘крутой (о склоне)’, эвен. *хирилэ* ‘скала (на которой останавливается горный баран)’ [ССТМЯ, 1977, с. 327].

В тюркских языках лексема *жар* ‘яр, овраг; обрыв; скала’ также связана с образом ‘нечто крутое, отвесное’. По утверждению Э. В. Севортяна, *жар* ~ *йа:р* ~ *йар* ~ *сы:р* – именной коррелят к глаголу *йа:р-* ‘рассекать, раскалывать, резать, пробивать(ся), прорываться’, с которыми он образует глагольно-именные односложные омоформы по древней словообразовательной модели имя – глагол [ЭСТЯ, 1989, с. 17].

3.1.3. ГП ‘нечто округлое; курчавое’

Развитие генерального признака ‘нечто круглое; курчавое’ основано на звукоподражании, передающем бурление воды в реке, кипения: мо. *бур бур хий-* ‘бурлить, булькать; кипеть’, мо. *борги-* ‘сильно вскипеть’, мо. *орги-* ‘бить ключом’, *хоржигно-* ‘журчать’ и др. Глаголы, характеризующие движения дыма и пыли, атмосферных осадков, относятся к категории «внутренних» звукоподражаний, фонетически и семантически сопоставимых с «внешними» ономатопами, обозначающими бурление, кипение воды.

Для обозначения клубящегося действия используются глаголы: п.-мо. *urgi-*, мо. *урги-* ‘подниматься, клубиться (о дыме)’, бур. *ур-урхан гэ-* ‘слабо дымиться’, *тоохо урья-* ‘подниматься, клубиться (о пыли)’, *урхир-* ‘подниматься столбом, клубиться столбом, разлетаться (о пыли)’; мо. *бура-* ‘пениться, взбиваться (о пене)’, *бургана-* ‘падать, идти (о снеге при ветре)’, *бурга-* ‘выпадать, порошить (о снеге)’, п.-мо. *burgi-* [Kow. 1224], *бурги-* ‘подниматься (о пыли)’, п.-мо. *burgira-* [Kow. 1224], *бургира-* ‘подыматься вверх (о дыме)»; п.-мо. *bürge-*, мо. *бүргэ-*, калм. *бүрг-*, ойр. *бүрге-* ‘витья вихрем; кружиться, пылиться’; п.-мо. *pur*, мо. *пур-пур хий-*, *пурчигна-*, бур. *пуршагана-* ‘подниматься клубами, клубиться (о дыме, пыли)’, мо. *пурги-* ‘пылиться’, ойр. *пурга-* ‘клубиться, подниматься’; бур. *хурье-* ‘клубиться (о пыли); хлопотать’; *хурил-* ‘кружиться’ и др. Пмонг. **bur-gi-*, *bür-gi-* ‘подниматься (о пыли, дыме)’ на алтайском уровне коррелирует с Птюрк. **bur-uk* ‘пыль; дым; клубиться (о дыме); задыхаться (в дыму); мести (о вьюге); пускать дым клубами; сажа’, Пкор. **päräm* ‘ветер’ [EDAL 375].

Направленность дыма вверх, по всей видимости, породила значение ср.-мо. *ergu-* [HY 33, SH], *ergü-* [LH], *örgü-* [IM, MA 278], п.-мо. *ergü-* [Kow. 273], мо. *өргө-*, бур. *үргэ-*, калм. *өрг-*, ойр. *өрге-*, орд. *ürgü-*, даг. *erewē-*, *ergue-*, даг. *uGu-*, ж.-уйг. *orgomǰlī*, мнгр. *urgu-* [EDAL 1065] ‘поднимать вверх, держать кверху’, коррелирующее с Птюрк. **ö:r-* ‘подниматься; верх, наверху’ [EDAL 1173]. Распространение дыма в стороны под воздействием ветра могло дать толчок для развития значений ср.-мо. *örgün* [IM], пкл.-мо. *örgen* [Tum. 511], п.-мо. *örgen* [Less. 641], мо. *өргөн*, бур. *үргэн*, калм. *өргн*, ойр. *өрген* ‘широкий, обширный’; п.-мо. *örni-* [Less. 642], мо. *өрнө-* ‘расти, возрастать; развиваться, развертываться’, ср. значение «тюрк. *ö:r-* ‘расходиться на пастбище (о скоте)’» [ЭСТЯ, 1974, с. 543]. Предположение в некоторой степени верифицирует синоним п.-мо. *narmai*, мо. *нармай*, бур. *нармай*, калм. *нарма* ‘обширный, просторный; всеобщий’, отчетливо коррелирующий с бур. *нарбагар* ‘стелющийся (о дыме и тумане)’.

Корень **erk* лег в основу базового для кочевников понятия ср.-мо. *eruge*, *oruge* [SH], *örüke* [MA 278], п.-мо. *erüke* [Kow. 256], мо. *өрх*, бур. *үрхэ*, калм. *өрк*, ойр. *өрке*, орд. *öröχö* [EDAL 1061] ‘светодымовое отверстие в крыше юрты; дымник’. Дальнейшее семантическое развитие привело к значениям ‘четырёхугольная кошма, прикрывающая дымник; семья, двор’. О первоначальности семы ‘дымник’ свидетельствуют переносные значения п.-мо. *erüke*, мо. *өрх* ‘скважина; воронка, яма’. Механизм развития значения ‘дымоход’ становится очевидным при сопоставлении лексемы с современным бурятским глаголом *үрхир-* ‘подниматься столбом, клубиться’, в котором выделяется имитативный корень **erk-erk/ürk-ürk*, воссоздающий образ клубов дыма, поднимающихся вверх и уходящих через дымник.

Слово заимствовано в тюркские языки: алт. *öröko*, *örökö*, тел. *örökö*, шор. *örökö*, тув. *örege* ‘покрышка отверстия, в которое проходит дым в юрте’ [СИГТЯ, 2001, с. 517], а также в сол. *örχō* ~ *ürχō* ‘дымовое отверстие’. В остальных т.-ма. языках *урке* означает ‘дверь, дверной проем, вход’: эвенк. *уркэ*, эвен. *уркъ*, нег. *үжкэ*, орооч. *уккэ*, уд. *угэнти(н)*, ульч. *учэ*, орок. *утэ*, нан.

ујкэ, ма. *учэ* [ССТМЯ, 1977, с. 286]. Ср. также нан. *кур*; ‘дымоход (наружная выводная часть, шедшая в старинном жилище от внешней стены дома до трубы)’ [ССТМЯ, 1975, с. 438]. Значение нег. *ујкэптин* ‘освещенная солнцем яркая полоса в небе (за тучей)’ позволяет предположить, что сема ‘дверь’ в т.-ма. языках появилась в результате актуализации признака ‘отверстие, проем, сквозь который проникает полоска света’.

Глагол п.-мо. *nere-* [Kow. 644], мо. *нэр-*, бур. *нэрэ-*, калм. *нер-*, ойр. *нере-* ‘перегонять, курить’ следует также отнести к ономотопам с низко выраженными иконическими свойствами, вызывающим определенную трудность для этимологизации. Семантика глагола позволяет сопоставить корень **ner* с **er(k/g)* из *erüke*, *ergü-* и других лексем, связанных со зрительным восприятием дыма. Ср. ма. *бура-* ‘гнать водку’, сол. *бурхөл* ‘прибор для перегонки вина’ [ССТМЯ, 1975, с. 111, 114], где корень **bur* более отчетливо индицирует характер движения клубов дыма.

В дальнейшем на основе значения ‘клубиться, кружиться’ корни **bur/burj/burq* приобрели образное значение ‘нечто курчавое, вьющееся; круглое’: п.-мо. *burjyar* [Less. 140], мо. *буржгар*, бур. *буржагар*, калм. *буржһр* ‘курчавый, волнистый, завитой’, бур. *аржай-* ‘быть курчавым, в завитках’, *аржайжа буржайжа байна* ‘весь в завитках’. В словаре О. М. Ковалевского даны следующие примеры: п.-мо. *burjuljin saqal* ‘клочковатая борода, или клочки бороды, а именно: концы усов и подбородок’, *burjuljin* ‘завертка или крючок назади телеги, для веревки, прикрепляющей тяжести’ [Kow. 1221]. Ср. ма. *форон* ‘вихор в волосах, кудри’ [ССТМЯ, 1977, с. 334]. Подобные прилагательные активно используются в названиях растений и животных: *буржагар сараана* ‘лилия кудреватая’, *буржгар хонхлой цэцэг* ‘бубенчик курчавый’, мо. *борцгор хотон* ‘пеликан кудрявый’ и др.

Корни **bor/bur/burq* самостоятельно образуют ряд названий растений, а также лесного массива: ср.-мо. *buryasu* [МА 113], п.-мо. *buryasu* [Kow. 1221], мо. *бургас*, *бургаас*, калм. *бурһсн* ‘ива, верба’, бур. *бургааһан*, орд. *burGasu*,

даг. *bargās, baregase*, мнгр. *burGāsə* [EDAL 1096] ‘прут; ива’; п.-мо. *buryan-a*, мо. *бургана* ‘вид акации’; п.-мо. *burayā* [Kow. 1212], мо. *бураа* ‘густая роща, лесная чаща; ивовая роща, ивняк’; п.-мо. *borulǰm*, мо. *боролз* ‘аяния кустарниковая’; п.-мо. *borulǰin* [Less. 121], мо. *боролж(ин)* ‘береза-ерник’, бур. *боролжо* ‘кусты, кустарник’; п.-мо. *borulǰyān-a*, мо. *боролзгоно* ‘кустарник желтоцветковый (из него делают веник для мытья котла); курильский чай’. Б. Хабтагаева видит в качестве производящей основы последних двух форм прилагательное *боро* ‘серый’ [Khabtagaeva, 2001, p. 112]. В EDAL в качестве т.-ма. параллели приводится ульч. *пирэгда* ‘чубушник’, нан. *piregdēn* ‘сирень крупная’, а также Птюрк. **bōr-* ‘вид дерева или растения’ [EDAL 1096].

Фитонимы с корнями **bor/bur/burq* мотивированы внешним видом растений. Так, тонкие ветви и побеги большинства видов ивы образуют ажурную, кудрявую крону. Хотя следует заметить, что в русском языке эпитет ‘кудрявый’ более применим к рябине. Как отмечает Е. М. Маркова, общеславянское название дерева *ива* (чешск. *jíva*, польск. *iwa*, болг. *ива* ‘вид горной вербы’) мотивировано глаголом *вить*, что отражает характер его ветвей. Ту же мотивировку имеет и название дерева с похожими признаками *верба*, представляющее собой суффиксальное производное от глагола *вертеть* в значении ‘гнуть, вить’, что подчеркивает гибкий характер его ветвей [Маркова, 2008, с. 40].

Следует отметить, что корень **qor* в значении ‘круглый’ относится к числу древнейших корней, распространенных во всех современных языковых семьях Евразии. В полной мере образ ‘нечто круговое, круглое’ реализуется в п.-мо. *qoruyā* ‘ограда около дома, двор’ [Kow. 963], мо. *хороо* ‘район, квартал (в городе); полк’, калм. *хора*, ойр. *хораа* ‘комната, кабинет’, бур. *хорёо*, орд. *хороо* ‘ограда, изгородь, загородка’, из которых, несомненно, наиболее древним является последнее значение. Распространенная в тюркских языках лексема *қора* ‘загородка (для скота); ограда, изгородь и др.’ считается

заимствованием из монгольских языков. Также она заимствована в иранские и т.-ма. языки [ЭСТЯ, 2000, с. 74].

Лексема ср.-мо. *qormai* [НУ 22, SH], *qormaï* [IM], *qurmi* [МА 303], п.-мо. *qormui* [Kow. 971], мо. *хормой*, бур. *хормой*, калм. *хорма*, ойр. *хормаа*, орд. *хортō*, даг. *хиарт(ā)*, *хиарат*, *хиарете*, ж.-уйг. *хортī*, мнгр. *хортә:*, *хиртī* [EDAL 746] ‘подол; подножие, подошва (горы)’, вероятно, образована с помощью аффикса *-tui* от корня **qor* ‘круг’, поскольку подол одежды, как правило, образует окружность. Хотя данное значение также контаминирует со значением корня **kürm*, давшим бур. *хүрмэлдэ*- ‘запутываться, сплетаться’ (*хормой соогоо хүрмэлдэ*- ‘запутаться в подоле’). Ср. также зап.-бур. *гурбалжаа* ‘путы-треног’, *гурбалаада*-, бур.НУ *гурбальджи*- ‘треножить коня’ [Рассадин, 1999, с. 127]. Орографический термин произошел путем трансформации значения ‘подол’, основанной на переносе по сходству, связанном с традицией антропоморфизации гор. Эвенк. *кормē* ‘пола (одежды); подол’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 415].

Ср.-мо. *gurijen* [НУ 4], *gure'en* [SH], п.-мо. *küriye(n)* [Kow. 2638], мо. *хүрээ*, бур. *хүрээ*, орд. *kurē*, даг. *хорē*, дунс. *Goron*, ж.-уйг. *kurēleg*, мнгр. *кураң* [EDAL 746] ‘ограда, изгородь; стан, лагерь; кружок, кайма’ в Алтайском словаре сопоставляется с Птунг. **kori* ‘сруб; клетка; хлев’, Птюрк. **Kur*- ‘строить, устанавливать’ [EDAL 745–746].

В п.-мо. *kerem* ‘стена; вал, насыпь’ [Kow. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрэм*, калм. *керм*, ойр. *керем* ‘крепость; крепостная стена; кремль’ возможно выделение признака ‘нечто ровное’, однако сопоставление его с производными от корня **qor* заставляет склониться в сторону мотивационного признака ‘нечто круговое’. В ольхонском говоре бурятского языка *хэрэм* выступает в значении ‘навес для скота’ [Бабуев, 1987, с. 35]. Ср. в т.-ма. языках: сол. *хэрэ* ‘огород’, нег. *кэјэн* [**кэрэн*] ‘изгородь, ограда, забор’, ульч. *кэрэ(н)* ‘изгородь, ограда; стойло; граница’ [ССТМЯ, 1975, с. 482]. Относительно тюрк. *керман/керман* ‘город; крепость, замок; лагерь, укрепленное место’ Л. С. Левитская наиболее вероятным считает

предположение о его производности от глагола *кер-* ‘отгораживать, загораживать’. «Исследователи признают генетическую связь тюрк. *керман* с монг. *kerem*, при этом одни ученые считают тюрк. и монг. лексемы прародственными, а другие относят монг. *kerem* к тюрк. заимствованиям» [ЭСТЯ, 1997, с. 53].

Корень **ker* в п.-мо. *keresge* [Kow. 2505], мо. *хэрсэг* ‘решетка вокруг чего-либо; перила; балюстрада’ позволяет выделить в качестве мотивирующего признак ‘круглый (о внутреннем пространстве)’ в ср.-мо. *ger* [НУ 17, SH, LH, IM, MA 170], пкл.-мо. *ger* [Tum. 405], п.-мо. *ger* [Kow. 2503], мо. *гэр*, бур. *гэр*, калм. *гэр*, ойр. *гэр*, орд. *ger*, мог. *ger*, даг. *geri*, *geř*, дунс. *gie*, бао. *gar*, *ger*, ж.-уйг. *ger*, мнгр. *ger* [EDAL 542] ‘юрта, дом; домашний очаг’. Верификации гипотезы в определенной мере способствует значение тюркской параллели: *гереге-кереге-керекү-керегү* ‘деревянная решетка, образующая стены юрты; нижняя деревянная часть юрты; шатер, юрта’, встречающаяся в наиболее ранних текстах⁵⁴. Однако следует отметить, что Э. В. Севортьян однозначно производит лексему к глагольной основе *гер-~кер-* ‘растягивать, распяливать’, «семантике которого это производное вполне соответствует тем более, что в составе значений названного глагола имеется ‘ставить, разбивать шатер’» [ЭСТЯ, 1980, с. 25]. Другая версия принадлежит Ц. Д. Номинханову, сравнивающему тюрк. *keresge* с калм. *kerä* ‘связь, привязь’ и *керх* ‘связывать вместе’, бур. *xerexe* ‘привязывать крест-накрест’, халх. *xerex* ‘сплести, связывать сплетением’ [Номинханов, 1975, с. 140]. Ср. также як. *кэриим* ‘круговой обход’, *кэриччи* ‘кругом, вокруг’.

3.1.4. ГП ‘нечто круглое, зияющее’

Развитие в ряде корней значения ‘нечто круглое, зияющее’ обусловлено образом раздувающихся ноздрей лошади, человека и др., связанным со звуком шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха (ср. рус. *фр-р! фырк-ать*): п.-мо. *sarlayi-*, мо. *сарлай-* ‘раздувать ноздри (о лошади)’; п.-мо. *sarsayar*, *sartayar* [Kow. 1337], *sarqayar*, мо. *сарсгар*, *сартгар*, *сархгар* ‘с широкими

⁵⁴ Чередование гласных *e/o* в данном слове дает *qoruy-a* ‘круг’.

ноздрями; зияющий'; п.-мо. *sarnaγar*, мо. *сарнагар*, бур. *харнагар*, *шарнагар*, баргуз. *горногор*, калм. *сарнһр* 'раздувшийся (о ноздрях); широкий; картошкой (о носе)', ойр. *сарниш*- 'раздуваться (о ноздрях)'; п.-мо. *serteb sertebki*- 'шевелить ноздрями во время улыбки' [Kow. 1374]; бур. *һурхы*- 'раздуваться'. Ср. эвенк. *сармака* 'ноздря; крыло носа' [ССТМЯ, 1977, с. 66]. Смягчение конечного [n] в бурятском языке меняет значение корня: *харнигар* 'дряблый', *харни*- 'обессилевать; разлагаться', баргуз. *һурниш*- 'становиться вялым, изнуриться' (*һурништаргаа хүдэлхэ* 'работать до упада'). Корень **sarn*/'*surm*' воспроизводит выдох от усталости, ср. русс. разг. *сдутся*.

Форма и размер ноздрей/носа также отражены в производных от корней с согласными [m/p] в анлауте: бур. *мархагар*, *мордогор*, *морногор* 'большой, крупный, картошкой', *мэрхэгэр*, *морхогор*, калм. *морхһр* 'с горбинкой'; *парнагар* 'большой, с раздутыми ноздрями', в то время как в бурятском литературном языке *парнагар* передает переносный признак 'опухший; глупый (о морде щенка)'; бур. *пирнагар* 'широкий книзу и вздернутый (о носе теленка)', *порногор*, *порхогор*⁵⁵ 'курносый и приплюснутый'. Ср. нег. *парга* 'глупый', нан. *фарга* 'глупый'; ма. *фартахун* 'разлзатый; широконосый; тупоносый, курносый'; *фортохон* 'горбоносый; тупорылый' [ССТМЯ, 1977, с. 34, 299, 301]. Как видно из примеров, в бурятском языке более развита система корней с сонантом [r], характеризующих форму ноздрей/носа.

В некоторых производных на базе значения 'круглый, зияющий' произошел семантический переход в 'пористый, рыхлый; легкий, прозрачный': п.-мо. *sarkii*-, мо. *сархий*- 'становиться дырявым; пористым, рыхлым'; п.-мо. *serjgir*, мо. *сэржгэр* 'легкий, неплотный; рыхлый, пористый, редкий'; бур. *һэрхигэр* 'прозрачный (о ткани), пористый, рыхлый'. Ср. эвенк. *саркама* 'рыхлый' [ССТМЯ, 1977, с. 66].

Наиболее ярко данный признак воплощается в п.-мо. *sarkiyay*, мо. *сархиаг* 'рыжик' (ср. сложное наименование рыжика *сархи өвс* 'досл. пористая

⁵⁵ Форма *порхогор* восстановлена на основе бурятской фамилии *Порхоноев*, от личного имени *Порхой* (> **porq* + *u* + *-nai*).

травя'). Бур. *harxiaγ* служит для обозначения родового понятия 'грибы', в то время как в халха-монгольском языке в этом значении используется лексема *mөөг*, заимствованная из китайского языка (кит. *mógu* 'гриб'). Признак 'рыхлый' проявляется в п.-мо. *sarkiy-a* 'горная цепь' [Less. 676], мо. *сархиа* 'пересеченная, овражистая, ухабистая местность; уст. плохие земли', ойр. *сархаг* 'бугристый, ухабистый'.

В значении лексемы п.-мо. *sarkinaγ* [Kow. 1338], мо. *сархинаг* 'соты пчелиные' на первый план выходит признак пористости, рыхлости. Он же реализуется в анатомическом термине п.-мо. *kerkineg*, мо. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг*, *хэрхинсэг* 'сетка (один из отделов желудка жвачных животных)', поскольку поверхность сетки тонкие кожные складки, образующие рисунок, который похож на увеличенные в десять раз пчелиные соты. Термин образует «тюрко-монгольскую изоглоссу с Птюрк. **Kerüik* 'сетка желудка'» [EDAL 670]. Ср. эвенк. *кэримэк* 'кишка прямая; брыжейка; внутренность желудка (животного)', эвен. *коримки~коромки* 'желудок; тонкие кишки' [ССТМЯ, 1975, с. 453], а также эвенк. *орик* 'сычуг' [ССТМЯ, 1977, с. 23].

Заметна звукоподражательная специфика фонетической структуры корня **kür*, проявляющаяся в его производных. Так, звук подающегося воздуха (*ху-р-р-х*) «слышен» в бур. *хүрхэ* 'кузнечные меха; горн' (также п.-мо. *kögerge*, мо. *хөөрөг*, бур. *хөөргэ*); *хүрхы-* 'раздуваться, вздыматься, подниматься; бухнуть'. Тюрк. *кө:рүк* 'мехи кузнечные; горн (кузнечный)' Г. Рамстедт считает заимствованием из монгольского, мо. *kögerge* он трактует как производное от **köwer-* – фактитатива к **köwe-*, но не называет значения последнего глагола. Л. С. Левитская предполагает, что это п.-мо. **köwer* 'раздувать' [ЭСТЯ, 1997, с. 118]. Отсюда бур. *хүрхигэр* 'просторный, огромный; емкий', *хүрхэгэр* 'раздувшийся; раскинутый', п.-мо. *kerkeyi-* 'гордиться, иметь притязание на какое-л. достоинство' [Kow. 2518], п.-мо. *körküger*, мо. *хөрхгөр* 'надутый, чванный'; бур. *һорхогор* 'надутый, высокомерный; нахохленный'.

Название молочного напитка ср.-мо. *körenge* [МА 224], п.-мо. *körüingge* ‘остаток для айрака для другого айрака; род дрожжей’ [Kow. 2640], мо. *хөрөнгө*, бур. *хүрэнгэ* ‘закваска; дрожжи; опара; фермент; кефир’, служащего в качестве закваски для молочной водки, возникло на основе образа ‘нечто вздымающееся, набухающее’. В дальнейшем в лексеме развился ряд переносных значений: ‘дрожжи; фермент; семена; имущество; достояние’ и др. По мнению Л. С. Левитской, «значения мо. *körüingge* сопоставимы с тюрк. *қор* ‘закваска; сбережения’» [ЭСТЯ, 2000, с. 71].

Связь с признаком ‘раздувающееся, пухнувшее’, на наш взгляд, восстановима и в ср.-мо. *öreme* [МА 329], пкл.-мо. *örm-e* [Tum. 512], п.-мо. *örm-e, örim-e* [Kow. 584, 589], мо. *өрөм*, бур. *үрмэ*, калм. *өрм*, ойр. *өрөм*, орд. *orto*, даг. *urum, urute*, ж.-уйг. *orom*, мнгр. *jermen, rmēn* [EDAL 1061] ‘пенка; пленка на жидкости; сливки; сметана’. Т. А. Бертагаев трактует значение данного слова как ‘нечто, находящееся наверху’, считая его звеном этимологической семантической линии ‘возвышение, подъем’ (ср. *ургах* ‘расти’) [Бертагаев, 1974А, с. 305]. Г. Рамстедт и М. Рясянен также вычленяли основу **örü* ‘верхнее’. Сибирские тюркские формы: тув. *өрөме*, тоф. *өрөме*, алт. *өрөмө* ‘сливки; пенки (с кипяченого молока); сметана’ В. И. Рассадин относит к монголизмам. По мнению же Б. И. Татаринцева, структура лексемы более объяснима исходя из тюркских языковых данных, поскольку *өрөме* может интерпретироваться как образование с аффиксом *-ма* от двухсложного варианта глагольной основы *өр-* ‘подниматься’, ср. кир. *өрү-* ‘ползать, двигаться вверх (массой)’ [Татаринцев, 2008, с. 412].

3.1.5. ГП ‘нечто надутое, пузатое’

Развитие данного признака стало возможным благодаря ономатомам *tard/terd*, передающим звук отпущенной туго натянутой тетивы, пружины и пр.: бур. *тэртэгэр*, калм. *тертхр* ‘напряженный, туго натянутый; упругий’, *тэртмы-* ‘туго натягиваться (например, о тетиве лука)’. В п.-мо. *tardai*, мо. *тардай* ‘хорошо сохранившийся, бодрый, живой (о стариках)’ восстанавливается образ крепкого, сильного человека, возникший на основе

звукоподражания *тэрд гэмэ* ‘подтянутый; натянутый (в данном случае об одежде человека)’.

Словообразовательное гнездо корней с глухим альвеолярным взрывным [t] в анлауте достаточно обширно. Ср.-мо. *taryun* [МА 341, LH], п.-мо. *taryan* [Less. 780] (> **tary/tarq*), мо. *тарган*, бур. *тарган*, калм. *тарһн*, ойр. *тарһан*, дунс. *таһун*, бао. *тарһоң* ‘жирный, тучный, упитанный, толстый, полный’; бур. *тархагар*, *тэрхэгэр* ‘приземистый; вздувшийся; пузатый (например, о кобылице)’; *тарзагар*, *тэрзэгэр* ‘пузатый и низкорослый’, *тэрбэгэр* ‘широкий, широкоплечий’; калм. *тарта*- ‘раздуваться’. Мо. *тарган* было заимствовано в нан. *таргѝ*, ма. *таргу~тарху~тархун* ‘жирный, полный’ [ССТМЯ, 1977, с. 168].

Признаки ‘пузатый, приземистый’ стали основой номинации в следующих словах: бур. *тарзадха* ‘пигмей’, *тархансаг* ‘карапуз’; п.-мо. *tarqanaγ*, мо. *тархнаг* ‘гильза’, бур. каб. *тараасха* ‘карась’; пкл.-мо. *tarbayan* [Tum. 573], п.-мо. *tarbay-a* [Less. 780], мо. *тарвага*, бур. *тарбага(н)*, ойр. *тарваһан*, орд. *tarwaGa*, даг. *tarbæg*, *tarbag*, *tarbug*; ж.-уйг. *tarvian*, мнгр. *törGa*, *tarbuGa* [EDAL 1405] ‘тарбаган; карлик’, калм. *тарвлһн* ‘сурок’; п.-мо. *tarci*, мо. *тарч*, калм. *тарч*, ойр. *тарчи* ‘самка тарбагана’. На алтайском уровне сопоставляется с Птунг. **targa* ‘бобер; тигренок’; Птюрк. **Tabirga* ‘кабарга’; Пяп. **tàtàkaí* ‘вид барсука, енотовидной собаки’. По мнению авторов EDAL, «корень обозначал мелких диких животных типа сурка или енота» [EDAL 1405]. Яркая изобразительная основа п.-мо. *torq-a*, мо. *торх*, бур. *торхо* ‘кадка, бочка⁵⁶’ позволяет выделить те же признаки в п.-мо. *torui*, мо. *торой*, бур. *торой*, калм. *torā*, орд. *torō* ‘поросенок (детеныш некоторых домашних животных)’ [EDAL 1464].

Форму губ человека характеризуют следующие адъективные формы: п.-мо. *ama dorbuyi*- ‘надуть губы (в гневе)’ [Kow. 1894]; п.-мо. *dorduyur*,

⁵⁶ По свидетельству Ц. Б. Будаева, лексемой *торхо* у бурят до революции назывались большие кожаные мешки, которой затем стали называть деревянные и берестяные кадки [Будаев, 1978, с. 228].

dorbuуur, čorbuуar, јorbуur, јurbayar, sördüger, мо. *дордгор, дорвогор, цорвогор, зорвогор, зурвагар, сөрдгөр*, бур. *дорбогор*, калм. *дорвһр*, ойр. *дорваһар* ‘оттопыренный, выпяченный, надутый’; калм. *дурдһр*, ойр. *дурдаһар*, бур. *дарьбагар, дурбигар* ‘отвислый’; бур. *шорбогор* ‘вытянутый’. Ср. эвен. *дурбан'а* ‘надутый, выпяченный (о губах)’, *дурдән-* ‘выпятить губы’, *дурдәнчи-* ‘выпячивать губы’ [ССТМЯ, 1975, с. 225].

Корни *čorb/dorb* восстанавливаются в соматизме п.-мо. *čorbu*, мо. *цоров* ‘верхняя губа (животных)’; орнитониме п.-мо. *čorbudai*, мо. *цоровдой* ‘славка рыжая’, фитониме п.-мо. *durbaliу*, мо. *дурвалаг* ‘тимофеевка степная’; а также в ряде названий артефактов: калм. *дорв*, ойр. *дорва* ‘торба’; п.-мо. *dorbuуи* ‘котлик с ручкой’ [Ков. 1894], мо. *дорвого* ‘котелок; фляга; сумка ламская’; п.-мо. *dorbung*, мо. *дорвон* ‘большая курильница перед храмом’.

Форма живота отражена в производных от корней, начинающихся на согласные [č]: п.-мо. *čardayi-* [Ков. 2113], мо. *цардай-*, калм. *царда-* ‘иметь большой живот; выпучиваться’; п.-мо. *čariytai*, мо. *царигтай* ‘упитанный, тучный (о скоте)’; п.-мо. *čerdeger*, мо. *цэрдгэр* ‘пузатый’, бур. *сэрдэгэр* ‘голый; наполненный’; п.-мо. *čüreger, čürdeger*, мо. *цүргэр, цүрдгэр* ‘с большим животом, пузатый; вздутый, вспученный’.

Растение п.-мо. *čürjeger*, мо. *цүрзгэр [улалж]* ‘осока вздутая’ названо так благодаря собранным на верхушке стебелька пузыревидным красно-оранжевых мешочкам, заполненным воздухом. На дне каждого мешочка находится маленький орешек, представляющий собой плод растения. Близки по семантике п.-мо. *čiryау*, мо. *чаргаг* ‘тесный, узкий’, п.-мо. *čiryауи*, мо. *чаргуу* ‘тугой’. Ср. ма. *чиргэ-* ‘ослаблять лук, снимать тетиву (с зарубок)’, *чирху-* ‘отдавать назад (о туго натянутом луке)’ [ССТМЯ, 1977, с. 399].

Рассмотрим производные от корней с инициальными [b/p]. К корню **bard*, давшему п.-мо. *bardayар*, мо. *бардгар*, калм. *бардһр*, ойр. *бардаһар* ‘толстый, неуклюжий; солидный’, также восходит прилагательное п.-мо. *bardam* [Ков. 1110], мо. *бардам, бардан*, бур. *бардам, бардаастай*, калм. *бардм*, ойр. *бардам*, даг. *bardan*, ж.-уйг. *bardam*, мнгр. *pardaη* [EDAL 330]

‘чванливый, кичливый’, значение которого развилось на базе ‘толстый; солидный’. Взаимосвязь признаков ‘надменный’ и ‘пухлый’, вероятно, обусловлена тем, что раньше, как правило, избыточным весом страдали лишь зажиточные люди. Чередование инициальных [b/m] наблюдается в бур. *мараа* ‘здоровый; большой’; п.-мо. *marıy-a*, мо. *мариа*, бур. *марьян*, ойр. *мараа* ‘полнота, пухлость’. Существительное п.-мо. *larjıy-a*, мо. *ларжаа*, бур. *ларжаа* ‘важность, высокомерие’ подразумевает то, что некогда существовала адъективная форма *ларжгар* ‘важный’.

Образное прилагательное образует сложное слово *бордгор буурцаг* ‘хлебный корм для скота (преимущественно бобы)’ (досл. ‘круглые горошины’). Тот же корень в п.-мо. *bordu-* [Kow. 1222], мо. *борд-*, бур. *бордо-*, калм. *борд-*, ойр. *бордо-* ‘утучнять; откармливать’, т.е. ‘округлять’. Значение ‘пухлый’ реализуется в названиях мелких животных: п.-мо. *borq-a*, мо. *борх* ‘бурундучок’, калм. *бард* ‘хомяк’, *бардай* ‘суслик большой’.

Для выделения мотивирующего признака в ср.-мо. *borbai* [MA 197], п.-мо. *borbi* [Kow. 1221], мо. *борви* ‘пяточное сухожилие, ахиллово сухожилие; кожаный бурдюк’, калм. *бөрв*, ойр. *бөрве* ‘подколенные сухожилия; кожаная фляга’, бур. *борьбо* ‘голень’ небезынтересно значение казахской параллели: «*борби-* ‘распухать (о суставах)’, *борбақ* ‘распухшее, мясистое лицо’» [Кайдаров, 1986, с. 194]. Ср. второе значение калм. *борва-*, ойр. *борваа-* ‘вздуться; разбухать’. Тур. диал. *борбай*, башк. *бурбай*, як. *борбуи* ‘пах; запястье; бурдюк’ Э. В. Севортян определяет как заимствования из монгольских языков [ЭСТЯ, 1978, с. 194]. Ма. *барба* ‘название сухожилия (голеностопного, идущего от пятки к сгибу колена)’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 95].

Значение корня **bort* ‘нечто округлое, короткое; цилиндрической формы’ выявляется на основе ряда производных: калм. *борта-* ‘выпучивать’; п.-мо. *bortuyı* [Less. 121], мо. *бортого*, бур. *бортого* ‘цилиндр; маленькое деревянное ведро, бадейка; шапка в виде тюбетейки у молодых замужних женщин; гильза, пустой патрон’, калм. *бортх*, ойр. *бортог* ‘кожаная фляга

(для молочной водки)’. Ср. каз. *борт* – подражание глухому стуку; хлопанию при ударе по предмету, обрыве натянутой веревки [Кайдаров, 1986, с. 195]. Наконец, только в бурятском языке выявлен подобный корень с согласным [p] в анлауте: *нурды-* ‘набивать желудок’.

Итак, в результате распределения лексики монгольских языков с корневым согласным [r], характеризующую форму объектов, по лексико-семантическим полям, нами выделено 5 генеральных признаков: ‘нечто торчащее’, ‘нечто ровное’, ‘нечто круглое, курчавое’, ‘нечто круглое, зияющее’ и ‘нечто надутое, пузатое’. Последние четыре реализуются с помощью следующих корней.

Таблица 9

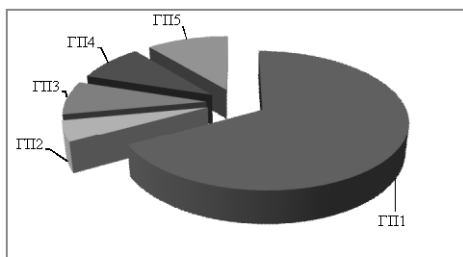
Типы корней, формирующих ГП 2-5

ГП ‘ровный’	ГП ‘курчавый’	ГП ‘зияющий’	ГП ‘пузатый’
<i>ers, erg, irm, kerč, kers, kerb, kir, kirj, kirγ, kirb, kirm</i>	<i>arj, erk, erg, or, urg, ürk, örg, örn, kerm, kers, qor, kür, kürg, ger, bor, bur, burj, burγ, purč, purg, pürč, narb, narm, ner</i>	<i>örm, čarm, šarn, sars, sarq, sark, sart, sarn, sarl, serj, serk, sert, sorn, sürk, sürn, kerk, kör, kürk, parn, pirn, porq, porn, marq, merk, morq, mord, morn</i>	<i>jorb, jurb, čard, čerd, čorb, čür, čürj, čürd, šorb, sörd, darb, dord, durd, dorb, durb, tarj, tarč, tarq, tarγ, tard, tart, tarb, terj, terg, tert, terb, torq, bard, borq, bord, bort, borb, pürd, mar, larj</i>

В связи с тем, что данные признаки восходят к разным ономотопам, соответственно различается и набор анлаутных согласных. Так, ГП ‘ровный’ в основном передается средствами корней с инициальным [k]. Лексемы с ГП ‘круглый, курчавый’ начинаются с согласных [b/p], [k/g], реже [n]. ГП ‘круглый, зияющий’ представлен корнями с согласными [s], [k], [m], [p] в начальной позиции. Наконец, ГП ‘пузатый’ располагает наибольшим количеством корней, начинающихся с согласных [d/t], [b/p], [jč/š/s]. Что касается ауслаута, то здесь позиции согласных не отличаются от таковых в ГП ‘остроконечный’.

Количество корней, формирующих все пять генеральных признаков, представлено в следующем соотношении.

Диаграмма 6

- ГП 1 ‘торчащий’ – 67 %
- ГП 2 ‘ровный’ – 5 %
- ГП 3 ‘курчавый’ – 8 %
- ГП 4 ‘зияющий’ – 9 %
- ГП 5 ‘пузатый’ – 11 %

В целом, фоносемантическое поле согласного [r], содержащее информацию о форме объекта, можно представить в виде следующей схемы.

Схема 1

Таким образом, наше исследование подтверждает мнение Л. Д. Шагдарова о том, что «идея объяснить происхождение большей части образных слов от звукоподражательных корней дает ключ к пониманию многих лексико-грамматических особенностей, объединяющих образные и звукоподражательные слова в единую категорию изобразительных слов» [Шагдаров, 1962, с. 9]. Мы убедились, что звуко-символическое значение рассмотренных в данной главе корней с доминантой [r], актуализирующих

информацию о форме объекта, является результатом семантической эволюции звукоподражательного значения.

3.2. Образные лексемы с доминантой [m]

Большая часть образных лексем с корневой доминантой [m], отображающих форму объекта, обязана своим происхождением неозначенному признаку – мимическому изображению открытого рта и объединена единым дифференциальным признаком: ‘нечто округлой формы’. Это подтверждает синестетическую теорию М. Бентли и Е. Вейрон, согласно которой в основе звуко-символизма лежат физические свойства звуков. «Открытый рот, выдвинутые вперед челюсти, сжатые губы, производят <...> значения, характеризующие произносимые звуки» [Bently, 1959, с. 86].

Неслучайно большое количество образных корней с согласным [m] в монгольских языках характеризует именно форму губ и рта:

1) *V+[m]*: бур. *омогор*, *оомогор* ‘с поджатыми запавшими губами’; п.-мо. *ömiiger*, мо. *өмгөр*, бур. *үмэгэр*, калм. *өмгр* ‘слишком маленький, уродливо маленький; суженный, почти закрытый, сжатый’; п.-мо. *итиγур* [Less. 875], мо. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький (об отверстии)⁵⁷’; калм. *үмгр* ‘поджатый (о губах); узкий, суживающийся’. Также бур.НУ *омсок* ‘губы’ [Рассадин, 1999, с. 143], ма. *омшоқо* ‘губа (верхняя двойная – заячья губа)’ [ССТМЯ, 1977, с. 18]. Как видно, значения корня **om* отсылают к образу рта, произносящего звук [o], корня **um* – к образу рта во время артикуляции гласного [u].

2) *C_{un}+V+[m]*: п.-мо. *йтегер*, мо. *жимгэр*, бур. *жимэгэр*, калм. *жџимһр*, ойр. *жџимгер* ‘сжатый, поджатый (о губах)’, орд. *жџит̄-*, мнгр. *жџити-* [EDAL 1016], п.-мо. *йтii-* ‘сжать, сдавить; зажать (рот)’ [Kow. 2349]; п.-мо. *готиγур* [Less. 961], мо. *хомгор* ‘что-л. имеющее отверстие с очень суженными

⁵⁷ Данные признаки применимы к п.-мо. *om*, мо. *ом* ‘ямочка для прикрепления верхней палочки шатра’.

краями; вогнутый, желобообразный, свернутый в трубочку'; калм. *хөмһр* 'впалый'; эвенк. *н'имин*- 'сжать рот, поджать губы' [ССТМЯ, 1975, с. 669].

3) тип $V+[m]+C_{aus}$: п.-мо. *атйуур*, мо. *амжуур* 'вогнутый внутрь, впалый'; п.-мо. *атсиуур* 'вогнутый, желобоватый' [Kow. 116], мо. *амцгар* 'плоскогубый'; п.-мо. *етсегер* 'имеющий верхнюю губу короткую' [Kow. 218], мо. *эмцгэр* 'имеющий заячью губу'; бур. зап. *амхагар*, калм. *амха* 'провал; беззубый'; п.-мо. *амтауар*, мо. *амтгар* 'впалый'; бур. *амһагар* 'разверстый, широко раскрытый (о дупле, рте)'; бур. *амтигар*, *амшагар* 'беззубый'; эвенк. *эмтикин* 'беззубый' [ССТМЯ, 1977, с. 451].

4) $C_{un}+V+[m]+C_{an}$: п.-мо. *домбуур*, мо. *домбогор* 'выпяченный (о губах)'; бур. *дамбагар*, *замбагар* 'толстый (о губах)'; п.-мо. *жамбиуар*, мо. *жамбигар* 'тонкогубый'⁵⁸; бур. *жэмхэгэр* 'сжатый, поджатый'; п.-мо. *жотбууар*, мо. *жомбогор*, бур. *жомбогор*, калм. *жөмбһр* 'выпячивающийся (о губах)'; п.-мо. *жотбууур*, мо. *шомбогор*, бур. *шомбогор* 'вытянутый; выпяченный (о губах)'; п.-мо. *шамсиуар*, мо. *шамигар* 'имеющий длинный подбородок; беззубый; вывороченный (о губах)', бур. *шамшагар* 'отвислый (о губах)'; п.-мо. *шамсиуар* [Kow. 810], мо. *хамигар* 'сплюснутый; впалый, ввалившийся (о старческом рте)'; п.-мо. *көтүкей*, мо. *хөмхий*, калм. *эмхэ*, ойр. *эмкээ* 'нижняя губа'.

Ср. в т.-ма. языках: орок. *жамбидда*- 'сморщиться'; эвенк. *мимир*; н- 'поджать губы', ма. *мими*- 'зажимать рот'⁵⁹, эвен. *митйңчи* 'морщиться; жмурить глаза'; эвенк. *коми* 'криворотый', уд. *хэмбиэм* 'скривив рот (при плаче)' [ССТМЯ, 1975, с. 340, 537, 409], нег. *таманчи*- 'сжать зубы'; эвенк. *тимнэ*- 'шевелить губами' [ССТМЯ, 1977, с. 159, 182].

Процесс смыкания губ отражен в названиях некоторых духовых музыкальных инструментов: п.-мо. *йтбиур* [Kow. 2350], мо. *жимбүүр*, бур.

⁵⁸ В примерах *замбагар* 'толстый' и *жамбигар* 'тонкогубый' видно, что в ауслауте [b] передает признак 'широкий', [b'] – 'узкий, тонкий'.

⁵⁹ Ср. корень **tim* в англ. *timic*, нем. *timisch*, чешск. *timický*, эст. *tiimiline* 'мимический', восходящих к греч. *mimikos* 'подражательный'.

жэмбүүр ‘дудка, свирель, рожок из тростника’ (ср. п.-мо. *ḡimbe-*, мо. *жимб-* ‘сжимать губы’); п.-мо. *атауаи* ‘свисток, свистулька, коею приманивают зверей и птиц на охоте’ [Kow. 97], мо. *амгай* ‘охотничий рог, вабик, рожок, манок (для приманивания оленя)’. Скорее всего, то же действие заложено в названии п.-мо. *limbi*, мо. *лимбэ*, бур. *лимбэ*, калм. *лимб*, ойр. *лимбе* ‘лимба, флейта’, хотя, по предположению Б. И. Татаринцева, оно имеет тибетское происхождение [Татаринцев, 2004, с. 438]. Источником звука в этих инструментах, представляющих собой полую трубку, служат колебания столба воздуха, вдуваемого ртом.

3.2.1. ГП ‘нечто круглое’

3.2.1.1. ‘нечто круглое, небольшое (об отверстиях)’

Как отмечалось выше, соматический термин п.-мо. *ата(n)* ‘рот, уста’ является по сути мимемой, воплощающей зрительнообразное представление закрывающегося рта: *[a]* передает образ открытого рта в момент произнесения данного гласного, *[m]* – образ смыкания губ при артикуляции данного согласного.

В EDAL отмечена Птунг. форма **амҗа* ‘рот, уста; отверстие’ [EDAL 297]. Также в т.-ма. языках функционируют семантически близкие: эвенк. *һэмун*, сол. *эммэ*, нег. *хэмун*, ороц. *хэму(н-)*, уд. *хэму(н-)*, ульч., орок. *пэму(н-)*, нан. *пэму*, ма. *фэмэн*, чж. *fū tūh* ‘губы’, эвен. *һэмүддь* ‘губа; край (стенки сосуда), борт (лодки)’ [ССТМЯ, 1977, с. 365]. Второе значение эвенской формы сопоставимо с ср.-мо. *amasar* [MA 100], пкл.-мо. *amasar* [Tum. 297], п.-мо. *amasar*, *amsar* ‘отверстие, жерло; устье’ [Kow. 97], мо. *амсар*, бур. *амһар*, дунс. *амасэ* ‘край отверстия; горлышко (посуды)’, представляющим собой результат субстантивации прилагательного, образованного от корня **ams* ‘нечто разверстое, раскрытое’.

В первую очередь со значением ‘рот’ по форме соотносим другой анатомический термин ср.-мо. *итай* [ЛН], пкл.-мо. *итай* [Tum. 601–602], п.-мо. *итай* ‘утроба матери, чрево; ложесна’ [Kow. 410], мо. *умай*, бур. *умай*, калм. *ома*, орд. *итā* [EDAL 1498] ‘утроба, чрево; матка’. К надежным

алтайским параллелям относятся Птунг. **ути* ‘дыра’, Птюрк. **(i)ат* ‘vulva’, Пкор. **ùтiк* ‘образовывать впадину, быть вогнутым’ [EDAL 599]. Пмонг. форму **(h)умaj* авторы EDAL вслед за А. М. Щербаком считают заимствованной из тюркских языков: от Птюрк. **умaj* ‘плацента, послед; богиня рождения’ [EDAL 1498]. Сол. *ом’ē* ‘утроба, матка’ < мо. [ССТМЯ, 1977, с. 17].

Следует отметить, что представления о богине *Умай* распространены среди всех народов алтайской языковой семьи, исследованию этимологии теонима посвящено немало этнографических, культурологических и др. исследований. Л. П. Потапов изучив функции божества *Умай*, выделил следующие значения термина в представлениях алтайских народов: женское божество, «богиня-покровительница» прежде всего детей; плацента (детское место, послед) и чрево матери. С плацентой и пуповиной, обозначаемыми этим термином, связаны представления о душе [Потапов, 1991, с. 284–293].

Т. Д. Скрынникова, рассматривая *умай* в качестве компонента лексемы *загалмай*, считает возможной связь с т.-ма. термином *оми*, обозначающим сакральную субстанцию солнечной природы, а также ее вместилище – антропоморфные фигурки из камня или глины [Скрынникова, 2009, с. 12].

Первозначением лексемы, на наш взгляд, выступает ‘vulva’, в дальнейшем трансформировавшееся в ‘утроба; матка’. Образная семантика подтверждается функционированием адъективной формы: п.-мо. *умагар*, мо. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький (об отверстии)’: *умгар амтай* ‘с маленьким ртом’, а также синонимичного термина мо. *умсаг* ‘влагалище’ [ОМТ, 1982, с. 51]. Если *ам* ‘рот’ отсылает к образу рта, произносящего гласный [a], то *умай* с узким огубленным гласным переднего ряда [u] номинирует более узкое отверстие, что свидетельствует об изобразительной валентности гласных⁶⁰.

⁶⁰ Ассоциативная связь между рассматриваемыми органами наблюдается на материале русского языка: *губы* → *половые губы*.

Гипервариативность гласных в сфере изобразительной лексики позволяет сопоставить ср.-мо. *eme* [НУ 29], *eme* [ИМ], *eme* [МА 153], пкл.-мо. *em-e* [Тум. 386], п.-мо. *em-e* [Ков. 213], мо. *эм*, бур. *эмэ*, калм. *эм*, ойр. *эме*, орд. *ете*, мог. *етта*, даг. *ете*, дунс. *ете*, бао. *ете*, ж.-уйг. *ете*, мнгр. *ити* [EDAL 504] ‘жена, женщина; самка’ с производными корня **ит*. В языках алтайской общности также восстанавливаются Птюрк. *ете* ‘самка; старуха’, Птунг. *emV* ‘теща, свекровь; самка; самка оленя, лося’, Пяп. *tía*, Пкор. *ámh* ‘женщина; самка’ [EDAL 504]. Ср. также эвен. *имни*, ороч. *блмини* ‘anus⁶¹’; эвен. *кэмэкэ* ‘влагалище’ [ССТМЯ, 1975, с. 213, 448], эвенк. *умигдэ* ‘самка (оленя, лося, кабана – молодая, упитанная)’, возможно, эвен. *омири* ‘важенка (у которой погиб теленок)’, нег. *умигдэ* ‘самка (лося, летом)’, орок. *умнэ* ‘самка оленя (трех лет)’, эвенк. *эмугдэ* ‘лосиха’, сол. *емó* ‘мать’, нан. *эмэ* ‘мать’, ма. *эмилэ* ‘самка птицы’ [ССТМЯ, 1977, с. 268, 271, 452].

Образ ‘нечто круглое’ мог эволюционировать в архаичной лексеме *ете* по следующей цепочке ‘нечто круглое’ > ‘vulva’ > ‘женщина’. Ср. бур. *хэмнэг* ‘зап. утроба (матери); анат. матка’. О данном первоначении корня косвенно свидетельствует наличие в монгольских языках существительного п.-мо. *emegetei* [Ков. 215], мо. *эмэгтэй*, бур. *эмэгтэй* ‘женщина’, в котором выделяется формант *-tei*, позволяющий перевести словоформу как ‘обладающая *emeget* (круглым)’, равно как и в *eregetei* ‘обладающий *ereget* (торчащим)’.

В современных языках ср.-мо. *emege* [НУ 29], п.-мо. *emeget*, мо. *эмэг* функционирует в значениях ‘бабушка, мать отца; женщина-предок’; пкл.-мо. *emege* [Тум. 386], п.-мо. *emege(n)* ‘бабка, бабушка; старуха’ [Ков. 214], мо. *эмгэн*, бур. *эмгэн*, калм. *эмгн*, ойр. *эмген*, орд. *emegeten*, даг. *emgin*, *emeget*, мнгр. *tigen* [EDAL 504] ‘старуха’, бур. *эмгэй* ‘вост. редк. бабушка’; п.-мо. *emegetcin* ‘самка (у птиц)’ [Ков. 215], мо. *эмэгчин* ‘самка; самка животных; матка’. В то же семантическое поле можно включить п.-мо. *sataγan* ‘старуха;

⁶¹ Чередование [b/m] позволяет выделить тот же признак в баргуз. *обдог* ‘лошадиный anus’.

женщина' [Kow. 1314], мо. *самган* 'диал. жена; старуха, женщина', бур. *хамган* 'жена; женщина (в противоположность девушке)', сел. *хамай* 'бабушка по отцу', калм. *самһн*, ойр. *самһан* 'старая женщина, старуха'. По предположению Ц. Н. Намжилон, сел. *хамай* развилось из составных слов *хайн маамаа*, *хай маамаа* (вариант с выпадением конечного согласного *н*) 'бабушка', бытующих в некоторых диалектах бурятского языка, в том числе у эхирит-булагатцев [Намжилон, 1987, с. 68].

П.-мо. *тегеј* 'четырёхгодовалая дикая свинья' [Kow. 2017], мо. *мэгжэ*, бур. *мэгэжэ*, калм. *мегжэ*, ойр. *мегжү* 'самка кабана, кабаниха; свиноматка', по ценному замечанию Ц. Хасбаатара, возникло от формы **emegejin* 'самка' в результате выпадения инициальной гласной [e], конечной гласной [n] и чередования *č/j* [Хасбаатар, 1999, с. 88].

Л. С. Левитская отмечает, что этимология тюрк. *кума* 'наложница; любовница; рабыня; жены одного мужа по отношению друг к другу; вторая жена; младшая жена' не выяснена. «Отсутствие слова в тюркских памятниках до XIV в., колебания анлаутного гуттурального (*к~г*) и гласного первого слога (*у~о*) как будто свидетельствуют о его нетюркском происхождении. Г. Дёрфер допускает возможность, что тюрк. слово восходит к монг. источнику, ссылаясь на ср.-мо. тексты (*quma* 'наложница')» [ЭСТЯ, 2000, с. 133–134].

3.2.1.2. 'нечто круглое, мелкое'

Признаки 'круглый, шарообразный, комкообразный, куполообразный' актуализируются в следующих корнях: **bomb/bömb/pömb/qomb/qumb/dumb*: п.-мо. *bombuуир*, мо. *бомбогор*, калм. *бомбһр*, ойр. *бомбаһар*; п.-мо. *bömbüger*, мо. *бөмбгөр*, бур. *бүмбэгэр*; п.-мо. *pömbüger*, мо. *пөмбгөр*; п.-мо. *qombuуир* [Less. 960], мо. *хөмбогор*; п.-мо. *qumbауар*, мо. *хумбагар*; п.-мо. *dumbауар*, мо. *думбагар*. Ср. каз. *көмере* 'саман круглой формы', *хөмпи-* 'вздуваться; взбухать' [Кайдаров, 1986, с. 228].

Среди производных с ярко выраженной образной семантикой следует отметить: п.-мо. *böt*, мо. *бөм* 'комоч, ком; кусок'; п.-мо. *bömbüge* [Kow.

1239], мо. *бөмбөг*, бур. *бүмбэгэ*, ойр. *бөмбеге* ‘мяч; шар’, калм. *бөмбг* ‘ядро’; п.-мо. *bömbüü*, мо. [*гижгэн*] *бөмбий* ‘мизинец ноги’, бур. [*бишыхан*] *бүмбөөдэй* ‘мизинец’; п.-мо. *bömbükei*, мо. *бөмбөөхий* ‘бот. пузырьчатка’; п.-мо. *bömbülig* [Kow. 1239], мо. *бөмбөлөг* ‘шар’; п.-мо. *bumbay-a*, мо. *бумбаа* ‘пузырь; помет’; калм. *бөмбэ* ‘дербет. кизяк овальной формы (приготовленный вручную)’; п.-мо. *bambai*, мо. *бамбай*, калм. *бамб*, ойр. *бамбаа* ‘щит, кольчуга’; бур. хорин. *бүмбэ* ‘небольшой медный кувшин’; п.-мо. *qomburai*, мо. *хомборой* ‘род игры в бабки, косточки’ и др.

Тюрк. *йумақ, йумгақ* ‘всякая свернутая и шарообразная вещь; клубок; круглый, шарообразный; итог, резюме’ Дж. Клосон рассматривает как производное с аффиксами *-ақ/-гақ* от глагольной основы **йум-* ‘катать, скатывать’ [СІ. 936а]. В т.-ма. языках функционируют эвенк. *бумбук*; ‘шарик (из теста), булочка’, уд. *бомбо* ‘шар’, нан. *бомбо-бомбо* ‘кругло, шарообразно’, ма. *бумбуку* ‘почка (растения)’, *бумбулча-* ‘вздуться, вспучиваться’; ороц. *камбо* ‘комком, клубком (свернуться)’; эвенк. *момбокто* ‘комок, шарик’ [ССТМЯ, 1975, с. 110, 370, 544], эвенк. *чумбуктэ* ‘шар; пузырь’ [ССТМЯ, 1977, с. 414].

К образу ‘нечто округлое’ отсылают: ср.-мо. *amdegan* [НУ 16], *öndüge* [ИМ], *ömdegen* [ЛН], *ömdiügen* [МА 276], пкл.-мо. *öndegen* [Тум. 510], п.-мо. *ümdegen*, *ümdügiin*, *ündegen* [Kow. 537, 540], *ondege(n)*, *omdege(n)*, *onduge*, *omduge* [Less. 636], мо. *өндөг*, бур. *үндэгэн*, калм. *өндгн*, ойр. *өндеген*, орд. *ondogo*, мог. *undaγōn*, даг. *enduge*, дунс. *endeGi*, бао. *ndegi*, мнгр. *ndige* [EDAL 1499] ‘яйцо’ и п.-мо. *im*, *im-a*, *nim* [Kow. 309, 663], мо. *им* ‘анат. яйцо, яички’. Авторы EDAL, восстанавливая Пмонг. форму **(n)im*, сопоставляют ее с Птунг. **nāma/*māna* (**māṇa*) ‘яичко (анат.)’; Птюрк. **jumur* ‘кишки, внутренности’, предполагая, что исторически корень мог отделиться от **jum-* ‘круглый’ и **jumurtka* ‘яйцо’, хотя внутренние контаминации неизбежны [EDAL 962]. Ср. ма. *шума* ‘шулята’ [ССТМЯ, 1977, с. 109], Пяп. *tāta* ‘шарик; яйцо’ [EDAL 1433].

Корни с сонантом [m] активно участвуют в образовании названий растений, имеющих клубни: п.-мо. *tömsü(n)*, *tömsü* ‘полевые плоды’ [Kow. 1924], мо. *төмс*, ойр. *төмсен* ‘картофель; луковица лилии сараны; анат. яйцо’, бур. *түмһэ(н)* ‘луковица растений; клубень’. В бурятском языке восстанавливается форма **түмнэ* ‘клубень’ на основе *түмнэтэ ургаса* ‘клубнеплод’ (досл. ‘растение с клубнями’). Ср. параллели: Птунг. **tōma* ‘назв. растения со съедобными корнями, похожими на картофель’; Птюрк. **tum-gu-* ‘водяной орех; кувшинка’; Пяп. *итэ* ‘картофель’, Пкор. *тáһ* ‘картофель, ямс’ [EDAL 1474, 586], а также орок. *иму* ‘картофель’ [ССТМЯ, 1977, с. 313].

П.-мо. *ömbüi*, *üimbe*, мо. *өмбө*, *үмбэ* ‘имбу; айва; момбин клубоносный’; п.-мо. *üimelji*, мо. *түмэлж [чавга]* ‘спаржа блестящая; спаржа клубеньковая’. П.-мо. *qatγar*, мо. *хамгар* ‘черемша (дикорастущий лук)’; п.-мо. *küimel* ‘полевой лук’ [Kow. 2610], мо. *хөмөл*, *хүмэл* ‘лук монгольский степной’ названы по округлой форме луковиц. С последней, на наш взгляд, сопоставим тюрк. фитоним *гүмүрен*, *көбирген* ‘дикий лук (трава), горный лук; дикий чеснок (трава)’, относительно этимологии которого известна версия М. Рясянена, производящего его от глагольной основы *köbür-* ‘пениться’ [Räs. 285b]. По форме, скорее всего, назван фрукт п.-мо. *nimbeg* [Kow. 663], мо. *нимбэг* ‘лимон’.

Признаки ‘мелкое, круглое’ также реализуются в следующих лексемах: ср.-мо. *jiṁiṣ* [ИМ, МА 206], пкл.-мо. *jiṁis* [Тум. 430], п.-мо. *jiṁis* [Kow. 2350], мо. *жимс*, бур. *жэмэс*, калм. *темсн*, ойр. *темсен* ‘плоды, фрукты, ягоды’; п.-мо. *jiṁisgen-e*, мо. *жимсгэнэ* ‘ягода, ягоды’. Ср. др.-тюрк. *jiṁis* ‘овощи, фрукты’. С мо. *jiṁi-gu-sun* М. Рясянен сопоставляет тюрк. *jiṁurt* ‘черемуха; рябина (плод)’, в современных языках *йымырт* [ЭСТЯ, 1989, с. 283]. По мнению Дж. Клосона, мо. *jiṁis* должно быть заимствованием, так как тюрк. *yétiṣ* представляет собой отглагольное образование от *yé*: ‘есть, кушать’, причем ни суффикс *-tiṣ*, ни сам глагол не встречаются в монгольских языках

[Клоусон, 1969, с. 39]. На наш взгляд, присоединение к основе **jit(i)s* древнейшего суффикса *-gene* все же указывает на автохтонность данной лексемы.

Ср. эвенк. *кэмпи* ‘рябина’, орок. *к;муктэ* ‘кислица, костяника’; ма. *намгин* – название плода (багрового цвета, кисло-сладкого) [ССТМЯ, 1975, с. 448, 581], возможно, *пāма* ‘шикша’; эвен. *сумууи* ‘шикша (ягода-водяница)’; эвенк. *тэмпуктэ* – название ягоды, похожей на землянику; эвен. *умт̄чан* ‘шикша’, ороц. *ун'укта* ‘сиква (ягода)’; эвенк. *һимиктэ*, эвен. *һ"ёмт̄* ‘брусника’⁶² [ССТМЯ, 1977, с. 33, 126, 234, 268, 325]. Примечательно, что авторы EDAL восстанавливают Птунг. **jet* ‘округлый, шаровидный’ (эвенк. *жэмбэмэ* ‘округлый (об орнаменте, вышивке закругленными линиями)’), нег. *жэңгэ-жэңгэ* ‘округло, шаровидно’), Птюрк. *jit* ‘круглый; клубок’, считая тюркско-тунгусскую изоглоссу выразительной, но не достаточно прочной [EDAL 1543]. К Птунг. форме **sum*, выведенной на основе эвен. *сумууи* ‘шикша’, ими дается интересная параллель Пяп. **sùt*- ‘вид сливы’ [EDAL 1291].

П.-мо. *јатир* ‘ягоды шиповника’ [Kow. 2293], мо. *жамар* ‘шиповник (плод); роза’, согласно Алтайскому словарю, относится к заимствованиям из маньчжурского языка [EDAL 392]. Ма. *чжаму* ‘светло-красный цвет персика, пунцовый; название плода красного и душистого, вкусом сладкого; шиповник; *rosa cinnamomea*’, *чжаму илха* ‘красные душистые розы; шиповник’, *чжамури орхо* ‘название растения: воловий язык, вологлюд с красным корнем, идущим для окраски в лиловый цвет’ [Захаров, 1875, с. 969], уд. *жамукта* [ССТМЯ, 1975, с. 247–248]. Наличие ульч. *омақта* ‘шиповник’, ма. *умпу* ‘кизил’ [ССТМЯ, 1977, с. 16, 268], восходящих к корням **ot/ut*, позволяет предположить, что в т.-ма. языках действовал тот же принцип номинации по форме и размеру плодов, что и в монгольских языках. При этом выделение мотивирующего признака ‘круглый’ в Птунг.

⁶² Ср. также *һимқан* ‘кольцо (для аркана из рога оленя)’ [ССТМЯ, 1977, с. 325].

жаму ‘шиповник’ подвергает сомнению приведенную в Алтайской словаре Пмонг. параллель **dom* ‘липа’ [EDAL 392].

Считать мо. *жамар* ‘шиповник (плод); роза’ маньчжурским заимствованием, на наш взгляд, не следует, поскольку в монгольских языках представлены фонетически близкие варианты, номинирующие розу и другие растения: п.-мо. *жатуар*, мо. *замгар* [цэцэг] ‘роза коричневая’, бур. *бамба* ‘роза’; п.-мо. *жамба* ‘проскурник’ [Kow. 2293], мо. *замба* [цэцэг] ‘низкокустарный крупный цветок’; мо. *жамба* [цэцэг] ‘просвирник маленький; мальва’; п.-мо. *жембеге* ‘дерево с чрезвычайно душистыми цветами’ [Kow. 2293], калм. *гумб* ‘гумбе (название цветка); круглый’. Словоформу *жамар* можно интерпретировать как субстантивированное прилагательное, подобное *замгар* ‘округлый; пушистый’.

Признак ‘мелкий, круглый’ следует выделить в п.-мо. *умаси*, мо. *уми* ‘зерна пороха’, калм. *уми*, ойр. *умиши* ‘крупинка, зернышко’; ср.-мо. *satur* [IM], п.-мо. *satur* [Kow. 1316], мо. *самар*, бур. *хамар* ‘орех, орехи’, сел. *хамархан* ‘кедровые орехи’; п.-мо. *цот-е*, *цотий*, *цотийге* [Kow. 2226], мо. *цөм* ‘косточка; ядро, зерно’, калм. *цөм* ‘кизил’, *цөмсн* ‘черемуха’ (о плодах); п.-мо. *цотүүлөнг*, мо. *цөмөөлөн* ‘яблоко с пятью косточками’; пкл.-мо. *цотурлий* [Tum. 356], п.-мо. *цотурлий*, мо. *цотурлиг* ‘почка, бутон; чашечка; нераспустившийся цветок; букет’. Фитоним п.-мо. *амбарай*, мо. *амбрай* обозначает растение, также носящее название *хурганы бөөр* ‘ягнячьи почки’, исходя из которого воссоздается образ растения с мелкими, круглыми плодами, по форме напоминающими почки ягненка. Ср. Птюрк. **цитур* ‘почки; лилия; шар, округлость, кулак’ [EDAL 447], в т.-ма. языках: нег *чимчуктэ*, ороц. *чимчиктэ*, ульч. *чимчиктэ*, нан. *чимчиктэ* ‘шишка (лиственницы, ели)’; эвенк. *чэмэ*, ороц. *чэмэ*, уд. *чэмэ*, орок. *тэммэ* ‘зерно, семя’, нан. *чэмэ* ‘зерно, ядро; ядро (ореха), орешек’ [ССТМЯ, 1977, с. 395].

Закономерное чередование аффрикат [ʃʧ] сближает *јimis* ‘ягода’ с субстантивом ср.-мо. *цитек* [MA 133], пкл.-мо. *цитег* [Tum. 353], п.-мо. *цитег*

[Kow. 2168], мо. *чимэг*, бур. *шэмэг*, калм. *чимг* ‘украшение, убранство, наряд’, отсылающим к образу ‘нечто мелкое и круглое (о бусинах)’. Ср. нег. *кумпкэн*, ульч. *кумпэ(н-)* ‘украшения (медные на женском переднике)’, ороц. *кумпэ* ‘украшения (металлические на женской одежде, нагруднике, шапке)’ [ССТМЯ, 1975, с. 431].

Ср.-мо. *qotaul* [SH], п.-мо. *qotul, qotuyul* [Kow. 934], мо. *хомоол* ‘лошадиный кал, помет’, калм. *хомһл* ‘перегной’ М. Рясянен сопоставляет с тюрк. лексемой *қумалақ* ‘лошадиный навоз; шарик; круглые камешки’, которую он считал производным от чаг. *kumal* ‘круглый’. Последняя форма, по мнению Л. С. Левитской, в свою очередь восходит к монгольскому источнику. «При любой трактовке *қумалақ* – образная основа со значением ‘нечто сжатое, свернувшееся; круглое’» [ЭСТЯ, 2000, с. 135]. В. Г. Егоров сравнивает чув. *кумал'ак, комал'ак, кумалек* ‘комки в киселе, каше; катыши, колобки (из толченого гороха или конопляного семени)’ с именами на *-лақ*, например, бушк. *тумалақ* ‘круглый’ [Егоров, 1964, с. 117].

К образу ‘нечто круглое’, несомненно, следует отнести ср.-мо. *tamya* [IM, MA 339], пкл.-мо. *tamy-a* [Tum. 571], п.-мо. *tamaya* ‘печать (казенная, гербовая)’ [Kow. 1643], мо. *тамга*, бур. *тамга*, калм. *тамһ*, ойр. *тамһ* ‘печать, штемпель, штамп; клеймо, тавро’; пкл.-мо. *temdeg* [Tum. 579], п.-мо. *temdeg* [Kow. 1730], мо. *тэмдэг*, бур. *тэмдэг*, калм. *темдг*, ойр. *темдег* ‘примета, признак; метка; сигнал’; п.-мо. *im*, мо. *им*, бур. *эмь* ‘знак, клеймо; метка на ухе в виде разных надразов’. Известно, что тамги имели форму простейших геометрических фигур как наиболее удобные для вырезания или выжигания. Т. А. Бертагаев, доказывая монгольское происхождение лексемы *тамга*, сопоставлял указанные словоформы, опираясь на возможность чередования корневых гласных *а/э* и приводя в качестве свидетельства парное использование лексем в монгольских словарях: *им тамга* у А. Лувсандэндэва и *тамга тэмдэг* у Я. Цэвэла [Бертагаев, 1971, с. 102]. Г. Дёрфер вслед за В. Бангом считает тюрк. *tamya* ‘знак собственности рода, тавро, клеймо’ реликтом дотюркской цивилизации. Относительно

этимологии лексемы известна версия Л. С. Левитской, предполагающей возможную относительно позднюю семантическую связь *tamya* с *tau* ‘клеймо’ ← перс. *tam-* ‘загораться’ [СИГТЯ, 2001, с. 330].

В т.-ма. языках привлекают внимание формы: эвенк. *с̄амэлкб*, эвен. *hāmун* ‘метка; знак; клеймо (на ухе животного)’, орок. *самалки* ‘с приметой, отметиной’, эвенк. *hим* ‘метка, тамга, клеймо’ [ССТМЯ, 1977, с. 61]. Данный семантический ряд могут продолжить названия отметин на теле человека: родинки, пятен, болячек. Название болезни п.-мо. *qatayи* [Kow. 803], мо. *хамуу(н)*, бур. *хамуу*, калм. *хаму*, ойр. *хамуу* ‘лишай, парша, чесотка’, п.-мо. *namasu(n)* ‘лишай на лице’, *namirsun* ‘лишай’ [Kow. 616], мо. *намс яр* ‘прыщ, прыщи на лице’, по всей видимости, связаны с тем, что бляшки лишая, как правило, имеют округлую или овальную форму (бур. *хүрээтэй байдаг* ‘досл. имеет ограду’).

Тот же корень **qat* прослеживается в тюрк. *қамчав*, *қамчағу* ‘сыпь, вызывающая зуд (на глазах, губах); мокрая болезненная болячка, язва; лишай; чесотка’. «Форма является отглагольным именем, образованным от *қама-/қам-*, видимо, идентичной башк. диал. *қама-* ‘болеть’ и п.-мо. *хама-* ‘быть чесоточным’, хак. *ханса-* ‘болеть (о животном)’, саг. ‘болеть (о человеке)’» [ЭСТЯ, 1997, с. 247]. Ср. як. *кӓм* ‘пятно на теле, замета’, леб. *кӓм* ‘родимое пятно’ [ЭСТЯ, 1997, с. 35], ма. *самха* ‘родинка, пятно (родимое – черное или красное, в виде точки)’ [ССТМЯ, 1977, с. 61].

В тюркских языках также распространены сингармонические варианты: *дэмрев°*, *демрегү*, *демретги* ‘лишай; вид кожного заболевания, экзема; пятна на теле; лишайник; болячки на теле’, в которых корень **dem* сопоставим с **tem* в мо. *temdeg* ‘печать’. Э. В. Севортян поддерживает схему морфологического анализа формы *temregii* у Дж. Клосона, которую автор квалифицирует как отглагольное существительное от **temre:-*, в свою очередь образованного от *temir* ‘железо’. По версии Дж. Клосона, кожная болезнь лишай названа словом *temregii* вследствие того, что кожа человека при этой болезни покрыта словно ржавчиной [ЭСТЯ, 1997, с. 190]. Сюда же,

по всей видимости, следует отнести Птюрк. **sēmi* ‘прыщ на лице’, Пяп. **sími* ‘оспина, веснушка; пятно’, Пкор. **sām* ‘пятно (в глазу); бородавка, родинка’ [EDAL 1229].

Значение ‘нечто круглое, небольшое/мелкое’, развившееся на основе образа открытого рта, в рассмотренных выше примерах целесообразно признать первичным. Модификациями данного признака можно считать признаки: ‘продолговатый’, ‘выпуклый’, ‘вогнутый’, ‘изогнутый’.

Признак ‘продолговатый’, в первую очередь, воплощается в производных от корней **dom/domb*: п.-мо. *domu, dombu* ‘металлическая чашка, в которую ставится чайник; чайный сосуд; чайник’ [Kow. 1861, 1864], мо. *домбо(н)* ‘кувшин (для чая), чайник (продолговатой формы); продолговатый’, бур. *домбо* ‘сосуд с носиком’, калм. *домб* ‘кувшин, высокий чайник’, ойр. *домбо* ‘высокий чайник без носика’; п.-мо. *dombunčir*, мо. *домбонцор* ‘баллон’.

Рассматриваемый признак восстанавливается в названии струнного щипкового музыкального инструмента – домра (п.-мо. *domu, dombura* ‘калмыцкий музыкальный инструмент, напоминающий лютню’ [Less. 253], мо. *домбор, доомбор*, бур. *домбро*, калм. *домбр* ‘домбра, балалайка’; каз. *домбыра*, башк. *думбыра*, узб. *думбыра, думбрак*, тадж. *думбурак*). Название инструмента представляет собой результат субстантивации прилагательного *домбор* ‘продолговатый, округлый’, поскольку корпус домры, как правило, круглого или овального очертания, плоский со стороны струн и выпуклый с противоположной стороны.

Признаки ‘выпуклый; вогнутый’ могут проявляться как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. Признаки ‘выпуклый, выступающий’ реализуются в следующих формах: п.-мо. *tombuγur, tumbaγar, tiimbeger*, мо. *томбогор, тумбагар, түмбэгэр*; п.-мо. *yombuγur*, мо. *ёмбогор*, бур. *дүмбэгэр, ёмбогор*; п.-мо. *utbaγar*, мо. *умбагар*, п.-мо. *diimbüyi-*, мо. *дүмбий-* и др. Ср. Птюрк. **tom-* ‘круглый, выпуклый; шарик, кольцо; кувыркком; толстый, пухлый; пухнуть, вздуться’ [EDAL 1457]: каз. *томнай-* ‘возвышаться, становиться выпуклым’, *томпақ* ‘выпуклый; выпуклость, желвак’; каз.

təmpeſiik ‘бугорок, кочка’; *dəmpti-*, *dumpti-* ‘выступать в виде горки, округленного предмета’ [Кайдаров, 1986, с. 286, 203], як. *tomtoi-* ‘возвышаться, вздуться’, *tomtor* ‘холм, бугор’, эвенк. *tomtorbn* ‘возвышенный; выпуклый’ [ССТМЯ, 1977, с. 197]; *йумры-йумур* ‘выпуклый; вздутый, опухший; круглый; изогнутый; желвак, нарост’ [ЭСТЯ, 1989, с. 249] и др.

Образ выступающей над поверхностью земли горы обусловил развитие значения ‘большой, крупный, рослый’ в корне п.-мо. *tom* [Less. 823], мо. *том*, бур. *томо*, калм. *том*, ойр. *томо*; калм. *дүмбр* ‘величавый, величественный’. Значения прилагательного п.-мо. *tömbüger*, мо. *təmbəgər* ‘выпуклый, пузатый, видный (о вершине горы)’ показывают, каким образом происходит контаминация значений ‘выпуклый // большой’. Исходя из значения глагола п.-мо. *nömiilge-* ‘складывать на кучу без порядка, взгромождать’ [Kow. 698], мо. *нөмий-* ‘громоздиться’ восстанавливается базовое значение корня **nöt* ‘нечто громоздкое, возвышающееся’. Значение ‘большой, крупный’ также может выражаться с помощью корней **amb/šamb/qam*. Так, в бурятском языке *амба* ‘большой, крупный’: *амба томо сар* ‘крупный бык’, баргуз. *амбаал* ‘здоровый, дюжий (о мужчине)’; п.-мо. *šambai*, мо. *шамбай*, бур. *шамбай* ‘крепкий, плотный, сбитый’; п.-мо. *qamiyal*, мо. *хамиял* ‘нормальный тучный (о животных); молочная корова’.

Благодаря признаку ‘выступающий, выдающийся вперед’ возник термин ср.-мо. *omori’ut* [SH], п.-мо. *omirui* [Kow. 413], *omirui(n)*, *omirui* [Less. 611], мо. *омруу* ‘ключица; грудная кость; грудина, грудь (лошади, мула, птицы); отвислая кожа на груди (у рогатой скотины)’, бур. *оморюу(н)*, *умарюу(н)* ‘грудина (лошади)’, калм. *омрун*, ойр. *омруун* ‘грудь; выступ горы’, орд. *umirū*, *omirū* ‘часть груди, расположенная непосредственно под горлом’, мнгр. *muršdaG* ‘адамово яблоко’⁶³ [EDAL 1052]. А. В. Дыбо

⁶³ П.-мо. *töbeng*, *töbüng*, *töbengke*, *töbüngke* [L 843], мо. *төвөн*, *төвөнх*, бур. *түбэнги* ‘кадык, адамово яблоко’ также отсылает к образу ‘нечто выступающее бугром’: мо. *төвгөр* ‘неровный, с выступами, кочками’, *төвий-* ‘вздуться, вспучиваться’, *төв* ‘центр’.

восстанавливает праформу соматического термина **omuriγ-un*, в которой на -*iγi*- с определенностью указывает бурятская форма [Дыбо, 1996, с. 220].

Термин *омруу* сопоставляется с аналогичным в тюркских языках: *одрав* ‘передняя часть груди (у лошади); ключица; спинной хребет’. «Корневой основой *одрав* и *омуз* ‘плечо; спинка; грудь коня’ правомерно считать *от* и *оти*, которые в современном турецком литературном языке означают ‘выступающая, выпуклая, округлая часть ч.-л., особенно костей’. В турецких диалектах *ота* означает ‘лобковая кость, лобок; лодыжечная кость; крупная кость; оконечность берцовой кости; крестец; ключица’ [ЭСТЯ, 1974, с. 453–454]. В. И. Рассадин рассматривает п.-мо. *оториш* как адаптацию ротацирующей формы тюркского названия ‘плеча; спины, холки коня, груди коня’ (турк. *омуз*) [Рассадин, 2010, с. 36].

Признак ‘выступающий’ прослеживается также в бур. *омог* ‘соколок (в мясной туше)’, калм. *омг* ‘мыш’; п.-мо. *umadaγ* ‘подбрюшина’ [Kow. 411], мо. *умдаг*, калм. *омадг* ‘лобок, лобковая кость; нижняя часть живота’. Ср. уд. *бомбоктоуи* ‘лобок’ [ССТМЯ, 1975, с. 94], эвенк. *омкото*, нег. *омкото* ‘лоб’, эвен. *омқът* ‘большелобый, лобастый’; эвенк. *тимбур*;; *тимпур*; ‘безрогий (олень)’, *тимпулб* ‘лысый, гладкий (о голове)’; *тэмпсэ* ‘коленная чашечка’; *тэмпури* ‘олень (безрогий)’ [ССТМЯ, 1977, с. 17, 182, 234].

Исходя из фоносемантического потенциала согласного [m], можно попытаться восстановить образ ‘нечто выпуклое (о горбах)’, либо ‘нечто изогнутое (о спине животного)’ в ср.-мо. *teme'en* [SH], *temejen* [HY 11], *temē* [IM], *temee* [LH], *temēn* [MA 344], пкл.-мо. *temege:(n)* [Tum. 580], п.-мо. *temege(n)* [Kow. 1726], мо. *тэмээн*, бур. *тэмээ(н)*, калм. *темэн*, ойр. *темээн*, орд. *temē(n)*, мог. *temə*, даг. *temē*, ж.-уйг. *temen*, мнгр. *timēn*, *təmēn* [EDAL 1424] ‘верблюду’. По убеждению Г. Дёрфера [1965, с. 671], А. М. Щербака [1997, с. 154], В. И. Рассадина [2010, с. 32], лексема *temegen* заимствована из тюркских языков. И. В. Кормушин отмечает, что в мо. *temegen* инлаутное [m] могло развиваться только из [b] под воздействием конечного [n];

следовательно, монголы заимствовали название верблюда в форме **tebe*, к которой добавлен монг. суффикс *-gen* [СИГТЯ, 2001, с. 446].

Авторы EDAL, сопоставляя *temegen* с Птунг. **tibɣa* ‘олень-самец, лось’, Птюрк. **debe* ‘верблюды’, отмечают, что версия о заимствовании в монгольские языки из тюркских не может быть поддержана [EDAL 1424–1425]. В п.-мо. *temeger*, мо. *тэмгэр [амьтан]* ‘буйвол быстроногий’ также можно в качестве ведущего восстановить признак ‘изогнутый’ (о спине). В п.-мо. *tumbai*, мо. *тумбай* ‘трехлетняя корова’, по всей вероятности, речь идет об округлых боках животного, ср. мо. *тумбай-* ‘становиться округлым, выпуклым’, а также ма. *тумпана-* ‘разжиреть’ [ССТМЯ, 1977, с. 213].

Н. Н. Поппе рассматривает лексему п.-мо. *temeljgene* ‘богомол, толстая крылатая кобылка’ [Kow. 1725], мо. *тэмээлзгэнэ* ‘стрекоза; долгоножка’ как производное от конкретного субстантива *temege*, считая, что название дано из-за размера насекомого [Porre, 1981, p. 386]. Мо. *тэмээлжин хяруул* или *тэмээн хяруул* ‘страус’, очевидно, представляет собой кальку латинского названия страуса *Struthio camelus*, что в переводе с греческого означает ‘воробей-верблюд’, данного по внешнему сходству верблюда и страуса. Правда, в качестве второго компонента в монгольских языках использовалась лексема, также участвующая в образовании сложного орнитонима *цацагт хяруул* ‘индюк’, где *цацагт* имеет значение ‘с хохолком’. П.-мо. *kirayul* [Less. 470], мо. *хяруул* восходит к звукоподражательному корню **kir*, передающему звуки, издаваемые как индюком, так и страусом. Известно, что во время брачного сезона страусы издают слышимый даже на большом расстоянии гулкий рык.

П.-мо. *qom*, мо. *хом*, калм. *хом* ‘жировые отложения в верблюжьей горбу’ сопоставимо с «каз. *қом* ‘спинной жир (у верблюда)’, *қомти-* ‘вздуться, иметь неуклюжий вид’» [Кайдаров, 1986, с. 246]. Ср.-мо. *qom* [MA 301], п.-мо. *qom* [Kow. 934], мо. *хом*, бур. *хом*, калм. *хом*, ойр. *хом* ‘верблюжье седло; хомут’, согласно В. И. Рассадину, являются адаптацией др.-тюрк. *qom* id. < пратюрк. **qom* id. [Рассадин, 2010, с. 33]. Б. И. Татаринцев отмечает, что

«семантика изделия (артефакта) вторична по отношению к значению ‘часть тела’ и является результатом метонимического переноса наименования. В данном случае явно вторичная семантика фиксируется в более древних источниках, что в принципе допустимо <...> По своему происхождению тюрк. *ком* связано с образной основой **ком*, означающей ‘нечто выпуклое, выступающее над чем-л., громоздкое, большое по размеру, полное’» [Татаринцев, 2004, с. 189, 190].

В форме верблюжьей спины улавливается сходство с изогнутой формой седла, поскольку ленчики всех седел, как правило, имеют вогнутый профиль: ср.-мо. *eme'el* [SH], *amal* [IM], *emēl*, *em[ē]l* [MA 139, 154], *imēl* [LH], *jetējil* [Lig.VMI], пкл.-мо. *emege:l* [Tum. 386], п.-мо. *emegel* [Kow. 243], мо. *эмээл*, бур. *эмээл*, калм. *эмал*, ойр. *эмээл*, орд. *emēl*, мог. *emōl*, *jamāl*, *jamal*, даг. *emēl*, *emele*, бао. *emel*, ж.-уйг. *emel*, *emēl*, мнгр. *imer*, *imel* [EDAL 506] ‘седло’, сопоставляемое с Птюрк. **ēdhe-r* ‘седло’ [EDAL 506]. Ср. эвенк. *н;мэ* ‘седло (верховое, оленье)’, нег. *нāmэ* ‘седло (верховое)’, орок. *н;мэ* ‘седло (верховое, мужское и женское)’ [ССТМЯ, 1975, с. 621], нег. *тmкан*, ороц. *тmбуа*, ульч. *тmбу*, орок. *чимбо*, нан. *чямбоā* ‘дуга (у нарты); дуга’; эвенк. *томо* ‘седло; ленчик (деревянная основа седла); лука (седельная)’ [ССТМЯ, 1977, с. 172, 196].

Гипотеза об образном происхождении ср.-мо. *пити* [SH, IM], *питип* [HY 18, LH, MA 261], п.-мо. *питу(n)* [Kow. 689], мо. *нум*, калм. *нум* ‘лук; смычок’, бур. *номо*, ойр. *нуман*, орд. *пити*, даг. *пет*, ж.-уйг. *пэтэп*, мнгр. *лити*, *пити* [EDAL 876] ‘лук’ верифицируется функционированием адъективной формы п.-мо. *питалjп*, мо. *нумалжсин* ‘дугообразный’. Пмонг. **лити* сопоставляется с «Птунг. **liam* ‘лук; стрелять’, Птюрк. **jim*, Пяп. *dùtì* ‘лук’» [EDAL 876].

Перечень корней, отсылающих к образу ‘нечто круглое; выпуклое; изогнутое’, дан в следующей таблице.

Таблица 10

Типы корней, передающих ГП ‘круглый’

<i>C_{un}/V</i>	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>

∅	<i>am, amj, amč, amq, amt, amb</i>	<i>em, emč</i>	<i>im</i>	<i>om, um, umb</i>	<i>üm, ömd, ömb, ümb</i>
<i>y</i>	–	–	–	<i>yomb</i>	–
<i>j</i>	<i>jam, jamb</i>	<i>jemk, jemb</i>	<i>jim, jims, jimb</i>	<i>jomb</i>	–
<i>č</i>	–	–	<i>čim</i>	–	<i>čöm</i>
<i>š</i>	<i>šamš, šamb</i>	–	–	<i>šomb</i>	–
<i>s</i>	<i>sam</i>	–	–	–	–
<i>q/k</i>	<i>qam, qamp, qamš</i>	<i>kem, kemk</i>	<i>kims</i>	<i>qom, qumq, qomb, qumb</i>	<i>köm, küm, kümb</i>
<i>γ/g</i>	–	–	–	<i>γom</i>	–
<i>d</i>	<i>damb</i>	–	–	<i>domb, dumb</i>	<i>dümb</i>
<i>t</i>	<i>tam</i>	<i>tem</i>	–	<i>tom, tum, tomb, tumb</i>	<i>tüm, töms, tümb, tümp</i>
<i>b</i>	<i>bam, bamb</i>	–	–	<i>bomb, bumb</i>	<i>böm, bömb, bümb</i>
<i>p</i>	–	–	–	–	<i>pömb</i>
<i>m</i>	–	–	–	–	–
<i>n</i>	<i>nam</i>	–	<i>nimb</i>	<i>num</i>	<i>nöm</i>
<i>l</i>	–	–	<i>limb</i>	–	–

Без анлаутного согласного функционирует 22 % морфем. Одинаковы показатели инициальных согласных $[y/j/č/š/s]$ – 20 %, по 19 % образуют корни с $[q/k/\gamma/g]$ и $[t/d]$. На долю корней с инициалями $[b/p]$ приходится 10 %, на последнем месте по продуктивности корни с $[n/l]$ с 6 %.

27 % корней выступает без расширителя, в качестве финали активны согласные $[b/p]$ – 27 %. Далее следуют согласные $[j/č/š/s]$ – 11 %, $[q/k/\gamma/g]$ – 8 % и $[t/d]$ – 7 % корней рассматриваемой группы.

3.2.2. ‘нечто остроконечное’

В поле с согласным $[m]$ также зафиксированы случаи энантиосемии. Примечательна экспликация не характерного для данного согласного признака ‘остроконечный’ в п.-мо. *čötmčeger*, мо. *цөмцгэр* ‘возвышающийся, торчащий’; п.-мо. *šumayai* [Kow. 1541], мо. *шумгар, шуумгар* ‘острый, конусовидный’; п.-мо. *šömiüger, šömbüger*, мо. *шөмгэр, шөмбгэр*, бур. *шүмэгэр, шүмбэгэр* ‘конусообразный; остроконечный, острый’. Менее ярко эти признаки выражены в п.-мо. *čotuiur, čombuiur*, мо. *цомгор, цомбогор* ‘толстый; пузатый внизу и суживающийся кверху’; п.-мо. *čotšuiur*, мо. *цөмцгор* ‘пузатый, надутый внизу и суженный кверху’; бур. *жүмбэгэр*

‘продолговатый, овальный’, п.-мо. *jūmbüü*, мо. *жүмбүү* ‘вострец лесистый’; п.-мо. *sumayan, subayan* ‘продолговатый’ [Kow. 1403].

Развитие противоположного значения стало возможным благодаря образу не столько вытянутых вперед губ человека, сколько острой морды животного: в бурятском языке *шүмэ-шүмэ* говорится о движении кого-л. остромордого или чего-л. остроконечного; ср. два значения бур. *шомбогор* ‘выпяченный (о губах человека); острый (о морде животного)’. Таким образом, признак ‘остроконечный’ возник благодаря мимеме *šüm/üm/iin*, обозначающей принюхивание к чему-л.: ср. калм. *үмс-* ‘целовать, поцеловать’; п.-мо. *iinüs-*, мо. *үнс-* ‘целовать; нюхать, чувствовать запах’, бур. *үнэсэ-, үнэдэ-* ‘обнюхивать, нюхать’.

Корни дали ряд орографических терминов: калм. *цомүһр* ‘высота, возвышенность’; п.-мо. *čotčiy*, мо. *цомцог* ‘купол’; п.-мо. *čimčasu*, мо. *цумцас* ‘выступ’, калм. *цумг* ‘холмик’; п.-мо. *čümčisü*, мо. *цүмчис* ‘горка с остроконечной вершиной’. Ороним *Шумак* в Тункинских гольцах представляет собой результат топонимизации прилагательного *шуумаг* ‘острый, конусовидный’.

В ср.-мо. *süme* [MA 329], пкл.-мо. *süme* [Tum. 557], п.-мо. *süm-e* [Kow. 1430], мо. *сүм*, бур. *һүмэ, сүмэ*, калм. *сүм*, ойр. *сүме* ‘храм, церковь; дворец’ также прослеживаются признаки ‘нечто остроконечное; возвышающееся, величественное’. Близок по семантике корень **sünd*, давший п.-мо. *sünder*, мо. *сүндэр* ‘что-либо величественное; пирамида; масса’. В Алтайском словаре даны параллели: Птунг. **samā-n* ‘шаман; Пяп. **sümiá-* ‘император’, которые «кажутся привлекательными, но гласный переднего ряда в монгольских языках требует особого разъяснения» [EDAL 1208–1209]. Как видно, мотив номинации в представленных Птунг. и Пяп. формах не совпадает с выделенным нами мотивом в Пмонг. **süme* ‘храм, кумирня’.

Рассматриваемые признаки послужили основой для номинации некоторых артефактов: п.-мо. *čоти* ‘кубок, чарка с узким горлышком’ [Kow. 2208], мо. *цом* ‘кубок, чарка, бокал’; п.-мо. *čотiy-a*, мо. *цомоо* ‘маленькая кружка

(глубокая)’. В т.-ма. языках: эвенк. *чомко* ‘стакан; посуда (чайная); чашка, миска’, сол. *сосо* ‘чарка’; ма. *чоман*, *чомо* ‘чарка для вина (глубокая, суженная кверху)’ [ССТМЯ, 1977, с. 406].

Таким образом, семантический континуум, создаваемый с помощью корневой согласной [m], также поддается достаточно четкому структурированию. Структура семантического пространства корней с согласным [m], отражающая зрительное восприятие формы объекта, выглядит следующим образом.

Схема 2

Степень продуктивности анлаутных и ауслатных согласных в корнях с доминантами [r] и [m], передающих основные признаки ‘остроконечный’ и ‘круглый’, продемонстрирована в следующих диаграммах.

Диаграмма 7

C_{un} в корнях с $C_D [r]$

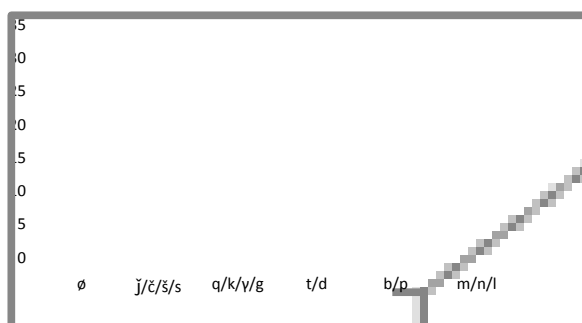
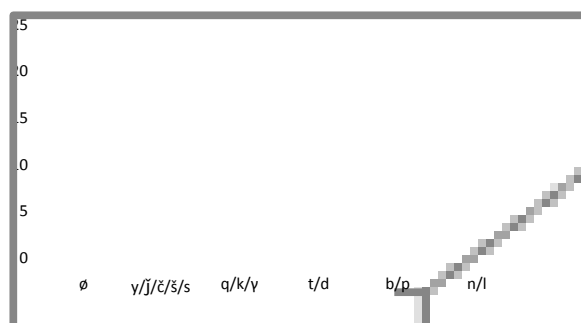

Диаграмма 8

C_{un} в корнях с $C_D [m]$

Как видно, дрожащий [r] наиболее часто встречается в анлауте с аффрикатами и спирантами. В два раза ниже активность смычных согласных, наконец, самый низкий процент обеспечивается сонантами. Что касается доминанты [m], то она примерно в равной степени сочетается со всеми типами инициальных согласных, за исключением сонантов.

Диаграмма 9

C_{aus} в корнях с C_D [r]

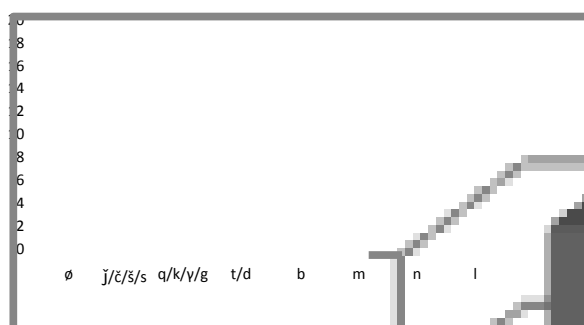
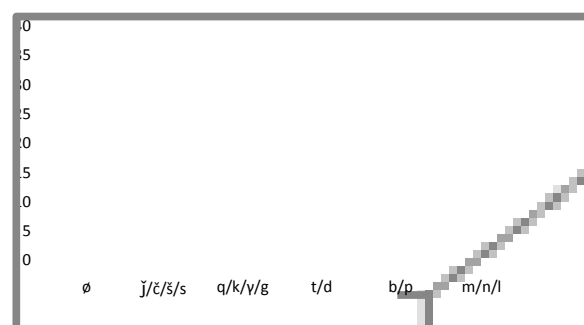

Диаграмма 10

C_{aus} в корнях с C_D [m]

Данные диаграмм 9-10 свидетельствуют о том, что согласный [r] по сравнению с [m] обладает большим количеством расширителей, степень активности которых приблизительно одинакова. В ауслaute корней с доминантой [m] наиболее высока частотность смычных [b/p].

Исследование в некоторой мере подтверждает мысль Э. Сепира о том, что «ни один язык не был бы в состоянии выразить каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество понятий по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [Сепир, 1934, с. 65–66].

Итак, выделенные в данной главе лексико-семантические поля демонстрируют, как различные аспекты осмысления явлений и процессов могут привести к возникновению противоположных образов с помощью одного и того же согласного в позиции доминанты («круглый ↔ торчащий»). Это подтверждает так называемый закон множественности номинации, согласно которому в основе названия одного и того же объекта могут лежать

разные признаки, один и тот же признак, в свою очередь, может быть положен в основу названия разных денотатов.

Результаты исследования лексем, содержащих информацию о форме предметов, свидетельствуют о том, что развитие зрительного образа шло по линии выделения специфического сенсорного содержания, а именно наиболее характерного звука, ассоциируемого с предъявляемой формой. Информация о размере (п.-мо. *tomu* ‘большой’), длине (*urtu* ‘длинный’) объекта получается в результате дальнейшей трансформации образа, отражающего его форму. Фоносемантическое поле доминанты [r] формируется пятью генеральными признаками, возникшими на основе ономатопов, четыре из которых являются чистыми звукоподражаниями – рычание (*ar*), резьба (*kir*), бурление (*bur*), треск (*ter*), один – кинемой – шумное дыхание (*sar*). Фоносемантическое поле доминанты [m] представлено двумя генеральными признаками, также восходящими к кинемам закрывания рта (*am*) и шумного принюхивания (*šüm*).

Глава IV
Манифестация ощущений
с помощью акустико-артикуляционных характеристик
согласных [r/m]

В данной главе нами рассмотрены аспекты вербализации перцептивной информации, происходящей на основе акустико-артикуляционных параметров согласных [r/m]. В данном случае семантика корневой морфемы интерпретируется в зависимости от места и способа артикуляции ее доминанты. По замечанию Р. Брауна, «примитивная фонетическая символика берет свое начало в процессе происхождения речи путем имитативной или физиогномической связи звуков речи и их значений» [Brown, 1972, p. 298].

Как отмечалось выше, во время артикуляции переднеязычного, дрожащего сонанта [r] происходит колебание кончика языка в струе проходящего воздуха, образующее одну или несколько кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол. Такая характеристика звука дала ему возможность передавать дискомфорт, поступающий извне по каналам различных сенсорных модальностей. Среди звукоподражаний с доминантой [r], рассмотренных в главе I, большая часть отличается громкостью, также вызывающей неприятные ощущения. Согласный [m], благодаря такому артикуляционному признаку, как сжатие губ, обладает противоположной способностью передавать аспект молчания, тишины. В данной главе мы рассмотрим их участие в актуализации восприятия световых явлений, а также информации, получаемой с помощью осязательного, вкусового и обонятельного модусов перцепции.

4.1. Актуализация зрительного восприятия световых явлений

ЛСП «Неживая природа»

В рассматриваемом нами материале зафиксировано большое количество корней, передающих однократные и прерывисто-кратные световые явления,

которые могут проявляться как в атмосфере, так и на воде⁶⁴. Корень **ir/irb* передает резкую боль в глазах от яркого света: п.-мо. *iryа-* ‘болят глаза, ломит глаза’ [Kow. 324], мо. *ярга-*, бур. *ирга-* ‘резать, колоть (о боли в глазах)’; п.-мо. *irayalǰa-* ‘струиться, рябить (о воде)’ [Kow. 319], мо. *яралз-*, калм. *ярлз-*, ойр. *йаралза-* ‘рябить, переливаться; сверкать, блестеть’ (п.-мо. *iray-a* ‘струи, пузыри на воде (от хода рыб)’ [Kow. 318], мо. *яраа*, *яралж* ‘рябь на воде’), ср.-мо. *yaralduba sitaqsan ǰal* ‘зажженный огонь сверкал’ [МА 387]. Неприятное ощущение, пощипывание в глазах отражено и в п.-мо. *irbelǰe-* ‘слезы навертываются на глазах, залиться слезами, прослезиться’, *ǰirgel-* ‘ослепить, помрачить зрение’ [Kow. 324], п.-мо. *nidiu arǰa-* ‘чувствовать острую боль в глазах’ [Less. 50]. Привлекает внимание фонетическая близость корней в бур. *ерб-эдэ-*, калм. *ирв-лз-* ‘ослеплять, бить в глаза (о солнце)’ и рус. *ряб-ить*.

Тот же корень **ir* реализует схожие значения в маньчжурском языке: *ирахи* ‘струя (на воде), зыбь; зайчик, луч (света, проникающий через отверстие и представляющийся пылинкой)’, *ирахина-* ‘струиться, колебаться’, *ирэн* ‘зыбь, волнение, струи на воде (от плавающей рыбы)’, *ирэнэ-* ‘образовываться зыби, струям на воде (от плавающей рыбы)’ [ССТМЯ, 1975, с. 324], также эвенк. *борилкән-* ‘покрываться рябью (о водной поверхности)’, *ларгв-* ‘покрываться зыбью (о море)’ [ССТМЯ, 1975, с. 96, 494].

Здесь можно наблюдать верхний абсолютный порог ощущений, т.е. максимальную величину раздражителя, которую способен воспринимать зрительный анализатор. Интенсивность стимула вызывает изменение модальности ощущения: очень яркий свет, воспринимаемый нервными окончаниями сетчатки глаз, вызывает болевые ощущения, сопровождаемые внутренним раз-др-ажением/ др-ожанием, сопоставимым с акустико-

⁶⁴ В данном параграфе мы отказались от прежней последовательности представления материала, в связи с тем, что наиболее ярко световые явления проявляются именно в природе.

артикуляционными характеристиками звука [r]. Таким образом, базисная семантика корней с дрожащим сонантом [r] выражает однократное или прерывистое движение света, осложняющее или нарушающее восприятие.

Корни **sar/čar* также соотносятся с яркой, ослепительной вспышкой света: п.-мо. *čargi-*, мо. *царги-* ‘слепнуть (от блеска снега)’, бур. *һарга-* ‘слепить глаза (о солнечных лучах)’ (производные *һаргама* ‘ослепительный’, *сарьяма сагаан* ‘белый-пребелый, белоснежный’). Отсюда п.-мо. *sarayul* [Kow. 1333], мо. *саруул*, бур. *һаруул*, калм. *сарул*, ойр. *саруул* ‘светлый, ясный’. Мягкорядный вариант **ser/serb* передает меньшую степень реализации признака: мо. *сэрвэгнэ-* ‘мерцать’, *сэрвэс хий-* ‘чуть мелькнуть вдали’. В якутском языке: *сирпäl* ‘свет, сияние’, *сирпälгän* ‘светящийся, искрящийся’, *сирпälй-* ‘лучиться, сверкать, искриться’ [ССТМЯ, 1977, с. 97].

В ср.-мо. *sarabčĭ* ‘наглазник’ [ИМ], п.-мо. *sarabčĭ* [Kow. 1333], мо. *саравч*, бур. *һарабша*, калм. *сарвч*, орд. *sarabčĭ*, даг. *sarbäčĭ* [EDAL 1327] выделяется производящая основа **sar* ‘яркий свет’, отсюда *sarabčĭ* первоначально ‘нечто, защищающее от яркого света’ > ‘сетка для глаз, защитные очки; козырек у шапки; навес; сарай, хлев’. «Эвенк. *саранчу* [< як.] ‘очки (из волосяной сетки, служащие для защиты глаз от блеска снега)’, ма. *сарбачан* ‘козырек (для прикрывания глаз); забрало шлема; бахрама, околыш шляпы’, *сарчан* ‘вуаль’» [ССТМЯ, 1977, с. 65]. В Алтайском словаре лексема сопоставляется с Птунг. **šerin* ‘забрало (у шлема)’, Птюрк. **sar-* ‘вид решетки или балки’ [EDAL 1327]. Если первую форму по аналогии с *sarabčĭ* можно связать с признаком **sar/ser* ‘нечто сияющее’, то для второй, выделенной авторами на основе значения ‘навес, сарай’, больше подходит признак **sar* ‘нечто торчащее’ (о форме объекта).

По всей видимости, развитие в слове ср.-мо. *sara* [HY 1, SH, LH, MA 318], *saran* [ИМ], пкл.-мо. *sara(n)* [Tum. 544], п.-мо. *sara, sar-a* [Kow. 1328], мо. *сар*, бур. *һара*, калм. *сар*, ойр. *сара*, орд. *sara(n)*, даг. *sarūl, sar, sare, sareule*, дунс. *sara*, бао. *sare, sera*, ж.-уйг. *sara*, мнгр. *sara* [EDAL 1512] значения ‘луна’ обусловлено тенденцией к ослаблению проявления в корне интенсивности

света: ‘яркий свет’ → ‘лунный свет’ → ‘луна’. Выбор «резкого» с позиции фоносемантики согласного [s] в анлауте, вероятно, обусловлен тем, что лунный свет кажется достаточно ярким на фоне темного ночного неба. Ср. п.-мо. *sürü-e* ‘свет, блеск, ясность’ [Kow. 1434], мо. *сүрээ* ‘блеск, свет’; а также парное слово п.-мо. *ger-e sara* ‘рассвет’ [Kow. 2505], в котором компонент *sara* выступает не столько в прямом значении ‘луна’, сколько в качестве твердорядного «отражения» мягкорядного компонента *ger-e* ‘слабый свет’.

Заслуживает внимания приведенная в EDAL параллель между Пмонг. **sara* ‘луна’ и Птюрк. **jar-* ‘светить; рассветать; свет’. Мо. *jara-* ‘светить, блестеть’, обычно сопоставляемое с тюркской формой, здесь, на наш взгляд, ошибочно рассматривается как «очевидное заимствование из тюркского». Авторы сомневаются в правильности предположения В. М. Иллич-Свитыча о том, что мо. *sara* является просодическим вариантом *sira* ‘желтый’ [EDAL 1513].

Мы согласны с предположением Л. С. Левитской о том, что тюрк. *йары-* ~ *жары-* ~ *д’ары-* ~ *чары-* ‘светить, блестеть, сиять’ является производным от первичной имитативной основы **йар*, представленной также в распространенной основе *йарқ/жарқ* ‘блистать’. Реальность **йар* подтверждают як. *сыр* в *сыр гын* ‘отсвечивать’, *сырдай-* ‘блестеть’ [ЭСТЯ, 1989, с. 134–135]. Несколько иной точки зрения придерживается Х.-М. Илиуф, связывающий происхождение лексем *yaryq* ‘светлый, блестящий’, *yark et-* ‘блеснуть’, *yarin* ‘заря’ с тюркским глаголом *yar-* ‘расколоть, рассечь’. Мотивирует это автор тем, что «днем сквозь щель в какой-либо преграде: стене или потолочном перекрытии внутрь жилища проникает солнечный луч. Такая щель является обязательным условием появления луча – узкой полосы света. В результате того, что какая-либо наружная преграда, треснув, пропускает через щель или дыру в помещение свет, у глагола *yar-* появилось значение ‘сиять’» [Илиуф, с. 22].

Тюрк. *йарық* ‘общее название, даваемое кольчуге и щиту; панцирь; броня; латы’ многие исследователи связывают с *йарақ* ‘оружие’, хотя, по замечанию Л. С. Левитской, генетическая связь между *йарық* и *йарақ* ‘оружие’ остается проблематичной [ЭСТЯ, 1989, с. 146]. Возможно, номинация данного артефакта основана на признаке ‘блестящий, сияющий’.

В нанайском языке Н. Б. Киле зафиксированы следующие формы: *ярак* ‘пребывая в относительном покое, будучи ярким; ярко светясь, горя’, *ярак-ярак* ‘с яркими пятнами, крапинками, полосками (о расцветке ткани)’, *ярбар* ‘стать ярким, ярко озариться’ [Киле, 1972, с. 188], ма. *дэр сэмэ* ‘бело, как снег; блестяще, как звезда; ясно, как день’ [ССТМЯ, 1975, с. 237]⁶⁵.

Связь между тюрк. *jar-* ‘светить’ и *jarın* ‘утро; завтра; следующий год’ допускается большинством алтаистов (А. Вамбери, В. В. Радлов, М. Рясянен, В. Банг и др.). Э. В. Севортян рассматривает *йарын* как отглагольное образование (ср. кир. *жарқын* ‘свет, светлый’ < *жарқы-* + *н*), где *-н* можно интерпретировать как аффикс со значением результата действия [ЭСТЯ, 1989, с. 147–148]. В качестве надежной монгольской параллели тюрк. *jarın* Л. С. Левитская приводит мо. *nara-n* ‘солнце’ [СИГТЯ, 2001, с. 81]. В ср.-мо. *narān* [НУ1, SH, LH, IM, MA 245], прекл.-мо. *narān* [Tum. 477], п.-мо. *narān* [Kow. 620], мо. *нар*, бур. *наран*, калм. *нар*, ойр. *нар*, орд. *nara(n)*, мог. *narān*, даг. *nar*, дунс. *narān*, бао. *narān*, ж.-уйг. *narān*, мнгр. *nara* [EDAL 1028] ‘солнце’ «мягкая» [n] в анлауте, по всей видимости, коррелирует с меньшей степенью проявления признака ‘яркий’ в корне. В Алтайском словаре также даны: Пяп. **àri-* ‘рассвет, заря’ и Пкор. **nár* ‘солнце, день, погода’ [EDAL 1028].

Ср. также семантический переход «вспышки света → рассвет» в корне **jar* в рус. *заря, зарево, озарить*, укр. *заря*, ст.-слав. *заръ*, болг. *заря*, словен.

⁶⁵ Ср. корень **jark* в рус. *ярк-ий*, кластеры *br, str* в англ. *bright/striking* ‘яркий’, нем. *grell* ‘яркий’ и др. А. В. Семенов др.-рус. *яръкий* производит от *яръ* (ярый) со значением ‘весна; весенний’, выделяя первоначальное значение ‘солнечный’. Исследователи также выделяют в слове *яркий* индоевропейскую основу *jero*, которая означает ‘год’ [Семенов, 2003, с. 695].

zarja, чешск. *zárě* ‘сияние, блеск, свет’, др.-польск. *zarza*; наряду с этим: укр. *зоря* ‘звезда, заря’, болг. *зора* ‘утренняя звезда, утренняя заря’, сербохорв. *зора* ‘заря’, словен. *zórja*, чешск. *zorě*, словацк. *zora*, польск. *zorza*, н.-луж. *zo’ra* ‘зареве’. М. Фасмер приводит родственные имитативные слова: литовск. *žarijà*, мн. *žaryjos* ‘раскаленные уголья’, *žerėti, žerėti* ‘сверкать, блестеть’, *žerėioti* ‘тлеть, светиться’, *žirstu, žirti* ‘сыпать искры’, *pāžaras* ‘отблеск зари’ [Фасмер, 1967, с. 81].

В монгольских языках понятие ‘рассвет, заря’ передается с помощью лексемы ср.-мо. *ür, ör* [МА 382], п.-мо. *ür, ür čür* [Kow. 577], мо. *үүр*, бур. *үүр*, калм. *өр*, ойр. *өр*, орд. *oro, or*, даг. *ur*, бао. *or*, ж.-уйг. *ojir*, мнгр. *ōr* [EDAL 1040]. Тюркскую параллель *ürüñ* ‘белый; светлый, ясный; предрассветная темнота, едва заметный, смутно виднеющийся (в полутьме)’ И. В. Кормушин определяет как праязыковое прилагательное, вытесненное в большинстве языков начиная со средней поры огузским *aq*, приобретшим к этому времени значение ‘белый’ из общетюркского ‘белесый, седой, сивый’. «Древность рассматриваемого слова косвенно подтверждается неясностью морфологического состава, здесь виртуально можно вычленил суффикс *-ñ*, но подходящая семантическая основа **ürü-* ~ *ür-* в тюркском корнеслове отсутствует» [СИГТЯ, 2001, с. 601]. В данном случае имитативный корень *ür* мог передавать сияние солнечных лучей, полос, наблюдаемых на рассвете. Ср. калм. *урң-урң ги-* ‘еле светиться, мерцать’, тюркские формы: «тур. диал. *өрле-*, кир. *өрдө-*, тат. *үрлә-*, башк. *үрлә-*, сюг. *ерле-* ‘всходить (о солнце)’» [ЭСТЯ, 1974, с. 543].

Корень **ür/ör* при появлении C_{aus} [l] и словообразовательного суффикса *-ge* служит для обозначения в монгольских языках части суток: п.-мо. *örl-ü-ge* ‘утро, утром; завтра’ [Kow. 589] (ср. рус. *утро* → *за утро* → *заутра* → *завтра*). Корневой кластер [rl] также наблюдается в словах: п.-мо. *dürleger*, мо. *дүрлэгэр* ‘с широко раскрытыми глазами, пучеглазый’; п.-мо. *kürleyi-*, мо. *хүрлий-* ‘мрачнеть, хмуриться’ и др. Можно предположить, что подобно

форме п.-мо. *kürleyi*- ‘мрачнеть’ форма **örleyi*- означала ‘светать, заниматься (о заре)’. Отсюда *örlüğe* ‘рассвет’ → ‘утро’.

По замечанию Г. А. Рубинштейн, зрительные представления частей суток в русском языке, как правило, связаны с образами света: «И день, и утро могут сиять, белеть, мерцать, блестеть, заниматься, светиться, светлеть, бледнеть <...>. Часто зрительные представления связаны с горением, которое может быть представлено и в своей начальной стадии (возгорание), и в конечной стадии (угасание, таяние в результате сгорания, подобно свече), однако возгорание более типично для утра, а угасание – для вечера и ночи» [Рубинштейн, с. 10–11].

Предположительно, п.-мо. *orui* [Less. 621], мо. *орой*, бур. *орой*, калм. *ора*, ойр. *ораа*, орд. *orō*, даг. *orē, orē*, бао. *хоро*, ж.-уйг. *oroi*, мнгр. *urē, urī* [EDAL 1503] ‘вечер; поздно’, равно как и ср.-мо. *erte* [MA 164], пкл.-мо. *erte(n)* [Tum. 393], п.-мо. *erte(n)* [Kow. 258], мо. *эрт*, бур. *эртэ*, калм. *эрт*, ойр. *эрте*, орд. *erte*, мог. *irte*, даг. *erte, erde, erete*, дунс. *ečie*, бао. *ete*; ж.-уйг. *rde*; мнгр. *šde* [EDAL 516] ‘рано, ранний; раньше’ также возникли на основе восприятия световых явлений. Ср. эвенк. *орумна*- ‘вспыхнуть (о пламени)’; эвенк. *хурун*- ‘мелькать, мерцать, поблескивать’, эвен. *хуруң*- ‘мелькать’ [ССТМЯ, 1977, с. 25, 355]. Мо. *эрт* имеет прозрачные алтайские параллели: Птюрк. **ēr* ‘рано; рано утром; завтра; утреннее солнце’, Птунг. **erü-n* ‘время’, Пкор. **ir̄i*- ‘ранний’ [EDAL 516–517]. О. А. Мудрак восстанавливает праалтайскую основу **ērī*, полагая, что формы в тюркских языках с аффиксом являются монголизмами [СИГТЯ, 2001, с. 79]. Цветообозначение ср.-мо. *orox* [SH], п.-мо. *оруу*, мо. *орог*, ойр. *орог*⁶⁶ ‘серый, пепельный; сероватый, белый’ имеет параллели: Птунг. **(x)ur*- ‘пегий (о лошади)’, Птюрк. **or* ‘каштаново-гнедой (о масти лошади)’ [EDAL 1503].

Функция корня **j̄r* также состоит в подражании блистанию, сверканию, мерцанию: п.-мо. *j̄rabki*-, *j̄rubki*- ‘блистать, сиять’, *j̄rub j̄rub* ‘сверкание

⁶⁶ В бурятском языке лексема функционирует только в составе сложного слова: *орог зуна* ‘полевка (мышь)’.

молнии, свет мгновенный, скоро преходящий' [Kow. 2359, 2361], мо. *жирэв жарав* 'мигание, мерцание', *жирэв жирэв тат-*, *жирэв жирэв хий-* 'промелькнуть, сверкнуть; проходить быстро', калм. *жирви-* 'сиять, мерцать', ойр. *жирши-* 'поблескивать вдали'. Вариант **jer* обладает схожей семантикой: п.-мо. *jerbeski-*, мо. *зэrvэсхий-* 'мелькать', калм. *зервк* 'мимоходом, мельком'. Ср. як. *дьэргэй* 'бросаться в глаза яркостью, пестротой; мелькать, мельтешить'; эвенк. *жерин-* 'мелькать, сверкать (о снеге)', эвен. *жерълчи-* 'мелькать', ма. *жеркилэ-* 'сверкать, блестеть' [ССТМЯ, 1975, с. 286], нан. *дерил-дерил* 'мельтешить, мелькать', *деририу-у* 'стремительно несясь' (о мелькании обозреваемых предметов при движении моторной лодки, поезда и т.п.) [Киле, 1973, с. 99].

Название правого притока р. Селенга *Жиримка* С. А. Гурулев связывает с лексемой бур. *жэрэм* 'подпруга' [Гурулев, 1989, с. 74], хотя правильнее было возвести его к образу 'нечто, переливаясь и сверкая (на солнце), бегущее (о воде)'. Ср. мо. загадку о реке: *Дэлгэр зуны улиралд / Хурдан хүлэг шиг жирийнэ. / Тэсгим өвлийн цагт / Дардан зам шиг толийно* 'В благодатное летнее время, / Как быстрый скакун, переливается. / В трескучее зимнее время, / Как торная дорога, сияет'.

В п.-мо. *йрга-*, мо. *жарг-*, бур. *жарга-* 'заходить, скрываться за горизонтом (о солнце); гаснуть, угасать (о свече, лампаде)', калм. *жирh-* 'ярко светить (о солнце); переливаться, играть всеми цветами (о радуге); садиться (о солнце)' имитативный корень *йr* указывает на то, что в момент номинации действовало зрительное восприятие отблесков во время угасания светящегося объекта. Ср. эвенк. *тирга* 'днем; сегодня; зарница; утренняя заря', *тиргал-* 'светать', эвен. *тиргаб-/и-*, нег. *тидга-* [**тирга-*] 'быть в зените (о солнце)'; ма. *урху-* 'закатываться (о солнце)' [ССТМЯ, 1977, с. 187, 285]⁶⁷.

⁶⁷ Рус. *брезж-*ить (о свете, рассвете, заре) от ст.-слав. *брезг, пробр възг* 'рассвет'.

П.-мо. *ǰergelge*, мо. *зэрэглээ(н)*, бур. *зэрэлгээ* ‘мир-аж; мар-ево, дымка’, п.-мо. *ǰirbigine-* ‘туманиться, испаряться’, *ǰirgelkü ayur* ‘световое явление’ [Kow. 2368, 2370] (бур. *зэрэг* ‘смутный, неясный для зрительного восприятия’) соотносится с мнимым изображением реально существующего предмета, не видимого в обычных условиях и возникающего в результате аномальной рефракции лучей света в воздухе. Як. *дьэрэглэн* ‘струящийся теплый воздух, мираж’ В. И. Рассадин относит к монголизмам [Рассадин, 1980, с. 66].

Возможно, всполохи солнечного света, наиболее отчетливо воспринимаемые на закате и на восходе, отразились в названиях сторон света: ср.-мо. *xorone* [HY 50], *xorene*, *xorone* [SH], пкл.-мо. *örün-e* [Tum. 512], п.-мо. *örüne* [Kow. 582], мо. *өрнө*, бур. лит. *үрнэ* ‘запад’; пкл.-мо. *dorun-a*, *doruna*, *dörün-e* [Tum. 370], п.-мо. *doruna* [Kow. 1880], мо. *дорно* ‘восток’. Корень **ör(n)* наблюдается в *ör* ‘рассвет’, *örlüge* ‘утро’, п.-мо. *örni-* ‘разгораться, пылать’; корень **dor(n)* близок **jör/jir*. Пмонг. **hörö-ne* ‘запад’ имеет т.-ма. параллель: «Птунг. **perki-n* / **purki-n* ‘запад’» [EDAL 1157]. Интересная интерпертация семантики предложена Г. Рамстедтом, сближающим кор. **puri-da* ‘погружать в воду’, т.-ма. – нан. *пурин-*, ма. *фури-*, эвенк. *хури-* ‘нырять’, *хуриувк* ‘утка-нырок’, мо. *hörüne*, *örüne* ‘запад’ (‘где ныряет солнце’) и тюрк. *ördäk* ‘утка’ [Ramstedt, 1949, p. 209].

Обозначение желтого цвета в монгольских языках с помощью ср.-мо. *sira* [HY 41, SH, LH, IM, MA 335], пкл.-мо. *sir-a* [Tum. 564], п.-мо. *sir-a*, *sira* [Kow. 1517], мо. *шар*, бур. *шара*, калм. *шар*, ойр. *шара*, орд. *šara*, мог. *sira*, даг. *šara*, дунс. *šara*, *sira*, бао. *sira*, ж.-уйг. *šara*, мнгр. *šira* [EDAL 1264] ‘желтый; рыжий; русый’, по всей видимости, неразрывно связано с образом желтого солнца как наиболее константного природного носителя желтого цвета. В фольклоре монгольских народов прилагательное *шар* выступает в качестве устойчивого эпитета к существительному *нар*: бур. *алтан шара наран* ‘золотисто-желтое солнце’.

А. Вежбицкая отмечает, что «желтый осознается как «теплый», потому что ассоциируется с солнцем. Мы не обязательно считаем цвет солнца

желтым, но все-таки думаем о желтом (на некотором уровне нашего сознания или подсознания) как о «солнечном цвете» <...> Цветовое восприятие нельзя выразить словами. Тем не менее, мы можем о нем говорить, потому что умеем связывать наши зрительные категории с определенными универсальными доступными человеку образцами (моделями), в числе которых солнце, и эта модель составит одну из основных точек референции в человеческом «разговоре о цвете» [Вежбицкая, 1996, с. 282].

В БАМРС значение п.-мо. *sira-* ‘печь, греть (о солнце)’ дано как производное от ‘жарить’. Однако корень **sir* может передавать и зрительное восприятие ярких лучей солнца (равно как при высокой температуре восприятие кожей их тепла, жара), точнее, дискомфорта, вызываемый ими. Данное предположение подтверждает приведенная в Алтайском словаре параллель: Птунг. **sīarū-*, восстановленное на базе эвенк. *сҕе-* ‘переливаться всеми цветами радуги; сверкать (о молнии)’, *сҕеи* ‘радуга; молния’, ма. *шарила-*, *шариша-* ‘блестеть, мелькать’, *шари сире*, *шари шар* ‘яркий; прозрачный (о воде); глянцеви́тый (о новой вещи)’ [EDAL 1264].

С мо. *шар* рядом исследователей сопоставляется тюрк. *са:ры* < *са:рыг* ‘желтый’. По предположению Дж. Клосона, оно является ранним заимствованием в монгольские языки [Cl. 484]. И. В. Кормушин определяет исходное лексическое значение прилагательного **saryu* как ‘светло-(бледно)-желтый’, что подтверждается рядом общетюркских значений: ‘бледно-желтый; белый, бледный’ [СИГТЯ, 2001, с. 603]. По мнению Л. С. Левитской, мо. *шар* следует сопоставлять с тюрк. *са:з* (по аналогии с *бо:з* ~ *бор*), представленным в турк. *даң са:зы* ‘предрассветная мгла, заря’, *даң са:з берди* ‘заря занялась’, ст.-тур. *saz* ‘желтый’, тур. *saz benizli* ‘бледный’, турк. *са:змық* ‘сероватый’. В тюрк. *са:рыг* исследователь видит отглагольное имя с аффиксом *-г* от основы **са:р-*, коррелятивной с **са:з—*саз* [ЭСТЯ, 2003, с. 221].

Корню **ger* в целом свойственно передавать несколько приглушенное проявление световых явлений: пкл.-мо. *gerel* [Tum. 405], п.-мо. *gerel* [Kow.

2506], мо. *гэрэл*, бур. *гэрэл*, калм. *герл*, ойр. *герел*, орд. *gere, gerel*, даг. *gerel*, дунс. *gieren*, ж.-уйг. *gerel*, мнгр. *gārēl, gārē* ‘луч, свет’; ср.-мо. *gere* ‘свет’ [ИМ], п.-мо. *ger-e* ‘слабый свет, просвет, блеск; утренняя заря’ [Kow. 2504], мо. *гэрээ*, бур. *гэрэ* ‘лучина (как источник света); свет (перед рассветом); факел’, ср. бур. *зартагай* ‘щепочка, лучинка; дощечка; дрова’. Дальнейшее развитие семантики уже пошло в направлении ‘нечто деревянное’: *зартага* ‘доска’, *зартиха* ‘задок телеги’.

Ср. в т.-ма. языках: ульч. *гар-гар би* ‘ясный’, нан. *гарби* ‘ясный, яркий’, эвенк. *гарна-* ‘излучать свет, сиять, освещать лучами (о солнце)’, нан. *гарна-* ‘светить (о солнце, звездах)’; ма. *гэрси фэрси* ‘на рассвете’ [ССМТЯ, 1975, с. 141, 142, 182], нан. *нэрбэрбэр* ‘очень яркий’, *нэриу-у* ‘быстро двигаясь (о ярком пламени, свете)’, *нэрум-м оси* ‘становиться светлым, заниматься (о заре)’, *нэрумсэк* ‘вспыхнув (о пламени, свете)’; ма. *гэри гариламэ* ‘мелькая, блистая, сверкая’, *гэри гари* ‘едва, чуть видно; мелькая, мерцающая; сумерки, свет (от огня)’, *гэрила-* ‘блистать, сиять, сверкать’ [ССТМЯ, 1975, с. 672].

Примечательно выражение атмосферных явлений в разных языках с помощью изобразительного корня **mir/mer/mar/mor*: фр. *mirage* ‘мираж, видимость’, англ. *mirage*, итал. *miraggio*, исп. *miraje*, рус. *марь, марево, хмарь* и др., а также англ. *miracle* ‘чудо; удивительное событие’, *morning* ‘утро’, *tomorrow* ‘завтра’, нем. *Morgen* ‘утро’, *morgen* ‘завтра’.

Вызывает безусловный интерес фонетическое созвучие последних примеров с п.-мо. *marγata* ‘завтра; утром’ [Kow. 2000], *marγasi* [Less. 529], мо. *маргааш*, бур. *маргааша*, баргуз. *малгаадэр, малгаар*, дунс. *маҒа* ‘утро’, *маҒашы* ‘завтра’, значение которых могло развиваться на базе ‘свет; рассвет’: ср. п.-мо. *mer-ser*, мо. *мэр-сэр* ‘еле-еле, кое-как (о слабом свете)’; бур.НУ *мерээн* ‘марево, дымка’, *мерэлээ-* ‘стоять (о мареве над землей в жаркий весенний или летний день)’ [Рассадин, 1999, с. 142, 145]. Т. А. Бертагаев с учетом мо. *марга-* ‘идти против; спорить, конфликтовать’ производит бур. *маргаар* ‘завтра’ из *маргаа өдөр* букв. ‘день против или день, к которому идем навстречу’. Морфологическую форму *маргааш*, бур.

диал. *маргаархи*, *маргаарши* из *маргаа өдөрхи* автор выводит из *маргаа өдөрши* с выпадением целого слога из второго компонента – *өд-* с уподоблением или поглощением губного гласного *ө* долгим гласным первого компонента $\bar{a} >$ *маргаархи*, *маргаарши*, затем с выпадением *p* – *маргааиш* [Бертагаев, 1974А, с. 244].

Б. Я. Владимирцов приводит п.-мо. форму переходного периода *marγaʎ* ‘завтра’, отмечая что *marγasi* возникла в результате чередования $l \sim l$ с $s (\sim \check{s})$, как в *arγaʎ \sim arγasu* ‘помет животных’; *örügel \sim örügesü* ‘половина (парного)’, *noγuʎ \sim noγusu* ‘утка’ [Владимирцов, 1929, с. 365]. Кроме того, известны формы ср.-мо. *manaγār* [IM], *manaγār*, *manaqār* [MA 233], пкл.-мо. *manaγar*, *manaγarsi*, *manaγ[ar]si* [Tum. 465], п.-мо. *manaγar* [Kow. 1971; Less. 529], в которых выделяется корень **man*.

В. Л. Цымбурский приводит показательный ряд индоевропейских соответствий: литовск. *mérkti* ‘мигать’, *mirclis* ‘взгляд’, др.-инд. *márka* ‘солнечное затмение’, др.-исл. *myrkr* ‘темный’. На славянском же уровне эти имена соотносятся рядом глаголов, несущих семантику ‘темноты как неустойчивого переменного признака’: слав. **тьrcati* ‘мигать, мерцать, терять сознание’, **тьrčati* ‘меркнуть’, **merkati* ‘мерещиться, бредить, мечтать’, **merščiti* ‘мерещиться’ [Цымбурский, с. 3].

Понятие ‘сумрак; сумерки’ в монгольских языках реализуются посредством лексем, производных от **bar/bür/qar/kir*: п.-мо. *barui*, *bürüi barui* ‘сумерки’ [Kow. 1134], мо. *харуй бүрий*, *бүрий баруй*, *бүрэнхий*, которые также «заимствованы в т.-ма. языки: эвенк. *боро* ‘сумерки’, ма. *буру бара*, *бурухун буту* ‘мельком, мелькая, неясно» [ССТМЯ, 1975, с. 96]; п.-мо. *kiray-a*, мо. [үүрийн] *хираа*, бур. [үүр] *хираа* ‘предрассветные сумерки’; п.-мо. *kirqai*, мо. *хярхай* ‘мельком виденное, смутно представляемое’; п.-мо. *kirte* [Kow. 2550], мо. *хирт-* ‘темнеть, тускнеть’, бур. *хиртэ-* ‘затмеваться’. По всей видимости, здесь не следует интерпретировать значения ‘тускнеть; затмеваться (о солнце и луне)’ как переносные от ‘загрязняться, мараться, пачкаться’, как указано в [БАМРС IV, с. 87] и [БРС, 1973, с. 572].

Приглушенные световые явления в сумерках связаны с тем, что в это время суток на границе между светом и темнотой с каждым мигмом сужается мерцание света: [Kow. 1260].

Следует отметить, что в корнях **bar/bür* развивается значение ‘нечто темное, мрачное; смутное’: п.-мо. *baruḡar* [Less. 89], мо. *баргар*, ойр. *барһр* ‘черный, темный; хмурый, мрачный’, бур. *барай-* ‘неясно виднеться’, бур. *бара* ‘темный, невежественный’, калм. *бар* ‘темнота; темный’; п.-мо. *bürüger*, мо. *бүргэр* ‘пасмурный, сумрачный’, бур. *бүрэгэр* ‘тусклый, едва видимый вдали’. В качестве расширителей выступают согласные [t/k/s/j]: п.-мо. *börtüger*, мо. *бөртгэр*, бур. *бүртэгэр* ‘неясный, плохо видимый; невзрачный; матовый’; п.-мо. *bürkeg*, *bürküg* [Kow. 1261], мо. *бүрхгэр*, бур. *бүрхэг*, ойр. *бүркег* ‘сумрачный, темный’; п.-мо. *bürjüger*, мо. *бүрзгэр* ‘пасмурный (о погоде)’; п.-мо. *bürs*, мо. *бүрс барс*, бур. *бүрһэгэр* ‘неясный, плохо видимый’.

По всей видимости, значение глагола ср.-мо. *bürkü-* [MA 127], пкл.-мо. *bürkü-* [Tum. 344], п.-мо. *burke-* [Kow. 1263], мо. *бүрхэ-*, калм. *бүрк-*, ойр. *бүрке-* ‘покрывать что-л., прикрывать, накрывать’ возникло в результате семасиологического перехода от ‘заволакивать тучами, темнеть над головой’. В тюркских языках широко представлены глагольные формы *бүр-* ~ *бүре-* ~ *бүрке-* ‘накрывать, завертывать; омрачать, затемнять’. Э. В. Севортян, напротив, значения ‘подниматься (о тумане)’ гаг., ‘быть пасмурным’ ккалп. в глаголах *бүрү-*, *бүрке-* считает вторичными по отношению к ‘накрывать’ и, по всей вероятности, вначале переносными. Т.-ма. соответствия: эвенк. *бурквл-* ‘покрыть; обтянуть (ровдугой остов чума)’, ульч., нан. *бури-* ‘покрыть’, ма. *бури-* ‘покрывать, окутывать’ [ЭСТЯ, 1978, с. 298], нан. *бури-и-бури-и* ‘заволакиваясь густой пеленой (о небе), очень помутнев (о жидкости)’ [Киле, 1983, с. 87, 89], ма. *бурубубу-* ‘затмеваться, закрываться облаками’ [ССТМЯ, 1975, с. 96].

Ср.-мо. *bara'a* [SH], пкл.-мо. *baray-a* [Tum. 314], п.-мо. *baray-a* [Kow. 1093], мо. *бараа*, ойр. *баран*, орд. *barā*, даг. *barā*, дунс. *barā* [EDAL 352] ‘очертание, силуэт, видимость, контур’ восходит к образу ‘нечто темное,

смутное'. Как справедливо отмечает С. С. Харькова, значение 'темный' есть следствие окончательного развития подзначения 'видимый вдали предмет, имеющий контуры', поскольку вдали лучше виднеются именно темные предметы [Харькова, с. 2]. Относительно п.-мо. *baray-a*, мо. *бараа(н)*, бур. *бараа*, калм. *баран* 'товар, товары; скарб, пожитки' Б. Х. Тодаева дает примечательную пометку: ойр. *бараан* 'пожитки, аккуратно уложенные на невысоком шкафу и укрытые ковром, на них ставят и сундуки' [Тодаева, 2001, с. 56]. Убедительно, на наш взгляд, обосновал Т. А. Бертагаев перенос значения слова *бараа* с 'нечто темнеющее' на 'пожитки, скарб' [Бертагаев, 1971, с. 103].

Примечательно функционирование парных образований бур. *хараа бараа* 'контуры, силуэт', мо. *харуй- баруй-* 'смеркаться, темнеть', также п.-мо. *qar sir* 'темно, мрачно', *kürüi barui* 'сумерки' [Kow. 823, 1258]. Опираясь на регулярность чередования согласных *q/b* (*хархай-/бархай-* 'лежать кучей'), а также на развитое словообразовательное гнездо корня **bar*, можно предположить, что значение 'черный, темный' в лексеме ср.-мо. *qara* [НУ 41, SH, IM, MA 292], пкл.-мо. *qar-a* [Tum. 521], п.-мо. *qara* [Kow. 823], мо. *хар*, бур. *хара*, калм. *хар*, ойр. *хара*, мог. *qarō*, даг. *хара*, дунс. *qara*, бао. *xera*, ж.-уйг. *xara*, мнгр. *xara* [EDAL 651] развилось на базе 'темный, сумрачный, мрачный'. В дальнейшем значение 'черный' полностью вытеснило предыдущие мотивирующие значения, тем не менее, сохранившиеся в производных корня **bar*.

Авторы Алтайского словаря, сопоставляя Пмонг. **qara* с Птюрк. **kara* 'черный', Пяп. **kürüi-* 'черный', комментируют, что нет необходимости рассматривать монгольское слово как заимствование из тюркских языков, хотя это не исключается [EDAL 652]. И. В. Кормушин на основании значений типа 'многочисленный; многочисленность, множественность' у рассматриваемого слова выдвинул предположение о том, что тюрк. *qara* этимологически принадлежит корню **qa* со значением 'действия, направленного на достижение какой-либо совокупности предметов'. К этому

корню относятся глаголы *qa-* и *qala-* ‘класть, складывать’, *qat-* ‘складывать, прибавлять’, *qar-* ‘примешивать’, а также адъективы и имена *qalyu* ‘многочисленный // множество; толстый, густой’, *qat* ‘слой, ряд’ и др. Формант *-ra*, образовавший *qara*, ныне в тюркских языках отражается в трех самостоятельных показателях: *-r* глаголообразующий, *-r* каузативный и *-r* причастия настоящего. В целом, с точки зрения исследователя, слово *qara* можно представить как образование на *-ra* со значением накопления качества: ‘сложенное, соединенное во множество, массу, многочисленное, крупное, большое’ [СИГТЯ, 2001, с. 595].

На основе п.-мо. *kürleyi-*, мо. *хүрлий-* ‘мрачнеть, хмуриться, багроветь’, калм. *күри-*, ойр. *күрии-* ‘виднеться темным силуэтом (о чем-то огромном)’ можно выявить семантику производящей основы прилагательного п.-мо. *küren(g)* ‘темный; темно-бурый, темно-гнедой’ [Kow. 2636], мо. *хүрэн*, бур. *хүри(н)*, калм. *күрң*, ойр. *күрең*, орд. *kürin, küreñ*, даг. *kurel, xürin*; ж.-уйг. *kureñ*, мнгр. *kurē* [EDAL 828] ‘коричневый, бурый; темно-рыжий (о масти)’⁶⁸.

В EDAL приводятся следующие параллели: Птунг. **xuri-* ‘серый’, Птюрк. **Kür-* ‘красный’, Пяп. **kürá-* ‘темный’, Пкор. **kürí* ‘медь’ [EDAL 828]. По замечанию И. Лауде-Циртаутас, в тюркских языках *күрен* употребляется главным образом для обозначения масти лошадей и передает оттенки коричневого, переходящего в красноватый. Тюркологи однозначно определяют лексему как заимствование из монгольских языков [ЭСТЯ, 1997, с. 147].

Регулярность чередования гласных *a/o* позволяет сблизить прилагательные *баргар* ‘темный’ и ср.-мо. *boro* [HY 42, SH], *bora* [MA 121], п.-мо. *boru* [Kow. 1213], мо. *бор*, бур. *боро*, калм. *бор*, ойр. *боро*, орд. *boro*, мог. *borō*, дунс. *boro(η)*, мнгр. *burondog, boro* [EDAL 376] ‘серый, сизый; сивый (о масти)’. Как отмечает И. В. Кормушин, тюркские *z*-формы (**bo:z* ‘цвета земли, бурый; серый’) традиционно признаются гомогенными с

⁶⁸ П.-мо. *kürmeng*, мо. *хүрмэн* ‘базальт’ обусловлено либо тем, что эта вулканическая горная порода обычно бывает черного или темно-серого цвета, либо ее мерцанием.

монгольскими ротацирующими, образующими алтайский и ностратический архетип **bor'a*, с чем не согласны Г. Дёрфер, Дж. Клосон. Автор подтверждает мнение последнего о раннем тюркском характере заимствования мо. *boro* тем фактом, что уже в раннем средневековье это слово вернулось в целый ряд тюркских языков, заменив в большинстве языков северо-восточной группы исконное тюрк. **boz*: [СИГТЯ, 2001, с. 605]. По мнению авторов EDAL, монгольское слово не может быть заимствовано из тюркского [EDAL 376].

Признак 'пестрящий, мелькающий' также прослеживается в п.-мо. *börtii* 'пестрый, с пятнами, чубарый' [Kow. 1261], мо. *бөрт* 'пегий, пестрый; сивый, темно-серый'. Таким образом, признак 'темный' реализовался в цветообозначениях: *хар* 'черный', *хүрэн* 'коричневый', *бор* 'серый', *бөрт* 'темно-серый'. Результаты проведенного анализа подтверждают вывод И. В. Кормушина о том, что «'черный' как цвет вполне определенный, для которого не характерно ослабление интенсивности, мог развиваться из 'темный', допускающего разброс реализаций от 'тусклого' до 'черного', но не наоборот» [СИГТЯ, 2001, с. 596]. В нашем случае мы можем представить процесс развития значения лексемы *хар* следующим образом: 'мерцающий' → 'темный' → 'черный'.

Значение ср.-мо. *boro'an* [SH], п.-мо. *boruγa* [Kow. 1214], мо. *бороо*, бур. *бороо*, орд. *borōn*, мог. *бэрэн*, ж.-уйг. *boroŋ*, мнгр. *burōn* [EDAL 1105] 'дождь' как вариант можно рассматривать в качестве вторичного по отношению к 'непогода' < 'метель, пурга', что следует из калм. *боран*, ойр. *бораан* 'ненастье, непогода; дождь'. В бурятском языке значение 'ненастье' сохранилось в компоненте *бараан*, входящего в состав парного слова *хии бараан*, где *хии* 'ветер'. В связи с функционированием ономатопа **barj* в ойр. *баржигна*- 'идти с шумом (о проливном дожде)' можно допустить определенное участие слухового восприятия дождя п.-мо. *boruγ-a* 'дождь'.

Однако не исключается проявление признака ‘пестрящий’⁶⁹: ср. функции корня **bur/burj/bür* в ойр. *буржшнна*- ‘многократно двигаться’; п.-мо. *bürelje*-, мо. *бүрэлзэ*- ‘рябить, мелькать’ и др. Таким образом, в отношении данного явления мы не можем однозначно определить доминирующую роль того или иного модуса перцепции, соглашаясь, что номинация могла происходить как на основе звукового, так и зрительного и осязательного⁷⁰ восприятия рассматриваемого вида атмосферных осадков.

Пмонг. *boruγa* сопоставляется с Птунг. **pur-* ‘моросить (о дожде); шуга, слякоть; выпадать (о первом снеге); ветер (меняющий направление)’; Птюрк. **bora-* ‘северный ветер; обильно падать (о снеге)’; Пяп. **pür-* ‘идти (о дожде, снеге)’; Пкор. **pora* ‘снежная буря’ [EDAL 1105–1106]. По мнению Э. В. Севортына, производной основой тюркских форм является глагол *бор-а* ~ *бур-а*, в отдельных случаях *бор-ха*, в свою очередь, также производный, образовавшийся от именной основы *бор* ‘буря, шторм’ с помощью аффикса *-a/ -ы, -қа* [ЭСТЯ, 1978, с. 191]. В. М. Иллич-Свитыч восстанавливает *burγ* ‘снежная (песчаная) буря’ на материале семито-хамитских, индоевропейских и уральских языков [Иллич-Свитыч, 1971, с. 248].

На основе глагольных форм Птунг. **pur-* ‘моросить (о дожде); выпадать (о снеге)’, ойр. *буржшнна*- ‘многократно двигаться’, мо. *бүрэлзэ*- ‘рябить, мелькать’ можно прийти к выводу, что глагол п.-мо. *ору-*, использующийся с лексемами, обозначающими виды осадков (*boruγ-a* ‘дождь’, *časun* ‘снег’), первоначально имел значение ‘пестреть, моросить’, нежели ‘входить’. Хотя Т. А. Бертагаев рассматривает употребление данного глагола с позиции юрты как внутреннего освоенного пространства: «Для монгола, живущего в юрте с дымовым отверстием наверху, дождь, снег и другие осадки не «идут», даже

⁶⁹ Корень **mor* ‘нечто пестрящее’, по всей видимости, дал в русском языке лексемы *морось, моросить*. Морось представляет собой вид атмосферных осадков в виде мелких капель, скорость падения которых настолько мала, что они кажутся взвешенными в воздухе. Соответственно, это позволяет утверждать, что зрительное восприятие выпадающих из облаков или тумана капель играло не последнюю роль в номинации данного явления.

⁷⁰ Чтобы узнать, идет ли дождь, мы часто подставляем под дождь руку.

не «падают», а «входят» – входят в дымовое отверстие юрты. Отсюда и *бороо орох* ‘дождь входит’» [Бертагаев, 1974А, с. 30].

Если рассмотренные выше корни с дрожащим сонантом [r] репрезентировали признак ‘смутный, неясный’, то корни **dur/tur*, напротив, передают значение ‘отчетливый, ясный’: п.-мо. *durayi-* [Less. 276], мо. *дурай-*, ойр. *дури-* ‘быть ясным, отчетливым; виднеться издали, отчетливо, ясно’; п.-мо. *tur*, мо. [бараа] *тур* ‘виднеющиеся издали очертания’. В данном контексте п.-мо. *durang* ‘подзорная трубка, зрительная труба’ [Kow. 1880], мо. *дуран*, бур. *дурам*, калм. *дурнав* ‘подзорная труба; бинокль’ можно интерпретировать как ‘то, что позволяет видеть отчетливо’; об изобразительном происхождении лексемы свидетельствует производное с формантом, релевантным для слов с яркой образной окраской: п.-мо. *durانبай*, мо. *дуранбай*, бур. *дурамбай* ‘подзорная труба; микроскоп’.

Возникновение орнитонимов ср.-мо. *tura'un* [НУ 13], п.-мо. *turlaki* ‘красноголовая галка’ [Kow. 1896], мо. *турлиах* ‘галка’, п.-мо. *turlay sibayun* ‘ворона черная’ [Kow. 1896], мо. *турлааг*, бур. *турлааг*, калм. *турлаг*, орд. *xara turū*, *alaG turū* [EDAL 1463] ‘ворона’, возможно, связано с черной окраской и достаточно большим размером этих птиц, что позволяет их отчетливо видеть издали. Ср. п.-мо. *turay* ‘большой’ [Kow. 1888], мо. *тураг* ‘большой, крупный (о животных, птицах), огромный’, ойр. *турльг* ‘здоровый, крупный’, бур. ольх. *турлиха* ‘годовалый детеныш нерпы’. В Алтайском словаре в качестве параллелей даны Птунг. **turākī* ‘ворона, грач’, Птюрк. **torgaj* ‘маленькая птица; жаворонок’, Пяп. **təri* ‘птица’ и Пкор. **tark* ‘курица, петух’ [EDAL 1463].

В. И. Рассадин бур.НУ форму *тураак* ‘ворона; ворон’ относит к тунгусо-маньчжурским заимствованиям, причем в нижеудинском говоре форма наиболее близка к оригиналу, т.е. без согласного -л- в основе. «Тунгусо-маньчжуроведы возводят это слово к общему тунгусо-маньчжурскому слову *турā-* ‘открывать рот, клюв’, от которого данная лексема образована при помощи аффикса -ки, служащего в тунгусо-маньчжурских языках для

производства названий животных и птиц» [Рассадин, 1999, с. 133]. Как видно из примеров, неясные очертания предметов передаются с помощью корней с фонемами *[b]*, *[q]* в анлауте, отчетливые же – посредством звонкого альвеолярного взрывного *[d]* и глухого альвеолярного взрывного *[t]*.

Таким образом, нами рассмотрены особенности вербализации в монгольских языках таких понятий, как свет, луна, солнце (как источники света), рассвет, закат, мираж, сумерки и др., а также возможные пути возникновения некоторых цветообозначений (желтый, черный, серый, коричневый). Также подтверждена закономерность семантического перехода «свет → рассвет → утро → завтра».

Способность корней с сонантом *[r]* отражать световые явления дала возможность для передачи мелькания, мельтешения и пестроты однотипных предметов, которые можно поделить на две категории. К первой из них нами отнесены предметы, имеющие прямую, узкую, вытянутую форму по аналогии с отблесками света, лучами солнца: п.-мо. *ᠵᠢᠷᠢᠭᠡᠷ*, мо. *жиргэр*, бур. *жэрэгэр*, калм. *жирһр* ‘расположенный ровными рядами, стоящие рядами; стройный’, мо. *жирий*- ‘растянуться лентой; становиться в затылок; мчаться’, калм. *жюри*-, ойр. *йараа*- ‘стоять в ряд; колыхаться’, *жирс жирс хий*- ‘мелькать, рябить’ (о чем-либо ровном, узком); п.-мо. *ᠵᠢᠷᠠᠶᠢ*-, мо. *зурай*- ‘пролечь, пролегать’. Сюда же п.-мо. *ᠵᠢᠷᠪᠡᠭᠡᠷ* [Less. 1059], мо. *жирвэгэр* ‘слегка изогнутый, тонкий, узкий, ровный (о бровях, бороде)’, бур. *жэрбэгэр* ‘ровный, стройный, аккуратный’, калм. *жирвһр* ‘узкий, тонкий (об усах, бровях)’. Як. *дырибинэй* ‘струиться; сверкать’, *дырэй* ‘вытягиваться, выпрямляться’, *тыргылын* ‘тянуться, струиться (об узкой дороге, о дыме из трубы)’.

Результатом дальнейшей абстракции образа стало ср.-мо. *ᠵᠡᠷᠭᠡ* [SH, Нут], ср.-мо. *ᠵᠡᠷᠭᠡ* [MA 205], пкл.-мо. *ᠵᠡᠷᠭᠡ* [Tum. 427], п.-мо. *ᠵᠡᠷᠭᠡ* [Kow. 2326], мо. *зэрэг*, бур. *зэргэ*, калм. *зегг*, ойр. *зегге*, орд. *ᠵᠢᠷᠭᠡ*, даг. *ᠵᠡᠷᠢᠭᠢ*, *ᠵᠡᠷᠡᠬᠡ*, *ᠵᠡᠷᠭᠡ*, *ᠵᠡᠷᠭᠡᠭ*, ж.-уйг. *ᠵᠡᠷᠭᠡ*, мнгр. *ᠵᠡᠷᠭᠡ* [EDAL 1535] ‘ряд, уровень; звание’; п.-мо.

sirkeg, п.-мо. *шурхэг* ‘штука, экземпляр’. В тюркских языках распространены формы кум., кир., сюг. *жэрге*, тув. *черге*, карак., кум. *йерге*, як. *серге* ‘ряд; черед; степень’. «М. Рясянен допускал, что *järgä* может иметь один первоисточник с монгольской параллелью, но не исключал вслед за Г. Рамstedтом заимствованного характера тюрк. слова: < монг. *jerge* ‘звание’. Монгольским заимствованием считает *жэргэ* ~ *йерге* и т.д. Г. Дёрфер» [цит. по: ЭСТЯ, 1989, с. 25].

Близок по значению глагол п.-мо. *örü-*, мо. *өр-*, калм. *өр-* ‘ставить, расставлять в ряд, раскладывать что-л. в определенном порядке’. У О. М. Ковалевского приведено архаичное значение п.-мо. *örte-* ‘ставить почтовых лошадей’ [Kow. 588], на основе которого можно предположить, что п.-мо. *örtege* ‘почтовая станция’ [Kow. 588], мо. *өртөө*, бур. *үртөө*, калм. *өртү*, ойр. *өртээн* ‘перегон между станциями (равный 30–40 км); ямская станция, полустанок’ первоначально обозначало ряд привязанных на полустанке лошадей, стоящих вдоль тракта и готовящихся к перегону. Так, в бурятском языке прилагательные *пиргагар*, *ирагар*, восходящие к корням **ir/pir*, используются при необходимости передать образ множества отдельных и одинаковых предметов, расположенных в ряд, шеренгой (например, о стогах сена, кольцах на пальцах и пр.). Значение ‘ряд’ представлено и в ср.-мо. *mor* [HY 4, SH], *mör* [LH, IM, MA 239], пкл.-мо. *mör* [Tum. 474], п.-мо. *mör* [Kow. 2066], мо. *мөр*, бур. *мүр*, калм. *мөр*, ойр. *мөр*, орд. *mör*, мог. *mür*, *mor*, даг. *türe*, дунс. *то*, бао. *mor*, ж.-уйг. *mör*, мнгр. *mör*, *mur* [EDAL 930] ‘след; строка; ряд, фланг; борозда’.

Образ бесчисленного множества заложен в ср.-мо. *čerik* [IM], *čirik* [LH], *čerig*, *čerik* [MA 132], пкл.-мо. *čerig* [Tum. 319], п.-мо. *čerig* [Kow. 2128], мо. *цэрэг*, бур. *сэрэг*, калм. *цэрг*, ойр. *церег* ‘войско, армия; воин, солдат’; п.-мо. *ĵrad* ‘охранный корпус’ [Kow. 2359], мо. *жард* ‘телохранители, лейб-гвардия’ < ‘нечто, расположенное рядами, шеренгами’. Типологическое сходство наблюдается в греческом языке. Так, Н. В. Брагинская в качестве потенциально родственных для греч. *Μυρμιδόνες* – именованя воинов-

спутников Ахилла в «Илиаде» Гомера – приводит *μῦριος* ‘огромный, несчетный’, *μῦριοι* и *μῦριηκες* в двух значениях ‘муравьи’ и ‘подводные скалы, кипящие бурунами’. Кроме того, *μῦριηκες* обозначает ‘психическое и физическое беспокойство’, ‘дрожь, зуд, обмирание, обморок от холода и испуга’ и ‘вообще всякого рода мурашки’. В качестве общего дифференциального признака для ‘муравьев’ к ‘мурашек’ автор выделяет ‘несчетное кишашее, самодвижущееся множество’ [Брагинская, 1993, с. 242].

Значения корней **cer/jir/yür* (в бур. *юрье-* ‘двигаться толпой (или гурьбой) куда-либо’), на наш взгляд, соотносимы со значениями т.-ма. корня **ger* в следующих словах: нег. *гэрэн*, ороч. *гэрэ(н)*, ульч. *гэрэ(н)*, орок. *гэрэ(н)*, нан. *гэрэ(н)*, *гэрэнb*, ма. *гэрэн* ‘многие; народ, люди; толпа’ [ССТМЯ, 1975, с. 182]. В данном контексте ср. значения пкл.-мо. *gür* [Тум. 409], п.-мо. *gür*, *gür-e* ‘толпа людей, орава; бригада конницы’ [Ков. 2636], мо. *гүр* ‘уст. толпа, многолюдие; государство, династия’.

Т. А. Бертагаев считает данную лексему заимствованием из маньчжурского языка, мотивируя это тем, что «ма. *гүрүн* обладает более первичным значением ‘народ’, чего нет в монгольском, и имеет очень много производных в самом маньчжурском языке» [Бертагаев, 1951, с. 575]. В более поздней работе автор допускает сближение *гүрэн* ‘страна; строй’ с глаголами *гүрэхэ // бүрэхэ* ‘скомпоновать, образовать что-л. из нескольких частей; плести, заплетать (например, косу, бич, веревку и т.д.)’ на основе общего ассоциативного значения ‘нечто скомпонованное, сплетенное в одно, состоящее из сгустка; сгруппированное, построенное из элементов-частиц’ [Бертагаев, 1974А, с. 51].

Авторы EDAL справедливо сближают Пмонг. форму **ir-* ‘заполнять, толпиться’, восстановленную на основе бур. *iraj-* ‘стоять рядами, шеренгами’, *iralza-* ‘мелькать (о множестве предметов, находящихся в движении)’, и Пмонг. **irgen* ‘люди, народ, подданные’: ср.-мо. *jirgen* [НУ 28], *irge(n)* [SH, LH], *irgen*, *hirgen* [МА 119, 185], пкл.-мо. *irgen* [Тум. 418], п.-мо. *irgen* ‘гражданин; китаец’ [Ков. 326], мо. *иргэн*, бур. *эргэн*, калм. *иргн*,

ойр. *ирген*, орд. *īrgen*, мог. *irgan*, *orgōn*, даг. *irgen*, *iregen* [EDAL 622] ‘народ; гражданин; население’. В качестве параллелей даны: Птунг. **urū-* ‘собирать(ся); толпа, собрание’, Птюрк. **irk-* ‘собирать(ся)’, Пяп. **ú(n)ti* ‘род’, Пкор. **ur* ‘род, родня’ [EDAL 622].

В данный семантический ряд, на наш взгляд, следует включить лексему ср.-мо. *haran* [SH, NYt], *haran* [IM], *harən* [Lig.VMI], *harān* [MA], пкл.-мо. *aran* [Tum. 302], п.-мо. *aran*, мо. *аран* ‘уст. человек, простолюдин, чернь’ (употребляется ныне только в оформлении форманта категории множественности -д: п.-мо. *arad*, мо. *ард*, бур. *арад*, калм. *ард*, ойр. *арад* ‘народ, люди, население; арат, скотовод’), которая, по мнению Т. А. Бертагаева, является фонетической разновидностью по чередованию с общемонг. *эрэ-(н)* ‘мужчина’ [Бертагаев, 1974А, с. 165]. Пмонг. **haran* ‘народ’ сопоставляется с Птюрк. **Eren* ‘человек, человеческий род’ [EDAL 1125].

Возможно, корень **bar* также передавал идею множества, о чем свидетельствуют формы: п.-мо. *baray-a*, мо. *бараа*, бур. *бараа* ‘свита, сопровождающее лицо; спутник’; п.-мо. *barluγ*, мо. *барлаг*, бур. *барлаг* ‘слуга, батрак, холоп, раб’. Т. А. Бертагаевым обоснован перенос значения слова *бараа* с ‘некто темнеющее вблизи важного, чиновного лица; сопутствующее как тень’ на ‘свита, спутник’ [Бертагаев, 1971, с. 103]. П.-мо. *büreljě-*, мо. *бүрэлзэ-* ‘рябить, мелькать’ позволяет предположить развитие в корне **biir* значения ‘каждый, всякий, еже-’, т.е. ‘один из множества’ (ср.-мо. *burī* [SH, NYt], пкл.-мо. *büri* [Tum. 344], п.-мо. *büri* ‘весь, все; каждый’ [Kow. 1257], мо. *бүр*, бур. *бүри*, калм. *бүр*, ойр. *бүре*, орд. *burī*, ж.-уйг. *burən*, мнгр. *bu*, *bur*, *burən* [EDAL 364]).

На основе бур. *юрье-* ‘двигаться толпой (или гурьбой)’ становится прозрачной семантика пкл.-мо. *yerü* [Tum. 630], п.-мо. *yerü* [Kow. 2324], мо. *ер*, бур. *юрэ*, калм. *йур* ‘общий, всеобщий, обыкновенный; весьма’; п.-мо. *yerüingkei*, мо. *ерөнхий*, бур. *юрэнхы* ‘общий, собирательный; главный’.

Привлекает внимание также сонант [r] в суффиксе собирательного множества *нар/нэр* (*лама нар* ‘ламы’, *бөө нэр* ‘шаманы’, *багш нар* ‘учителя’, *нагц нар* ‘дяди по материнской линии’ и др.), согласно версии Г. Рамстедта, восходящий к имени **nar* ‘совокупность, совместность; группа, класс’, которое, в свою очередь, дало калм. *narmai* ‘в целом, весь’ [Рамстедт, 1957, с. 59–60].

Рассматриваемый мотив номинации следует выделить и в ср.-мо. *sürük* [МА 330], пкл.-мо. *sürüy* [Тум. 558], п.-мо. *sürüg* [Kow. 1435], мо. *сүрэг*, бур. *һүрэг*, калм. *сүрг*, ойр. *сүрег* ‘стадо, стая, косяк; толпа, сборище, скопище’⁷¹. Ср. п.-мо. *serbeng serbeng* ‘мелькание предметов издали; кишение червей в куче’ [Kow. 1370]; ма. *cop сэмэ* ‘много, кучей, стаей, кишмя, густо, обильно’; *фар сэмэ* ‘очень много, толпой, кучами, стадами’ [ССТМЯ, 1977, с. 114, 209].

Во вторую категорию вошли мелкие, зачастую округлые предметы, обладающие гладкой поверхностью, отражающей свет. Их быстрое, прерывисто-кратное движение, легкое мелькание, мельтешение порождают значение ‘пестрый, пегий, разноцветный’, закрепленное за производными от корней **er* и **mar*. Бур. *эрбэ-эрбэ*, п.-мо. *erbelj-*, мо. *эрвэлз-*, калм. *эрвлз-* ‘порхать; развеяться, мелькать’, отсюда п.-мо. *eriyen* ‘пестрый, испещренный’ [Kow. 253], мо. *эрээн*, бур. *эрезэн*, *эригэр*, калм. *эрэ*, ойр. *эрэ* ‘пестрота; пестрый, пегий’. Ср. эвенк. *нэрэнцэ-* ‘порхать, махать крыльями’, эвен. *нэрьк-* ‘махать, хлопать, ударять крыльями’ [ССТМЯ, 1975, с. 625], эвенк. *урвэнчу* ‘пестрый’; ульч. *эрул-эрул та-*, орок. *эру-*, нан. *эруэл-эруэл та-* ‘мелькать’ [ССТМЯ, 1977, с. 283, 466], тур. *fırfır* – о порхании бабочки [СИГТЯ, 1988, с. 518].

Корни **er/or* также могут передавать мелькание чего-л. при различной частоте вращения: ср.-мо. *xergi-* [SH], *hirgi-* [МА], п.-мо. *ergi-* [Kow. 271], мо.

⁷¹ С п.-мо. *jerge* ‘ряд, уровень’ и *sürüg* ‘стадо’, возможно, сопоставимы производные от праслав. формы **čerda*, к которым относятся: «др.-русс. *чередa* ‘очередность, очередь’, ст.-слав. *чрѣда* ‘стадо’, укр. *череда* ‘стадо, стая’, *черед* ‘очередь’, бел. *череда* ‘стадо, скот’, болг. *чърда* ‘стадо скота’, сербохорв. *чрѣда* ‘очередь, ряд; стадо’, словенск. *čréda*, др.-чешск. *črieda*, чешск. *třída* ‘ряд, серия, класс, чередование, улица’, словацк. *črieda* ‘стадо’, польск. *trzoda* ‘стадо, скот’» [Фасмер, 1973, с. 337–338].

эргэ-, бур. *эрье-*, калм. *эрг-*, ойр. *эрге-*, орд. *erge-*, мог. *irga-*, даг. *ergi-*, *xergi-*, *xorgi-*, ж.-уйг. *heregdī-*, мнгр. *xərgi-*, *xargi-* [EDAL 1137] ‘кружиться, вращаться’; ср.-мо. *er-* [LH], п.-мо. *er-*, мо. *эр-* ‘закручивать’ и др. Ср. эвен. *көрүкэн* ‘юла, волчок’, *көрүлдэн-*, эвенк. *хорги-*, эвен. *мэрэкин-*, *мърьлдин-* ‘вращаться, кружиться, виться’ [ССТМЯ, 1975, с. 437, 471, 559], эвен. *оракин-* ‘мелькать’; эвенк. *пэрб-* ‘вращаться’, *пэриун*, *пэрэкн*, орооч. *пөрпү~пөрфу*, ульч. *порфу* ‘веретено; ось; юла, волчок’; эвенк. *горол-*, ульч. *хэрэли-* ‘кружиться, вращаться’, ма. *форгоша-* ‘оборачивать, вертеть’; ма. *шурдэ-* ‘кружиться, вертеться’ [ССТМЯ, 1977, с. 23, 47, 187, 334, 430].

В бурятском языке прилагательное *эреэн* часто функционирует в паре с прилагательным *марьян*: *эреэ марьян* ‘пестрый, цветастый’, также орд. *erēn terēn*. Вариант п.-мо. *miriyen*, мо. *мирээн* ‘пестрый, разноцветный’ от **mir-mir* ‘пестреть, мелькать; сверкать; мерцать’; п.-мо. *miralja-* [Kow. 2026], мо. *миралза-* ‘сверкать, блестеть; течь, сверкая (о реке)’, бур. *миралза-*, ойр. *миралза-* ‘переливаться, рябить’. В т.-ма. языках: эвенк. *мэрбктэ-* ‘рябить в глазах’, *мэрблэмэ* ‘пестрый, пегий’, эвен. *мэргүй-* ‘пестреть’, *мъргаити* ‘пестрый, рябой’, ма. *мэрсэн* ‘пятнышки, пестринки, крапинки (на перьях птиц)’, *мэрсэңгэ* ‘пестрый, веснушчатый’ [ССТМЯ, 1975, с. 571–572]. Ср. также Яп. **mirá* ‘пятно, пятнистый’ [EDAL 915].

Значения мо. *миралза-* ‘течь, сверкая (о реке)’, бур. *миралза-*, ойр. *миралза-* ‘переливаться, рябить’ позволяют предположить, что мотив номинации в гидрографическом термине ср.-мо. *turen* [HY 2, SH], *meren* [LH], *tören* ‘море’ [MA 240], пкл.-мо. *tören* [Tum. 474], п.-мо. *türen* [Kow. 2068], мо. *мөрөн*, бур. *мүрэн*, калм. *мөрн*, ойр. *мөрөн*, даг. *тире*, *тир*, дунс. *moren*, *Moran*, бао. *toroŋ*, ж.-уйг. *terēn*, *terēt*, мнгр. *mirōn* [EDAL 935–936] ‘река (большая)’ может быть связан со зрительным восприятием сверкающей и переливающейся на солнце воды в реке.

Мо. *мөрөн* Г. Рамстедт сопоставляет с т.-ма. *му* ‘вода’: эвенк., мол., нег., орооч. *му*, ульч. *му/ муэ*, чж. *тиһ* ‘вода’, уд. *мудэ* ‘наводнение’, орок. *му* ‘вода; слезы’, нан. *муэ* ‘вода’, кор. *мул/ мур* ‘вода’ [Ramstedt, 1949, p. 154]. В. М.

Иллич-Свитыч монгольское название реки, как и указанную Г. Рамstedтом корейскую форму для воды включает в ностратический ряд с праформой **mär'ä* 'влага, влажный', в который входят картв. **mar* 'озеро; влажная почва', алт. *mörä* 'море; река; вода' [Иллич-Свитыч, 1976, с. 294]. Л. В. Дмитриева также поддерживает развитие лексемы по семантической модели 'вода' → 'река' [Дмитриева, 1984, с. 164].

В тюркских языках распространена лексема *ырмақ-йырмақ* 'река, поток, проточная вода; залив', которую М. Ряснен, Г. Рамstedт сопоставляли с мо. *irmeg* 'острый край; крутой обрывистый берег'. Э. В. Севортян расценивает ее как производное, образованное с помощью аффикса *-мақ* от глагола *-ыр*, засвидетельствованного в производных: тур. *uran* 'текущий', вост.-тюрк. *iren* 'вода', *erin* 'текучий; водянистый', тур. диал. *ipim* 'залив; затон; плес; сесто, удобное для рыбной ловли'. В качестве альтернативы автор предлагает возвести лексему к глаголу *йыр-* 'рыть; изрывать; прорывать (о воде)' [ЭСТЯ, 1974, с. 665]. Ср. также як. *ирим* 'рябь в глазах', *арылый-* 'быть ярким, чистым, светлым (о солнце)', *дьаралык* 'блеск, сияние', *кырта* 'лоск, блеск', *кырмай* 'сверкать белизной'.

Согласный [m] выступает в анлауте следующих прилагательных: п.-мо. *marsayar, marčiyar, marıayar*, мо. *марсгар, марчгар, мармагар* 'покрытый рубцами, рябой'; отсюда калм. *маралжн*, ойр. *мараалжн* 'ковер, палас (без ворса)', п.-мо. *marčiryap-a*, мо. *марцаргана* 'бот. постенница'. Географическим термином *марьян* обозначают «южные, на солнцепеке, склоне гор, занятые своеобразной растительностью без леса <...>. Маренный ландшафт имеет *пестрый* фон от перемежающихся участков: степных на выпуклых, крутых склонах и лесных по распадкам, несколько затененным пологим склонам южной экспозиции» [Мельхеев, 1969 А, с. 94].

В п.-мо. *mar-a*, мо. *мараа* 'солончак', тунк. *мараан* 'солонцы'; п.-мо. *marja*, мо. *марз*, калм. *марц*, ойр. *марца* 'соленая почва, солончак', бур. *марса* 'искусственные солонцы (для привлечения изюбров, косуль и пр.)', ойр. *марца* 'солончак' в качестве мотива номинации также выступает цветовая

характеристика объекта: бур. *бурзагар* ‘выступающий белыми пятнами (о солончаках)’. Ср. эвенк. *н'араткан* ‘солонец’ [ССТМЯ, 1975, с. 635]. В. И. Рассадин считает, что различные дериваты *tara-ṣa*, *tara-ja*, *tara-yan* восходят к одной и той же глагольной основе *tara-* ‘подкарауливать, скрадывать, караулить дичь в засаде’ → *марса*, *мараа*, *марц* ‘место возле солонцов, где подкарауливается дичь’ [Рассадин, 1987, с. 6].

ЛСП «Животный мир»

Многие рыбы и насекомые обладают хорошо отражающими свет поверхностями, в этом случае отражение является результатом интерференции световых волн на тонких пленках.

Несметное множество переливающихся на солнце маленьких рыбок, вызывающих рябь в глазах, отражено в п.-мо. *ḡraḡaqai*, мо. *жараахай*, бур. *жараахай* ‘мальки; мелкая рыбешка’; п.-мо. *ḡrtayai* ‘рыбья икра’ [Kow. 2369], мо. *жарамгай*, калм. *ḡṣirməxə*, ойр. *ḡṣirməxəxə* ‘молодь, малек’; п.-мо. *ḡart-a ḡyasu* [Kow. 2305], мо. *зарам загас* ‘мелкие рыбы, мальки’; п.-мо. *qarbaḡ-a*, мо. *харваа* ‘малек’. П.-мо. *ere*, мо. *эрээ* ‘стая рыб’ сопоставима с эвенк. *эрук*; ‘гольян (рыба)’ [ССТМЯ, 1977, с. 466], поскольку *гольян*, имеющий также названия *малявка*, *синявка*, *красавка*, представляет собой маленькую рыбку семейства карповых с длиной тела не более 10–12 см.

Ср. нан. *пари-пари* ‘сплошной массой (о большом косяке рыбы)’» [Киле, 1972, с. 145], эвенк. *ирбэ-* ‘метать икру, нереститься’, нан. *хурбэ-* ‘метать икру (о частичковых рыбах)’ [ССТМЯ, 1975, с. 324], эвен. *чарас* ‘врассыпную’ [ССТМЯ, 1977, с. 385]⁷². В данном контексте можно попытаться выделить тот же принцип номинации в лексеме п.-мо. *türisü(n)* [Less. 855], мо. *түрс*, бур. *түрһэн*, калм. *түрсн*, ойр. *түрсен* ‘икра, икринка’, сопоставляемой с Птунг. **turu-kse* ‘икра’ [EDAL 1446]. Т. А. Бертагаев предполагает ее генетическое родство с *төрө-х* ‘рожать’ либо с *түри-х* ‘выкидывать, выбрасывать’ [Бертагаев, 1974А, с. 171].

⁷² Примечательно, что в эвенкийском языке состояние покоя рыбы также передается с помощью сонанта [r]: *ургунчэ-* ‘отдыхать, не двигаться (о рыбе)’ [ССТМЯ, 1977, с. 283].

В п.-мо. *ǰrɣa* [*ǰɣasun*] ‘нельма’ [Ков. 2366], мо. *ǰарга* ‘нельма, сиг сибирский’ (также п.-мо. *irɣ-a*, мо. *ярга* ‘нельма’; п.-мо. *irɣai*, мо. *яргай* ‘горбуша’; п.-мо. *orim*, мо. *орим* ‘род налима’) выбор производящей основы обусловлен тем, что нельма обладает крупной серебристой чешуей, благодаря которой рыба переливается и сверкает на солнце. По всей видимости, тот же мотив в эвенк. *саргака* ‘окунь’, нег. *сајгати*, ороч. *сагати*, ульч. *саргади* ‘хариус’, ма. *сарга нимаха* ‘сиг’; орок. *саруки* ‘сельдь’; эвенк. *сурб* ‘сиг’, эвен. *һуричэн* ‘сиг; валец (рыба)’, эвенк. *турā* ‘сорога’; *турку* ‘омуль’; ма. *фарса* – название рыбы (мелкой, морской) [ССТМЯ, 1977, с. 65, 67, 130, 218, 220, 299]. В сложном слове п.-мо. *тарат суγасу*, мо. *марам сугас* ‘ручьевая форель, кумжа’ компонент *марам* представляет собой адъективированную форму корня **mart* ‘пестрый’, выбор которой объясняется тем, что озерная кумжа имеет темную спину, белую брюшину и серебристую окраску боков с темными пятнами, разбросанными по всей поверхности тела.

Следует отметить, что В. И. Рассадин рассматривает *ǰrɣa* в качестве гипотетической основы для п.-мо. *ǰɣasun* ‘рыба’, относя последнюю к словам с затемненной внутренней морфологической формой. Опираясь на то, что аффикс *-sun* иногда придавал новым словам обобщающее абстрагирующее значение, как например, *адуγун* ‘табунная лошадь; табун’ > *адуγусун* ‘животное’, на случаи выпадения сонорных перед другими сонорными и, наконец, на наличие старописьменных форм *ǰrɣad* ‘рыбы’, *ǰrɣaɕin* ‘рыбак’ наряду с *ǰɣasuɕin*, автор предполагает, что форма *ǰɣasun* представляет собой слово, образованное от некоего слова с конкретным значением, а именно от *ǰrɣa* ‘нельма’. Эту же основу автор выделяет в мо. *ǰараахай* ‘малек’ [Рассадин, 2006, с. 11–12]. В таком случае восстановленный В. И. Рассадиным архетип **ǰrɣasun* ‘рыба’ также можно будет возвести к корню **ǰr/ǰrɣ* со значением ‘нечто переливающееся’, обусловленным многоцветным мерцанием рыбьей чешуи в воде, в лучах солнца. В более

ранней работе В. И. Рассадина, ссылаясь на приведенную Б. Х. Тодаевой словоформу бао. *джилгасоң* ~ *джиласон* ‘рыба’, предполагает, что во всех остальных монгольских языках без **l*, этот **l* был когда-то представлен (*jilyasun* < корень **jil* + аффиксы -*ya* + *sun*). К тому же корню восходит тюрк. *jilan* // *jilan* ‘змея’ и *julyun* ‘тамариск’ [Рассадина, 1982, с. 94].

Наиболее ярким примером реализации признака ‘мелькающий, мельтешащий’ можно считать энтомонимы ср.-мо. *xerbegai* [НУ 12], *herbēkei* [МА 184], п.-мо. *erbekei* [Kow. 257], *erbeyekei* [Less. 319], мо. *эрвээхий*, бур. *эрбээхэй*, калм. *эрвэкэ*, ойр. *эрвээкээ*, орд. *erwēkī*, дунс. *həbəyəi*, мнгр. *xalege*, *xerbuge*, *xalige*, *xerbuge* [EDAL 1136] ‘бабочка’; п.-мо. *erbegci* ‘маленькая бабочка’ [Kow. 257], мо. *эрвэгч* ‘мотылек, бабочка’; бур. *арбалжан* ‘стрекоза’; п.-мо. *arbaγaljγan-a*, мо. *арваалжгана* ‘стрекоза, долгоножка’, в которых номинация происходила на основе зрительного восприятия мелькающих крыльев насекомого. Ср. нег. *гург;чb*, ульч. *гургуни* ‘бабочка’; эвенк. *лургавкb* ‘стрекоза’; *лорукb* ‘бабочка’, *лоруткән* ‘мотылек’ [ССТМЯ, 1975, с. 174, 500, 505], эвенк. *урэуэн* ‘быстрый, подвижный’ [ССТМЯ, 1977, с. 289].

Корни **merb/gür/kür* дали названия следующих летающих насекомых: п.-мо. *merbegekei*, мо. *мэрвээхэй* ‘перговая моль’; п.-мо. *gürelji* ‘зеленый сверчок’ [Kow. 2636], *güreljegen-e*, *küreljegen-e* [Kow. 2636], мо. *гүрэлж*, *гүрэлзгэнэ*, *хүрэлзгэнэ*⁷³ ‘серая кобылка, сверчок’. Ср. ма. *гуржэн*, *гурэлжи* (название сверчка), *гэргэн* ‘кузнечик (зеленая кобылка с большим брюхом)’ [ССТМЯ, 1975, с. 174, 181]. Следует отметить, что тур. форма *жүржүр* ‘сверчок’ [СИГТЯ, 1988, с. 518] больше напоминает звукоподражательное образование. В словаре В. И. Даля *сверчок*, иначе *циркун*, *цвиркун*, *цирюкан*, охарактеризован как «насекомое, которое сверчит, свирестит, цирюкает, потирая жесткие накрыльники свои о зубчатые ножки». Следовательно, в п.-

⁷³ Тот же корень в п.-мо. *kürene* ‘цвета радуги, переливы многих цветов’ [Kow. 2636].

мо. *gürelji, güreljegen-e, küreljegen-e* также можно выделить и участие слухового восприятия насекомых.

Ср.-мо. *čariyan* ‘навозный жук’ [LH]; ср.-мо. *siroxalžin* [HY 12], пкл.-мо. *siryo:ljin, siroyo:ljin* [Tum. 565], п.-мо. *siryulji(n)* [Kow. 1530], мо. *шоргоолж*, бур. *шоргоолжон*, калм. *шорһлэжн*, ойр. *шорһолжсин*, орд. *šurGulži, šurGülži, šorGolži*, даг. *suaigälži, suajhaleži*, мнгр. *šorGožin* [EDAL 1297] ‘муравей’ восходят к корням **čar/sirq/sir/ir* ‘нечто кишашее, мелькающее (во множестве)’: п.-мо. *ira jira* ‘несчетный, бесчисленный’ [Kow. 318], бур. *ира-ира* ‘кишмя кишеть, мелькать’, *ирагар* ‘пестрящий; мелькающий’. Ср. ма. *сэрбэн сарбан* ‘киша, пресмыкающаяся, ползая (о червях)’, эвен. *чириңэ* ‘гусеница’ [ССТМЯ, 1977, с. 144, 400], нан. *морил-л* ‘киша, извиваясь (о большой массе змей, червей и пр.)’ [Киле, 1972, с. 137]. Н. Н. Поппе производит лексему от глагольной основы **siryu-* ‘пролезать, проникать; проскользнуть’ [Порре, 1981, р. 387], которая, скорее, возникла на основе слухового восприятия. Как отмечалось выше, звук шуршания прослеживается формах: п.-мо. *šörge-* ‘чесать, тереть обо что-л. (о скоте)’, п.-мо. *šürge-* ‘касаться, задевать что-л.’, п.-мо. *šur ki-* ‘шелестеть’ и др.

На алтайском уровне Пмонг. **sirgolži* ‘муравей’ сопоставляется с Птунг. **sura (sora)* ‘блоха; откладывать яйца в носовой полости оленя; шмель; мушиный помет, яйца насекомых; пыльца’, Пкор. **sir-* ‘класть яйца (о насекомых или рыбах)’ [EDAL 1297]. Тот же мотив номинации, по всей видимости, заложен в слове ср.-мо. *sirke* [MA 323], п.-мо. *sirke* [Less. 718], мо. *ширх*, бур. *шэрхэ*, орд. *sirxe* [EDAL 1264] ‘вошь скота, власоед’, для которого А. В. Дыбо приводит внешние параллели: тюрк. **sirkä* ‘гниды; личинки насекомых’, т.-ма. **su:ra* ‘блоха’, кор. **hjə* ‘гнида’, яп. *sírámùì* ‘вошь’ [СИГТЯ, 2001, с. 182]. В. И. Рассадин рассматривает п.-мо. *sirke* ‘красная вошь’ как тюркизм [Рассадин, 2010, с. 33].

Следует отметить, что в тюркских языках для именованья муравья используется лексема *қарынжа* ‘муравей; клещ’, этимологию которой К. Брокельман связывает с *qarın* ‘живот’ и уменьшительным аффиксом *-ča*, т. е.

qariñca ‘животик’ (из-за сходства по внешнему виду) [ЭСТЯ, 1997, с. 323]. Если принять во внимание способность корней с гуттуральными [q/k] передавать световые явления, можно допустить, что в тюрк. *қарынжа* действовал тот же принцип номинации, что и в монгольских языках. Ср. также в т.-ма. языках: эвенк. *бриктэ* ‘муравей’, *јаракта* ‘муравей (лесной, большой)’, эвен. *hbrut*, нег. *вктэ*, ороч. *вктэ*, орок. *сируктэ*, нан. *силуктэ*, ма. *јэрхувэ*, *јэрхувэн* ‘муравей’ [ССТМЯ, 1975, с. 325].

П.-мо. *орууа-* ‘изгибаться, извиваться (как змеи и насекомые), в кольцо свиваться’ [Kow. 451], мо. *ороо-*, бур. *орёо-* ‘извиваться (о змеях, червях)’; п.-мо. *орубалја-* ‘ползать, пресмыкаться (как змеи) извилинами’ [Kow. 451] позволяет выделить корень **qor* в ср.-мо. *qoroxai* [HY 12], *qoruγai* [IM], *qorqai* [LH], *qoraγai* [MA 302], пкл.-мо. *qorūqai* [Tum. 531], п.-мо. *qorūqai* [Kow. 962], мо. *хорхой*, бур. *хорхой*, калм. *хорха*, ойр. *хорхаа*, орд. *хорохō*, даг. *хоргō*, *хорог*, *хоруги*, *horehe*, дунс. *Guyi*, бао. *GorGei*, ж.-уйг. *хорохGui*, мнгр. *хорGwī*, *хорGui*, *хурGoi* [EDAL 808] ‘насекомое; червь⁷⁴; личинка насекомого, гусеница’, имеющем надежные алтайские параллели: эвенк. *ер*; ‘червь (дождевой); гусеница’, нег. *ујэ*, уд. *ујэ* ‘червь (дождевой)’ [ССТМЯ, 1977, с. 289], Птюрк. **ku:r-t* ‘червь’ [СИГТЯ, 2001, с. 182].

Общие значения ‘червяк; насекомое’ сохраняются в п.-мо. *уоруqai* ‘особый вид шелковичных червей’ [Kow. 321], *ируqai* [МХТТТ], мо. *ерхэй*, *ёрхой* ‘пяденица’; п.-мо. *kür* ‘шелковица’ [Kow. 2636], мо. *хур* [*хорхой*] ‘шелковичный червь, шелкопряд; всякие мелкие личинки насекомых’. В Алтайском словаре к Пмонг. *(*h*)*irukai* также даются формы: Птунг. **riaru* ‘червь (в мясе); моль; жук’ и Пяп. **pirū* ‘пиявка’ [EDAL 1151].

Глаголы п.-мо. *γурбалја-* [Kow. 1038], мо. *гурвалз-*, мо. *гүрвэлз-*, бур. *гүрбэлзэ-*, калм. *хурвлз-*, *гүрвлз-* ‘извиваться, пресмыкаться, изгибаться; трепетать, биться (о рыбе)’ характеризуют движение змеи, ящерицы, червей,

⁷⁴ Фонетический состав рус. корень *черв-* как напоминает мо. **ǰirb*, что позволяет предположить, что в русском языке номинация происходила на основе зрительного восприятия насекомых.

рыбы, обладающих хорошо отражающей свет поверхностью. Информация о быстром передвижении денотатов заложена в п.-мо. *gürbel* [Kow. 2646], мо. *гүрвэл*, бур. *гүрбэл*, калм. *гүрвэлг*, ойр. *гүрвэл*, *гүргүүл* ‘ящерица’, п.-мо. *gürbelji*, мо. *гүрвэлж* ‘змея’; п.-мо. *ürbel*, мо. *үрвэл* ‘ящеренок’. В EDAL в качестве параллели приводится Птунг. *gori-* ‘шевелиться, двигаться’ [EDAL 568]. Форма восстановлена на основе эвенк. *гори-*, сол. *гургэлбе-*, эвен. *гургэл-* ‘шевелиться, двигаться; дрожать’ [ССТМЯ, 1975, с. 161, 173].

Следует также учесть, что вид как червей, так и пресмыкающихся, помимо мельтешения в глазах у большинства людей вызывает такие ощущения, как брезгливость и физическое отвращение (*б-р-р!*). В связи со способностью корня **qor* отражать органические ощущения неудивительно, что понятие ‘аппетит; желание, охота съесть или сделать что-л.’ выражается с помощью лексемы *хорхой*: *хорхойгоо дара-* ‘заморить червячка; умерять свой аппетит’, *хорхой хүрэ-* ‘сильно хотеть’; *хорхойто-* ‘завидовать, быть жадным’ (см. подр. §4.2). В русском языке слово *червь* в сочетании со словами *сомнение*, *раскаяние*, *зависть* индицирует затаенное, постоянно мучащее чувство: *червь сомнения точит сердце*.

Отмеченная выше способность дрожащего сонанта [r] обозначать мелькание, мельтешение однотипных предметов, имеющих узкую, вытянутую форму, обусловила появление в алтайских языках обширной группы корней с общим значением ‘передвигать ноги; двигаться’. В ср.-мо. *ǰoriya* [LH], п.-мо. *ǰriya* [Kow. 2359], мо. *жороо*, бур. *жороо*, калм. *жора*, ойр. *жора* ‘иноходь’ изобразительный корень *ǰir-ǰir* соотносится с характером движения ног коня-иноходца, переставляемых не по диагонали, а односторонне, т.е. рядами (ср. *зэрэг* ‘ряд’): сначала правую заднюю и правую переднюю, потом левую заднюю и левую переднюю. Семантически близко бур. *ербы-* ‘виднеться в виде стройных рядов’, *ербэгэр* ‘стройный, статный’.

Образ мелькания переставляющихся ног дал также глаголы движения с семей ‘идти’: ср.-мо. *yorči-* [LH, IM], *orči-* [MA 269], пкл.-мо. *ǰorči-* [Tum.

435], п.-мо. *ǰorči-* [Kow. 2406], мо. *зорчи-* ‘шествовать, идти, ехать; отправляться в путь; начинать ходить, делать первые шаги (о ребенке)’, к которому Т. А. Бертагаев возводит лексему *жороо* ‘иноходец’ [Бертагаев, 1974А, с. 356], п.-мо. *ǰrü-*, мо. *зөр-*, калм. *зөр-*, ойр. *зөре-* ‘перемещаться, передвигаться относительно друг друга’.

Привлекает внимание развитие в производных от т.-ма. корней **gir/sir* значения ‘шагать’: эвенк. *гиракта-* ‘шагать’, *гирамжит-* ‘топтаться между дымокурами (об оленях)’, *гирани-* ‘скакать’, *гиркумакта* ‘ребенок, начавший ходить’, *гире* ‘быстроходная лошадь’, эвен. *гбрām-* ‘топтаться на одном месте (об оленьем стаде)’, *гирко-* ‘шагать, ходить’, ульч. *гиран-*, орок. *гиран-* ‘шагнуть’ [ССТМЯ, 1975, с. 155], эвенк. *сиран-* ‘переступить с ноги на ногу’; эвенк. *тиргб-* ‘идти пешком’; ма. *чир сэмэ* ‘скоро, ровной рысцой (ехать)’; эвен. *чордун-* ‘бежать галопом (о животных)’ [ССТМЯ, 1977, с. 94, 187, 400, 409]. Фонетическая близость корней **ǰr/ǰor* и **gir/sir* позволяют предположить, что рассмотренные примеры также возникли в результате вербализации зрительного восприятия переставляющихся ног животных (олений, лошадей) и людей.

Часть исследователей считает тюрк. *йорга* ‘иноходь’ производным глагола *йоры-* ‘идти, двигаться’, другая группа ученых склонна возводить *йорга* к глагольной основе *йор-* ‘идти рысью’. Л. С. Левитская отмечает, что характер отношения тюрк. *йорга* к монг. *ǰiruga* ‘иноходец’ пока окончательно не выяснен. Эвенк. *ǰир;* ‘иноходец’ и т.д. трактуются как генетически близкие монгольским [ЭСТЯ, 1989, с. 225]. На наш взгляд, семантика т.-ма. корня **gir* позволяет предположить автохтонное развитие значений эвен. *ǰордъңчи-* ‘бежать иноходью’, нан. *ǰоаранда-* ‘идти рысью’, *ǰорда-* ‘идти рысью, иноходью’ [ССТМЯ, 1975, с. 260].

Учитывая способность т.-ма. корня **gir* выражать значение ‘идти, шагать’, авторы Алтайского словаря в качестве параллелей, на наш взгляд, справедливо приводят Птюрк. **gEr-* ‘ходить, проходить через’ и Пмонг. **gar-* ‘выходить’ [EDAL 550]. Сюда же следует отнести Птюрк. **gir-*

‘входить; ступать; двигаться’ [EDAL 825]. З. Гомбоц сопоставлял Птюрк. **gEř-* ‘ходить’ с п.-мо. *kere-*, мо. *хэр-*, бур. *хэрэ-* ‘бродить, скитаться, слоняться; странствовать’, ма. *hergi-* ‘бродить вокруг, слоняться’ [Gombocz, 1905, p. 250].

Рассмотренный выше ряд корней, передающих движение, как правило, длинных ног животных, людей, а также определенные способы передвижения лошадей, позволяют выявить именно этот признак в ср.-мо. *morin* [HY 9, SH, LH], *mori* [IM], *murin* [MA], пкл.-мо. *morin* [Tum. 472], п.-мо. *mori(n)* [Kow. 2043], мо. *морь*, бур. *мори(н)*, калм. *мөрн*, ойр. *мөрөн*, орд. *mori(n)*, мог. *morin*, *muren*, даг. *mori*, *moř*, дунс. *mori*, бао. *more*, ж.-уйг. *mōrə*, мнгр. *mori* [EDAL 945] ‘конь, лошадь’. Следует отметить, что из пяти традиционных видов животных, разводимых монгольскими народами, лошадь является наиболее быстрым средством передвижения.

Большинство алтаистов (Г. Рамstedт, Г. Д. Санжеев, В. И. Цинциус, С. Калужински и др.) сходятся во мнении, что данная лексема восходит к исконно монгольскому лексическому фонду. Хотя известна точка зрения Е. Д. Поливанова, сопоставляющего мо. *морин* с кит. *тǎ*, яп. *мма*, кор. *мал*, бирм. *мранг* ‘лошадь’ [Поливанов, 1968, с. 163]. Авторы Алтайского словаря приводят Пкор. **mǎr* ‘лошадь’ и Птунг. **murin* ‘лошадь’, отмечая, что тунгусские формы могут быть заимствованы из монгольских языков (хотя их вокалическое оформление не указывает на заимствованный характер), однако корейское слово трудно объяснить как монголизм [EDAL 945].

Функционирование в т.-ма. языках корней, обладающих значением ‘идти, переступить’, подтверждает то, что Птунг. форму **murin* не следует рассматривать как заимствование. В пользу данного вероятия А. Новикова приводит следующие доводы: «слово это имеет широкое распространение в т.-ма. языках и их диалектах, образуя в них большие гнезда слов, среди которых имеются архаичные формы. Противоречат этому и историко-этнографические и археологические данные, свидетельствующие об относительно высоком уровне древней материальной культуры предков

тунгусо-маньчжуров, о раннем знакомстве их со скотоводством и коневодством».

Автор на основе диалектного варианта *муркин* > *муркун*, зафиксированного в токкинском говоре эвенкийского языка, восстанавливает более древнюю форму **morkin*, из которой в результате выпадения *k* образовалась более поздняя форма **morin*. К. А. Новикова выдвигает рабочую гипотезу о том, что **mor* является образной основой, лексическое значение которое передает представление о масти животного: ср. эвенк. *мурин*, эвен. *мурин* 'смуглый; подпалина (рыжеватые, желтые пятна на шерсти животного иной масти)', сиб. 'белка-подпаль (сорт беличьего меха)', а также ма. *мурун малахи* 'пестрая степная кошка (желтая с черными пятнами)'. Исследователь мотивирует свою точку зрения тем, что «дикая лошадь Центральной Азии <...> имеет буровато-желтую окраску верха тела и боков и светло-желтую низа тела и конца морды» [Новикова, 1979, с. 73].

Выбор корня **borq* в энтомониме п.-мо. *borquyusu*, мо. *боргуус*, бур. *боргооһон* 'комары', ал., эхир., бохан. *боргоодоһон* 'мошка, мошкара', по всей видимости, связан с тем, что мошкаре свойственно, как дым, клубиться в воздухе, образуя трепещущие рои. Ср. ойр. *буржицна*- 'многokrатно двигаться, кишеть (о насекомых)'; п.-мо. *birsayar*, мо. *бирсагар* 'очень много; тьма, туча рой (например, пчел)'. В т.-ма. языках: орок. *горги*- 'кишеть, копошиться' [ССТМЯ, 1975, с. 161], эвен. *пороховај* 'гнус, мошка' [ССТМЯ, 1977, с. 41]. При этом не исключена и актуализация звукового восприятия насекомых, о чем свидетельствует звукоподражание в нанайском языке: «*хор-р* 'жужжать (о рое, мух, комаров)» [Киле, 1972, с. 175].

И, наконец, ср.-мо. *maral* [ЛН], п.-мо. *maral*, мо. *марал*, бур. *марал*, калм. *марл*, ойр. *марал* 'лань (самка изюбря)' < 'нечто пестрое (об окраске)', обусловлено тем, что спина и бока животного покрыты светло-серым мехом с песчаным оттенком в области плеч на хребте и с буроватым налетом в задней части спины. Ср. эвенк. *кираңан* 'пестрый (о масти важенок)' [ССТМЯ, 1975, с. 398].

ЛСП «Растительный мир»

В основе п.-мо. *iraγui* ‘анемон, ветреница’ [Kow. 319], мо. *яргуй*, бур. *ургы* ‘подснежник; прострел’; п.-мо. *yerend*, мо. *ерэнд* ‘прострел японский’ лежит признак ‘нечто блестящее, поблескивающее’, поскольку весь подснежник, включая околоцветники, покрыт густыми серебристыми волосками. От данного фитонима с помощью суффикса *-жин* образован другой – *яргуйжин* ‘ветреница нарциссовидная’. По всей видимости, тот же признак в фитониме п.-мо. *irbeg*, мо. *ирвэг* ‘богородская трава’. Ср. эвенк. *аргāвāктэ* ‘название цветка (лютик, прострел)’ [ССТМЯ, 1975, с. 50]. На происхождение названия п.-мо. *serkegene*, мо. *сэрхгэнэ*, бур. *хэрхээнэг*, калм. *серкэнг* ‘люцерна’ проливает свет перевод с лат. *lucerne* ‘блестящий’, что также связано с наличием у растения опушенных листьев.

Название кустарника п.-мо. *iryai*, мо. *яргай*, бур. *яргай*, калм. *ярһа*, ойр. *йарһаа* ‘кизил’, возможно, связано с тем, что он обладает блестящими листьями и плодами⁷⁵. В Тунгусо-маньчжурском словаре фитоним сопоставляется с нан. *јаргикта* ‘название дерева’ [ССТМЯ, 1975, с. 343]. В лексемах пкл.-мо. *sirge* [Tum. 565], п.-мо. *sireg*, мо. *ширэг*, ойр. *ширег* ‘трава, зеленый луг’; п.-мо. *јерт-е*, мо. *зэрэм* ‘трава, растущая рядом с бурьяном’, вероятно, заложен тот же мотивационный признак ‘нечто блестящее, переливающееся’⁷⁶. Бур. *шэрэм* ‘весенняя травка (низенькая с черной головкой)’. В. И. Рассадин склонен связать с тат. *чирэм* ‘целина; трава’, башк. *сирэм* ‘целина’, чув. *серем* ‘сочная зелень, трава; дерн; целина’, аз. *чэрэн* ‘вид кормовой травы, растущей на равнине’ [Рассадин, 2007, с. 98]. Ср. ма. *йира* ‘густой, частый (лес, трава, хлеба); сплошной’ [ССТМЯ, 1975, с. 259].

⁷⁵ По свидетельству В. И. Рассадина, в бур.НУ *йаргээ* также имеет значение ‘шомпол’, возникшее в результате метафорического переноса от *йаргээ* ‘кизил’, поскольку «нижнеудинские буряты в старину шомполы для своих ружей, заряжавшихся с дула, изготавливали из ветвей кизиловых кустарников, отличавшихся особой прямизной и крепостью» [Рассадин, 1999, с. 135].

⁷⁶ Типологическое сходство в именовании травы наблюдается в рус. *мурава* ‘сочная луговая трава, дерн’, *мурог* ‘сенокос, луг, дерн’, *мурога* ‘редкое, нежное зеленое сено’, сербохорв. *мур^оава* ‘вид водоросли’ и др. Ср. также сол. *мургил* ‘ярица (яровое поле)’ [ССТМЯ, 1975, с. 558], возможно, ма. *сучи* [**сурки*] ‘колоситься, наливаться (о злаках)’ [ССТМЯ, 1977, с. 130].

Данный модус перцепции обусловил появление ряда названий ягод: п.-мо. *nersü* [Kow. 625], мо. *нэрс*, бур. *нэрһэн*, калм. *нерх*, ойр. *нерехе* ‘голубика’; п.-мо. *nür* [Kow. 704], мо. *нүр* ‘черника’ от *нөр-нөр гэ-* ‘рябить, пестрить’. Ср.-мо. *bürlügen* [MA 127], п.-мо. *bürilgene*, мо. *бүрэлгэнэ* ‘калина’; п.-мо. *büriljegene*, мо. *бүрэлзгэнэ* ‘калина (плод)’ от п.-мо. *bürelje-*, мо. *бүрэлзэ-* ‘рябить, мелькать; мерцать’. Зафиксированные в тюркских языках тат. *börlegän* ‘ежевика’, башк. *böthögön* ‘ежевика’, чув. *përlëxen* ‘костяника’ Э. Р. Тенишев считает образованными с помощью аффикса *-gen* от глагола **börle-*, значение которого неизвестно [СИГТЯ, 2001, с. 140]. Схожий мотив номинации в рус. *рябина*. Также в т.-ма. языках представлено название ягоды: эвенк. *мороңо*, *бороңго* ‘морозка’, нен. *мараңга* ‘морозка’ [ССТМЯ, 1975, с. 547]⁷⁷.

К корню **burč* восходит ср.-мо. *burčax* [HY 8], *burčaq* [MA 125], п.-мо. *burčay* [Kow. 1223], мо. *буурцаг* ‘горох, бобы’, бур. *буурсаг*, орд. *burčaq*, даг. *borečō*, *borčō*, даг. *рица*, *риџа*, бао. *рэџаG*, ж.-уйг. *purčaG*, мнгр. *риџаG* [EDAL 379] ‘семя, плод’, калм. *бурчг*, ойр. *бурцаг* ‘дробь (для ружья); горох’; п.-мо. *burčayai*, мо. *буурцагай* ‘стручок’; п.-мо. *burčayan-a*, мо. *буурцагана* ‘соя (желтая)’. Ср. парн. п.-мо. *erse burčay* ‘мелкий горох, горошек (белый и красный)’ [Kow. 257], мо. *эрс буурцаг* ‘фасоль; мелкий горох’, а также ср.-мо. *tarjıtaγ* ‘чечевица’ [IM].

Тюрк. *бурчақ* ‘горох; кукуруза; град; крупные капли пота; курчавый’, по мнению Э. В. Севортына, является «производным от глагола *бур-* ‘вить; сгибаться’, образованным с помощью аф. *-чақ* с обычным кругом значений – орудий/средства, субъекта действия и т.д. С указанными значениями глагола *бур-* согласуется представление о семействе бобовых как о вьющихся растениях. <...> К. Брокельман видел в *burčaq* производное с

⁷⁷ В русском названии ягоды *морозка* М. Фасмер видит финно-угорское происхождение: фин. *tuurain*, манси *торах*, *торех*, ханты *түрәх*, *торәһк*, коми *түр*, нен. *мараңга*, нганас. *tura 'ka*, энецк. *taragga* [Фасмер, 1967, с. 658].

уменьшительным аф. *-ǰaq*, но не называл производящей основы» [ЭСТЯ, 1978, с. 175–176].

Тюрк. *бүртүк, бүрчүк* ‘зерно; хлеб; маленький кусок, крупинка; прыщ’ Э. В. Севортян рассматривает как производное, образовавшееся посредством аффикса *-(a)қ* от глагола **бүрт-* ‘отрываться; отпадать (о кусочках, частицах)’, как о том позволяет судить производное *bürt-miik* ‘кусочки, отрывающиеся от мягких предметов’ [ЭСТЯ, 1978, с. 300–301]. Сол. *борчо* ‘бобы’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 97], чего нельзя утверждать относительно ма. *лархун* ‘горох (дикий мышиный); стручок’ [ССТМЯ, 1975, с. 494].

Относительно слова ма. *тури* ‘горох (общее название гороховых, бобовых и других шелушенных плодов)’, заимствованного в другие языки: нег. *тури*, ороч. *тури*, уд. *тули*, ульч. *тури*, авторы Тунгусо-маньчжурского словаря предполагают, что оно возникло в результате присоединения суффикса *-ри* к китайской лексеме *dou* ‘бобы’ [ССТМЯ, 1977, с. 219]. Возведение формы *тури* к корню **tur* ‘нечто мельтешащее, рябящее’ становится возможным благодаря функционированию в эвенкийском языке лексемы «*турикта* ‘черемуха (ягода); крыжовник (ягода)’» [Там же, с. 219]. Ср. также мо. атрибутив, характеризующий сияние глаз: п.-мо. *tortuuir*, мо. *тормогор*, ойр. *тормаһар* ‘живые, блестящие, черные, как черемуха’.

В ср.-мо. *уатта* ‘крупя’ [МА 387], п.-мо. *јарт-а* ‘мелкая крупя’ [Kow. 2305], мо. *зарам* ‘отруби (из рисовой крупы), мучные высебки’⁷⁸ корень *јарт* вопроизводит дискомфорт, возникающий в глазах при наблюдении множества переливающихся мелких зернышек. В. И. Рассадин производит монгольскую форму от др.-тюрк. *јарта* ‘крупя’ < *јар-* ‘рассекать, расщеплять’ [Рассадин, 2007, с. 70]. В ср.-мо. *xure* [НУ 7], *hüren* [МА 107], пкл.-мо. *ür-e* [Тум. 621], п.-мо. *ür-e* [Kow. 577], мо. *ур*, бур. *урэ*, ойр. *уре*, орд. *ur, ure*, даг. *xur, hure*, дунс. *fure*, бао. *fure, fəre*, ж.-уйг. *hure*, мнгр. *furē, xurē* [EDAL 1187]

⁷⁸ Ср. корень **zern* в рус. *зерно*, укр. *зерно*, др.-русск. *зьрно*, ст.-слав. *зьрно*, болг. *зьрно*, сербохорв. *зно*, словен. *zrno*, чешск., словацк. *zrno*, польск. *ziarno*, в.-луж. *zorno*, н.-луж. *zerno*, родственно лит. *zirnīs* ‘горошина’, лтш. *zīrnis*, др.-прусск. *syrne* ‘зерно’ [Фасмер, 1967, с. 95–96].

‘плод, семя, семена; зерно’ в дальнейшем развились значения ‘дитя, ребенок’, ‘результат, последствие’. Т. А. Бертагаев сопоставляет данную лексему с *ургах* ‘расти’, выделяя общий корень **ur* ‘подниматься, всходить’ [Бертагаев, 1974А, с. 304]. Ср. Птюрк. **urug* (~**or-*) ‘семя; ребенок, девочка; род, племя; родственники’, Птунг. **pur* ‘молодой; дети; семья; приплод, выводок’, Пяп. *pú* [*<*p úr(i)-gV*] ‘поросль’ [EDAL 1187].

От корня **qorq* образованы ср.-мо. *qorgosun* [SH], п.-мо. *qoryal*, *qoryul*, *qoryusun* [Kow. 968], мо. *хоргол*, бур. *хоргол*, *хоргоол*, *хоргоохон*, *хоргоодоон*, калм. *хорһсн*, ойр. *хорһосон*, орд. *хорGol*, бао. *gugusi*, ж.-уйг. *хоргол*, мнгр. *хорGōзә*, *хурGōсә* [EDAL 844] ‘помет (овец, коз, верблюдов); орехообразный навоз домашних животных, катыш помета’; п.-мо. *qorkinaу*, мо. *хорхиног* ‘горошек’. Пмонг. *qoryal* соотносима с **xōri-hta* ‘помет (олений)’ [EDAL 844], поскольку помет оленей действительно представляет собой «характерные «орешки», которые мельче лосиных, но крупнее, чем у косули» [www.zoomet.ru].

В. И. Цинциус предполагает, что к тому же корню **qorq/qory* восходит и название металла п.-мо. *qoryuljīn* [Kow. 969], мо. *хорголжсин*, калм. *хорһлжсн*, ойр. *хорһолжсин* ‘свинец’ [Цинциус, 1984, с. 99], что действительно допустимо с учетом того, что свинцовые пули (п.-мо. *qoryuljīn sumi* [Kow. 969]) имеют мелкую округлую форму.

В ср.-мо. *erge* [IM], *erike* ‘ожерелье’ [MA 163], пкл.-мо. *eriki* [Tum. 392], п.-мо. *erike* [Kow. 254], мо. *эрих*, бур. *эрхи*, калм. *эркн*, ойр. *эркен* ‘четки’ зрительно воспринимается вращательное движение бусин производящееся с целью подсчета числа произнесенных молитв, успокоения и др. Мелькание мелких округлых предметов также заложено в баргуз. форме *шураг* ‘бусы’, которая, в свою очередь, фонетически и семантически схожа с п.-мо. *siru* [Kow. 1544], мо. *шүр(эн)*, бур. *шүрэ*, калм. *шур*, ойр. *шур* ‘коралл; коралловый’. В т.-ма. языках: эвенк. *јари* ‘бусина (крупная); бусы’ [ССТМЯ, 1975, с. 343], ма. *ори* ‘бусы, ожерелье’; эвенк. *чурикта* ‘бисер; королек (крупный литой бисер)’ [ССТМЯ, 1977, с. 23, 416].

ЛСП «Человек»

Признак ‘рябой; пестрый’ наблюдается в *марчгар* ‘рябой’, п.-мо. *nöriḡe* [Kow. 704], мо. *нөрөө*, бур. *нүрөө* ‘рябины на лице (от оспы)’ от *нөр-нөр гэ* ‘рябить, пестрить’. Ср. чув. *pěrləxen* ‘сыпь (на теле)’ [СИГТЯ, 2001, с. 140], ма. *кэркэнэ* ‘покрываться рябинами (о лице после оспы)’, *кэркэри* ‘рябины (на лице после оспы)’; эвенк. *муруктэ* ‘оспина’ [ССТМЯ, 1975, с. 453, 559], эвенк. *сурбакта*, эвен. *хурбът* ‘прыщ, сыпь’; ма. *сурги* ‘струпья, пятна (после оспы)’; эвенк. *харинтун* ‘золотуха’ [ССТМЯ, 1977, с. 129, 317].

Значения мо. *гэрээ* ‘блеск, цвет (лица)’, п.-мо. *qačar-un ger-e* ‘цвет лица’, *ger-e qačar* ‘цвет лица; щека, ланита’ [Kow. 2505] позволяют выделить признак ‘светлый, сияющий (о лице)’ в ср.-мо. *čirai* [SH, NY], *čirai* [MA 125], прекл.-мо. *čirai* [Tum. 355], п.-мо. *čirai* ‘лицо, обличье; цвет лица’ [Kow. 2183], мо. *чирай*, бур. *шарай*, калм. *чирэ*, ойр. *чирээ*, орд. *čarā*, даг. *šar, cari, šari, šarā, šarī*, мнгр. *čirī, čirē* ‘лицо, облик’ [EDAL 1366]. В EDAL предлагаются параллели: Птунг. **dēre* ‘поверхность; лицо’ и Птюрк. **dēri* ‘кожа’ [EDAL 1367].

Следует отметить, что Л. С. Левитская в качестве возможных лексических параллелей для тюрк. *teri* ‘кожа; шкура, снятая с головы животного’ приводит эвенк. *tergekse* ‘ровдуга, замша из оленей шкуры’, эвен. *terges* ‘ровдуга’; эвенк. *dere* ‘лицо; шкура с головы оленя’, *deri* ‘шкура с головы’, но не приводит мо. *čirai*. Закономерность семантического развития ‘лицо’ → ‘шкура с головы’ автор подкрепляет примерами: эвенк. *mēta* ‘шкура с головы оленя’ и сол. *meta* ‘лицо’ [СИГТЯ, 2001, с. 383]. Таким образом, если предположить, что в Птунг. **dēre* и Птюрк. **dēri* исходным было значение ‘шкура’, то в них можно выделить признак ‘жесткий, заскорузлый’, как в бур. *дорсогор, дорхогор* ‘засохший, покоробившийся; топорщающийся; заскорузлый (о сырой засохшей коже)’ и др.

Известно, что глаза как человека, так и животных благодаря своим оптическим свойствам способны отражать попадающий в них свет: они

могут сверкать, сиять, блестеть и пр.⁷⁹ В монгольских языках представлены образные слова, характеризующие взгляд человека, которые образованы от следующих корней: **ǰart/ǰert/ǰirt/sirt/čirt/ǰerm/ǰirm/ǰrb/sirb/gir/orm/torm/durb*. Примечательно, что монгольские корни с начальной аффрикатой [ǰ] совпадают с рус. *зр-ить, зр-ение, в-зор, зырк-ать, разг. зыр-ить* и др.⁸⁰

П.-мо. *ǰermeger*, мо. *зэрмэгэр*, ойр. *зеремгер* ‘имеющий умные и узкие глаза’; бур. *зэртэгэр*, калм. *зертһр* ‘вытарашенный (о глазах); раскосый’, ойр. *зертээ-* ‘быть большеглазым, широко открытым (о глазах)’; п.-мо. *ǰirtaγar, ǰirmeγer* [Kow. 2370], мо. *жармагар, жирмэгэр*, ойр. *ǰирмегер* ‘сощуренный, узкоглазый’; п.-мо. *ǰirtaγar*, мо. *жартгар*, бур. *жартагар*, калм. *ǰиртһр*, ойр. *ǰиртегер* ‘с вывернутым веком; с узкими глазами’; п.-мо. *ǰirtelče-* ‘перемигиваться’, *ǰirmelče-* ‘смотреть сладострастно’ [Kow. 2368]; п.-мо. *čirtaγar*, мо. *чартгар* ‘глаз с приподнятым углом века’. Относительно кир. *ǰыртақ* ‘трахома; слезящийся, слезоточащий’, тув. *чыртақ* ‘гноящийся, больной’ Л. С. Левитская считает вероятным монгольское происхождение форм, так как «при трахоме во время рубцевания хрящ века искривляется, вызывая заворот краев век. Совокупность всех значений, приведенных в перечне тюрк. и монг. форм, отражает различные признаки заболевания глаз: нагноение, слезотечение, вывернутые веки» [ЭСТЯ, 1989, с. 43].

По всей вероятности, развитие значения ‘кокетничать; ломаться, кривляться’ обусловлено поведением денотата, характеризующимся русским словосочетанием *стрелять глазками*: п.-мо. *ǰerteger*, мо. *зэртэгэр* ‘кокетка;

⁷⁹ В мо. *ǰрзас* ‘улыбка, усмешка (при которой губы разжаты и видны зубы, но не слышен звук смеха)’, возможно, корневой [r] передает сверкание зубов: *ǰрс ǰрс* ‘сверкание (при улыбке)’.

⁸⁰ Также корень **zerk* представлен в рус. *зеркало*, укр. *зеркало*, словенск. *zrkalo, zrcalo*, чешск. *zrcadlo, zrkadlo*, словацк. *zrkadlo* < ‘нечто отражающее свет’. Ср. тув.-тоф. *көрүньчжүк* ‘зеркало’, которое Б. И. Татаринцев в конечном итоге связывает с глагольной основой *көр-* ‘смотреть’ [Татаринцев, 2004, с. 248].

кокетливый’, бур. *зартагана*- ‘кривляться’; п.-мо. *ǰirbaγar*, мо. *жарвагар* ‘ломака, кривляка’.

Напряженный, неподвижный, а также недружелюбный взор на кого-л., что-л. передается с помощью корней **sirt/sirb/durb*: п.-мо. *sirte*- ‘смотреть, глядеть, разглядывать, глазеть, окинуть взором’ [Kow. 1533], мо. *шурт*-, бур. *шэртэ*-, калм. *шурт*-, ойр. *шурте*- ‘устремлять глаза, впиваться глазами; всматриваться’; п.-мо. *sirbe*-, мо. *шурвэ*- ‘бросать недружелюбный взгляд’; п.-мо. *sirbigine*- ‘щурить глаза’ [Kow. 1531], мо. *шурвээнэ*- ‘то расширяться, то суживаться (о зрачках)’; *ǰirmeγi*- ‘зажмуривать, прищуривать глаза’ [Kow. 2369]; п.-мо. *dürbelǰe*-, мо. *дурвэлз*- ‘смотреть, впиваться острыми глазами’; пкл.-мо. *dörde*- [Tum. 371], п.-мо. *dördeγi*-, мо. *дөрдий*- ‘установиться взглядом, пристально всматриваться, вытаращить глаза’; мо. *дөрдгөр нүд* ‘беспокойные, быстро бегающие глаза’.

Пкл.-мо. *giraqai nidü* [Tum. 243, 405], п.-мо. *kiraqai nidün* ‘зоркий глаз, зоркость’, *kiruyu nidün* ‘быстрый глаз, зоркость’ [Kow. 2546, 2549], мо. *гярхай* ‘обладающий исключительной зрительной памятью’, *гярхай нүд* ‘глаз, зоркость; имеющий хорошее зрение’, бур. ал. *харахай* ‘зоркий (о глазах)’ Л. С. Левитской сопоставляется с тюрк. *қыра:н* ‘ловкий, хваткий, зоркий; бьющий без промаха (о ловчей птице); лучший сокол, кречет; коршун; ястреб’ [ЭСТЯ, 2000, с. 233]. Ср. ма. *иргаша*- ‘перемигиваться, делать глазки; посматривать (искоса, сердито)’ [ССТМЯ, 1975, с. 325].

Семантическое поле тюрк. формы *қыра:н* в определенной мере подтверждает то, что ряд названий хищных птиц в алтайских языках появился в результате манифестации признака ‘зоркий’: ср.-мо. *qarčaqai* [LH], *qarčiyai* [MA 293], п.-мо. *qarčayai* [Kow. 850], мо. *харцага*, *харцгай*, бур. *харсага*, калм. *харцх*, ойр. *харцагаа* ‘ястреб’. На заимствованный из монгольских языков характер тюркских лексем *қарчыга* ‘ястреб, коршун, сокол’ указывали Л. Лигети, М. Рясянен, Г. Рамстедт. Однако наиболее реальной для В. И. Рассадина представляется точка зрения Н. И. Егорова и Л. П. Петрова, согласно которой пратюрк. форма **qartiga* ‘ястреб’, явившаяся

прототипом прамонг. **qartiya*, является развитием прототюрк. **qartigan*, образованной на тюркской почве от тюркской же глагольной основы **qarti-* ‘оцарапать, поранить’. Первоначальным значением прототюрк. орнитонима **qartigan* было ‘царапающая, ранящая (птица)’, т.е. ‘хищная птица’ [цит. по ЭСТЯ, 1997, с. 318].

Мягкорядный корень **kerč* образует прилагательное п.-мо. *kerčegei* [Kow. 2517], мо. *хэрцгий*, бур. *хэрзэгы*, ойр. *керцегэа* ‘жестокий, яростный’; бур. *хирзага* ‘нервный, злой, сердитый’; также п.-мо. *yorquyur*, мо. *ёрхгор*, бур. *ёрхогор* ‘неприветливый, хмурый’; бур.НУ *йартэа* ‘злой, придирчивый (о человеке)’ [Рассадин, 1999, с. 137]. Ср. эвенк. *кэрчэмэ* ‘сердитый, упрямый’; улч. *киру-киру би* ‘сердитый, злой’, орок. *қира* ‘сердитый, злой, грубый’ [ССТМЯ, 1975, с. 454, 399]. Гипотезу о развитии данного значения на основе зрительного восприятия глаз верифицируют данные из нанайского языка: «*кирок-кирок* ‘бросать сердитые взгляды, насупиться’, *кирму-кирму* ‘рассердясь’» [Киле, 1973, с. 112].

Корень **kir/kirk* дал п.-мо. *kirayui* [Kow. 2552], мо. *хяргуй*, калм. *кирһу* ‘копчик, кречет’ и п.-мо. *kiruyičai* [Kow. 2550], мо. *хярууцай* ‘маленький ястреб’. Л. С. Левитская приводит три точки зрения относительно происхождения распространенной в тюркских языках лексемы *қырғы~қырғай~қырғуй* ‘род хищной птицы; ястреб; сокол’. По одной из них, *қырғый* генетически связано с глагольной основой *қыр-* ‘истреблять’. Ю. Немет высказывал предположение о связи *қырғый* с *қыр* ‘серый’, однако аффикс *-ғый* не присоединяется к именам-названиям цвета. И, наконец, Д. Х. Базарова относит производящую основу узб. *қирғий* к звукоподражаниям, выделяя в нем первичное *қырк* и афф. *-ий*. Исследователь опирается на орнитологическую литературу, согласно которой в клетоте перепелятника, помимо *кик-кик-кик*, различается ясное и отрывистое *кирк-кирк-кирк*. Однако, по мнению Л. С. Левитской, едва ли при этимологизации орнитонима следует ссылаться на кир. *қырқ-қырқ*, передающее клетот коршуна, поскольку варианты аффикса *-ғый* весьма разнообразны. Автор

предлагает свою версию, согласно которой, *қыргызый мурунду* можно трактовать как '[птица] с крючковатым носом', в то время как в кир. *қыр мурун* 'прямой без горбинки нос' [ЭСТЯ, 2000, с. 235–236].

Чередование [q/t] в образных корнях позволяет выявить семантику орнитонима ср.-мо. *tarbaǰı* 'бурятская орлица' [МА 341], п.-мо. *tarbalǰı* 'ястреб' [Kow. 1680], *tarbaǰı* 'ястреб-перепелятник' [Less. 780], мо. *тарвалж* 'небольшой орел с черной спиной и пестрыми крыльями', бур. *тарбажа*, *тарбалжа* 'лесной орел', калм. *тарвж* 'орел белохвостый'; п.-мо. *türbelǰı*, мо. *турвэлж* 'орел'; «ма. *турбэлжи* 'орел'» [ССТМЯ, 1977, с. 218].

Ведущую роль зрительного восприятия острого взгляда можно попытаться выделить в п.-мо. *sar* [Kow. 1328], мо. *сар* 'лунь; большой коршун; мохноногий курганник, сарыч обыкновенный', калм. *сэри* 'балобан (самец)', тюрк. *sar*, поскольку обозначаемые данной лексемой птицы также относятся к дневным хищникам отряда ястребиных. А. В. Дыбо считает, что мо. *sar*, скорее всего, тюркизм [СИГТЯ, 2001, с. 170]. В. И. Рассадин як. *сар* 'канюк, сарыч' относит к монголизмам [Рассадин, 1980, с. 67]. Л. С. Левитская отмечает, что некоторые исследователи сопоставляют тюрк. *sar*, *сары* с *са:рыг* 'желтый', которое действительно довольно употребительно при наименовании птиц. Однако при сопоставлении данных лексем возникают трудности [см. подр. ЭСТЯ, 2003, с. 213–214].

Значение ма. *гурақуша*- 'озираться; коситься' [ССТМЯ, 1975, с. 173]; ульч. *сури-сури би* 'раскосый (о глазах)', нан. *сурику* 'косой', *сури-сури бб* 'раскосый (о глазах)' [ССТМЯ, 1977, с. 130], вероятно, также развилось на основе зрительного восприятия глаз, ср. п.-мо. *qoruu* [Kow. 962], мо. *хоруу* 'бельмо; белое пятно; катаракта'; эвенк. *јари* 'бельмо' [ССТМЯ, 1975, с. 343], *эргэлэк* 'бельмо' [ССТМЯ, 1977, с. 463].

Данное предположение можно подкрепить аналогичным семантическим рядом в монгольских языках: п.-мо. *kilar*, мо. *хялар*, бур. *хилар* 'косой, косоглазый' при мо. *хялам хий*- 'бросить взгляд (повернув голову), быстро взглянуть; оглянуться; скосить глаз', *хялалза*- 'коситься, смотреть искоса;

хлопать глазами’, *хяласхий*- ‘коситься; блеснуть, сверкнуть глазами’, калм. *килвлз*- ‘высматривать, выглядывать (воровски по сторонам)’. Таким образом, в т.-ма. языках корень **sur* также первоначально передавал блеск, сверкание (глаз).

Эвенкийская форма *эргэлэк* ‘бельмо’ позволяет сопоставить корень **erk* с корнем **ert* в п.-мо. *eremdeg* ‘одноглазый, кривой’ [Kow. 250], в современных же языках сохранилось более общее значение: мо. *эрэмдэг*, калм. *эрмдг* ‘калека; увечье, уродство’, ойр. *эремдег* ‘недостаток, изъян’, бур. *эрэмдэгтэй* ‘поврежденный, искалеченный; дефектный’.

Лабиялизованные варианты корней дали: п.-мо. *ормуи*-, мо. *ормой*- ‘вылупить глаза’, калм. *орма*-, ойр. *ормаа*- ‘озираться; удивляться; тарашить глаза’, п.-мо. *orbigena*- ‘озираться, смотреть во все стороны, глазеть’, *öriübelje*- ‘сверкать глазами; боязливо осматриваться, выпучив глаза’ [Kow. 464, 582]; п.-мо. *tormuyi*- [Less. 827], мо. *тормой*- ‘выпучиваться’; п.-мо. *tormulja*-, мо. *тормолз*- ‘блестеть (о живых черных глазах)’; п.-мо. *tormuyur* [Less. 827], мо. *тормогор*, ойр. *тормаһар* ‘живые, блестящие, черные, как черемуха (о глазах)’; п.-мо. *nidü torni*- ‘раскрывать глаза, глазеть’ [Kow. 1890]; п.-мо. *gerel-iin öngges-i tordayulqu* ‘издавать лучи, блестеть, сиять’; п.-мо. *tordumal* ‘ясный, светлый, блестящий, блистающий’ [Kow. 1895–1896]. Ср. як. *тырымна*- ‘мерцать, сверкать (о глазах)’.

Функционирование приведенного ряда глаголов наталкивает на мысль о том, что основной глагол смотрения ср.-мо. *qara*- [SH, MA 292, NYt], пкл.-мо. *qara*- [Tum. 522], п.-мо. *qara*- [Kow. 831], мо. *хар*-, бур. *хара*-, калм. *хар*-, ойр. *хар*-, орд. *хара*-, мог. *qara*-, мнгр. *харə*- [EDAL 648] ‘видеть; смотреть, глядеть’ также может быть связан со способностью глаз отражать свет, т.е. < ‘сиять, сверкать’. Согласный [q] наблюдался в анлауте следующих

«световых» лексем: п.-мо. *qarbay-a*, мо. *харваа* ‘малек’; п.-мо. *qorkinaγ*, мо. *хорхиног* ‘горошек’ и др.⁸¹

В Алтайском словаре находим следующие параллели к глаголу *qara-*: Птунг. **kara-* ‘беречь, защищать’ (семантика которого, на наш взгляд, сопоставима с мо. *qaramna-* ‘жалеть, скупиться’), Птюрк. **Karak* ‘зрачок, глаз; взгляд’ [EDAL 648]. Л. С. Левитская предполагает, что тюрк. *қарақ* образовано от *қара* ‘черный’ путем присоединения уменьшительного аффикса *-қ*, подтверждая реальность этой этимологии следующими фактами: 1) в названиях частей тела употребительны уменьшительные формы имени; 2) *қара* ‘черный’ используется для обозначения зрачка; 3) формы *қарашық* и др. являются уменьшительными; 4) в тув. и тоф. *қарақ* ‘глаз’, но *қара-* ‘смотреть’ [ЭСТЯ, 1997, с. 296]. А. В. Дыбо, считая сомнительной связь **karak* ‘глаз’ с **kara* ‘черный’, производит его от алт. *kara-* ‘смотреть’ [СИГТЯ, 2001, с. 211]. Возможно, действительно, значение *karak* ‘глаз’ можно представить как ‘нечто сияющее, сверкающее’. Ср. нан. *карок* ‘бросить сердитый взгляд, насупиться’ [Киле, 1972, с. 107], ма. *нархун* ‘быстрый, беглый (взгляд)’ [ССТМЯ, 1975, с. 585], эвенк. *һэричэ-* ‘наблюдать; следить, посматривать’ [ССТМЯ, 1977, с. 369].

В тюркских языках также представлен глагол *көр-* ~ *гөр-* ‘смотреть, глядеть, видеть; переживать; ухаживать; расценивать’, который, по замечанию Б. И. Татаринцева, удовлетворительной этимологии не имеет. В частности, не вполне ясен характер отношений между *көр-* ‘смотреть’ и *көз* ~ *гөз* ‘глаз’. А. В. Дыбо возводит **göz* ‘глаз’ к **görs*, считая *-s* аффиксом-субстантиватором, а существительное – древним производным от глагола **qör-* ‘видеть’ [СИГТЯ, 2001, с. 209]. Иной точки зрения придерживается Б. И. Татаринцев, выявляющий связь между *göz* ‘глаз’ и тур. диал. *gөze* ‘отверстие в крыше, через которое заваливают солому; лунка для высадки

⁸¹ Заслуживает внимания тот факт, что в синониме п.-мо. *üje-*, мо. *үзэ-*, бур. *үзэ-*, калм. *үз-*, ойр. *үзе-* ‘глядеть, смотреть’ также представлена символически «сильная» аффриката [jʃ].

огурца; решето', *göztek* 'маленькая дырка', аз. диал. *gəzməx* 'дыра, ноздри'. По мнению исследователя, в подобных образованиях *gəz-* ~ *kəz-* означает не 'видеть; смотреть', а нечто подобное 'продырявливать(ся)' и представляет собой соответствие распространенной, двухсложной основы вроде кир. *kəzə-* 'просверливать, делать дырявым'. В таком случае *gəz* может означать не только 'глаз', но и 'отверстие, дыра' [Татаринцев, 2004, с. 247].

Лексемы со значениями 'изображение, образ, вид': п.-мо. *köriüg* 'изображение Будды, образ, икона, статуя; портрет; *отражение света*' [Kow. 2643], мо. *xəpəg*, бур. *xүрэг*; п.-мо. *diiri* 'вид, образ' [Kow. 1935], мо. *dүр*, бур. зап. *dүрэ*, калм. *dүр*; п.-мо. *diirsü(n)* 'форма, образец' [Kow. 1951], мо. *dүрс*, бур. зап. *dүрһэн*, калм. *dүрсн* также, по всей видимости, связаны со зрительным восприятием, т.е. 'нечто, воспринимаемое взглядом'. Ср. *tolin-u doturaki köriüg* 'отражение чего-л. в зеркале' [Kow. 2643]; орх. *köriüg* 'рассматривание; шпион', осм. *g'örük* 'взгляд' [Владимирцов, 1929, с. 162], а также п.-мо. *diirbelje-*, мо. *dүрвэлз-* 'смотреть, впиваться острыми глазами'.

И, наконец, хотелось бы остановиться на семантике ср.-мо. *mergan* [НУ 37, SH], пкл.-мо. *mergen* [Тум. 460], п.-мо. *mergen* 'ловкий, проворный; искусный охотник, особенно стрелок' [Kow. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мерген*, орд. *mergen*, даг. *mergen*, *meregen*, дунс. *merҮen*, мнгр. *mergen*, *turgen* [EDAL 918] 'меткий; меткий стрелок'. Известно, что такое качество, как меткость определяется способностью точно оценивать расстояние, отчетливо видеть цель и попадать в нее. Ср. рус. *зорк-ий*, а также «орок. *жориққу* 'прицел, мушка (у ружья)', *жори-* 'прицелиться; указать пальцем', нан. *жори-* 'прицелиться, брать на мушку', ма. *жори-* 'намечать цель; целиться, метить'» [ССТМЯ, 1975, с. 265], эвенк. *турчэс-*, ульч. *тури-*, орок. *тери-* 'целиться, метить, прицеливаться (из ружья, из лука)' [ССТМЯ, 1977, с. 222]. Эвенк. *мэргэнч* 'молодец', орох. *мэггэ* [**мэргэн*] 'молодец, герой; быстрый, ловкий', уд. *мэргэ* – фольк. имя – эпитет героя нанайских сказок, ульч. *мэргэ(н)*, орок. *мэргэ(н)*, нан. *мэрг*; 'добрый молодец, богатырь', орок. 'добрый молодец' [ССТМЯ, 1975, с. 571].

Корень **mer/merg/merk/mir*, на наш взгляд, мог передавать сосредоточенный взгляд во время прицеливания, что косвенно подтверждается функционированием в бурятском языке глаголов: *маряа*- ‘нацеливаться’, *маряашала*- ‘искать глазами’; п.-мо. *mira*- ‘шпионить, подсматривать’, *miralkila*- ‘останавливаться по временам на пути и озираться, посматривать (например, зверолов на охоте)’, *miriya*-, *miraya*- ‘ползти, ползком пробираться’ [Kow. 2026], мо. *мяраа*- ‘подкрадываться, подползать’. В современных языках сохранилось переносное значение п.-мо. *mereyi*- [Less. 536], мо. *мэрий*- ‘стараться, стремиться, усердствовать’. Наиболее близко к производной семантике данного корня стоит Пмонг. **berke*: п.-мо. *berke* [Kow. 1128], мо. *бэрх*, бур. *бэрхэ*, калм. *берк* ‘искусный, сведущий в чем-л., компетентный, ловкий, умелый’ (бур. *бэрхэ ангуушан* ‘опытный, отличный охотник’). Ср. ма. *фэри*- ‘прилагать усердие’; эвен. *эръң*- ‘стараться, усердствовать’ [ССТМЯ, 1977, с. 369, 467]; кирг. *мара*- ‘впиваться взглядом в жертву, уставиться на жертву, готовясь к прыжку (о крупных хищниках)’, *марала*- ‘пристально глядеть’, *маран*- ‘осматриваться, оглядываться, озираться’, уйг. *мара*- ‘подкрадываться’, вост.-тюрк. *мара*- ‘поджидать, выведывать, высматривать с наблюдательного поста’, сарт. *марала*- ‘выглядывать, подсматривать, подкрадываться’ [Рассадин 1987, с. 6].

Относительно собственно монгольской этимологии известна версия Г. Рамстедта, согласно которой *mergen* образовано от **mer*- ‘подкрадываться, целиться’ [ЭСТЯ, 2000, с. 58]. Примечательна точка зрения Р. Г. Ахметьянова, который видит в *мерги* производное от тат. глаг. основы *мэр*- ‘целиться’, указанная семантика восстанавливается на основе современного значения ‘делать что-л. очень медленно и осторожно’ [Ахметьянов, 1981, с. 150]. Б. И. Татаринцев предлагает версию о тюркском происхождении лексемы, допуская ее связь с глагольной основой *бер*- ‘бить, ударять’, видя в этом определенную аналогию с рус. *бить*, гомогенным с которым являются *бой*, *боец* и *бойкий* [Татаринцев, 2008, с. 114].

В EDAL к Пмонг. **merge-n* приводятся субстантивы, связанные со стрелой: Птунг. **m[i]rV* ‘стрела; самострел’ и Птюрк. **būri* ‘наконечник стрелы’ [EDAL 918], номинация в которых, возможно, происходила на основе зрительного восприятия остроконечной формы объекта (ср. мо. *ip* ‘острие’). В целом следует отметить некую затемненность, непрозрачность семантической деривации, породившей данное слово, однако на достигнутой ступени анализа можно сделать вывод о том, что разные значения *мэргэн* ‘меткий’ и ‘мудрый’ включаются в две различные этимологические канвы, которые могут быть объединены на базе звукосимволической интерпретации.

Согласный *[b]* в анлауте традиционно индицирует меньшую степень проявления признака: *börügsi-* ‘потускнеть (о зрении у старцев)’ [Kow. 1260], бур. *бүрэгэр* ‘тусклый; близорукий’, калм. *бүргэр* ‘прищуренные (о глазах)’, ойр. *бүрвезер* ‘полузакрытые, прищуренные (о глазах)’. В казахском языке корень с широким гласным *[a]* дал глагольную форму «*барла-* ‘выведать; осмотреть вокруг, окинуть взором’» [Кайдаров, 1986, с. 192].

Фонетический состав представленных в разделе корней позволил выявить инварианты **ir/er/or/ör/ür*, составляющие 20 % от общего количества. В анлауте выступают согласные *[y/ʃč/š/s]* – 32 %, *[m/n]* – 18 %, *[b/p]* – 15 %, *[q/k/ɣ/g]* – 10 %, *[t]* – 5 %, из которых первые способствуют передаче ярких вспышек света, остальные согласные – несколько приглушенных его проявлений.

Таблица 11

Типы корней, передающих световые явления

<i>C_{un} / V</i>	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/ü</i>	<i>ö/ü</i>
<i>∅</i>	–	<i>er, erk, erb, ert</i>	<i>ir, irk, irb</i>	<i>or, orm</i>	<i>ör, ür, örl</i>
<i>y</i>	<i>yar</i>	<i>yerk</i>	–	–	–
<i>ʃ</i>	<i>ʃar, ʃart, ʃarm</i>	<i>ʃer, ʃert, ʃerm</i>	<i>ʃir, ʃirk, ʃirt, ʃirb</i>	–	–
<i>č</i>	<i>čar</i>	<i>čer</i>	<i>čirt</i>	–	–
<i>š</i>	–	–	<i>sirk, sirt, sirb</i>	–	–
<i>s</i>	<i>sar</i>	<i>serb, serk</i>	–	–	–
<i>q/k</i>	<i>qar, qarb</i>	–	<i>kir, kirk</i>	<i>qorq</i>	–
<i>ɣ/g</i>	–	<i>ger</i>	–	–	–

<i>d</i>	–	–	–	–	–
<i>t</i>	–	–	–	<i>tord, torm, torn</i>	–
<i>b</i>	<i>bar</i>	<i>berk</i>	<i>birs</i>	<i>bor, bur, burč</i>	<i>bür, bürb</i>
<i>p</i>	–	–	<i>pir</i>	–	–
<i>m</i>	<i>mar, marq, marm</i>	<i>mer, merg, merb</i>	<i>mir</i>	–	–
<i>n</i>	<i>nar</i>	<i>ner</i>	–	–	<i>nör, nür</i>

Данные таблицы также позволяют выявить степень участия финальных согласных: $[q/k]$ – 33 %, $[b]$ – 26 %, $[t]$ – 22 %, $[m]$ – 1 %. Согласные $[s]$, $[č]$ и $[l]$ выступают в единичных случаях. Рассмотренные примеры показывают многочисленные соответствия не только в языках алтайской общности, но и языках других семей.

Акустико-артикуляционные характеристики согласного $[m]$ позволяют ему выражать признаки ‘тусклый, смутный’: п.-мо. *sümeg, sümeki* [Kow. 1430], мо. *сүмгэр, сүүмгэр*, бур. *һүүмэгэр* ‘тусклый, неясный; мерцающий (о свете); подавленный’, ойр. *сүмелзе* – ‘мерцать, слабо светить’. Ср. каз. *жым* – подражание мерцанию света, миганию огня; *сам жамырау* ‘наступать (о сумерках)’, *ымырт* ‘сумерки (вечерние)’ [Кайдаров, 1986, с. 216, 271, 309].

Пмонг. форма **süme* сопоставима с Птунг. **sim* – ‘тень, темное место’, а также изолированной формой в чувашском языке *sə^wm* ‘темнота, тень’ [EDAL 1290]. Ср. другие т.-ма. формы: эвен. *һимуйл-*, нег. *симуул-* ‘начать темнеть, смеркаться’, эвенк. *һум-* ‘скрываться, исчезать, мелькать (вдали)’, эвенк. *умулгэ* ‘тень (тенивая площадка под деревом)’ [ССТМЯ, 1977, с. 87, 126, 270].

4.2. Актуализация вкусового восприятия

В данном параграфе рассматриваются рефлексивно-номинативные функции переднеязычного дрожащего сонанта $[r]$ в составе корней, передающих вкусовые ощущения, которые вызываются действием на вкусовые рецепторы веществ, растворенных в слюне или воде. Вкусовые рецепторы, расположенные на поверхности языка, глотки и нёба, способны различать ощущения сладкого, кислого, соленого и горького. В связи с тем,

что восприятие, как правило, «полимодально», мы указываем в данном случае вкус как «ведущий» модус в данной ситуации восприятия, хотя не исключаем присутствия сигналов других модусов, в особенности обоняния.

Способность корня **dar/darb* участвовать в вербализации вкусовой перцепции проявляется в п.-мо. *darbigina-*, мо. *дарвигна-* ‘ощущать пряный, острый вкус’: *гич хэл дарвигнуулна* ‘горчица щиплет язык’, т.е. ‘горчица заставляет язык дрожать (*др-р-р*)’. В бурятском языке данный корень дал только зрительно-образное значение, минуя стадию передачи вкусовых ощущений: *дарбиш-* ‘искажаться (о лице); недовольно морщиться, кривя рот’. Ср. як. *дыаар* ‘приторный вкус, привкус парного молока’; ма. *фургин* ‘острый (на вкус), жгучий, пряный’, *фургису* ‘имбирь’ [ССТМЯ, 1977, с. 303].

Выявлению особенностей вербализации вкусового восприятия в монгольских языках в немалой степени способствуют названия спиртных напитков. Так, к рассмотренному выше корню восходит лексема ср.-мо. *darasun* [IM], пкл.-мо. *darasu(n)* [Tum. 362], п.-мо. *darasu(n)* ‘хмельной напиток; вино (некуренное)’ [Kow. 1664], мо. *дарс(ан)*, дунс. *дарасун* ‘фруктовое вино; продукт брожения (риса, проса и т.п., но не перегонный)’, калм. *дарасн* ‘уст. ягодное вино’. В бурятском языке лексемой *дархан* обозначают ‘уст. тарасун (молочная водка)’. У западных бурят *тарасун* выступает как синоним слова *архи*, обозначая самый крепкий молочный напиток из молока, получаемый методом перегонки. У некоторых групп бурят вместо *тарасун* используется субстантивированная форма *тогооной(хи)* ‘(из) котла’, возникшая в результате эллипса словосочетания *тогооной архи*.

В *dar-a-sun* можно предположить мотив, схожий с глаголом *darbigina-* ‘ощущать резкий, острый вкус’. Изобразительная природа лексемы *дарс* подтверждается функционированием в бурятском языке парного слова *арза-дарза* ‘дважды перегнанная молочная водка’. Кроме того, вызывает интерес значение лексемы, приведенное М. Н. Мельхеевым и не зафиксированное в Бурятско-русском словаре: бур. *дархан* ‘кислый; кислятина; квасок’.

Исследователь видит эту основу в названии минерального источника *Дарасун*, расположенного в Карымском районе Забайкальского края, переводя его как ‘углекислая вода’, которой славится этот курорт [Мельхеев, 1969, с. 82]. Действительно, углекислая минеральная вода этого курорта имеет чуть кисловатый вкус, из чего можно предположить, что корень **dar* включал вкусовые признаки ‘пряный, острый; кислый’. Хотя мы не исключаем возможности того, что в основе названия лежит фитоним *дэрсэн* ‘ковыль блестящий’.

Корень с переднеязычным, твердым, смычным [t] в анлауте **tar*, также передающий признак ‘кислый’, возможно, заложен в названии кисломолочного напитка ср.-мо. *toraq* ‘кислое молоко, творог’ [ЛН], п.-мо. *taray*, мо. *тараг*, бур. *тараг*, калм. *тарг*, ойр. *тараг*, ‘*тарак* (род простокваши)’, а также в названиях растений п.-мо. *tarlay*, мо. *тарлаг* ‘кислец монгольский’; п.-мо. *torluу modun* ‘кустарник торлук’ [Kow. 1896], мо. *торлог* ‘джузгун монгольский; прут, розга’. Ср. «каз. *ipi-* ‘свертываться, скисать’, *ipkim* ‘перебродившее кислое молоко’» [Кайдаров, 1986, с. 311].

Н. Л. Жуковская приводит лексемы, обозначающие пять ступеней перегонки водки, известные монголам: *архи*, *арз*, *хорз*, *шарз* и *дун*, шкала крепости которых возрастает от 9-11° до 50° [Жуковская, 2004, с. 176]. Последняя лексическая единица п.-мо. *dung*, мо. *дун*, бур. *дун*, калм. *дун*, вероятно, связана с основным значением ‘итог; результат’. По замечанию М. Н. Хангалова, буряты обычно останавливаются на *архи* (или *тарасуне*), ибо все последующие перегонки требуют очень много молока [Хангалов, 1958, с. 245]. Как видно, все названия спиртных напитков, кроме последнего, образованы от корней с переднеязычным дрожащим сонантом *r* в позиции доминанты, что, по нашему мнению, далеко не случайно.

Словоформа пкл.-мо. *araki* [Tum. 302], п.-мо. *araki*, *ariki* ‘вино, водка, хмельной напиток’ [Kow. 143], мо. *архи*, бур. *архи*, калм. *арк*, ойр. *арке* ‘водка (преимущественно приготовленная из кислого молока); крепкие хмельные напитки’ широко распространена как в восточных, так и в западных языках

(тюрк. *araqy*, ма. *arki* и др.). В алтаистической литературе лексема признается арабским заимствованием (от *arrâq* ‘пот, испарина; водка; выжатый сок, духи’). Однако Э. В. Севортян отмечает: «Столь широкое распространение слова *арақ(ы)* на громадной территории Евразии связано, естественно, с распространением обозначаемого им предмета. Если предмет и его название имеют арабское происхождение, то посредником движения *арақ(ы)* на восток могли быть тюрки, монголы, персы. Но принадлежит ли *арақ(ы)* к собственно семитской основе в собственно арабской лексике, остается пока под вопросом» [Севортян, 1974, с. 166–167].

Относительно финального гласного [i] Б. Я. Владимирцов, в целом соглашаясь с арабским происхождением лексемы, делает следующие наблюдения: «Считается, что формы, оканчивающиеся на заднеязычный + V, например, тюрк. *arakî*, як. *арыгы*, фр. *riquiqui*, а также монг. *arakî* восходят к арабской адъективной форме *‘araqî*. Предположение это вызывает возражение уже потому, что *‘araqî* встречается редко в арабском. Конечный гласный монгольских форм, по всей вероятности, заимствованный через тюркское посредство, следует искать на тюркской почве» [Владимирцов, 1930, с. 75–76].

Допуская то, что лексема *arki* могла возникнуть в недрах собственно алтайской языковой общности, морфологически в ней можно выделить корень **ark*, который в данном случае мог бы передавать обжигающий вкус данного напитка, хотя не исключено, что в процессе появления слова *архи* ведущую роль сыграло обоняние. Как отмечалось выше, что целостный вкусовой образ формируется в результате тесного взаимодействия вкусовых, обонятельных, температурных рецепторов. Так, известно бурятское выражение *архяар ард гэжэ ангила*- ‘издавать резкий запах водки’, где *ард* передает резкость запаха.

Подтверждением возможности возникновения лексемы *архи* на почве алтайских языков может служить синоним п.-мо. *араĵа* ‘крепкий кумыс; горячее вино; спирт’ [Ков. 143], мо. *арз*, бур. *арза*, калм. *арз*, ойр. *арза*

‘молочная водка двойной перегонки’. На возможную гомогенность п.-мо. *araki* и *arajan* вслед за Э. В. Севортяном и М. Рясянеом указывает Б. И. Татаринцев [Татаринцев, 2000, с. 126]. «Б. Лауфер считает *araja* словом родственным *araki* и восходящим, следовательно, к арабской праформе. То же думает В. В. Радлов относительно арт. *arajan* ‘водка из молока’» [цит. по: Владимирцов, 1930, с. 76]. Однако Б. Я. Владимирцов однозначно определяет алт. *arajan* как монгольское заимствование, не имеющее ничего общего с *araki*. Раскладывая его на корень *apa-* и аффикс *-ja*, для обоснования своей версии автор приводит однокоренные слова: *ara-lji-* ‘менять, переменять’, *ara-čila-* ‘заступаться, защищать’, тюрк. *ara* ‘промежуток, место между двумя предметами’, тар. *apa* ‘помощь, спасение’ [Владимирцов, 1930, с. 76].

На наш взгляд, в данном наименовании компонент *-j* входит в состав корня **arj*, который наиболее активен в процессе вербализации тактильных ощущений: п.-мо. *arjyar*, мо. *аржгар* ‘шершавый’, бур. *аржагар* ‘корявый’; п.-мо. *berjgir*, *berčigir*, мо. *бэржгэр*, *бэрчгэр*, бур. *бэржэгэр* ‘неровный, шероховатый’. Это, несомненно, продиктовано артикуляционными признаками шипящей аффрикаты [ʃ], которые, как и признаки [r], сопряжены с интенсивностью и мускульным напряжением. В слове *арз* можно выделить такие признаки, как ‘резкий, сильный, неприятный (о вкусе/запахе)’.

В п.-мо. *siraja* ‘четверной спирт’ [Kow. 1522], мо. *шарз* ‘молочная водка, получаемая после перегонки арзы; спирт; коньяк; виски’, бур. окин. *шарза* ‘спиртные напитки; спиртное’ угадываются те же признаки ‘острый, резкий; жгучий’, в полной мере воплощенные в п.-мо. *sir-a*, мо. *шар*, бур. *шара* ‘изжога; похмелье’, ср.-мо. *sirke* ‘уксус’ [МА 323]. Ср. як. *кырках* ‘изжога’. Корень *šor/šorb* также способен в чистом виде передавать вкусовые ощущения: ср.-мо. *šorta yaĵar* ‘солончак’ [МА 337], п.-мо. *šoru* [Kow. 1542], мо. *шор* ‘соленый на вкус’ (*шор болсон шүлэн* ‘пересоленный, насыщенный солью суп’); п.-мо. *šorbuĵ*, *šorbaĵ* [Kow. 1543], *шорвог* ‘слишком соленый’,

бур. *шороб* ‘острый, пикантный, пряный (о блюде)’, калм. *шор*, *шордам*, ойр. *шор*, *шорвог* ‘пересоленный’. В казахском языке *сор* ‘солёный; солончак, солёная почва’ [Кайдаров, 1986, с. 275]; эвенк. *турукэ* ‘соль; солёный’ [ССТМЯ, 1977, с. 221].

По мнению Г. Дёрфера, Н. Н. Поппе, мо. *сархад*, ойр. *сархад* ‘вино’, бур. *нархаг* ‘остатки (угощения, вина)’ заимствованы из тюркских языков: турк., кир., каз., ккалп. *сарқыт*, узб., уйг. *сарқит*, башк. *харқыт* ‘остатки пищи и питья, угощения’ [цит. по: ЭСТЯ, 2003, с. 218]. В словаре О. М. Ковалевского наряду с п.-мо. *sarquid* ‘крепкие напитки’ приводится уникальная форма п.-мо. *sarayu* ‘крепкий напиток, ром’ [Kow. 1334–1335].

В названии водки тройной перегонки п.-мо. *qorujā* [Less. 970], мо. *хорз*, бур. *хорзо*, калм. *хорз*, ойр. *хорза* реконструируется корень *qor/qour*, функционирующий самостоятельно в значении ср.-мо. *γora*, *qora* [MA 135, 302], пкл.-мо. *qor*, *qour*, *qour-a* [Tum. 530], п.-мо. *qour-a* [Kow. 862], мо. *хор*, бур. *хоро*, калм. *хорн*, ойр. *хорон*, орд. *хор*, даг. *хор*, *kor*, *hore*, *huore*, ж.-уйг. *хоро*, мнгр. *xirō*, *xor* [EDAL 624] ‘яд, отравка; вред’. В лексемах *хор*, *хорз* ведущими выступают те же признаки ‘острый, резкий, обжигаящий (о вкусе)’. П.-мо. *qirsi-*, мо. *хурши-*, бур. *хурша-*, калм. *хурш-*, ойр. *хурши-* ‘горкнуть (о жирах)’ сопоставимо с рус. *горьк-ий*⁸². Ср. як. *курас* ‘терпкий на вкус’; каз. *кермек* ‘кисловатый; горьковатый; вяжущий на вкус; многолетняя трава, из корня которой изготавливается краситель’ [Кайдаров, 1986, с. 225], яп. *хорохоро* ‘горечь’, *пиритири* – об остром вкусе.

По предположению авторов Алтайского словаря, т.-ма. субстантивные формы: сол. *нур*; ‘вино’, нан. диал. *ниру* ‘вино’, ма. *нуран* ‘воронка, трубка, сифон (для переливания вина)’, чж. *nú-liéh* ‘вино’ являются производными от мо. *nere-* ‘перегонять’ [EDAL 1000]. В монгольских языках данная глагольная основа не дала именных форм, обозначающих вид спиртного напитка, что позволяет допустить ведущую роль вкусового и/или

⁸² Рус. *горький*, укр. *гіркий*, ст.-слав. *горькъ*, болг. *горьк*, сербохорв. *горак*, словацк. *horky*, польск. *gorzki*, в.-луж. *horki*, н.-луж. *gorki*, связывается со значением глагола *гореть* [Фасмер, 1964, с. 445].

обонятельного восприятия в номинации указанных напитков, равно как и в монгольских эквивалентах.

Ср.-мо. *sarimsaq* [MA 179], пкл.-мо. *sarimsay* [Tum. 545], п.-мо. *sarimsay* [Kow. 1335], *sarimsu*, мо. *саримс*, *саримсаг*, калм. *сәрмсг* ‘чеснок’ Г. Дёрфер и Дж. Клосон относят к заимствованиям из тюркских языков (*сарымсақ* ‘чеснок; лук горный’), отвергая мнение Г. Рамстедта о прародстве тюркской и монгольской лексем, ибо на монгольской почве производящая основа *sarimsay* не ясна [цит. по: ЭСТЯ, 2003, с. 225].

Л. С. Левитская приводит два существующих предположения и одно свое о происхождении тюрк. *сарымсақ*. В. Банг считает, что лексема образована от гипотетического **sarīm*, производного от *sar-* ‘закутывать, завертывать’ с помощью аффикса *-сақ*, придающего производному значение ‘любящий кутаться, обильно укутанный’. Согласно другой точке зрения, слово состоит из *сары* ‘желтый’ и аффикса *-мсақ* с ограничительно-уменьшительным значением. Л. С. Левитская допускает следующее семантическое развитие лексем: *сарымсақ* < *сарысмақ* < **сарсымақ* ‘вонючий, пахучий’ [ЭСТЯ, 2003, с. 224–225].

По нашему мнению, рассматриваемый фитоним на монгольской почве имеет весьма прозрачную морфо-семантическую мотивировку. Аффикс *-say*, входящий в «группу *-day*», позволяет без колебаний отнести лексему к категории образных слов. Выбор производящего корня **sarm* ‘нечто острое на вкус; пахучее’ может быть обусловлен как восприятием его запаха, так и вкуса. Корень **sar* также восстанавливается в п.-мо. *sarana* ‘дикий чеснок, род царских кудрей’ [Kow. 1328], мо. *сарана*, бур. *һараана*, орд. *sarānaG* [EDAL 1123] ‘лилия тонколистная, саранка’, которое является луковичным травянистым растением из семейства лилейных. Некоторое сходство по форме и вкусу можно наблюдать в п.-мо. *sarmu* ‘дыня, род репы’ [Kow. 1337], мо. *сармаг* ‘репа полевая’. П.-мо. *sorisu* [Kow. 1412], мо. *сорьс* ‘головка лука, чеснока и других луковичных растений’ сопоставимо с нан. *сорсо* ‘головка (цветка), пестик, тычинки’, ма. *сорсон* ‘головка (лука,

чеснока) [ССТМЯ, 1977, с. 114]. Номинация в п.-мо. *serkelge*, мо. *сэрхлэг* ‘патриния сибирская’ может быть связана с эфирным маслом, находящимся во всех частях растения, которое обладает резким неприятным запахом и жгучим вкусом.

Названия некоторых растений рода цитрусовых: п.-мо. *jürči* ‘гранатовое яблоко’ [Kow. 2427], мо. *жүрж* ‘апельсин’, п.-мо. *jürjilig* ‘апельсин’ [Kow. 2427], мо. *зүржлэг* ‘помпельмус’, *жүржимсэг* ‘померанец’ возникли благодаря их кислому вкусу, обусловленному высоким содержанием аскорбиновой кислоты. Ср. «эвенк. *ирч*;- ‘кислый’» [ССТМЯ, 1975, с. 328]. Аффриката [ʃ] также представлена в анлауте п.-мо. *jürküi* ‘название одного горячительного растения, которое употребляется вместо чаю’ [Kow. 2427], мо. *зүргий* ‘ломононос сибирский, хмель белый’.

Таким образом, можно прийти к выводу, что семантическая система лексем, связанных с вкусовым восприятием, несомненно, зависит от артикуляционного признака, символически положенного в основу номинации производных. В данном случае дрожащий сонант [r] в ауслaute передает дрожание, трепетание, обусловленные самим качественным своеобразием звука и в большинстве случаев ведущие к внутреннему дискомфорту. Очевидно, что базисная семантика дрожания, осложняющего или нарушающего восприятие, стала источником для развития в монгольских языках значений ‘острый, резкий, кислый, неприятный (о вкусе и запахе)’.

С помощью согласного [m] реализуется противоположное значение ‘сладкий; вкусный’. Как отмечалось выше, от корня **tamš*, обозначающего причмокивание, чавканье, образован глагол п.-мо. *tamsiya*- [Kow. 1646], мо. *тамшаа*-, бур. *тамшаа*-, калм. *тамша*-, ойр. *тамшаа*-, в котором первичное значение ‘чавкать’ развилось в ‘чмокать от удовольствия, смаковать; пробовать на вкус’. Производящая основа **tam* выделяется в существительном п.-мо. *tamsu*, *tangsuy*, мо. *тамсаг*, *тансаг* ‘удовольствие, приятность; лакомство, сласти’, исходя из семантики которого становится очевидной звукоподражательная природа ср.-мо. *amtan* [НУ 25], *amta(n)* [МА

101], пкл.-мо. *amtan* [Тум. 298], п.-мо. *amta(n)* [Kow. 114], мо. *амт*, бур. *амта(н)*, калм. *амтн*, ойр. *амтан*, орд. *amta*, мог. *amta*, даг. *anta*, ж.-уйг. *amtan*, бао. *amteg*, мнгр. *amuta*, *amta* [EDAL 296] ‘вкус; привкус’; п.-мо. *amtai* [Kow. 114], мо. *амтай* ‘сладкий, приятный’ (ср. рус. *ням-ням*).

Ср. ма. *симтэн* ‘вкус, сладость, приятность’ [ССТМЯ, 1977, с. 88]. «Сама производящая основа *ам* с базовым значением ‘рот’, возможно, также могла выполнять предикативную функцию в значении ‘пробовать’. Ср. Пяп. **ámá*, **ántí* ‘вкус; вкусный, сладкий’ и Птюрк. **um-* ‘пробовать’ > ‘надеяться’» [EDAL 297]. Отрицательное «вкусовое» значение с помощью согласного [т] зафиксировано в эвенк. *имэрб-* ‘горчить’, *инмэринчу-* ‘противный, отвратительный (на вкус)’ [ССТМЯ, 1977, с. 314].

4.3. Актуализация обонятельного восприятия

Как известно, обонятельная модальность реализуется в работе телесных структур носа, с помощью которых фиксируется информация о пространственно-временном перемещении источников запаха. Ольфакторная (от лат. *olfactivus* ‘запах’) сфера сенсориума в монгольских языках вербализуется с помощью ограниченного числа корней **or/sor/sar/sarm/larj/kirb*: п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-* ‘обдавать, отдавать чем-л.’ (өмхий *орги-* ‘отдавать зловонием’), бур. *сорьё-* ‘бить в нос (о запахе)’; бур. *шороб* ‘резкий, бьющий в нос, едкий (о запахе)’ (*шороб утаан* ‘едкий запах’); п.-мо. *kirbasun* ‘опаленная шерсть’ [Kow. 2553], мо. *хярвас* ‘запах горелой шерсти, ткани; гарь; чад’; возможно, ср.-мо. *ariqsan* ‘испорченный’ [МА 106]. Лексемой ср.-мо. *ǰ’ār, jār* ‘мускус’ [МА 192, 204], п.-мо. *larj*, мо. *ларз*, бур. *ларза*, ойр. *ларза*, калм. *зар* ‘кабарговая струя, мускус’ обозначается продукт, вырабатываемый семенными железами самца кабарги и обладающий резким специфическим запахом. Созвучно як. *дъаар* ‘острый, неприятный запах, вонь’⁸³.

⁸³ В русском языке глагол *раз-и-ть* также используется в значении ‘нести, сильно пахнуть’, *рез-а-ть* в значении ‘оказывать неприятное или болезненное раздражающее воздействие на органы зрения и слуха’: *свет режет глаза; диссонанс режет слух*.

В тюркском глаголе *порса-* ‘вонять; издавать неприятный запах; протухать, провонять (о мясе); тухнуть; портиться; загнивать’ генерализующим значением Д. М. Насилов признает указание на неприятный запах, связанный с порчей органических продуктов, т.е. как результат определенных процессов. В структурном отношении автор вычленяет основу **бор/*пор* и аффикс *-су/-сы*, который способен образовывать от имен глаголы с уподобительным значением. В таком случае производящая основа должна обозначать нечто с дурным запахом или нечто испортившееся, негодное, или же указывать на подобное качество негодности.

Существование этой первичной изобразительной основы Д. М. Насилов показывает с помощью таких словоформ, как *порты-* ‘заплесневеть, покрыться плесенью’, *порчуқ* ‘плесень’, чул. *порыз* ‘плохой’, уйг. *пор* ‘пористый, дряблый, гнилой, испорченный, трухлявый’, *пура-* ‘иметь дурной запах, худо пахнуть’ [ЭСТЯ, 2003, с. 123–124]. Относительно морфологического состава глагола нам кажется более близкой точка зрения А. М. Щербака, реконструировавшего праформу **порс* ‘протухать, портиться’, которая может быть воспринята как изобразительная [Щербак, 1970, с. 196]. В таком случае, отмечает Д. М. Насилов, «гласный в исходе глаголов должен оцениваться как распространитель основы или как глаголообразующий элемент». Приведенные значения тюркских словоформ делают обоснованным приведенное исследователем сопоставление с п.-мо. *huri, huriva* [Less. 138], мо. *буриваа*, бур. *бури* ‘плесень, прель’ [ЭСТЯ, 2003, с. 124], ср. п.-мо. *hurita-* ‘гнить, сгнивать’ [Kow. 1213].

Если учесть способность корня **bur* передавать неприятный запах, можно предположить, что в обонятельной модальности также развивалось значение ср.-мо. *burtaq* [MA 125], пкл.-мо. *burtaγ* [Tum. 338], п.-мо. *burtaγ* [Kow. 1222], мо. *буртаг*, бур. *буртаг*, ойр. *буртаг* ‘грязь, нечистоты; грязный, нечистый, поганный’. Ср. также Птюрк. **çer* ‘запор (эвфем.); гнилой, сгнивший; гнить; грязь; труха, гниль’, Пкор. **çiri-* ‘плохо пахнуть’ [EDAL 434]; эвенк. *чири-*, нан. *чирифтала-* ‘вонять, скверно, неприятно пахнуть’ [ССТМЯ, 1977, с.

399], возможно. эвен. *аргис*, як. *аргис* ‘кислая рыба, корм (в специально устроенных ямах)’ [ССТМЯ, 1975, с. 50].

В языках алтайской семьи зафиксированы корни, в которых доминанта [r], напротив, служит для манифестации душистого аромата. Так, корень **sur* в т.-ма. языках имеет положительную семантику: нан. *сур*, *сур-р* ‘душисто, ароматно, пахуче’, *сур энэ*- ‘пахнуть сильно’, *сурги* ‘душистый, пахучий’, ма. *сур сэмэ* ‘ароматно’ [ССТМЯ, 1977, с. 129], также каз. диал. *зар* ‘благовоние; приятный запах цветов’ [Кайдаров, 1986, с. 220]. Эти примеры свидетельствуют о том, что согласный [r] служит для вербализации крайней степени полярных ощущений: очень неприятный ↔ очень приятный. В монгольских языках лексем с подобным значением не обнаружено. Следует отметить, что монгольские языки, как и алтайские языки в целом, не обладают большим разнообразием средств объективации вкусовой и ольфакторной информации по сравнению с языковыми средствами других видов восприятия.

Несколько иначе происходит вербализация ольфакторной информации с помощью согласного [m]. Прилагательные ср.-мо. *hümkei* [ЛН], *hümekei* [МА 191], пкл.-мо. *ömekei*, *ötökei* [Тум. 510], п.-мо. *ümükei*, *ümüki* ‘вонючий, зловонный’ [Ков. 537], мо. *өмх*, *өмхий*, *үмхий*, бур. *үмхи*, *үмхэй*, калм. *үмкә*, ойр. *өмке*, дунс. *фумуби* ‘гнилой, трухлявый; вонючий, тухлый, зловонный’, на наш взгляд, связаны с плотным сжатием губ и задержкой дыхания во избежание попадания в легкие неприятного запаха. Если доминанта [r] передает неприятные ощущения, возникающие в результате реакции на раздражитель с помощью экстероцепторов, расположенных на слизистой оболочке рта и носа, то доминанта [m] участвует в актуализации кинемы.

Чередование согласных *m/ng* дает возможность выделить кинему **ung* с тем же значением в п.-мо. *ungγayü-*, *ungγa-*, мо. *унгай-*, *унга-*, бур. *унга-* ‘выпускать кишечный газ; страдать газоиспусканием’; п.-мо. *ungγai*, мо. *унгай* ‘падаль’; бур. *унгил-* ‘чадить, дымить, коптить’, бох. *амил-* ‘пахнуть’. Процессуальное значение ‘задерживать дыхание’ явствует из п.-мо. *ungγali-*,

мо. *унгали-* ‘задышаться’. П.-мо. *anggila-* [Kow. 20], зап.-бур. *ангила-*, бур.НУ *аньди-* [Рассадин, 1999, с. 132] ‘испускать, издавать запах, пахнуть’, имеют нейтральное значение, в то время как п.-мо. *angkilya* [Kow. 20] мо. *анхилга* имеет положительную семантику ‘запах, аромат’.

В т.-ма. языках в идентичной функции выступают корни **am/qam/im/om/um*: эвенк. *аме-* ‘пахнуть (испражнениями)’, сол. *аму̇*, нег. *амун̇*, ороч. *аму̇*, уд. *аму*, ульч. *аму̇*, орок. *аму̇(н-)*, нан. *амõ*, ма. *хаму* ‘испражнения, кал, помет’, ма. *хамта-* ‘испражняться (о человеке)’, возм. эвенк. *имниһин* ‘запах жира’⁸⁴, *имтb-* ‘окуривать тушу убитого зверя дымом горящего жира, кадить дымом жира’, эвен. *имтэ-* ‘окуривать’; эвенк. *умуача* ‘рыба (несвежая)’, орок. *умуопту-* ‘портиться (о продуктах)’, нан. *омуа-* ‘портиться (о рыбе)’ [ССТМЯ, 1975, с. 40, 313–314, 268], як. *сымар* ‘вонь, смрад; запах’.

П.-мо. *qitay* [Kow. 934], мо. *хумаг*, калм. *хум* ‘земля, песчинка; что-либо рассыпчатое’; ср.-мо. *qitaqi* [МА 309], пкл.-мо. *qitaki* [Tum. 536], п.-мо. *qitaki* [Kow. 934], мо. *хумхи*, бур. *хумхи*, ойр. *хумки* ‘песчинка, пылинка; мельчайшие частицы’, по Л. С. Левитской, заимствованы из тюрк. *қум/қумақ* ‘песок, песчинка; земля, почва; пыль, грязь; отмель, ил’, в то время как Н. Н. Поппе монгольские лексемы и тюрк. *qit* рассматривает как прародственные [ЭСТЯ, 2000, с. 133]. В Алтайском словаре отмечается, что монгольские формы не могут расцениваться как тюркизмы, напротив, поздние тюркские формы (каз. *qitaq*), очевидно, монголизмы [EDAL 705]. В любом случае можно предположить, что в корне **qit* заложена мимема, обозначающая плотное смыкание губ во время ветра с тем, чтобы песок не попал в рот⁸⁵.

⁸⁴ Фонетически и семантически близко п.-мо. *nimjüg*, мо. *нунжиг* ‘изобилие жира; что-л. жирное’, бур. *нэмжэгэн* ‘зап. жир; смазка из жира’, образующее изоглоссу с Птунг. **nim(u)kse* ‘желудок животного, содержимое желудка; кишечный жир, животное сало’ [EDAL 978].

⁸⁵ От *хумх* ‘песчинка’, по всей видимости, на основе сходства по форме произошли лексемы п.-мо. *qotqигиш* ‘шелуха, отруби’ [Kow. 938], мо. *хомхруу* ‘перхоть’; п.-мо. *qotqигиш*, мо. *хомхруус* ‘мякина, шелуха’; бур. *хомхоол* ‘семенник сараны’; п.-мо. *qita* ‘кунжутное семя’ [Kow. 934].

Калм. форма *умс-* ‘целовать, поцеловать’ выявляет звукообразную природу ср.-мо. *hunis-* [MA], п.-мо. *ünüs-*, мо. *унс-* ‘целовать; нюхать, почувствовать запах’, бур. *үнэсэ-*, *үнэдэ-*, даг. *хїни-*, бао. *hun-de-*, мнгр. *funis-* [EDAL 1185] ‘обнюхивать, нюхать; *перен.* целовать, ласкать’, *унгил-* ‘нюхать, обонять’, а также ср.-мо. *xunir*, *xunor* [SH], *xunir* [Нут], *hujir* [IM], *hunir* [MA 100], п.-мо. *ünür* ‘запах, дух, обоняние, чутье’ [Kow. 487], мо. *үнэр*, бур. *үнэр*, *унхи*, калм. *унр*, ойр. *үнер*, орд. *unir*, дунс. *funi*, ж.-уйг. *honar*, *honor*, мнгр. *funir* [EDAL 1185] ‘запах’, где гласный [u] свидетельствует о том, что человек, принюхиваясь, зачастую вытягивает вперед губы. Алтайские параллели: Птунг. **riñ-* ‘запах, нюхать’, Пяп. **ráná* ‘нос’ [EDAL 1186].

По всей видимости, мимема, реализуемая в языке с помощью твердорядного корня **un*, дала ср.-мо. *xunin* [HY 1, SH], *honi* [IM], *hunin* [MA], мог. *honaу*, даг. *xoni*, *хоñ*, *onir*, *honi*, дунс. *funie*, бао. *фәнә*, мнгр. *funi*, *xuni* [EDAL 1105] ‘дым’: бур. *унин* ‘жар от горящих углей, дымок (с искрами)’, *унитай* ‘жаркий, едкий (о дыхании огня)’. В дальнейшем семантика корня расширилась: ‘дым’ → ‘дымка’ → ‘туман’: бур. сел. *уни(н)* ‘туман, мгла, дымка’; п.-мо. *uniyar*, *üniyer* [Kow. 343], мо. *униар* ‘туман, пар’, бур. *уняа(н)*, *уняар*, калм. *уняр*, ойр. *уньяар*, орд. *unār(i)* ‘маревое (весной); дым (от лесного пожара); дымокур (от комаров)’. Пмонг. **huni-* также сопоставляется с Птунг. **riñ-* ‘дымить(ся)’ [EDAL 1105]. Ц. Б. Будаев считает, что бурятские лексемы *унин* и *униар* восходят к корневой морфеме **у-* [Будаев, 1978, с. 119].

Согласный [k] сохранился в анлауте п.-мо. *kengsigün* [Kow. 2447], п.-мо. *хэншүүн*, бур. *хүншүү*, калм. *күңшү*, даг. *kinšin* [EDAL 778] ‘вонь, запах гари (или жареного), чад’, баргуз. *хүншүүн* ‘вкусный (о запахе маленьких детей)’; п.-мо. *kengsig*, мо. *хэншиг* ‘приятный запах (еды)’.

Несколько иной вариант **qongš* дал п.-мо. *qongsiyar*, мо. *хоншоор*, бур. *хоншоор*, калм. *хоңшар*, ойр. *хоңшаар* ‘морда, рыло’, т.е. ‘орган, которым

принюхиваются'⁸⁶. Об изобразительном происхождении лексемы свидетельствует синоним пкл.-мо. *qosiyu(n)* [Т 532], п.-мо. *qosiyu(n)* [Kow. 905], мо. *хошуу(н)*, бур. *хушуу(н)*, калм. *хошун*, ойр. *хошуун* 'передняя часть губ, морда, рыло'. Так, функционирующий в бурятском языке подзыв свиней *шуух-шуух* (метатеза согласных в котором дает корень **qoš*) условно воспроизводит звук принюхивания свиньи к чему-л.

А. Т. Кайдаров очень точно восстанавливает значение корня **tim* 'нечто связанное с нюхом, обонянием': каз. *timiski* 'пронюха, узнающий все, держащий нос по ветру'. Автор справедливо сближает этот корень с **tum*, давшим *tumсык* 'морда, рыло; клюв' [Кайдаров, 1986, с. 288]. В Алтайском словаре Птюрк. **tum* 'морда, нос', на наш взгляд, ошибочно сближается с Птунг. **tumṭu* 'темя', Пмонг. **tom* 'главный, первый' и Пяп. **tum* 'верх, вершина; голова' [EDAL 1475], в то время как семантически наиболее близким монгольским коррелятом оказывается п.-мо. *qongsiyar* 'морда, рыло'.

Следует отметить, что в корнях **šant/šont*, давших мо. *шантгар*, бур. *шантагар* 'курносый, вздернутый', мо. *шонтгор*, бур. *шонтогор* 'острый, заостренный; остроконечный (о собаке)' так же, как и в рассматривавшихся выше прилагательных п.-мо. *šömtšeger* 'возвышающийся, торчащий'; п.-мо. *šimayai* 'острый, конусовидный'; п.-мо. *šömtüger, šömbüger* 'конусообразный; остроконечный, острый' значение развивалось на основе образа морды принюхивающегося животного. Все это позволяет с достаточной долей осторожности выделить данный признак в качестве ведущего в ср.-мо. *šino* [HY 10, SH], *šana* [IM], *šinā* [MA 134], пкл.-мо. *šinu-a* [Tum. 355], п.-мо. *šinu-a* [Kow. 2135], мо. *чоно*, бур. *шоно*, калм. *чон*, ойр. *чоно*, орд. *šino*, мог. *šino*, бао. *šina, šina*; мнгр. *šino, šina* [EDAL 1444] 'волк'.

⁸⁶ Примечательно, что мо. корень **küing* можно сопоставить с рус. *нюх*, также, по всей видимости, имеющим звуко-мимическое происхождение. Тот же мягкий [n] представлен в др.-русск. *воня* 'благоухание, запах', укр. *воня* 'запах', болг. *воня* 'вонь', словен. *vonja*, чеш. *viňe* 'благоухание, аромат, запах'. Первонач. знач. 'запах', ср. *благовоние, зловоние* [Фасмер, 1964, с. 349].

Известно, что семейство собачьих (*Canidae*), или волчьих, из отряда хищников объединяет около 37 видов животных, включающих волков, лис, койотов, шакалов, песцов и диких собак. Они обладают удлинённой головой с вытянутой мордой, охотничий поиск ведут, часто останавливаясь, чтобы принюхать и прислушаться. Считается, что волк был предком домашней собаки, прирученной около 14 тыс. лет назад.

Известно мнение ряда алтаистов о том, что исходной формой ср.-мо. *noχai* [НУ 11], *noqai* [SH], *noχaj* [IM], *noqai* [MA 259], пкл.-мо. *noqai* [Тум. 437], п.-мо. *noqai* [Kow. 676], мо. *нохой*, бур. *нохой*, калм. *ноха*, ойр. *нохаа*, орд. *нохō*, мог. *noqei*, *noqei*, даг. *nogo*, *nogu*, *nog*, *nohe*, дунс. *noGi*, *noγai*, бао. *noGui*, ж.-уйг. *noχGui*, мнгр. *noχwə*, *noχui* [EDAL 1030] ‘собака, пес’ следует считать **ino-qai*, где корень **in* сопоставляется с «др.-яп. *inu* ‘собака’, эвен. *ина*, ма. *ин-да-хун*. Это слово имеет прямое соответствие и в тюрк. *inik* ‘щенок’. Если в монг. *нохой* морфологическая граница проходит между *но-* и *-хой*, можно предположить здесь отпадение древнего **i*» [Сыромятников, 1971, с. 60]. В таком случае корень **in* также можно включить в ряд мимем, указывающих на такую характерную особенность собак, как хороший нюх.

Корень **iin*, давший п.-мо. *iinür* ‘запах; обоняние, чутье’, также образует название другого животного из семейства собачьих: ср.-мо. *xinegan* [НУ 10], *h[o]nagān* [IM], *hünegen*, *ünegen* [MA 191, 381], *hongen* [LH], пкл.-мо. *ünegen* [Тум. 620], п.-мо. *ünegen* [Kow. 484], мо. *үнэг(эн)*, бур. *үнэгэн*, калм. *үнгн*, ойр. *үнеген*, орд. *unege*, даг. *xinug(u)*, *hünehe*, дунс. *funieγe*, ж.-уйг. *heneyen*, *henegen*, мнгр. *funige*, *xunige*, *funəgə* [EDAL 1161] ‘лиса, лисица’. На наш взгляд, надёжна приведенная в Алтайском словаре параллель с Птунг. **rii-* ‘еж; пищуха’ [EDAL 1161].

Названия других животных данного семейства образуются с помощью лексемы *үнэгэн*: мо. *үнэгэлдэй* ‘гиена (название зверя, похожего на лисицу с чешуей на хребте)’, *үнэгэнцэр* ‘мадагаскарская руконожка; фенек’, *цагаан үнэг* ‘песец’. Впрочем, вероятно, что после подробного анализа лексики с

доминантой [n] могут возникнуть другие версии этимологии рассмотренных в данном разделе названий животных.

Наконец, вернемся к рассматриваемому нами в настоящей работе согласному [m]. Выделенная выше корневая морфема *in в (i)n-o-qai дает некоторые основания предположить, что основа-мимема *im стала производящей для пкл.-мо. *итау-а:(n)* [Тум. 415], п.-мо. *итауа(n)* ‘дворовый козел’ [Ков. 309], мо. *ямаа(n)*, бур. *ямаан*, калм. *яман*, ойр. *йамаан*, дунс. *јіман*, бао. *имаң*, мнгр. *имā* ‘коза’. Несмотря на то, что указанное животное не относится к семейству собачьих, тем не менее, оно также обладает очень хорошим нюхом. Эта черта, позволяющая козам заранее учуять запах волков или собак и громким фырканием дать знак хозяину, отражена в образце монгольского фольклора, воспевающим козу:

<i>Ямагт хошуучлах ааштай,</i>	Постоянно принимающаяся,
<i>Янгир сайхан дуутай,</i>	С пронзительным голосом,
<i>Сэргэх тургих чэмээтэй,</i>	Все время фыркающая,
<i>Сэлмэн дэрлэгэр эвэртэй</i>	С изогнутыми крутыми рожками
<i>ямаан сүрэг.</i>	коза.

По мнению К. А. Новиковой, причисление Н. Н. Поппе эвенк. *имауан* к монголизмам ошибочно ввиду его широкого распространения в т.-ма. языках (эвенк. *имауан* [<*jīmaуan], ороч., ульч. *има(н-)*; уд. *има*, нан. *имā* ‘коза, козел’, ульч. ‘баран’; мо. *имаху* [<*jīмахип] ‘коза (дикая, горная)’, *ниман* ‘общее название козы и козла; баран’; нег. *имаја* [<*jīmarā], чж. *yīh-mà-láh* ‘коза’) и возможности объяснения его структуры на материале этих языков. Выделяя общетунгусо-маньчжурскую основу *jīma и аффикс -gan, К. А. Новикова предполагает, что семантика основы может быть связана с глагольно-именной основой *jīma- ‘снег’, тогда <*jīmaуan можно этимологизировать как ‘снежный, снежной белизны, белоснежный’. Подобную версию исследователь объясняет тем, что дикие козы, обитающие высоко в горах, имеют белый цвет шерсти [Новикова, 1984, с. 199–201].

Форма известна некоторым тюркским языкам, главным образом восточнохуннским: др.-тюрк. *jīṃγa*, *īṃγa*, уйг. *ымҕа*, алт. *ымҕа*, *йумҕа*, *йуңма* ‘дикая горная коза’, а также корейскому – *йомсо* ‘коза’. А. М. Щербак не считает это наименование козы общеалтайским словом, относя его к числу тюркских заимствований (п.-мо. *īmaγan* ~ *nīmaγan* < др.-тюрк. *jīṃγa* < общетюрк. *d'īṃγa*). К. А. Новикова, не соглашаясь с данным предположением, отмечает, что в фонетическом отношении более архаичны монгольский и т.-ма. варианты, близкие к общеалт. *jīmaγān*, др.-тюрк. же вариант *jīṃγa* представляется исследователю более поздней, стяженной формой [Там же, с. 203].

Итак, нами рассмотрены аспекты вербализации ольфакторной информации с помощью согласных [*r/m*]. Результаты показывают, что согласный [*r*], как и в предыдущих разделах данной главы, непосредственно передает внутренний дискомфорт, вызываемый резким, неприятным запахом. В случае же с согласным [*m*] мы наблюдаем развитие значений на основе озвучивания первоначально беззвучных подражательных жестов рта и носа, либо на основе звукоподражания, передающего шумное вдыхание воздуха, принюхивание. Неравномерность материала по типам восприятия связана с тем, что человеку свойственно различать большее количество зрительных и слуховых образов, чем любому другому живому существу. Обоняние же у человека, напротив, развито гораздо меньше.

4.4. Языковая интерпретация осязательного восприятия

Структуры осязания Ю. М. Шилков относит к древнейшим структурам психосомы, «ответственным» за целостно-связное отображение предметного мира. Психосоматический опыт осязания, по мнению автора, является в некотором роде архетипом информационно-энергетической работы всех остальных структур воспринимающего тела. Еще Аристотель различал в осязательной модальности тактильную чувствительность кожи с ее пассивными ощущениями прикосновения, давления, температуры и боли и

активную роль руки и двигательных (кинестезических) ощущений [Шилков, 1998, с. 87].

Осязание заключается в способности ощущать прикосновения, воспринимать что-либо рецепторами, расположенными в коже, мышцах, слизистых оболочках. Согласно общепринятой классификации рецепторов по положению, выделяются два их типа:

- экстерорецепторы (экстероцепторы), расположенные на поверхности или вблизи поверхности тела и воспринимающие внешние стимулы (сигналы из окружающей среды);
- интерорецепторы (интероцепторы), находящиеся во внутренних органах и имеющие дело с внутренними стимулами (например, информацией о состоянии внутренней среды организма). Их разновидностью следует считать проприорецепторы (проприоцепторы) – рецепторы опорно-двигательного аппарата, позволяющие определить, например, напряжение и степень растяжения мышц и сухожилий.

Если ранее мы в основном рассматривали аспекты актуализации действия экстероцепторов (слух, зрение, вкус, обоняние), то здесь также представлены лексемы, связанные с действием интероцепторов.

Поверхность кожи, будучи периферической организацией осязательной модальности человеческого тела, служит для осуществления энергетического и информационного обмена с окружающим миром. Кожа – это периферическая душа человека [Б. Г. Ананьев]. Классическая физиология органов чувств выделяет три вида кожной чувствительности: 1) механической; 2) термальной; 3) болевой, каждая из которых располагает специфическими рецепторами. Так, механорецепторы воспринимают прикосновения к коже, ее сдавливание, терморецепторы – изменения температуры и, наконец, ноцирецепторы – болевые раздражения. Чувствительные образования первой и второй групп локализируются на

поверхности кожи, болевые же рецепторы распределены как на поверхности кожи, так и во внутренних органах.

4.4.1. Механорецепция

Механорецепция включает восприятие ощущений прикосновения и давления, которые «в такой абстрактной изолированности, в какой они выступают при типичном для традиционной психофизиологии определении порогов кожной чувствительности, играют лишь подчиненную роль в познании объективной действительности. Практически, реально для познания действительности существенно не пассивное прикосновение чего-то к коже человека, а активное *осязание*, ощупывание человеком окружающих его предметов, связанное с воздействием на них» [Рубинштейн, 2002, с. 212].

‘нечто шершавое, шероховатое; твердое, заскорузлое’

В восприятии данных признаков задействованы как тактильные, так и аудиальные структуры воспринимающего тела. Проведение подушечками пальцев рук по шершавой поверхности вызывает внутреннее дрожание (иногда раздражение), сопоставимое с акустико-артикуляционными признаками согласного $[r]$ ⁸⁷. «Шероховатость и гладкость поверхности распознается в результате вибраций, которые получаются при движении руки по поверхности, и различий в давлении на смежных участках кожи» [Рубинштейн, 2002, с. 212]. По выражению М. Булгакова, слово *шершавость* «скребет по нервам, будучи просто произнесенным».

Указанные признаки в большинстве случаев реализуются в корнях с доминантой $[r]$ и аффрикатами $[j\check{c}]$ в ауслауте, отсылающими к звучанию шуршащих, шелестящих, высохших предметов: п.-мо. *šarjġina-*, *šarčigina-* ‘шелестеть, шуршать’; п.-мо. *darjġina-* ‘дребезжать, дрожать; трещать, хрустеть’ и др. Отмечены следующие типы корней: $V+C_D+C_{aus}$; $C_{un}+V+C_D+C_{aus}$ и реже $C_{un}+V+C_D$.

⁸⁷ Ср. рус. *ш-р-р*, *шерш-*авый, *шерош-*оватый; англ. *rough*, *rugged*; нем. *rauh*, фр. *grenu*, *rugueux* ‘шершавый’ и др.

1. $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arjayar* [Less. 55], *arjyar*, *arčayar*, мо. *арзгар*, *аржгар*, *арчгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр*, ойр. *арзаһар*, *арчиһар* ‘неровный, шероховатый, шершавый; грубый; морщинистый, съезжившийся’; п.-мо. *erjiger*, *erčigir*, мо. *эржгэр*, *эрчгэр*, бур. *эржэгэр* ‘зернистый; шершавый, грубый’; п.-мо. *irjigir* [Less. 416], *irčigir*, мо. *иржгэр*, *ирчгэр*, бур. *эржэгэр* ‘шершавый (о коже), грубый; неровный’; п.-мо. *irjajana-*, *irjigine-* ‘наполнить крошками, мелочью’ [Kow. 325]; п.-мо. *orčigir*, мо. *орчгор* ‘высохший, сморщенный’; п.-мо. *ürčii-* [Kow. 589], мо. *үрчий-*, ойр. *үрчиу-* ‘морщиться; нахмуриться’, бур. *уршагар* ‘сморщенный, измятый (об одежде)’, *үрхигэр* ‘грубошерстный, шершавый’.

2) $C_{un}+V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *sarjayar*, мо. *сарзгар*, бур. *сардгар*, *һэрдэгэр* ‘неровный; редкий, сетчатый (напр., о марле)’; п.-мо. *sarčiyar* [Less. 675], *šarčiyar*, мо. *сарчгар*, *шарчгар*, бур. *һаршагар*, бур. *һарсагар*, калм. *сарсхр*, ойр. *сарсаһар* ‘тонкий, разохшийся; заскорузлый’; п.-мо. *čarčayar* [Kow. 2113], мо. *царцгар*, бур. *сарсагар* ‘застывший, затвердевший’; п.-мо. *qarčayar*, *qarčiyar*, *qorčuyur* [Less. 965], мо. *харцгар*, *харчгар*, *хорчгор*, бур. *хоршогор* ‘сморщенный, морщинистый’; п.-мо. *kürjigir* [Kow. 2651], мо. *хөрггэр* ‘потрескавшийся (о земле); шершавый’; бур. *гордогор*, *горхогор*, калм. *һордһр*, ойр. *һордаһар* ‘жесткий (о шкуре)’; бур. *хорхигор* ‘тощий, высохший’; бур. *хүрхэ-харха* ‘покоробившийся и сухой’, бур. *хүрдэгэр* ‘неповоротливый (о человеке); грубый (о коже)’; п.-мо. *qorquyi-*, мо. *хорхой-* ‘хмуриться’, *хорхогор* ‘неприветливый’; п.-мо. *qorbuur*, мо. *хорвогор* ‘покоробленный (в сторону), скривившийся’, калм. *хорва* ‘кривой’; п.-мо. *gürbeger*, мо. *гүрвэгэр* ‘шероховатый’; п.-мо. *dardayar* [Kow. 1681], мо. *дардгар*, бур. *дардагар*, калм. *дардһр* ‘твердый, высохший, жесткий; заскорузлый, бугристый’; п.-мо. *darsayar* [Less. 233], мо. *дарсгар*, бур. *дарсагар*, калм. *дарсһр*, *дарзһр*, ойр. *дарсаһар* ‘заскорузлый, шершавый; слоистый’; п.-мо. *dardang*, мо. *дардан*, бур. *дардам*, ойр. *дардаң* ‘торный, наезженный’; бур. *дорсогор*, *дорзогор*, *дордогор*, *дорхогор* ‘засохший,

покоробившийся; топорщащийся; заскорузлый (о сырой засохшей коже)'; п.-мо. *dörsüger*, мо. *дөрсгөр*, калм. *дөрчр* 'твердый, жесткий, засохший, шершавый'; п.-мо. *dördeger*, мо. *дөрдгөр* 'сморщенный'; п.-мо. *türçii-*, мо. *түрчий-* 'морщиться'; калм. *тарчи-* 'сьеживаться; коробиться'; п.-мо. *barçayar*, *barjayar* [Less. 84, 90], *barčigir* [Kow. 1111], *barsayar*, мо. *баржгар*, *барчгар*, *барзгар*, *барсгар*, бур. *баржагар*, *барсагар*, калм. *барзһр*, *барчһр*, ойр. *барзаһар* 'ажурный; бугристый, шероховатый; рябой', ойр. *барчи-* 'хмуриться'; п.-мо. *berjgir*, *berčigir*, мо. *бэржгэр*, *бэрчгэр*, бур. *бэржэгэр* 'неровный, шероховатый, прыщавый'; п.-мо. *birjgir*, *birčigir*, мо. *биржгэр*, *бирчгэр*, бур. *бирзагар*, калм. *бирзһр*, *бирчһр* 'неровный, шероховатый'; п.-мо. *burjayar*, мо. *бурзгар* 'неровный, шишками, шероховатый', бур. *бурзагар* 'выступающий белыми пятнами (о солончаках)'; бур. *буршагар* 'смятый, скомканный, сморщенный'; п.-мо. *borçii-*, мо. *борчий-* 'морщиниться', ойр. *борчи-* 'хмуриться'; бур. *борсогор* 'сьежившийся'; *бордигор* 'узловатый, с наростами (о коре дерева); рябой; шероховатый; захудалый'; *боржогор* 'чеканный; узорчатый; пупырчатый', *борзогор* 'грубый, комками (о муке)', *борьёгор* 'неровный, каменистый; корявый (о дереве)'; п.-мо. *bersegüü*, мо. *бэрсүү*, калм. *берсү* 'грубый, жесткий; шероховатость, неровность (например, о коже рук)'; п.-мо. *barkiyar*, мо. *бархигар* 'неровный', п.-мо. *borkiyar*, мо. *борхигор*, бур. *борхогор*, *борхигор* 'шероховатый, в шишках; сьежившийся; невзрачный'; п.-мо. *barbayar*, мо. *барбагар*, бур. *барбагар*, калм. *барвһр*, ойр. *барваһар* 'грубый; шершавый (о руках)'; бур. *нэрхигэр* 'грубошерстный, шершавый'; п.-мо. *morçiyur*, мо. *морчгор*, калм. *морчр* 'сморщенный, кислый (о физиономии)'; п.-мо. *turçiyar*, мо. *мурчгар* 'морщинистый; шершавый; кривой'⁸⁸; бур. *морсогор*, *мурсагар* 'сьежившийся (о человеке)'; бур. *наршагар* 'увядший, жухлый (о листьях); дряблый (о коже)'.

3. *C_{un}+V+[r]*: ср.-мо. *sere'ü:n*, *sirü'ü:n*, *sirü:n* [MA 323], пкл.-мо. *sirigu:n* [Tum. 565], п.-мо. *sirügün* [Kow. 1527], п.-мо. *шурүүн*, бур. *шэрүүн*, дунс.

⁸⁸ Ср. мо. *мурч-ий-* и рус. *морщ-*ить.

шээрүн ‘шершавый, шероховатый; жесткий; грубый, жестокий’; бур. *гарагар* ‘жесткий, твердый, заскорузлый (только о плоских предметах)’, *горогор* ‘высохший’; п.-мо. *darγar* [Kow. 1681], мо. *даргар* ‘твердый; заскорузлый’; п.-мо. *dereger* [Less. 253], мо. *дэргэр*, бур. *дэрэгэр*, калм. *дергр* ‘высохший и торчащий’; п.-мо. *dörger*, мо. *дөргөр* ‘жесткий, шершавый’.

Представим все приведенные выше корни в таблице.

Таблица 12

Типы корней, передающих признаки ‘шершавый; грубый’

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>
\emptyset	<i>arĵ, arč</i>	<i>erĵ, erč</i>	<i>irĵ, irč</i>	<i>orč, urč</i>	<i>örm, üřč, üřk</i>
<i>y</i>	–	–	–	–	–
<i>ĵ</i>	–	–	–	–	–
<i>č</i>	<i>čarč</i>	–	–	<i>čor</i>	–
<i>š</i>	<i>šarč</i>	–	<i>sir</i>	–	–
<i>s</i>	<i>sarĵ, sarč, sars, sard, sarb</i>	<i>serd</i>	–	–	–
<i>q/k</i>	<i>qarč, qarq,</i>	–	–	<i>qorč, qork, qorb</i>	<i>kürĵ, küřk, küřd, küřm</i>
<i>γ/g</i>	<i>γar</i>	–	–	<i>γor, γorq, γord</i>	<i>gürb</i>
<i>d</i>	<i>dar, darĵ, dars, dard</i>	<i>der</i>	–	<i>dorĵ, dors, dorq, dord, durs</i>	<i>dör, döřs, döřd</i>
<i>t</i>	<i>tarč</i>	–	–	–	<i>türč</i>
<i>b</i>	<i>barĵ, barč, bark, bars, barb, barm</i>	<i>berĵ, berč, bers</i>	<i>birĵ, birč</i>	<i>borĵ, borč, bors, bork, bord, burĵ, burč</i>	–
<i>p</i>	–	<i>perk</i>	–	–	–
<i>m</i>	–	–	–	<i>morč, murč, mors, murs</i>	–
<i>n</i>	<i>narč</i>	–	–	–	–

Наиболее активны в анлауте согласные $[b/p]$ – 24 %, $[d/t]$ – 20 %, $[q/k/\gamma/g]$ – 19 %. В меньшей степени представлены корни с инициальными $[č/š/s]$ – 13 %, $[m/n]$ – 9 %, без анлаута – 15 %. Подавляющее большинство корней – 58 % – выступают с ауслаутными шипящими $[ĵč/s]$. Также в позиции финалей представлены согласные: $[q/k]$ – 12 %, $[d]$ – 11 %, $[b]$ – 5 %, $[m]$ – 4 %. Без ауслаутной согласной функционирует только 10 % корней.

В Алтайском словаре к Пмонг. **ar-* ‘быть грубым, шершавым’ в качестве параллелей предлагаются Птюрк. **Ērig* ‘грубый, крупный’, Пяп. **árá* ‘грубый’, Пкор. **ar-* ‘голый, простой’ [EDAL 516]. На основе бур. *бордигор* ‘с наростами (о коре дерева)’, п.-мо. *boruu*, мо. *бороо* ‘костный нарост, костная мозоль; шов, по которому срослась переломленная кость’ авторы EDAL восстанавливают Пмонг. **boruɣa* ‘мозоль на кости’ и сопоставляют ее с Птунг. **pirki-* ‘натирать мозоль’ и Птюрк. **burki* ‘сморщенный’ [EDAL 1097]. С признаком ‘шероховатый’ отчетливо коррелирует прототюркская форма, в то время как Птунг. **pirki-*, на наш взгляд, больше связана с восприятием болевой чувствительности.

В тюркских языках Б. И. Татаринцев приводит тув. *дырыш-*, тоф. *тырыш-*, кир. *тырыш-*, хак. *тырыс-* ‘морщиться, мяться; коробиться’; кир. *тырыс*, алт. *тырыш* ‘морщина; морщинистый’, ккалп. *тырыжык* ‘корявый, рябой’, шор. *тырышкак*, тув. *дырышкак* ‘складка, морщина’, алт. *тырыш* ‘морщины на коже’, кир. *тырык* ‘шрам, рубец’; тув. *быржы*, тоф. *бырҕы*, башк. *бирсә* ‘шрам, рубец’, правомерно допуская их гомогенность с *бырыш-* ‘морщиться, коробиться’ и предполагая следующее развитие формы: *бырыш-* + *-ы* > *бырышы* > *быржы* [Татаринцев, 2002, с. 321, 322], а также *қур* ‘сухой; высохший; заскорузлый; твердая сухая почва’, *қур-* ‘сохнуть, вянуть, чахнуть’ [ЭСТЯ, 2000, с. 154].

В т.-ма. языках отмечены эвенк. *корколи* ‘грубый (о ткани, коже)’, *корчо-* ‘смять; сморщить’, эвен. *қорилқан* ‘морщинистый, неровный’; нег. *кур-кур* *ōjb* ‘грубый (о шерсти)’; эвенк. *морб-* ‘собрать в сборки; сделать складки (в шитье), стянуть шов’, *морикта* ‘морщина (лице)’, *мэрсэрэ-* ‘морщить лицо’ [ССТМЯ, 1975, с. 415, 417, 437, 546].

Некоторые корни достаточно прозрачны в ряде лексем, в которых рассматриваемые признаки стали основой номинации. К образу ‘нечто засохшее, твердое; бугристое’ восходят п.-мо. *čardal* ‘крахмал, замазка’

[Kow. 2113], п.-мо. *čarču*, мо. *царц* ‘стеарин’⁸⁹; п.-мо. *körjeng*, мо. *хөрзөн* ‘уплотнившийся, спрессованный навоз на зимних стойбищах’; п.-мо. *borgiy-a* [Less. 121], мо. *боргио* ‘рыхлая почва со скудной растительностью’; п.-мо. *borjüng*, мо. *борзон* ‘солончаковая грязь, болото’; п.-мо. *boruγ*, мо. *борог* ‘песчано-каменистая степь’; п.-мо. *tarčiy*, мо. *тарчиг*, ойр. *тарчиг* ‘скудный, бедный, неурожайный’, по всей видимости, развилось на основе значения ‘сухой, высохший, шелестящий (о траве)’. Мо. *боролжин газар* ‘солончак, солончаковая местность с мелким и редким травянистым покровом’ А. В. Дыбо склонна возвести к адъективной основе *боро* ‘серый’ [Дыбо, 2005, с. 54].

Согласно материалам сайта chita.rfn.ru, основанием поселения Борзя, расположенного в Забайкальском крае, «в 1770-х гг. явилось бурятское стойбище <...>, местность вокруг которого славилась солеными озерами, которые буряты называли *бооржо*. В течение 180 лет на этих озерах велась промышленная добыча соли. *Бооржо*, *Бооржотой* – бурятские названия солено-грязевых урочищ Борзинской степи» [<http://chita.rfn.ru/region>].

Тактильное восприятие поверхности камней и минералов дало следующие названия: п.-мо. *borjün*, мо. *боржин*, калм. *боржң* ‘гранит’; п.-мо. *barjäng*, мо. *барзан* ‘руст, бут’; п.-мо. *aralj*, мо. *аралж* ‘липарит’. Как известно, липарит представляет собой вулканическую горную породу, в которой резко выделяются величиной или цветом отдельные крупные кристаллы. Номинация в лексеме п.-мо. *erjün*, мо. *эржин*, бур. *эржэн* ‘перламутр’ связана с тем, что этот природный материал состоит из микроскопических кристаллов, поверхность которых по внешнему виду напоминает мелкую волновую рябь на прибрежном песке.

Пкл.-мо. *durusun* [Tum. 373], п.-мо. *durusu(n)* ‘кора, береста’ [Kow. 1887], мо. *дурс*, бур. *дурхан*, *дорфон*, ойр. *дурсан*, орд. *durusu* [EDAL 1380] ‘кора дерева; лыко’; п.-мо. *boruγciγ* [Kow. 1221], *boruγciui*, мо. *боргонцог*, *боргоцой*,

⁸⁹ По мнению Г. Рамстедта, глагол *čarča-* ‘отвердеть, окончеть’ образован с помощью суффикса *-ča* от именной основы *čar* ‘сухая кора’ [Рамстедт, 1957, с. 176].

бур. *борбоосгой* ‘шишка (хвойных растений)’ восходят к образу ‘нечто шероховатое, бугристое’. Ср. также в тюркских языках *қарт* ‘твердый, жесткий, черствый; кора (кустарников), лыко; скорлупа, шелуха’ [ЭСТЯ, 1997, с. 314–315], эвенк. *эрэктэ* ‘кора (древесная)’ [ССТМЯ, 1977, с. 467].

С помощью прилагательных со значением ‘шероховатый; колючий’ образуются названия некоторых растений: мо. *аржгар* ‘ежеголовник’, *аржил бургас* ‘вяз шершавый’. П.-мо. *barımaγ, berimüg, birjgüü*, мо. *баримаг, бэрээмэг, биржгүү* ‘воловик; воловий язык’ восходят к образу ‘нечто шероховатое’, поскольку номинируют многолетнее травянистое растение с шероховатым стеблем и мелкими шерстистыми листьями. П.-мо. *barbad*, мо. *барбад* ‘резуха повислая’ также обладает сильно шероховатыми листьями; листья платикарии (мо. *бирз хүжин модон*) также слегка опушенные.

П.-мо. *borča* [Kow. 1222], мо. *борц*, бур. *борсо*, калм. *борц*, ойр. *борца* ‘вяленое мясо (нарезанное тонкими кусками); иссушенный, истощенный’ в т.-ма. языках сопоставляется с эвенк. *барча* ‘вяленая рыба, мука (из сушеной рыбы, мяса)’, *барча-* ‘вялить рыбу’ [ССТМЯ, 1975, с. 76]. Ср. также *пурча* ‘мука (рыбная, из сушеной рыбы); вяленая рыба’; эвенк. *ургавча* ‘мясо (вяленное на солнце)’; эвен. *һорча* ‘мясо (мелко нарезанное, сушенное или вяленое)’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 283, 333].

Ср.-мо. *örmege* [IM], *ormege* [SH], п.-мо. *ertmüge, örtmüge* ‘шерстяная ткань; грубое сукно’ [Kow. 262, 589], мо. *өрмөг*, калм. *өрмг*, ойр. *өрмег*, орд. *örtögö*, мнгр. *merge* [EDAL 1059] ‘рогожа, дерюга; верхняя одежда из камлота, армяк’, бур. бох. *үрмэгэ* ‘половик’, согласно В. И. Рассадину, восходит к др.-тюрк. *örtäk* ‘название одежды’ [Рассадин, 2007, с. 50]. М. Рясянен считает *өрмөк* тюркским словом, образованным от корня **(h)ör-* ‘плести, ткать’, а мо. *örtmüge* – тюркским заимствованием [Räs. 375a]. Г. Рамстедт также считает калм. *өрмг* производным от тюркского глагола *өр-* ‘ткать’ [Ramstedt, 1935, с. 300a]. Возможно, лексема восходит к образному корню **ört* ‘нечто грубое, шершавое; грубошерстное’. Думается, тот же признак применим к п.-мо.

sirdeg, мо. *ширдэг*, бур. *шэрдэг* ‘стеганный тюфяк, простеганный войлок, потник, коврик’.

Корень с гуттуральным [k] в анлауте также дал название вида одежды: п.-мо. *kürem-e*, мо. *хүрэм* ‘куртка (надеваемая поверх одежды, застегивающаяся посередине груди, с широкими и короткими рукавами)’, *хүрмэ* ‘меховой жилет (надеваемый поверх шубы)’. В т.-ма. языках: нан. *курмэ* ‘одежда (верхняя, короткая, из кожи)’, ма. *курумэ* ‘одежда (верхняя, до колен, полукафтан)’ [ССТМЯ, 1975, с. 437], эвенк. *н'армак̄ан* ‘одежда (верхняя, женская, летняя), кафтан (женский)’, орок. *налма(н)* ‘одежда (верхняя из оленьих шкур без ворса), куртка (их оленьих шкур без ворса); доха (старая без шерсти)’, нан. *н'арма* ‘(целительная) кофта, халат шамана’ [ССТМЯ, 1975, с. 635], ороц. *нэрэнгу*, ульч. *нэруңгу* ‘кожа (сивуча)’ [ССТМЯ, 1977, с. 48]. Следует отметить, что номинация в лексемах, обозначающих одежду, сшитую из шкуры, кожи, могла происходить и на основе зрительного восприятия, равно как в рассмотренных выше лексемах п.-мо. *arisu* ‘шкура’ и др.

Признаки ‘хрупкий, шуршащий’ проявляются в п.-мо. *dörsü*, мо. *дөрс* ‘шелуха, скорлупа’; п.-мо. *sorsu*, мо. *сорс* ‘печенка, обернутая сальником и зажаренная на огне; различные сорта дикого лука, маринованные и высушенные’; бур. *хорхинсог* ‘коробочка, остающаяся после цветения сараны; стручок’; ср.-мо. *korisu* [SH], п.-мо. *körüsü* [Kow. 2641], мо. *хөрс*, бур. *хүрһэн*, калм. *көрсн*, ойр. *көрсен*, орд. *korosu* (*koros*), даг. *kurbus* [EDAL 827] ‘кожица, тонкий покров’, имеющей параллели в других языках алтайской группы: Птунг. **xura-hta* ‘кора; оболочка, кожица’; Птюрк. **kirtil* ‘поверхность; кора, верхний слой’ [EDAL 827].

П.-мо. *sarisun*, мо. *сарьс(ан)*, бур. *һарьһан* ‘перепонка; мембрана; пергамент’, п.-мо. *çoru*, *çorui* ‘перепонка’ [Kow. 2220], мо. *цорой* ‘грудобрюшная преграда; брюшина, оболочка, покрывающая внутренние органы’, также восходящие к образу ‘нечто шелестящее’ коррелируют с бур. лексемой *һарьбаһан* ‘брыжейка’, обозначающей складку брюшины,

прикрепляющую внутренние органы к стенкам полости тела. Мо. *сарьсан баавгай* ‘летучая мышь’ дословно переводимо как ‘медведь / нечто мохнатое с перепончатыми [крыльями]’. Как отмечает Л. С. Левитская, тюрк. форму *йарғанат, йарқанат* ‘летучая мышь’ чаще всего трактуют как *йары* ‘пленка, кожаца’ + *қанат* ‘крыло’. Дж. Клосон сближает компонент *йар* с глаголом *йар-* ‘раскалывать’, что по мнению Л. С. Левитской, менее вероятно. М. Палло полагает, что *jara* в *jarasa* восходит к **jara* ‘безволосый, голый’. А. Вамбери объяснял чаг. *jarkanat* как ‘блеск-крыло’, усматривая в **jar* основу, близкую **jaru-* ‘светить’ [ЭСТЯ, 1089, с. 140].

‘нечто пышное, пушистое; мягкое’

Благодаря акустико-артикуляционным признакам согласного [m] стала возможной реализация в корнях противоположных значений ‘пышный, пушистый, воздушный; пухлый, рыхлый, мягкий и толстый’, которые реализуются в п.-мо. *bambayar* [Less. 81], *bembeger*, *bumbayar*, мо. *бамбагар*, *бэмбэгэр*, *бумбагар*, бур. *бамбагар*, калм. *бамбр*, ойр. *бамбаһар*; п.-мо. *rambayar*, *rembeger*, *rombiyur*, мо. *намбагар*, *нэмбэгэр*, *номбогор*, бур. *нампагар*, *нэмпэгэр*, *нүмпэгэр*; п.-мо. *sambayar*, *sembeger*, мо. *самбагар*, *сэмбэгэр*, бур. *һамбагар*, *һэмбэгэр*.

Среди наиболее характерных «воплотителей» признаков следует отметить п.-мо. *sambai*, мо. *самбай* ‘усы, борода’, бур. *һамбай*, сел. *самнай* ‘челка’. В тюркских языках северо-западной и северо-восточной групп распространена лексема *самай* ‘волосы на висках; коса; челка; висок; скула’, як. *самнай* ‘челка (у лошади)’ [ЭСТЯ, 2003, с. 198]. Признаки ‘пышный, пушистый; мягкий и толстый’, безусловно, прослеживаются в п.-мо. *bambai*, мо. *бамбай* ‘войлочный хомут для верблюда’; бур. *бамхи* ‘охот. обувь (на кожаной или войлочной подошве, связанная из шерсти пополам с волосом)’; п.-мо. *bembei*, мо. *бэмбий* ‘тесто для фигурных кондитерских изделий’, ср. каз. *дом бон пискен нан* ‘пышно испеченный хлеб’; п.-мо. *bombursi*, мо. *бомборш* ‘толстая грубая шерстяная ткань’; п.-мо. *bambar*, мо. *бамбар*, ойр. *бамбар* ‘тигренок’; п.-мо. *bambursi* [Kow. 1081], мо. *бамбарш*, *бамбарууш* ‘медвежонок’. Ср.

эвен. *бумбэчэ* ‘гусь’ [ССТМЯ, 1975, с. 110]; эвенк. *помпорок* ‘ласка’, эвен. *помпутти* ‘короткий (но толстый)’, *помтикан* ‘ласка’, ульч. *пумбикэ(н-)* ‘мышь (полевая, бесхвостая)’; ма. *имсэкэ* ‘детеныш, щенок (бобра, выдры)’; эвенк. *момбокб* ‘заяц (белый)’ [ССТМЯ, 1977, с. 41, 313, 544].

Ряд фитонимов также возник благодаря своему внешнему виду: п.-мо. *bambai*, мо. *бамбай* ‘валерьяна лекарственная’; п.-мо. *qamba*, мо. *хамба* [*шарилж*] ‘ромашка лекарственная’; п.-мо. *γamba*, мо. *гамба* [*цэцэг*] ‘мимоза’; п.-мо. *qatar*, мо. *хамар* ‘гулявник’, п.-мо. *qambil* [Ков. 809], мо. *хамбил* ‘крупка’. Ср. ма. *бомбори илха* – название растения [ССТМЯ, 1975, с. 94], гаг. *ратрат* ‘одуванчик’ [СИГТЯ, 1988, с. 518].

П.-мо. *qatqay* [Ков. 809], мо. *хамхаг* ‘солянка холмовая; желтая полынь, курай обыкновенный’ также отсылает к образу ‘нечто пушистое, лохматое’, так как эти растения обладают весьма ветвистым, но тонким стеблем с растопыренными ветвями. В мо. *хар хамхаг* ‘перекати-поле’, п.-мо. *qatquul* ‘солянка (род полыни, любимой верблюдами)’ [Ков. 809], мо. *хамхуул*, бур. *хамхуул*, ойр. *хамхуул* ‘перекати-поле’ наблюдаются те же признаки. Согласно мнению В. И. Рассадина, в основе фитонима лежит др.-тюрк. *qatyaq* ‘перекати-поле; солянка’ [Рассадин, 2010, с. 33]. Тюрк. *қамғақ* ‘перекати-поле’ Дж. Клосон считает производным от глагола *қам-* ‘букв. постоянно бросающийся (сбрасываемый, сбиваемый) на землю’ [Сл. 627]. По мнению Л. С. Левитской, мо. *хамхуул* также является отглагольным именем: оно образовано с помощью афф. *-уул* от основы **қамқа-*. Для выявления дифференциального признака исследователь считает значимым функционирование в чагатайском языке фитонима *қамғақ* ‘вид растения, похожего на куст полыни, запутанного и свернутого спиралью’, полагая, что *қамғақ* выступало как определитель, отражающий один из признаков этого растения [ЭСТЯ, 1997, с. 245]. Наконец, к минералу п.-мо. *γатар*, мо. *гамар* ‘цинкениит’ также применим признак ‘пушистый’ благодаря его мелким игольчатым выделениям.

Таким образом, мы проследили участие доминант [r/m] в манифестации тактильных перцепций: «шершавое ↔ пушистое»⁹⁰, «твердое ↔ мягкое», лежащих в основе концептуальных систем и позволяющих воспринимать важнейшие параметры окружающего мира. Рассмотренные выше признаки актуализируются с помощью зрительного и тактильного восприятия, происходящего в большей мере посредством подушечек пальцев. Безусловно, осязание взаимодействует со зрением, так что роль осязания нельзя оценивать независимо. При этом в корнях с доминантой [r] все еще очень сильна звукоподражательная семантика.

4.4.2. Терморцепция

В рассматриваемом нами материале зафиксированы корни с доминантой [r], способные передавать ощущение холода и тепла в монгольских языках: *irb/jar/jir/čarb/čerc/sar/ser/sirb/berb*. Работа холодовых рецепторов отражена в следующих формах: п.-мо. *berbeyi-* [Kow. 1127], мо. *бэрвий-* ‘коченеть, деревенеть от холода’; бур. *заригар* ‘трепещущий, дрожащий’, *зариу-* ‘трепетать, содрогаться’ (*зариудахам хүрэнэ* ‘дрожь пробирает меня’), калм. *заратр-* ‘трепетать, дрожать’; п.-мо. *čarbalja-*, мо. *царвалза-* ‘трястись от холода’; п.-мо. *čerčeyi-* [Kow. 2128], мо. *цэрций-* ‘промокать насквозь, до костей’; бур. *жэржэгэр* ‘дрожащий’.

Ср. тур. *үрпәр-*, аз. *үрпәр-* ‘чувствовать озноб, дрожать’ [ЭСТЯ, 1974, с. 637], нан. *дяр-р/žар-р* ‘мелко-мелко трястись всем телом’, *сир-р* ‘дрожать всем телом’ [Киле, 1972, с. 103, 156]; ма. *дордон дардан сэмэ* ‘дрожа, трясясь (от холода)’, *жарибу-* ‘зябнуть; отмораживать что-л.’ [ССТМЯ, 1975, с. 216, 344], орок. *сурунна-* ‘дрожать, трястись (от озноба)’ [ССТМЯ, 1977, с. 131]. Фонетический состав корней свидетельствуют о том, что развитие данных значений связано со способностью доминанты [r] передавать дрожание, лихорадочное состояние организма (ср. рус. *бр-р-р*, *дрожать*, *дрогнуть*, *дрыгнуть*).

⁹⁰ Следует отметить, что признак ‘гладкий’ реализуется в монгольских языках с помощью переднеязычного, щелевого, бокового [l].

П.-мо. *ser ser*, мо. *сэр сэр*, бур. *хэр-хэр*, *зэр-зэр*, ойр. *сер-сер*, п.-мо. *sar sar* [Kow. 1328], рассматривавшиеся нами выше как звукоподражания, могут передавать и тактильное восприятие холода, ср. бур. *сэрье*- ‘обдавать холодом, дуть’. По наблюдениям Б. М. Теплова, о набегающих волнах ветерка человек узнает из целого ряда различных ощущений, важнейшую роль из которых занимают кожные ощущения – легкие ощущения прикосновения в сочетании с ощущениями холода на открытых участках кожи (лицо, руки): «Попробуйте подуть себе на руки, и вы получите это характерное сочетание ощущений прикосновения и холода» [Теплов, 1953, с. 68].

Отсюда ср.-мо. *seri'un* [НУ 5], *seri'ü:n* [МА 321], пкл.-мо. *serigü:n* [Тум. 550], п.-мо. *seregün*, *serigün* [Kow. 1370], мо. *сэрүүн*, бур. *хэрюн*, калм. *серун*, ойр. *серүүн*, орд. *serün*, даг. *serün*, ж.-уйг. *sorün*, мнгр. *sarin*, *sarəŋ* [EDAL 1219] ‘прохладный, свежий’. «Г. Рамстедт рассматривал генетически связанную с мо. *serigün* форму *сэр* как ‘подражание для свежего и прохладного’. М. Рясянен относил мо. *serigün* к производным *seri-* ‘быть бодрствующим’ ~ тюрк. *süz-* ‘чувствовать’. Все тюркские лексемы *серин* ‘прохладный’ рассматриваются как монголизмы по происхождению» [ЭСТЯ, 2003, с. 261]. В Алтайском словаре восстанавливается Птюрк. форма **sArak/*sArk-* ‘неметь, цепенеть; иней; холодный ветер’ [EDAL 1219]. Л. С. Левитская предполагает, что башк. *həryaq* ‘жгучий ветер’, кир. *syryaq jəl* ‘легкий горный ветерок’ являются производными глагола *sur-* ~ *sy:r-* ‘дуть, мести’ [СИГТЯ, 2001, с. 42].

Ср. удм. *чар-чар кезьютлуиз* ‘стало резко сильно холодно’ [Алатырев, 1947, с. 223], нан. *сэр* ‘прохладный, свежий (о потоке воздуха)’ [Киле, 1972, с. 161], нег. *хэрэ* ‘тихий, легкий, слабый (о ветре, о волнах); тихо, слабо (веять)’ [ССТМЯ, 1975, с. 482], эвенк. *херқа* ‘ветер (меняющий свое направление)’ [ССТМЯ, 1977, с. 353]. В Тунгусо-маньчжурском словаре также даны следующие формы: ульч. *сэурусу* ‘чувствовать прохладу’, ма. *сэруқэн* ‘довольно прохладно, свежо’. Как монголизмы классифицированы

эвенк. *сэрун* ‘прохлада’ (через посредство якутского языка) и сол. *суре* ‘свежий’ [ССТМЯ, 1977, с. 146].

Возможно, вербализация восприятия холодной воды или холодного ветра, дующего в лицо, с помощью холодовых рецепторов кожи могла происходить в корнях с лабиализованной гласной мягкого ряда **sör/jör/ör*: п.-мо. *sörü-*, мо. *сөрө-* ‘идти против направления, течения чего-л.’: *салхи сөр-* ‘идти против ветра; дуть в лицо (о ветре)’, *урсгал сөрж сэлэ-*, калм. *сөр-* ‘плыть против течения’; калм. *сөрг-*, ойр. *сөрге-* ‘отгонять’; п.-мо. *örü-*, мо. *өрө-*, ойр. *өре-* ‘идти против чего-л. (напр., ветра, пурги)’; п.-мо. *uri-*, мо. *ури-* ‘дуть против (о ветре)’, бур. [*һалхи*] *һүри-* ‘идти против ветра’⁹¹. «Эвенк. *сурдэки* ‘сильный (о ветре, течении)’ < як.» [ССТМЯ, 1977, с. 129].

Следует отметить, что в корнях **ĵir/jar* закономерно контаминируют значения ‘дрожать от холода’ и ‘знобить, чувствовать недомогание’: п.-мо. *ĵarayi-*, мо. *зарай-* ‘чувствовать себя нездоровым; мороз по коже дерет’; п.-мо. *sirbegede-* ‘получить так называемую гусиную кожу’ [Kow. 1531], п.-мо. *ĵirski-*, мо. [*домор*] *жирсхий-* ‘мурашки пробежали по спине’; калм. *ирвэтр-* ‘знобить’, *ирң-дарң*, ойр. *ирең-дараң* ‘чувство недомогания’.

С точки зрения физиологии возникновение мурашек (гусиной кожи) связано с рудиментарным рефлексом, так называемой пилоэрекция, возникающей в качестве реакции на стресс, вызванный физическими (холод, щекотка) или психическими (страх, сильные эмоции) испытаниями. «При реакции на холод поднятые волоски позволяют прогретому телом слою воздуха на некоторое время задержаться у поверхности кожи. При реакции на опасность поднятая шерсть делает животных внешне более массивными и придает им устрашающий вид» [<http://dic.academic.ru>].

Фонема [*r*] также способна передавать работу тепловых рецепторов, воспринимающих высокую температуру, в следующем вокалическом

⁹¹ Доминанта [*r*] может также передавать физическое напряжение при движении против ветра, преодолении каких-либо преград.

оформлении: **ör/ür*: п.-мо. *örbis*- ‘вспыхнуть, запылать’ [Kow. 587], мо. *өрвөс өрвөс хий*- ‘вспыхивать; помигивать’; п.-мо. *ürbelje*-, мо. *үрвэлз*- ‘вспыхивать, вспылить’; п.-мо. *ömi*-, мо. *өрнө*- ‘разгораться, пылать’ (ср. мо. *өрнө* ‘запад’), калм. *өр өг*-, *өрд*-, ойр. *өрдө*-, орд. *ördö*- ‘разводить, разжигать большой огонь’. Ср. «Птюрк. **ört* ‘пламя; жечь; степной пожар; обгорать’ и Пкор. **prír* ‘огонь’» [EDAL 1172], также каз. *бөрт* ‘побагороветь (от внешней температуры)’; *қор* ‘горячая зола; мор (горячая зола овечьего помета, где распаривают мастера палки, жерди для поделок)’ [Кайдаров, 1986, с. 193, 247]. Следует отметить, что Г. Рамстедт рассматривал *ört* как раздражательное слово [Ramstedt, 1935, с. 300].

Корень **čor* коррелирует с восприятием противоположных ощущений тепловыми рецепторами кожи высокой температуры, огня. Значение глагола мо. *цорги*- в БАМРС дано следующим образом: ‘прожигать дыру, прокалывать, пронзать каленым железом; *перен.* обдавать жаром, жарить, припекать; обвеать’ [БАМРС, IV, с. 263], у О. М. Ковалевского даны только первые значения: п.-мо. *čorgi*- ‘прижигать шилом, проколоть’ [Kow. 2221]. По всей видимости, здесь все-таки вторичным является значение совершения действия ‘прокалывать’, в то время как экспликация в языке жары, высокой температуры первична: нар *цоргитол шарлаа* ‘солнце нещадно пекло’, бур. *сорьё*-, *соробхил*- ‘полыхать о пламени’.

В Тунгусо-маньчжурском словаре даны следующие формы, демонстрирующие аспекты восприятия высокой температуры: эвенк. *сир*; ‘краснота раскаленного металла’, *сир*;- ‘накалиться докрасна’, нег. *сijэл*- ‘накалять, паять’. Ма. *шэриң’а*, *шэрэбу*- ‘раскалять, разогревать (металл докрасна)’ сопоставляется с п.-мо. *sireme(n)* ‘чугун’, *siri*- ‘закаливаться (о металле)’ [ССТМЯ, 1977, с. 97]. Ср.-мо. *siremun* [НУ 26, SH], пкл.-мо. *siremün* [Тум. 565], мо. *ширэм*, бур. *шэрэм*, калм. *ширмн*, ойр. *ширем*, даг. *sirem* ‘чугун’ у О. М. Ковалевского имеет значения п.-мо. *siremün*, *sireme(n)* ‘сплав металлов, бронза’, *sireme qalaγun* ‘нестерпимый жар’ [Kow. 1521].

Кроме того, тактильное восприятие огня реализуется в монгольских языках с помощью корней с переднеязычным [d] в анлауте: *durb/dör/dörb/dür*: пкл.-мо. *dürii-* [Tum. 375], п.-мо. *durba-*, мо. *дурва-* ‘пылать (об огне)’; п.-мо. *dörbügene-*, мо. *дөрвөгнө-* ‘полыхать’; п.-мо. *dürski-*, мо. *дүрсхий-* ‘вспыхивать, загораться, зажигаться; полыхать’; бур. *дүрэ-, дүргэ-,* мог. *durga-, duru-* [EDAL 485] ‘гореть, сгорать’, калм. *дөр-* ‘быть пылким, стремительным; чувствовать холод, тепло’, ойр. *дөре-* ‘горячиться’. На алтайском уровне приводится монгольско-тунгусская изоглосса: Птунг. **dur-* ‘гореть, пылать; разводить огонь’ [EDAL 485]. П.-мо. *нит-а*, мо. *нурма*, бур. *нурма*, калм. *нурм* ‘горячий пепел; угольный жар’ коррелирует с Птунг. **ñüre-* ‘накаляться (о металле)’ и Пяп. **nirà(n)k-* ‘закалять металл’ [EDAL 990]⁹².

Изобразительная природа лексем со значением ‘гореть’ ярко выражена в производных от других корней в т.-ма. языках: ма. *гурги-* ‘пылать, закопотевать’ [ССТМЯ, 1975, с. 173], эвенк. *лурги-* ‘сгореть; гореть, пылать, полыхать’, эвен. *нэрги* ‘пламя’, нег. *лужб-* [**луржб-*] ‘гореть, пылать’, ма. *лур лур сэмэ* ‘ярким пламенем’ [ССТМЯ, 1977, с. 512].

В целом следует отметить, что лексем, связанные с огнем, являются наиболее сложными в плане выявления ведущего модуса перцепции, поскольку глазами можно воспринимать блики, вспышки огня, ушами – слышать его треск, кожей – ощущать его жар, что свидетельствует о тесной взаимосвязи ощущений разных рецепторов в процессе восприятия любого предмета или явления. По справедливому замечанию А. Б. Михалева, «множественность толкований семантических переходов в пределах фоносемантического пространства ни в коей мере не наносят ущерб истинности существования взаимосвязей между полями. Напротив, они утверждают многосторонний и разнонаправленный характер зависимости между составляющими этого пространства. Чем большее количество связей-

⁹² Фр. *braise* ‘жар, горящие угли’, *brande* ‘пламя, полыхание’, *bresil* ‘жаровня’, *bruir* ‘сжигать, жарить’, *brusler* ‘сжигать’ родственны индоевр. *bhrug* ‘жарить, варить’ < *bher* ‘кипеть, бурлить’ [Михалев, 1995, с. 84].

мотиваций имеет значений, тем обоснованнее его положение в системе» [Михалев, 1995, с. 127].

Таким образом, холодowymi рецепторами осуществляется тактильное восприятие движения воздуха, ветра, воды, тепловыми рецепторами – огня. Передача восприятия холода и жары с помощью одной доминанты [r] обусловлена тем, что они представляют собой крайнюю степень проявления противоположных начал. Так, глагол п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-*, бур. *урья-* имеет общее значение ‘обдавать’, сочетающееся с лексемами, связанными с разными видами рецепторов: холодowymi (мо. *нуруу хүйт орги-* ‘обдавать холодом в спину’, бур. *һэрюу урья-* ‘веять прохладой’); тепловыми (мо. *чих халуу оргиулж байна* ‘уши пылают’, бур. *халуу урья-* ‘обдавать жаром’) и обонятельными (мо. *өмхий орги-* ‘отдавать зловонием’).

4.4.3. Болевая чувствительность

Если предыдущие два вида чувствительности связаны с поверхностью кожи, находящейся на «периферии» осязательной модальности человеческого тела, то болевая чувствительность связана как с поверхностными, так и с глубинными структурами осязания. Интероцепторы расположены во всех внутренних органах человеческого тела (легких, сердце, желудке, кишечнике, почках, в стенках всех кровеносных сосудов и т. д.).

Неприятные ощущения в горле передаются корнями **erb/serb/iurb/γor*: п.-мо. *erbegene-*, *serbegene-*, мо. *эrvэгнэ-*, *сэrvэгнэ-* ‘першить, щекотать в горле’; бур. *үрбэгэнэ-* ‘ощущать щекотание (или зуд); першить’, *үрэбхи-* ‘глотать целиком, проглатывать’, баргуз. *үрэбхи-* ‘поперхнуться’; п.-мо. *γoruyi-*, мо. *горой-* ‘застревать (о сухой пище); пересыхать в горле’. Ср. орок. *сирэни-* ‘застрячь’ [ССТМЯ, 1977, с. 98].

Различные проявления боли (колющей, режущей, жгучей, тянущей) реализуются в монгольских языках с помощью корней **yar/sir/qor/er/mer/ner* и др. Связанное с истинным повреждением ткани ощущение пронзительной, резкой боли, отдающейся внутри звуком *яр*, заложено в ср.-мо. *yara* [ИМ],

yara [МА 387], пкл.-мо. *yar-a* [Тум. 629], п.-мо. *yara* ‘рана (от болезни), нарыв, чирей’ [Ков. 2300], мо. *яр*, бур. *яра*, дунс. *јара* ‘язва, болячка’, дунс. *ірун* ‘гной; гнойный абсцесс’, калм. *хар-яр* ‘натуральная оспа’; бур. *ярья-‘ныть, ломить (о костях)’*.

Следует отметить, что тюрк. *йа:ра ~ йара ~ жара ~ жара* ‘рана, болячка’ все исследователи, начиная с Г. Вамбери, считают производным от глагола *йар* ‘резать, раскалывать’ [ЭСТЯ, 1989, с. 140]. Ошибочность возведения Б. Я. Владимирцовым мо. *яра* ‘рана’ к тюрк. *јар-* ‘расщепить; разбить, раздвинуть’ доказывает Т. А. Бертагаев, приводя ряд лексем монгольского происхождения: бур. *ира-*, мо. *јара-* ‘раздвигать’, бур. *арбай-*, *жарбай-* ‘раскрыть пасть’ и др. [Бертагаев, 1971, с. 95], подходящих больше по фонетическим, нежели по семантическим критериям.

Ощущение жгучей, саднящей боли проявляется в словах: п.-мо. *qorsu-*, мо. *хорс-*, калм. *хорс-*, ойр. *хорса-* ‘чувствовать жгучую боль; жечь; саднить’; бур. *хордо-* ‘болеть от ожога; жечь, щемить’; п.-мо. *qurčanguu* ‘едкая сыпь на теле; чесотка’ [Ков. 973]; п.-мо. *ere-*, мо. *эр-* ‘осложняться, воспалиться (о женской груди)’; п.-мо. *erkere-* ‘щиплет (о ране)’ [Ков. 272], мо. *эрхрэ-* ‘ощущать боль, жжение; болеть, саднить; испытывать щиплющую боль’; п.-мо. *ereke-* ‘возобновиться (о болезни); растравляться (о ране)’ [Ков. 250], калм. *эрк-* ‘нарывать’, ойр. *эрке-* ‘опухать, созревать (о язвах и нарывах), нарывать’; п.-мо. *eregüü* ‘мучение, терзание; мука, пытка’ [Ков. 250], мо. *эрүү* ‘пытка’.

В EDAL приводятся параллели: Птюрк. **iri-* ‘гнить; гной; прокисать, створаживаться’, Пяп. **ità-* ‘болеть, чувствовать боль’ [EDAL 591]. Семантически близки также тюркская форма *қарт* ‘засохший слой, корка на ране; злокачественный нарыв; особый род какой-то язвы, раны или опухоли; рана, язва’ [ЭСТЯ, 1997, с. 314], турк. *қурыш-* ‘неметь, цепенеть’; ккалп., ног. *қурыш-* ‘испытывать ноющую боль’ [ЭСТЯ, 2000, с. 257]; каз. *қурыста-* ‘чувствовать ломоту в суставах, скованность в теле’ [Кайдаров, 1986, с. 253];

як. *дьяаралый* ‘чувствовать боль, ломоту’, *дьярђа* ‘хроническая, застарелая болезнь, старый недуг’, *эрэмсэ* ‘болезнь, недуг, недомогание; хворь’.

П.-мо. *sirqa-a*, *sirqan* ‘рана (от пореза, пули); язва, уязвление’ [Kow. 1528], мо. *шарх*, бур. *шарха*, калм. *шарх*, ойр. *шарха*, орд. *ђарха* ‘рана, язва, ссадина’⁹³; ср.-мо. *sirqa-* [SH], п.-мо. *sirbegede-* ‘чувствовать нестерпимую боль в теле’, *sirkira-*, *sirkire-* ‘чувствовать ломоту (в костях и членах)’ [Kow. 1530, 1534], бур. *шарда-* ‘жечь’, даг. *ђerkire-*, мнгр. *sgirē-* ‘ощущать острую боль’ [EDAL 1517] сопоставляются с тюрк. формой *сырқа-* ‘болеть, хворать; ныть, болеть, ломить’, которая, по предположению Л. С. Левитской, является интенсивно-учащательной формой глагола *сыры--сыр-* ‘дуть’ [ЭСТЯ, 2003, с. 447].

В т.-ма. языках также функционирует обширный ряд лексем, актуализирующих болевую чувствительность: *бэрхэ* ‘слезы (от ветра); гной (в глазах)’; *ђэрпэ* ‘трещины (на губах)’; орок. *қаран-* ‘воспалиться (о глазах, о ране)’; *кородоп-* ‘опухнуть и болеть’ [ССТМЯ, 1975, с. 127, 286, 380, 416], ульч. *сир ңэнэ-* ‘почувствовать острую боль (в суставе)’, нан. *сир энэ-* ‘ударить под локоть’; ма. *сир сэ-* ‘неметь, деревенеть (о руках, ногах)’⁹⁴; ма. *соро-* ‘чувствовать сильную боль от прикосновения’; эвенк. *таргил-* ‘коченеть, неметь’, ульч. *тарђи-*, нан. *тарги-* ‘щипать, саднить (от ожога, йода и др.)’; ма. *фаратала* ‘больно, жестоко’; ма. *фурдан* ‘рана, язва, рубец’, *фуру* ‘прыщ (во рту)’; эвенк. *һирки-*, эвен. *ирқъ-* ‘натереть мозоль’, *ирқън* ‘мозоль’; ма. *чар сэмэ* ‘ой! (крик от боли при ожоге или ссадине)’; ма. *чирга-* ‘распирать, пучить, вздуться (о животе)’; нан. *чори-* ‘страдать от боли’; ма. *чэрхувэнэ-* ‘образоваться ногтееду’; эвенк. *эрки-* ‘разбередить рану’, ма. *эрпэ* ‘прыщ (на губах)’ [ССТМЯ, 1977, с. 95, 96, 113, 168, 299, 303, 328, 385, 399, 409, 422, 465], нан. *дяр-р/ђар-р* ‘ощущать жжение (о коже)’ [Киле, 1972, с. 103].

⁹³ Во вкусовом восприятии те же корни **qor/sir* служат для передачи значений ‘яд/изжога’.

⁹⁴ Известно, что онемение проявляет себя неприятными ощущениями с чувством покалывания, ползания мурашек и т.п.

Стойкая и острая боль зачастую сопровождается ноющей болью, для выражения которой в монгольских языках используются корни **mer/nerb/nerm*: п.-мо. *mermerki*- ‘хворать, чувствовать боль в животе’ [Kow. 2019], мо. *мэр мэр хий*- ‘резать, колоть (о боли в животе)’, в калм. *мер-мер* говорится об ощущении тупой боли, которая носит иррадирующий, размытый характер и которую бывает сложно локализовать.

Фонетическая близость корней позволила предположить, что в пкл.-мо. *nerbe*- [Tum. 480], п.-мо. *nerbe*-, *nerme*- [Kow. 645, Less. 576], мо. *нэрвэ*-, *нэрмэ*-, бур. *нэрбэ*-, калм. *нерв*- значения ‘удручать, притеснять, усугублять, бедствовать’ развились на базе ‘мучить, терзать’ < ‘доставлять боль’. Сюда же следует отнести п.-мо. *nöri* ‘укоренелая болезнь’, *nöri*- ‘не переставать хворать’ [Kow. 704].

Следует отметить, что сема ‘боль’ с помощью доминанты [*m*] реализуется на базе звукоподражания. Так, в корне глагола пкл.-мо. *emgeni*- [Tum. 386], п.-мо. *emgeni*- ‘страдать, мучиться; беспокоиться, тревожиться’ [Kow. 220], мо. *эмгэнэ*- ‘горевать; скорбеть; быть в трауре’ можно восстановить ономотоп **em*, передающий сдавленный стон, кратный характер которого подчеркивается суффиксом *-gene*. Значение боли сохраняется в п.-мо. *emgeg* ‘повреждение; боль, мучение’ [Kow. 220], мо. *эмгэг* ‘болезнь; повреждение; горе, печаль’, бур. *эмгэг* ‘недомогание’.

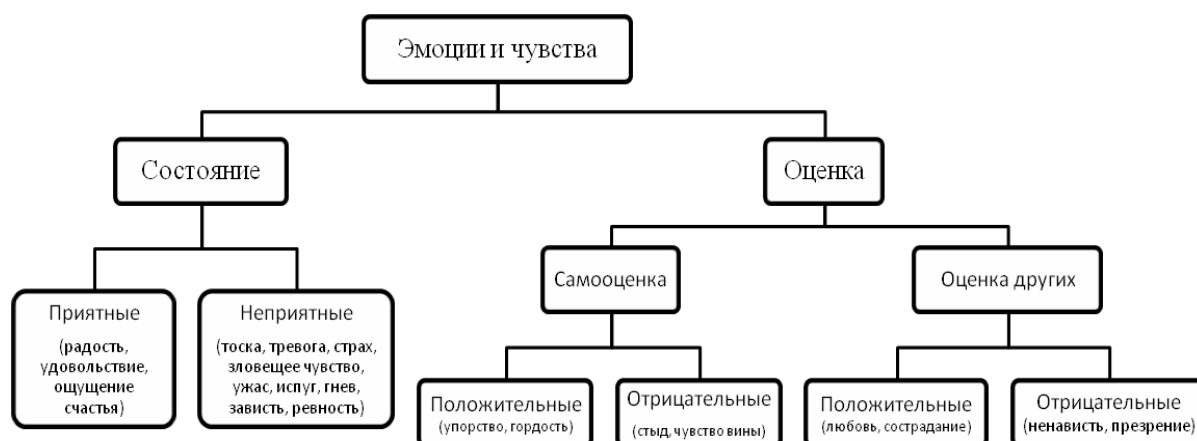
Несколько приглушенные болевые ощущения в могут также соотноситься с артикуляционной характеристикой [*m*] в п.-мо. *ċimkii*-, мо. *чимхий*- ‘отдаваться болью, болеть, стрелять (при ощущении боли)’; п.-мо. *ĵim*, мо. *жим жим* ‘боль, вызванная щипками’, *жим жим өвд*- ‘пульсировать’, бур. *жэм-жэм шэмхэ*- ‘пощипывать (о морозе)’; п.-мо. *simsire*- [Kow. 1506], мо. *шимширэ*-, бур. *шэмшиэр*-, калм. *шимшир*-, ойр. *шимшире*- ‘щемить, нить, ломить; робеть’ (ср. рус. *щем*-ить, *с-жим*-ать, *щип*-ать).

4.4.4. Эмоции и чувства

В данном параграфе мы сочли необходимым рассмотреть случаи языковой актуализации чувств и эмоций, поскольку результаты исследования демонстрируют способность дрожащего сонанта [r] активно участвовать в данном процессе. Как отмечает С. В. Воронин, «звукосимволическая номинация широко действует не только в сенсорной, но и в эмоциональной сфере. На роль «эмоциональной окраски», «аффективных моментов», «чувственного тона», «эмоциональных факторов» указывают многие исследователи» [Воронин, 1982, с. 84].

По мнению психологов, многогранность чувств и эмоций, их проявление на различных уровнях отражения и деятельности, способность к слиянию и сочетанию исключают возможность простой их классификации. Это объясняется недостаточной изученностью самой их природы. Не останавливаясь на различиях между чувствами и эмоциями, отметим, что целям нашего лингвистического исследования подходит классификация эмоций и чувств К. Шнайдера [1999, с. 165], которая может быть представлена в виде следующей схемы.

Схема 3

В данной схеме мы привели примеры лишь тех эмоций и чувств, которые представлены в нашем материале. Значения большинства рассматриваемых здесь лексем выражаются средствами доминанты [r]. Широкие возможности данного согласного в области номинации чувств и эмоций становятся

очевидны благодаря утверждению А. Бергсона: «практически нет страстей, желаний, радостей или печалей, которые не сопровождались бы физическими симптомами <...> Интенсивность острого чувства радости, печали, желания, отвращения и даже стыда коренится в автоматических реактивных движениях, производимых организмом и воспринимаемых сознанием. Любовь заставляет биться сердце, учащает дыхание, вызывает краску на лице» [Бергсон, 1992, с. 64].

Как отмечалось выше, согласный [r] служит для вербализации как отрицательной, так и положительной ольфакторной информации (*зловонный* ↔ *ароматный, благоухающий*). Здесь с той же уверенностью можно утверждать, что данный звук сопоставим с полярными чувствами и эмоциями, выражая крайнюю степень их проявления.

Начнем с приятных чувств состояния, а именно с удовольствия, радости и счастья. Корень *ḡr* в ср.-мо. *ḡrqa-* [HY 37, SH, HYt], пкл.-мо. *ḡrqa-* [Tum. 430], п.-мо. *ḡrqa-* ‘веселиться; благоденствовать’ [Kow. 2366], мо. *ḡrqa-*, бур. *ḡrqa-*, калм. *ḡrqa-*, ойр. *ḡrqa-*, орд. *ḡrqa-*, даг. *ḡrqa-*, ж.-уйг. *ḡrqa-*, мнгр. *ḡrqa-* [EDAL 1555] ‘быть счастливым, блаженствовать’ служит для экспликации ощущения внутреннего возбуждения, радости: ср. п.-мо. *darbi-* [Kow. 1680], мо. *darbi-* ‘приходить в состояние радостного возбуждения [курсив наш – Е.С.] при виде шумной толпы; кричать, орать; гудеть, шуметь (о чистом звуке)’; п.-мо. *nargi-*, мо. *nargi-* ‘веселиться, наслаждаться’; бур. *dərbэлзэ-* ‘трепетать; быть в приподнятом настроении’, *dərbэ-* ‘восторгаться’. Ср. тюрк. *ḡrqa-* ‘прийти в возбужденное состояние, быть возбужденным; разгорячиться; сильно желать; одобрять любить’. Л. С. Левитская не исключает, что «значения ‘любить, желать’ принадлежат омонимичному глаголу» [ЭСТЯ, 1989, с. 144].

В глаголе *ḡrqa-*, безусловно, исходным было значение ‘испытывать в теле возбуждение, дрожь; блаженство, удовольствие от чего-л.’. Так же, как и страх, состояние счастья в первую очередь обусловлено телесными

ощущениями: переизбыток эмоций сопровождается учащением сердцебиения и дыхания, общего ритма работы организма (*д-р-р, ж-р-р*). В данном случае возникают психо-эмоциональные ассоциации с акустическими характеристиками согласного [*r*].

Если, по нашему предположению, счастье воспринимается в осязательной модальности, то Л. С. Левитская видит в глаголе *жарга-* результат зрительного восприятия, возводя его к имитативной основе **йар* ~ *жар* ‘сверкнуть, блеснуть’ [ЭСТЯ, 1989, с.146]. Ср. также рус. *просиять от радости, сверкнуть улыбкой*. Кир. *жирга-*, каз. *жырга-*, сюг. *йырга-*, алт. *дырга-*, хак., чув. *чыргала-*, як. *сырга-* ‘наслаждаться, радоваться’ Н. Н. Поппе, В. И. Рассадин, Л. С. Левитская относят к монголизмам [ЭСТЯ, 1989, с.43]. Также лексема заимствована в сол. *жиргā-*, ма. *жирга-*, чж. *tih-rh-hāh-lāh* ‘наслаждаться, блаженствовать’ [ССТМЯ, 1975, с. 259], в то время как ульч. *ларги* ‘хороший, приятный’ [ССТМЯ, 1975, с. 494], эвенк. *уревсб-*, сол. *урун-*, эвен. *орус-*, орок. *урулжъни-*, ма. *ургунжэ-* ‘радоваться, веселиться’; ма. *фур сэмэ* ‘вкусно, тепло, тихо’; ороц. *чарапай* ‘веселый, жизнерадостный’; возможно, эвенк. *эр;-* ‘наестся, насытиться’ [ССТМЯ, 1977, с. 288, 303, 385, 466] относятся к автохтонной лексике.

Противоположное состояние в монгольских языках выражается с помощью словосочетания п.-мо. *örü ebed-* ‘душевно скорбеть, быть сердобольным, искренне сожалеть’ [Kow. 581], мо. *өр өвд-*, бур. *үрэбдэ-* ‘душа болит; щемит под ложечкой’, мо. *өр өмрө-* ‘сердце рвется на части’, где нас прежде всего интересует компонент пкл.-мо. *örü* [Tum. 125, 512], п.-мо. *örü* ‘внутренность чего-л.’ [Kow. 581], орд. *oro, or*, мог. *oura* ‘сердце, душа’ [EDAL 1064]. В БАМРС *өр* выступает и как конкретный анатомический орган ‘подложечная область’, и как отвлеченное понятие ‘душа; сердце’. В других языках именно последние значения выходят на первый план: бур. *үрэ* ‘сердцевина; сердце’, калм. *өр* ‘грудь, душа’, ойр. *өр*, орд. *örö*, мог. *ourü* ‘душа; сочувствие’. Ср. эвенк. *үрэ* ‘душа (человека)’ [ССТМЯ, 1977, с. 289]. Из предложенных в Алтайском словаре параллелей к

данной интерпретации подходит Птюрк. **ōr* ‘середина, внутренность, сущность’. Несмотря на мнение Г. Дёрфера, монгольские формы не могут быть заимствованы из тюркских языков [EDAL 1065].

По всей видимости, притупленное ощущение щемления под ложечкой, сопряженное с чувством тревоги, жалости и выражаемое корнем **ör*, впоследствии дало основание для переноса на анатомический орган, в котором наиболее велика жизненная активность. Отсюда п.-мо. *öriče* [Less. 643], мо. *өрц*, бур. *үрсэ*, калм. *өрч*, ойр. *өрчи*, даг. *erecū* [EDAL 1064] ‘диафрагма, грудобрюшная преграда’. Значение сердца, души, центра перенесено на п.-мо. *ör*, мо. *өр* ‘центр пола в юрте; квадратный столик в центре юрты’, хотя здесь допустимы и другие мотивы номинации.

Чувство тревоги, «зловещее чувство» (Шнейдер) может манифестировать и корень **ir*: ср.-мо. *ira* [MA 242], пкл.-мо. *iru-a* [Tum. 419], п.-мо. *iru-a*, *irva* ‘знак, знамение’ [Kow. 321], мо. *ёр*, бур. *ёро*, калм. *йор*, ойр. *йор*, орд. *joro*, даг. *jor*, *jore*; ж.-уйг. *jor* [EDAL 591] ‘плохое знамение, дурное предзнаменование’. В халха-монгольском языке лексема может означать и хорошее предзнаменование: *сайн ёр* ‘добрый знак’, *хүний ёр* ‘счастливая звезда’, что, очевидно, является результатом расширения исходного значения. В данном случае корень **ir* обозначает внутреннее ощущение, предчувствие чего-то недоброго, плохого⁹⁵ (ср. рус. *сердце ёкнуло*). Ср. Птюрк. **ir*/**ir*- ‘знамение; суеверие’, Пяп. *йр́а* ‘гадание’ [EDAL 591]. Интересно функционирование в нанайском языке *сиртэ* ‘ёкнуть (о сердце)’ [Киле, 1972, с. 156], ма. *тар сэ-* ‘вздрагивать от испуга’; эвен. *һэри-* ‘тревожиться, волноваться; предчувствовать несчастье’ [ССТМЯ, 1977, с. 189, 370].

Э. В. Севортыан считает, что тюрк. *ырым* ‘знак, примета, предзнаменование (хорошее и дурное), предчувствие’ представляет собой отглагольно-именное производное с афф. *-м*, гомогенное с *ырык* и *ырыз/ырыс*, объединенными

⁹⁵ Хотя в данном случае, как полагают многие исследователи, возможно сопоставление со звукоподражательным глаголом п.-мо. *irüge-* ‘предсказывать’.

между собой основными значениями ‘знак, примета’. Производящей основой всех трех слов является глагол *ыр-, представление о котором дает турк. ыр- ‘уговаривать, пропускать’. В. Банг и А. фон Габен глагол *ir-* отождествляли с глаголом *yar-* ‘раскалывать’, шор. *iril-* ‘образовывать трещины, рваться’, а в *irq* и *irim* видели названия древнейших принадлежностей для гадания на трещинах и щелях в обожженных лопатках барана [ЭСТЯ, 1974, с. 666]. Данная лексема, по сути, связана с интуицией, в которой в чистом виде заключено сверхчувственное восприятие и которую зачастую называют шестым органом чувств.

Дрожащий сонант [r] служит для манифестации значения ‘грусть; беспокойство, тревога’ в т.-ма. языках: ма. *жир сэмэ* ‘горестно, прискорбно’; эвенк. *мэргэ-* ‘унывать, грустить’, эвен. *мөргө-* ‘грустить; волноваться, беспокоиться о ком-л.’, нег. *мэјгэ-* ‘беспокоиться, тревожиться’ [ССТМЯ, 1975, с. 259, 571], орок. *сурунна-* ‘волноваться’, эвенк. *сур-* ‘беспокоиться, метаться’; ма. *чирга-* ‘спирать (под ложечкой)’ [ССТМЯ, 1977, с. 131, 399].

Большое количество корней с данным согласным в разных языках содержат семы ‘страх; ужас; испуг’, в связи с чем их можно отнести к категории относительных фоносемантических универсалий⁹⁶. Это, несомненно, обусловлено тем, что страх зачастую расценивается как ощущение. А. Бергсон приводит точное описание физиологических симптомов страха: «Биение сердца учащается, лицо краснеет или смертельно бледнеет, дыхание затрудняется, грудь подымается, дрожащие ноздри раздуваются, часто все тело дрожит. Голос меняется, зубы сжимаются или стучат, и мускульная система вообще доведена до крайнего возбуждения; она готова на любой неистовый, даже безумный поступок» [Бергсон, 1992, с. 64].

⁹⁶ Ср. англ. *horror* ‘ужас’, *terror* ‘страх’, *risk* ‘страх, риск’, *tragedy* ‘трагическое событие’; *fright* ‘испуг’; нем. *Furcht* ‘страх’, *Grauen* ‘ужас’, *Schreck* ‘испуг’; фр. *frayeur* ‘страх, испуг’, *frousse*, *terreur* ‘страх’, *effroi* ‘ужас; испуг’, *horreur* ‘ужас’ и др.

Значения ‘страх⁹⁷, испуг; стыд’ в монгольских языках выражаются с помощью следующих корней: *bard/pard/dar/šard/serd/qor/ür/bür/sür/kird/kirt* и др. П.-мо. *šard*, п.-мо. *шард* выражает внезапный испуг, вздрагивание от грохота обвала, п.-мо. *sirbegede*- ‘не знать куда деваться от стыда’ [Kow. 1531]; п.-мо. *dargi*-, мо. *дарги*- ‘судорожно, нервно вздрагивать’; *сэрд хий*-, *эрхий*- ‘замереть о сердце’, *сэрвэсхий*- ‘вздрогнуть, встрепенуться’; п.-мо. *süruu-e* ‘страх, ужас’ [Kow. 1435]; бур. *бард гэ*- ‘вздрогнуть, внезапно испугаться’, *пард гэ*- ‘ёкнуть’, п.-мо. *bürki*- ‘прийти в замешательство, встревожиться, испугаться’ [Kow. 1262].

Резкий, внезапный звук, в большинстве случаев передающийся корнями с фонемами *[d]* и *[s]* в ауслауте, вызывает непроизвольное содрогание, дрожание. Ср. каз. *сұр* ‘вид, образ, облик; мрачный, грозный, устрашающий вид (человека, животных)’; як. *дыр* ‘нервно вздрогнуть, встрепенуться’; эвенк. *курбул*- ‘ёкнуть (о сердце)’ [ССТМЯ, 1975, с. 435], ма. *шургэ*- ‘дрожать, трястись (от страха, лихорадки, стужи)’ [ССТМЯ, 1977, с. 430].

Ср.-мо. *hürgü*- [МА 192], П.-мо. *ürge*- [Kow. 592], мо. *үргэ*-, бур. *үргэ*-, калм. *үргэ*-, ойр. *үрге*- ‘пугаться, шарахаться; броситься в сторону (о животных)’; ма. *урху*- ‘пугаться, шарахаться (о лошади)’ [ССТМЯ, 1977, с. 286] семантически близок п.-мо. *qoruyuu*-, мо. *хоргоо*- ‘вспугивать, поднимать криком зверей на охоте’. В тюркских языках глагол *үрк*- ‘испугаться; вздрогнуть’ Э. В. Севортян раскладывает на *үр*- + *-(ы)қ*- ~ *ур*- + *-(ы)қ*-, где *-(ы)қ*- – показатель интенсивности действия [ЭСТЯ, 1974, с. 636].

Широко представлены в монгольских языках производные данного лексико-семантического поля, образованные от корней **kir/qor*: п.-мо. *kirii*- ‘бояться’ [Less. 473], мо. *хяр*- ‘прятаться (о зверях); притаиться, замирать (от сильного страха)’; бур. *хирүү* ‘застенчивый, несмелый’; п.-мо. *girbi*- [Kow. 2552], мо. *гирви*- ‘упасть духом, сбиться с толку’, *гирвэши*- ‘избегать; шарахаться от кого-л.’; п.-мо. *kirtki*- [Kow. 2553], мо. *хирдхий*-, *хиртхий*-

⁹⁷ Согласно М. Фасмеру, рус. страх с первоначальным значением ‘оцепенение’ сближается с лит. *stregti, stregiu* ‘оцепенеть, превратиться в лед’.

‘быть пораженным ужасом, страхом; вздрагивать (от испуга), трепетать’: дотор *хирдхийв* ‘внутри что-то оборвалось’. Ср. ма. *кири-* ‘притаиться (от испуга – о птице, звере); прикинуть головой’; нан. *кирим* ‘остолбенев, как вкопанный’ [ССТМЯ, 1975, с. 398], ороц. *сири-*, орок. *сири-*, нан. *сири-* ‘прятаться, скрыться’; ма. *сорочо-* ‘стыдиться, не сметь (взглянуть в глаза)’; эвенк. *тэрэу;т-* ‘закрыться, укрыться (из предосторожности); остерегаться, беречься’ [ССТМЯ, 1977, с. 95, 113, 240].

По аналогии с *kira-* можно трактовать как имитативный глагол бур. *хоро-* ‘прятаться, укрываться’, калм. *хор-* ‘проявлять робость, робеть’, п.-мо. *qori-*, мо. *хор-* ‘стоять, плотно прижавшись друг к другу, опустив голову вниз (об овцах в жару)’. Последнее значение в бурятском языке реализуется в глагольной форме *хурга-* ‘прятать голову; прятаться’, где корень **qur*, равно как и **kir/qor*, передает замирение, трепет. Ср. як. *кирий-* ‘притаиться’, *кириңнэ* ‘пугливо втягивать голову в плечи’; эвенк. *чурбургэ-* ‘собратся в кучу, сгрудиться (об оленях)’ [ССТМЯ, 1977, с. 416].

Возможно, ощущение страха и напряжения отразилось в прилагательном п.-мо. *qoriy* [Less. 966], мо. *хориг*, калм. *хөрг* ‘чувствительный, не позволяющий дотронуться до чего-л.’: *толгойдоо хориг* ‘не позволяющий дотронуться до головы (о лошади)’. Очевидно, на основе данного признака чувствительности в дальнейшем развилось значение пкл.-мо. *qoriy* [Тум. 530], п.-мо. *qoriy* [Kow. 961], мо. *хориг*, бур. *хориг*, калм. *хөрг* ‘запрет, запрещение’. Подобное развитие значения косвенно подтверждается данными т.-ма. языков: нан. *сорō* ‘грех, запрет, табу; стыд, срам’, ма. *соро-* ‘считать за грех; воздерживаться от чего-л. запретного’ [ССТМЯ, 1977, с. 113].

Монголизмами являются тув. *хоргада-* ‘укрываться, скрываться, находить приют’, як. *хорго* ‘убежище, укрытие; защита, опора’, кир. *корголо-*, ккалп. *корголо-* ‘спасаться, искать защиты, укрываться’. <...> В тюркских языках представлены *қорқ-* ~ *қорук-* ~ *қорқу-* ‘бояться; (ис)пугаться, страшиться; ожидать что-л. неприятное’. А. Зайончковский вслед за Г. Рамstedтом

признавал идентичность первичного тюрк. **qor-* и калм. *хор-* ‘бояться, робеть’. С калм. *хор-* сопоставимы каз., ног. диал. *қорын-* ‘стесняться (*из-за своего недостатка*), бояться’ и кир. *қорун-* ‘чувствовать неловкость, приниженность; стесняться (*напр., своей бедности*), остерегаться, искать спасения’ [ЭСТЯ, 2000, с. 77–78].

В качестве гипотезы можно связать этимологию термина свойства ср.-мо. *beri* [SH, НУ 29, LH], *berigen* [SH, IM], *berigan* [НУ 28], *berigen beri* [МА 118], пкл.-мо. *beri* [Тум. 322], п.-мо. *beri*, *bergen* [Kow. 1126], мо. *бэр*, *бэргэн*, бур. *бэри*, *бэригэн*, калм. *бер*, *бергн*, ойр. *бере*, *берген*, орд. *bere*, *bergen*, мог. *bεiri*, даг. *beri* (*beŕ*), *berigen*, дунс. *bieri*, *beGen*, бао. *vere*, мнгр. *beri*, *jeri*, *bergen* ‘невестка, сноха, жена сына’ с имитативным корнем **ber* в составе глаголов п.-мо. *berge-*, мо. *бэргэ-* ‘стесняться, робеть’; п.-мо. *berbeyi-*, мо. *бэрвий-* ‘трусить, робеть’ (*бэрвэгэр* ‘робкий’); калм. *бер-ад көдл-* ‘психоз’, *бермс-* ‘стесняться’.

Подобный мотив номинации не выглядит необоснованным с учетом зависимого положения невестки в странах Востока. От самого термина в дальнейшем образуется глагол со схожей семантикой: п.-мо. *berile-* ‘стыдиться, мешаться от робости (о женщинах)’ [Kow. 1126]. Ср. эвенк. *бэрэ* ‘смирный’, *бэрэ-* ‘присмиреть, успокоиться’, орок. *бэрэми* ‘смирный’, ма. *бэрэ-* ‘онеметь, оцепенеть (от испуга)’; *гирбэ-*, ма. *гиру-*; нан. *ирэнтэ-*, ма. *јэртэ-* ‘стыдиться, стесняться’; эвенк. *кара-* ‘смутиться, сконфузиться’ [ССТМЯ, 1975, с. 127, 155, 329, 380], эвенк. *һэричэн* ‘зависимость; стеснение’ [ССТМЯ, 1977, с. 369]. Этим можно обосновать тот факт, что «сильный» с позиции звуко-символизма звук [r] фигурирует в термине свойства, номинирующем лицо женского пола.

По предположению авторов EDAL, в Птунг. **bener* ‘младший свойственник, свойственница (шурин, свояченица)’ могла произойти метатеза: **bener* < **bere-n* [EDAL 339]. Эвенк. *бэригэј*, ма. *бэрху* ‘невестка’ относят к монгольским заимствованиям [ССТМЯ, 1975, с. 126], однако

дрожащий сонант [r] также представлен в корне нан. *opö*, ма. *урун* ‘невестка (жена сына)’ [ССТМЯ, 1977, с. 24].

Другой термин пкл.-мо. *gergei*, *gergen* [Тум. 405], п.-мо. *gergei* [Kow. 2518], мо. *гэргий*, бур. *гэргэй*, *гэргэ(н)*, калм. *гергн*, ойр. *гергээ* ‘жена, супруга’ может быть также семантически связан с п.-мо. *kiregüü* ‘боязливый’, *kirü-*, *kiru-* ‘быть в страхе; робеть, трусить’ [Kow. 2546, 2551], бур. *хирүү* ‘застенчивый, несмелый’, *харюу* ‘конфузливый, стеснительный’. Ср. як. *курус* ‘испытывающий чувство смущения, огорчения’. По предположению С. Калужински, ст.-монг. *гэргэн* первоначально имело значение ‘домашние; жители юрты’ и произошло от слова *гэр* ‘юрта’ [Калужински, 1973, с. 217]. В ряде тюркских языков распространена форма *қырқын* ‘невольница; служанка; пленница; наложница; девушка’, которую Дж. Клосон сравнивает с *қырнақ* ‘невольница’ и *қыз* ‘девушка’ [Сл. 654a-b].

Сема ‘гнев’ реализуется с помощью корня **ur*: пкл.-мо. *urin* [Тум. 607], п.-мо. *urin* ‘гнев, неудовольствие’ [Kow. 439], мо. *урин* ‘гнев’; п.-мо. *öme-* ‘быть раздражену, подстрекнута’ [Kow. 587]; семы ‘ревность; зависть’ – с помощью корня **qar*: п.-мо. *qar*, мо. *хар* ‘ревность’; пкл.-мо. *qartai* [Тум. 524], п.-мо. *qaratu*, *qartai* [Kow. 834], мо. *хартай* ‘ревнивый; недоверчивый; коварный’, калм. *харта* ‘подозрительный’; п.-мо. *qarada-* [Kow. 834], мо. *харда-* ‘ревновать; подозревать кого-л. в чем-л. дурном; завидовать, быть недоброжелательным’; п.-мо. *qaras-* ‘ненавидеть, недоброжелательствовать’ [Kow. 833], мо. *харши-* ‘подозревать’⁹⁸. Значение ‘зависть’ также представлено в п.-мо. *γorila-*, мо. *горило-* ‘точить зубы на кого-л.; завидовать’; п.-мо. *γorida-*, мо. *горьдо-*, бур. *горидо-*, калм. *гөрд-* ‘завидовать; зариться’⁹⁹.

⁹⁸ Корни **qor* и **šar*, которые с позиции вкусовой модальности имеют значения ‘яд’ и ‘изжога’, образуют парное слово мо. *хор шар* ‘зависть, чувство досады’, бур. *хоро шаран* ‘злопыхательство, злоба’.

⁹⁹ Рус. *заркий* ‘жадный, похотливый; гневный’ (*зарить* ‘раздражать, возбуждать’) часто рассматривается как родственное др.-инд. *hāryati* ‘любит, находит удовольствие, жаждет’, греч. *χαίρω* ‘я радуюсь’, гот. *gairns*, авест. *zara-* ‘стремление, цель’ [Фасмер, 1971, с. 80].

Судя по значениям лексем с корнем **gar*, понятие ‘ревность’ тесно связано с понятиями ‘жадность’, ‘жалость’: п.-мо. *qaram* [Kow. 835], мо. *харам*, бур. *харам*, калм. *харм*, ойр. *харам* ‘скупость; сожаление, жалость’; п.-мо. *qaraγu* [Less. 935], мо. *харуу*, бур. *харуу* ‘жадный, прижимистый’, калм. *хару* ‘ревнивый, ревность; скупой’; также п.-мо. *kireg, kirig* ‘скупой, скряга’, *kire-* ‘скупиться’ [Kow. 2547]. Як. *харыс* ‘бережливый’, *хараный* ‘жалеть’. Все рассмотренные выше обозначения чувств и эмоций, как и прежде, обусловлены интенсивной работой интероцепторов, вербализация которой происходит при непосредственном участии дрожащего сонанта [r].

Корневой согласный [m] зафиксирован лишь в обозначениях гордости, высокомерия и обиды, при этом здесь мы уже имеем дело не с внутренними ощущениями, а со зрительным восприятием лица, точнее, губ человека. Номинация в пкл.-мо. *отиу* [Tum. 495], п.-мо. *отиу* [Kow. 412], мо. *омог*, бур. *омог*, калм. *омг*, ойр. *омог* ‘гордость, высокомерие’, на наш взгляд, обусловлена внешним видом надменного человека, точнее, выражением его лица: человеку свойственно от важности своей хмуриться и поджимать губы¹⁰⁰. Здесь использование согласного [m] сопряжено с произвольным движением мышц рта, сопровождающим ощущения и эмоции.

Тот же признак номинации прослеживается в п.-мо. *tuta*, мо. *тум* ‘чванство, гордость, надменность’, бур. *тума яма хун* ‘упрямый важный человек’, а также в бур. *гом* ‘жалоба, сетование, обида’, калм. *гом* ‘недовольство, несогласие’; бур. *гомой-* ‘жаловаться, апеллировать’. В основу глаголов п.-мо. *γотду-* [Kow. 1034], мо. *гомдо-*, бур. *гомдо-* ‘жаловаться; обижаться; досадовать, сожалеть; сокрушаться, убиваться’, п.-мо. *γотирқи-*, мо. *гоморхо-*, калм. *гомрх-* ‘плакаться, дуться; ныть; обижаться’ заложен образ губ, поджатых от обиды, досады, сожаления.

Использование в корнях гласных [o/u] Ш. Балли объясняет следующим образом: «при произнесении округлых гласных (oi, u) губы выпячиваются;

¹⁰⁰ Ср. англ. *to prim* ‘принимать строгий, официальный вид; напускать на себя важность’, *to prim (up) one’s lips (mouth)* ‘поджимать губы’.

это движение, даже вне речевой деятельности, выражает плохое настроение, насмешку, презрение: *bouder* ‘дутся’» [Балли, 1955, с. 148].

В основе **dümb* значение ‘равнодушный’ возникло на базе значения ‘надувший губы; молчаливый’: мо. *дуу шуугүй дүмбий*- ‘молчать’, досл. ‘без звука надуться’. Наиболее ярко образная семантика проявляется в прилагательном п.-мо. *kimsayar*, мо. *хямсгар* ‘надменный, кичливый’. В бурятском языке кинема *hэм* функционирует в качестве междометия ‘гм...’ и образует аналитические конструкции: *hэм гэжэ баярлаха* ‘внутренне злорадствовать’ [БРС, 1973, с. 704]. Ср. каз. *томырай*- ‘надуться, насупиться’ [Кайдаров, 1986, с. 286–287], Птюрк. **čAm* ‘упрек; обижаться; сердиться’: др.-тюрк. *čam*, крх.-тюрк. *čamıq*, хал. *čamtal-tur*- ‘выглядеть нервным, злым’ [EDAL 414], ма. *чумчуриэ*- ‘делать почтительное лицо’ [ССТМЯ, 1977, с. 414]. Следует отметить, что выше нам встречались примеры, в которых значения ‘надменный, гордый’ также развились на базе внешнего вида человека: выражения его лица, походки и пр. (мо. *яртгар*, *ярвагар* ‘высокомерный, надменный, с кислой миной’, *бардам*, *бардан* ‘чванливый, кичливый’).

Таким образом, результаты данного исследования подтверждают, что экспрессивность может заключаться в самой природе звуковой субстанции. «Помимо языка, звук сам по себе способен выражать боль и радость, отвращение и желание; порожденный жизнью, он передает ее в воспринимающий его орган; подобно языку, он отражает вместе с обозначаемым объектом вызванные им ощущения и во все повторяющихся актах объединяет в себе мир человека, или иначе говоря, свою самостоятельную деятельность со своей восприимчивостью» [Гумбольдт, 1984, с. 76]. На примере рассмотренных выше лексем мы проследили, как акустико-артикуляционные характеристики звукового облика корня соотносятся с сенсорно-эмоциональным состоянием денотата.

4.4.5. Кинестетическая чувствительность

Под кинестезией (от греч. *κινέω* ‘двигаюсь, прикасаюсь’ и *αἴσθησις* ‘чувство, восприятие’) понимается область ощущений, связанных с движениями нашего тела, которые возникают благодаря работе проприорецепторов – рецепторов мышц, сухожилий и соединительной ткани, покрывающей внутренние органы.

Здесь нами рассмотрены такие витальные и органические ощущения, как бодрость, напряжение, ожидание, сексуальное напряжение, сила и физическое отвращение. Корень **ser* передает пробуждение, оживление¹⁰¹ (ср. рус. *встрепенуться*): ср.-мо. *seri-* [НУ 35, SH], *sere-* [НУ 33, SH, LH], *sere-*, *seri-* [МА 320], *sīr-* [IM], пкл.-мо. *sere-*, *seri-* [Tum. 550], п.-мо. *sere-* [Kow. 1370], мо. *сэр-*, бур. *һэри-*, калм. *сеп-*, орд. *sere-*, мог. *sera-*, даг. *sere-*, дунс. *sieri-*, бао. *sere-*, ж.-уйг. *ser-*, мнгр. *sari-* [EDAL 1219] ‘воспрянуть, оживиться; просыпаться’.

Данный корень образует важное для нашего исследования понятие п.-мо. *serel*, *seril* ‘чувствование, ощущение (посредством шести чувственных органов), чувствительность’ [Kow. 1368], мо. *сэрэл* ‘ощущение’. Для самих органов чувств используется производное п.-мо. *erketen* ‘орган чувства; способность чувствования; детородные части’ [Kow. 265–266], мо. *эрхтэн*, бур. *эрхэтэн*, калм. *эрктн*, ойр. *эркетен* ‘орган тела’, т.е. ‘обладающий силой’. С концентрацией сил, очевидно, связаны признаки ‘здоровый; трезвый’, реализуемые в ср.-мо. *ilaur* [МА 152], *elor* [IM 437], *ileur* [LH], п.-мо. *erügül~erigül* ‘трезвый, воздержный’ [Kow. 257], мо. *эрүүл*, бур. *элүүр*, калм. *эрүл*, ойр. *эрүүл*, орд. *erül* [EDAL 515], а также зап.-бур. *эрэнгэ* ‘бойкий, задорный’, бур.НУ *эрэнгэ*, *эрэнги* ‘задорный’ [Рассадин, 1999, с. 131].

¹⁰¹ В 2008 г. агентством «Ogilvy Johannesburg» была разработана концепция рекламы напитка «Coca-Cola» под названием «Вггг-эффект», которая породила околокультурный феномен произнесения звукокомплекса «Бр-р-р!» в моменты хорошего настроения, когда эмоции и их причины невозможно выразить словами: «Бр-р-р! – это звук, который вы производите, когда касаетесь чего-то ледяного. Это непроизвольная дрожь, которую вы не можете остановить. Это взрыв энергии, который поднимает ваше настроение. Это заразная, необратимая волна душевного подъема. Это то, что происходит с вами, когда вы делаете глоток ледяной «Coca-Cola» [www.adme.ru].

Справедливо Пмонг. **seri-* ‘просыпаться; замечать’ сопоставляется с Птюрк. **sEr-* (~-ē-) ‘чувствовать, понимать, воспринимать’ [EDAL 1219], возможна корреляция с Птунг. **ar-* ‘делать, производить, работать; приходиться в чувство’ [EDAL 313]. Ср. также ма. *суру-* ‘ободриться, утешиться, развеселиться’; эвен. *хэргэкэт* ‘бодро’ [ССТМЯ, 1977, с. 130, 352, 369].

В монгольских языках можно выделить ряд образных лексем, которые можно охарактеризовать как обозначения напряжения. Несомненную ценность для этимологизирования представляет глагол п.-мо. *kürbeyi-* ‘напрягаться (о жилах)’, зафиксированный О. М. Ковалевским [Kow. 2646] и не упоминающийся в современных монголоязычных словарях. Согласный [r] в образном корне **kürb* указывает на достаточно высокую степень напряжения сухожилий, которое, судя по субстантивам, также передается с помощью корней **qurb* и **sirm/sirb*: п.-мо. *qurbasu*, мо. *хурвас* ‘жила, сухожилие’; ср.-мо. *sirmusu* [SH], *sirbusun* [HY 48], *sirbüsün* [LH, IM], *sirbüsün* [MA 130], пкл.-мо. *sirbüsün* [Tum. 565], п.-мо. *sirbusu(n)*, *sirmusu(n)* [Less. 716], мо. *шөрмөс(өн)*, бур. *шүрмэхэн*, *шүрбэхэн*, калм. *шүрүсэн*, ойр. *шүрвэсэн*, орд. *šorwos*, *šorwosu*; даг. *sirbes*, *sirbus*, мнгр. *šbuзэ*, *šuluзэ*, *šurbusэ* [EDAL 1383–1284] ‘жила; сухожилие; нервы’. Ср. эвенк. *сирэктэ* ‘сухожилие; нитка (сухожильная); волос конский’, сол. *ш’уриктэ* ‘нитка’, эвен. *сирэн* ‘волосок, нитка у самострела’ и др. [ССТМЯ, 1977, с. 97].

Тот же мотив номинации возможен и в термине ср.-мо. *borbaḡ* [MA 197], п.-мо. *borbi* [Kow. 1221], мо. *борви*, бур. *борьбо* ‘пяточное сухожилие, ахиллово сухожилие’, калм. *бөрв*, ойр. *бөрве* ‘подколенные сухожилия’, в котором ранее нами был выделен признак ‘пухлый, раздутый’ (по форме голени).

В производных от корня **gür* контаминируют два мотива: напряжение (п.-мо. *güreger*, мо. *гүргэр*, бур. *гүрэгэр*, орд. *gureger* ‘вздутый, набухший (например, о кровеносных сосудах)’; пкл.-мо. *güreḡi-* [Tum. 409], бур. *гүрды-* ‘вздуться, набухать (о кровеносных сосудах)’) и звукоподражания *гүр-гүр*,

передающего пульсацию крови (п.-мо. *güreger*, мо. *гүргэр*, бур. *гүрэгэр*, орд. *gureger* ‘пульсирующий’; п.-мо. *gürege* [Kow. 2637], мо. *гүрээ*, бур. *гүрөө*, орд. *gurē*, даг. *gure*, ж.-уйг. *gurēn* [EDAL 573] ‘переднебоковая область шеи, шейная артерия’ калм. *гүрә* ‘вена’; ср.-мо. *gürü:n sudusun* ‘шейная артерия’ [MA 172])¹⁰². Ср. як. *хорук* ‘артерия, пульс’; эвенк. *сура* ‘кровеносный сосуд, вена’ [ССТМЯ, 1977, с. 129]. Выделение данного мотива номинации затрудняет предложенное в Алтайском словаре сопоставление Пмонг. *gürege* ‘передняя часть горла’ с Птунг. **gorgakta* ‘нёбо, увула’ и Птюрк. **Kurgak* ‘нёбо’ [EDAL 573].

Следует отметить, что значение пульсации также передается с помощью корней **jir/sir*: п.-мо. *jirs jirs ki-*, мо. *жирс жирс хий-* ‘пульсировать’; п.-мо. *jirki-*, мо. *жирхий-* ‘пульсировать’; п.-мо. *sir sir* ‘биение сердца’, *sirčigine-* [Kow. 1532–1533], мо. *ширчигнэ-* ‘биться (о сердце)’. Признак пульсации стал мотивирующим для лексемы ср.-мо. *jurokan* [HY], *jiruge(n)*, *juruge* [SH], *jürüke* [IM], *jürke* [LH], *jürüken* [MA 211], пкл.-мо. *jürüke(n)*, *jürüken* [Tum. 431, 438], п.-мо. *jürüke(n)* [Kow. 2363], мо. *зүрх*, бур. *зүрхэн*, калм. *зүркн*, ойр. *зүркен*, орд. *jurehe*, мог. *jürka*, даг. *jurug*, *jurgu*, *jurugu*, *jurehe*, дунс. *жиге*, *жүгә*, бао. *jürge*, ж.-уйг. *Jürgen*, мнгр. *žerge*, *žirge* [EDAL 1555] ‘сердце’¹⁰³.

Т. А. Бертагаев, проанализировав ряд производных: мо. *жирвэг жирвэг хий-* ‘вздрагивать’, бур. диал. *jurвэг гэ-* ‘делать подскоки, вздрагивать’ и др., заключает, что в основе *жирү-хэн* лежит значение ‘вздрагивать; двигаться’ [Бертагаев, 1971, с. 102]. В тюркских языках повсеместно распространена форма **jürek* ‘сердце’, связь которой с *jür* ‘двигаться’ имеет, по предположению А. В. Дыбо, народно-этимологический характер [СИГТЯ, 2001, с. 276]. Ср. каз. *зырқ* – подр. биению, пульсации [Кайдаров, 1986, с.

¹⁰² Также лезг. *гурп-гурп* – подражание учащенному пульсу [Тамбиева, 2003, с. 60].

¹⁰³ Корень *jir*, на наш взгляд, сопоставим с **sьrd* в праслав. **sьrdьko*, от которой произошли: др.-русск. *сърдце*, укр. *серце*, белор. *серце*, болг. *сърце*, чешск., словацк. *srdce*, др.-польск. *sierce*, польск., н.-луж. *serce*. Родственно лит. *širdis* ‘сердце’, латышск. *sir[^]ds* ‘сердце, мужество, гнев’, др.-прусск. *seyr* ‘сердце’, арм. *sirt*, готск. *hairtô-* ‘сердце’, др.-ирл. *cride*, хетт. *kard* ‘сердце’ [Фасмер, 1971, с. 605].

221], эвенк. *гори-*; *жромна-* ‘биться, стучать (о сердце)’ [ССТМЯ, 1975, с. 161, 266], ма. *шургэ-* ‘трепетать, биться (о сердце)’ [ССТМЯ, 1977, с. 430].

Согласно утверждению С. В. Воронина, «напряжение мышц играет важнейшую роль в двигательных и иных процессах, имеющих отношение к телу человека. При общей склонности человека к подражанию, напряжение различных групп мышц тела имитируется («моделируется») напряжением мышц, относящихся к артикуляционному аппарату. Анализ убеждает, что в самых различных языках выявляется обширная группа слов, в основе которых лежит звукоизображение напряжения (сдавливания, судорожного сокращения, растяжения и т.д.) тех или иных мышц человеческого тела. Например, шотл. *jerk* ‘резкое движение, толчок, судорожное подергивание’, англ. *quirk* ‘двигаться резко, толчками’» [Воронин, 1982, с. 103–104].

В рассматриваемом нами материале выделена также группа глаголов с доминантой [r], передающей дифференциальное значение ‘совершать резкое, одномоментное действие’, которое, несомненно, требует напряжения мышц ног, рук, спины и др., соотносимого с акустико-артикуляционными характеристиками дрожащего сонанта [r]: п.-мо. *йрбайи-* ‘прыгать, скакать, играть’, *qarayi-* ‘прыгать; вскочить’ [Kow. 2366, 823], мо. *харай-*, бур. *харай-*; бур. *хурэ-* ‘прыгать, скакать; подпрыгивать, спрыгивать’; п.-мо. *čerbe-*, мо. *цэrvэ-* ‘отпрыгивать (в испуге)’; п.-мо. *derkere-*, мо. *дэрхрэ-* ‘бегать взапуски, состязаться в беге, оспаривать’.

Ср. нан. *дэрик;чи-* ‘прыгать, скакать’, ульч. *дэрин-* ‘прыгнуть’, ма. *дори-* ‘скакать; прыгать с разбега (о зайце)’; эвенк. *қурга-* ‘прыгать, скакать’; сол. *лэрбер-лэрбер* ‘прыг-прыг (о беспокойных движениях)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237, 435, 518], ма. *суртэ-* ‘бежать взапуски’; эвенк. *турку-* ‘прыгать’; эвенк. *хуркужхин-* ‘подпрыгнуть; нырнуть’ [ССТМЯ, 1977, с. 130, 220, 353], каз. *ыргы-* ‘прыгнуть (вниз)’, *ырышы-* ‘вскочить, подскочить на месте’, *қаргы-* ‘прыгать’ [Кайдаров, 1986, с. 310]. По замечанию Д. В. Бубриха, «зрительное и осязательное восприятия могут быть переведены на «язык» изобразительных слов, представляющих звучания, в связи с тем, что в

изобразительных словах очень ярко выражен традиционно-условный момент» [Бубрих, 1948, с. 93].

Корни **lur/pur* в эвенк. *лури*;н- ‘нырять’ [ССТМЯ, 1975, с. 512], *хур*- ‘нырять’, ульч. *пурин*- ‘нырнуть’, орок. *пуротчи*-, нан. *пурик*;чи-, ма. *фура*-*~фури*- ‘нырять’ [ССТМЯ, 1977, с. 352] коррелируют с рус. корнем *ныр*-ять, также передающим кратковременное действие¹⁰⁴. Кинестетическое ощущение быстрого движения рук отражается в п.-мо. *diire*- ‘всунуть (в карман, колчан, ножны), вставить, водрузить’ [Kow. 1947], мо. *дур*-, бур. *дурэ*-, калм. *дур*-, ойр. *дуре*- ‘окунать; макать; вонзать, втыкать острием; совать’; баргуз. *хурд гүүлэ*- ‘стащить, своровать что-л.’. Ср. также п.-мо. *öribki*- ‘наклеивать (о рыбе, когда ее удят)’ [Kow. 577], мо. *өрөхий*- ‘быстрым, стремительным движением хватать добычу (о рыбе, змее)’.

Напряжение мышц при давлении, сталкивании реализуется в глаголах: ср.-мо. *daru*- [MA 138], пкл.-мо. *daru*- [Tum. 362], п.-мо. *daru*- [Kow. 1671], мо. *дар*-, бур. *дара*-, калм. *дар*-, ойр. *дара*-, дунс. *дару*- ‘давить, жать, придавливать, прижимать’; п.-мо. *türe*-, мо. *тур*-, бур. *туру*- ‘теснить, толкать; гнать’; п.-мо. *nüre*-, мо. *нур*-, калм. *нур*- ‘толкать друг друга, сжимать, сдавливать, прижиматься’, ойр. *нур*- ‘сталкиваться, сшибаться (о животных)’; возможно, ср.-мо. *mörgü*- [MA 150], п.-мо. *mörgü*- [Kow. 2072], мо. *мөргө*-, бур. *мүргэ*-, калм. *мөрг*-, ойр. *мөрге*-, бао. *мэргэ*- ‘бодать, бодаться’.

Значения глаголов п.-мо. *türe*- ‘толкать’, *nüre*- ‘сжимать, сдавливать’, очевидно, являются первоначениями в ср.-мо. *tore*- [SH, NYt], *töre*- [MA 354], пкл.-мо. *tore*-, *törü*- [Tum. 589–590], п.-мо. *törü*- [Kow. 1945], мо. *төр*-, бур. *түрэ*-, калм. *төр*-, ойр. *төре*-, орд. *toro*-, мог. *tura*-, даг. *turu*-, *ture*-, ж.-уйг. *torõ*-, мнгр. *turo*- [EDAL 1462] ‘рожать, производить на свет; рождаться

¹⁰⁴ Ср. также рус. разг. *пыр*-нуть ‘[неожиданно] ударить чем-л. остроконечным’, *с-тыр*-ить ‘украсть’.

(о человеке)¹⁰⁵. Такие формы, как п.-мо. *durad-* ‘движение младенца в утробе перед родами’ [Kow. 1884], мо. *дурса-* ‘начинаться (о родовых схватках)’ косвенно свидетельствует о том, что корни **dur/dör/tör* могли служить для вербализации мышечного напряжения, ощущений, боли, испытываемых во время родовых схваток. Ср. нан. *дэре-* ‘начаться предродовым схваткам’, ма. *дэрибуш;-* ‘начинаться (о движении младенца), чувствоваться (о наступлении родов)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237], ма. *орсон нимэ-, орсун нимэ-* ‘болеть (о животе после родов)’ [ССТМЯ, 1977, с. 25]. В EDAL Пмонг. форма **töre-* ‘рождаться’, сопоставляемая с Птюрк. **türe-* ‘рождаться, происходить’, рассматривается как заимствование из тюркских языков [EDAL 1462].

Выделение данной группы глаголов заставляет вернуться рассмотренным выше глаголам *харва-* ‘стрелять из лука’, *харма-, тарма-* ‘сгребать’, *цэрвэ-* ‘отдергиваться руку’ и др., возникшим на основе зрительного восприятия вытянутых рук человека, ног животных. Анализ их значений позволил также выявить высокую степень напряжения мышц конечностей, например, в бур. *таргана-, тартагана-* ‘дергаться всем телом; корчиться, биться в припадке’. Ср. «башк. *тартыш-* ‘сводит судорогой» [ЭСТЯ, 2000, с. 156]. Однако такие примеры, как мо. *тарай-, тарвай-, тэрий-*, бур. *тарай-* ‘раскинуться лежа’, мо. *дардай-* ‘лежать широко растянувшись’, демонстрирующие практически нулевую степень напряжения, т.е. полное расслабление мышц, позволили оставить в качестве ведущего зрительное восприятие, отведя тактильному периферийное значение.

Благодаря проприорецепторам человек может чувствовать не только положение тела, движения, но и силу. Под чувством силы понимается способность оценить мышечное усилие, прилагаемое для движения или для удержания сустава в определенном положении. Данный аспект вербализации ощущений отразился в следующих лексемах: п.-мо. *ir*, мо. *up* ‘сила, мощь, энергия; воля, желание, охота, стремление’; п.-мо. *urt-a* ‘сила; душевное

¹⁰⁵ Примечательно, что рус. *рожать, рождать, раживать* также содержат в корне сильные [r] и [j]. У М. Фасмера также приводится глагол *ражить* ‘испытывать тошноту’, который исследователь считает новообразованием от *разить* [Фасмер, 1971, с. 432].

расположение, охота' [Kow. 468], мо. *урам*, бур. *урма(н)*, калм. *урмд*, ойр. *урма*, орд. *ирта*, дунс. *ирта* [EDAL 621] 'настроение; вдохновение; ободрение; довольство; присутствие духа; охота, желание'; п.-мо. *dorbi* [Less. 262], мо. *дорви* 'мощь, сила; способность'¹⁰⁶, бур. *дорьбо* 'физическое состояние'; п.-мо. *bir-a* 'душа, чувство, расположение; сила, мощь' [Kow. 1152], мо. *бяр*, бур. *бира*, калм. *бар* 'сила, мощь'¹⁰⁷; п.-мо. *sür* [Kow. 1434]; мо. *сүр*, бур. *һүр*, калм. *сүр*, ойр. *сүр* 'величие, благолепие; сила, мощь, могущество'; калм. *сүрә* 'воодушевление, вдохновение, подбадривание'.

Т. А. Бертагаев видит в лексеме *ирт-а* корень **ur* 'быть поднятым; возведенным, выдающимся', сопоставляя ее с *ургах* 'расти', *ураги* 'юг, к югу', *урьгих* 'подниматься, клубиться (о дыме)' и др. [Бертагаев, 1974А, с. 302]. Для Пмонг. **ирта* помимо Птунг. **ури* 'радоваться' авторы Алтайского словаря приводят Птюрк. **ира* 'характер; настроение, душевное состояние, проявление чувств' и Пяп. **ürià-* 'веселый, радостный', справедливо отмечая, что это «один из многочисленных общих алтайских терминов для выражения эмоций» [EDAL 621–622].

Корень **jer* в п.-мо. *jerlig* [Kow. 2326], мо. *зэрлэг*, бур. *зэрлэг*, калм. *зерлг*, ойр. *зерлег* 'дикий, необученный (о домашних животных)' передает неуправляемую силу, строптивость и мощь дикого, необъезженного скакуна. Также бур.НУ *йартэ* 'дикий, необъезженный' [Рассадин, 1999, с. 137]. Образную природу корня демонстрирует баргуз. *зэрд гэ-* 'быть наготове/начеку' (*ошохоёо зэрд гээд байха* 'приготовиться идти'), где корень передает максимальную степень готовности организма (< напряжения мышц)

¹⁰⁶ Болг. *зор* 'власть, сила', сербохорв. *зор* 'ярость, вспыльчивость' восходят через тур. *zor* к перс. *zōr* 'сила', авест. *zāvar-* 'мощь, сила' [Фасмер, 1971, с. 81].

¹⁰⁷ Ср. каз. *берік* 'крепкий, прочный; выносливый, сдержанный'; диал. *керт* 'сила, мощь; возможность' [Кадаров, 1986, с. 193, 226]. В глаголе п.-мо. *bara-* [Kow. 1093], мо. *бара-*, бур. *бара-*, калм. *бар-*, ойр. *бара-* 'заканчивать, иссякать; истребить, губить' первичным представляется значение 'побеждать, обладая большей силой' → 'истреблять' → 'приканчивать, завершать'. Т.е. бур. *бараша ядаха* 'быть не в состоянии / не обладать достаточной силой исчерпать что-л.' (еду, питье и пр.).

к чему-л.¹⁰⁸ Те же функции выполняет корень **ard* в п.-мо. *arday* [Kow. 161], мо. *ардаг*, бур. *ардаг*, калм. *ардг*, ойр. *ардаг* ‘дикий, неук; непокорный’. Следует отметить, что в современных монгольских языках в данной лексеме исконное значение вытеснено на периферийное положение переносными значениями: ‘неопытный; молодой, зеленый; нежный, деликатный’.

Ср.-мо. *erke* [MA 164], пкл.-мо. *erke* [Tum. 392], п.-мо. *erke* ‘власть, могущество, сила; способность; воля’ [Kow. 263], мо. *эрх*, бур. *эрхэ*, калм. *эрк*, ойр. *эрке* ‘право, полномочие, власть’, по версии Т. А. Бертагаева, развилось на основе прилагательного *эрхэ* ‘капризный, своенравный, своевольный’, пройдя следующие ступени: ‘проявлять своеволие, выказывать свое могущество’ → ‘сила, мощь и власть’ → ‘полномочие’ → ‘право’. Далее автор замечает, что «ни одно из этих значений, за исключением первичных, в западных [бурятских] говорах не встречается, так как между *эрхэ* в значении ‘каприз, своеволие’ и в значении ‘влиятельность, право’ получается резкий семантический разрыв, не восполнимый даже при самом произвольном и богатом воображении» [Бертагаев, 1951, с. 579].

Первоначальным, на наш взгляд, все же было значение ‘внутренняя сила, энергия’, что подтверждает п.-мо. *yabuqu erke ügei* ‘не иметь силы, быть не в состоянии ходить’ [Kow. 264]; пкл.-мо. *erketen* [Tum. 392], п.-мо. *erketen* ‘органы чувств; способность чувствования; детородные органы’ [Kow. 265–266], мо. *эрхтэн*, бур. *эрхэтэн*, калм. *эрктн*, ойр. *эркетен* ‘органы тела’, т.е. «‘органы, которые, по представлениям монголов, являются основными, наиболее значимыми, сильными’» [Бертагаев, 1951, с. 579]. Ср. каз. *ырық* ‘воля’ [Кайдаров, 1986, с. 310]. Значение же п.-мо. *erke*, мо. *эрх*, бур. *эрхэ*, калм. *эрк*, ойр. *ерке* ‘избалованный, капризный, своенравный’ предположительно могло развиваться на основе двух признаков.

Во-первых, оно контаминирует со значениями рассмотренных выше мо. *марзгана*- ‘кривляться, дурачиться, скоморошничать; быть упрямым, капризным, противным’; ойр. *ирзэд*- ‘обнажать зубы’; п.-мо. *irtayi*- ‘разинуть,

¹⁰⁸ Хотя здесь также вероятна мотивация от *зэртэй*- ‘наострить уши’.

полурастворить рот’, мо. *яртгар* ‘с кислой миной’, калм. *иртң* ‘несмыкающийся (о рте, губах)’ и др., возникших на основе зрительного восприятия рта кривляющего человека. Корень **erk* мог передавать выражение лица капризного ребенка, а точнее, образ его искривленного рта. Ср. «каз. *керди-*, *кержи-* ‘делать гримасу, делать недовольный вид’» [Кайдаров, 1986, с. 226]. Во-вторых, допустима, но менее вероятна линия развития значения из звукоподражания *эрхир-* ‘рычать’ > ‘плакать’ подобно тому, как это произошло в *бархир-* ‘рычать, реветь (о животных)’ > ‘реветь, голосить, стенать, вопить (о человеке)’. Ср. «эвен. *хурк;влэ* ‘упрямый (о ребенке), непослушный’, *хурк;влэ-* ‘упрямиться, спорить, перечить’» [ССТМЯ, 1977, с. 353].

Лексема *erke* ‘право; полномочие’ по линии развития своей семантики может совпадать со своим твердоядным «отражением»: ср.-мо. *arqa* [SH 9], *arya* [MA 105], п.-мо. *ary-a* [Г 314], п.-мо. *ary-a* ‘способ, средство; искусство, умение, возможность; уловка, обман; изобретательность; чувственная природа, материя; положительное, творческое начало’ [Kow. 158], мо. *арга*, бур. *арга*, калм. *aph*, ойр. *apha*, орд. *arGa*, даг. *arga*, *arehe*, дунс. *raG*, ж.-уйг. *arag*, мнгр. *arGa* [EDAL 313], в котором, по всей видимости, исходной следует признать сему ‘внутренняя сила, способность, возможность совершить что-л.’. Ср. п.-мо. *arqay*, мо. *архаг* ‘большой, сильный, могучий’. В Алтайском словаре Пмонг. форма **arga* сближается с Птюрк. **ar-* ‘колдовать, заклинать; обманывать’ и Птунг. **ar-* ‘делать, производить, работать; чудиться, пугать (о злом духе); вид, форма; злой дух’ [EDAL 313].

На основе значения ‘сильное желание, стремление’ возникли следующие формы: ср.-мо. *јори-* [MA 208], пкл.-мо. *јори-* [Tum. 435], п.-мо. *јори-* [Kow. 2402], мо. *зори-*, бур. *зори-* ‘стремиться; направляться, устремляться’, «эвен. *јурри* ‘храбрый, доблестный’» [ССТМЯ, 1975, с. 278]; п.-мо. *ermelje-* [Less. 281], мо. *эрмэлз-* ‘стремиться; сильно желать, мечтать’, бур. *эрмэлзэ-* ‘настойчиво стремиться’; п.-мо. *eremsi-* ‘надеяться’ [Less. 282], мо. *эрэмши-* ‘надеяться, полагаться’, мо. *эрэмцэ-* ‘быть не в состоянии отказаться от

платонической любви к кому-л., чему-л.'. На основе неотступного желания возникло значение «каз. *жерік болу* 'испытывать сильное желание к какой-л. еде (о беременной женщине)» [Кайдаров, 1986, с. 214].

В п.-мо. *mörüged-* [Less. 550], мо. *mөрөөд-* 'страстно желать, мечтать; сильно тосковать' восстанавливается **mör*, также передающий ощущение тоски. М. Базаррагчаа выделяет в глаголе *mөрөөдөх* 'мечтать' сему 'круг' (ср. *mөөр* 'колесо'), т.е. *эрүүлж тойруулж бодох* 'думать вокруг да около' [Базаррагчаа, 1995, с. 83]. П.-мо. *γori* 'ожидание, надежда' [Kow. 1038], мо. *горь*, бур. *гори*, калм. *гөр*, орд. *Gori* 'надежда, чаяние' становится прозрачным в производном глаголе: п.мо. *γorila-*, мо. *горило-* 'стремиться, добиваться, жаждать (получения чего-л.); надеяться'; п.-мо. *γorida-*, мо. *горьдо-*, бур. *горидо-*, калм. *гөрд-* 'надеяться, питать надежду'. Ср. як. *эрэл* 'надежда; расчет'. Как отмечает А. Бергсон, «надежда доставляет нам большое удовольствие, но это удовольствие столь интенсивно потому, что будущее, которым мы распоряжаемся по своей воле, предстает одновременно во множестве форм, одинаково заманчивых и одинаково возможных» [Бергсон, 1992, с. 55].

Ср.-мо. *durala-* [HYt], *duran* [LH], *dura(n)* [SH, MA 145], пкл.-мо. *dura(n)* [Tum. 372–373], п.-мо. *dura(n)* [Kow. 1879], мо. *дур*, бур. *дуран*, калм. *дурн*, ойр. *дуран*, орд. *dura*, мог. *doron*, даг. *duar*, дунс. *duran*, ж.-уйг. *dura*, мнгр. *durān* [EDAL 483] 'желание, охота, стремление; любовь, симпатия' также возникла в результате вербализации внутренних ощущений организма. В EDAL приводятся, на наш взгляд, не совсем удачные параллели: Птунг. **dora-n* 'закон'; Птюрк. **jor-* 'толковать (сон)'; Пяп. **dùnì* 'быть разрешенным; разрешать, позволять'. Это, по словам авторов, «интересный общий алтайский корень с оригинальным значением, реконструируемым как 'интерпретация (желаний или намерений)' и далее 'разрешение, правило'» [EDAL 483].

Как видно из примеров, на основе исходного значения 'сила' развился ряд переносных: 'способ, средство', 'право, власть', 'величие', 'душа,

настроение' и др. На основе переносного значения 'сильное желание, стремление' в дальнейшем появились 'надежда', 'мечта', 'тоска' и 'любовь'.

Сексуальное напряжение передается с помощью следующих лексем: пкл.-мо. *urin* [Тум. 607], п.-мо. *urin* [Ков. 439], мо. *урин* 'пылкая страсть'; п.-мо. *miraya*, *miriy-a* 'страсть, вожделение'; п.-мо. *sertengde-* 'искушать, соблазнять' [Ков. 2026], мо. *сэртэндэ-* 'флиртовать; быть похотливым, пылать страстью; обольщать'; пкл.-мо. *qurıça-* [Тум. 537], п.-мо. *qurıça-* 'страстно желать; пылать любовью, чувствовать вожделение' [Ков. 956–957], мо. *хурьца-* 'чувствовать половое влечение; заниматься любовью', бур. *хуриса-*, калм. *хурц-* 'вожделеть, страстно желать', сопоставляемый с «Птунг. **xur-* 'спариваться (об оленях); ревновать' и Птюрк. **Kır'* 'желать, завидовать, скупиться'» [EDAL 828].

Физическое отвращение, сопровождаемое содроганием (< дрожанием), выражается с помощью корней **ir/jır/jar*, которые также формируют поле термальной рецепции: п.-мо. *jarayı-*, мо. *зарай-* 'мороз по коже дерет', калм. *ирвэтр-* 'знобить' и др. В связи с этим в русском языке выглядит неслучайной близость корней *мёрз-нуть* и *мерз-ость*, *мерз-кий*¹⁰⁹, *мур-ашки*.

Бур. *жэрхэ-* 'чувствовать отвращение, брезговать'; мо. *зарс хий-* 'мгновенно чувствовать неприязненность'; п.-мо. *irbeyi-*, *irbegene-*, мо. *ирвий-*, *ирвэгнэ-* 'ощущать прикосновение к телу насекомых, меха, волос; зудеть' имеют тюркские параллели: *йер-~йери-~йарсы-* 'иметь/питать отвращение; чувствовать брезгливость' < 'чувствовать внутреннее со-дрог-ание' (рус. **брезг* < *бр-р-р*). Л. С. Левитская поддерживает версию Дж. Клосона, согласно которой *йарсы-* – глагол, образованный аффиксом *-сы* с симулятивным значением от имени *йар* 'слюна'. «Если принять во внимание такие данные, как др.-тюрк. *jır jar* 'нечисть' (букв. 'сопли и слюни'), *jarsud-* 'плевать; показывать отвращение', этимология Дж. Клосона выглядит вполне реалистичной» [ЭСТЯ, 1989, с. 144]. В т.-ма. языках: эвенк. *jarун* 'гадкий,

¹⁰⁹ Ср. также рус. *морготный* 'неприятный, отвратительный' [Фасмер, 1967, с. 652].

отвратительный', *жрунин-* 'чувствовать отвращение'; ульч. *н'урбасу-*, нан. *урбаси-* 'брезговать' [ССТМЯ, 1975, с. 253, 639].

В Алтайском словаре к Пмонг. **жрке-*, кроме Птюрк. **жер-* 'ненавидеть, питать отвращение' и Пяп. **(d)ира-* 'нервничать, сердиться', приводится Птунг. форма **жэри-* 'хвастаться', которая «фонетически является хорошим соответствием, значение 'хвастаться' можно связать, если предположить каузативный характер: 'вызывать раздражение (напр., хвастовством)' > 'хвастаться'» [EDAL 1535]. Однако также можно допустить, что данная Птунг. форма восходит непосредственно к звукоподражаниям.

Перейдем к рассмотрению лексем, в которых основой номинации послужили артикуляционные характеристики доминанты *[m]*. Артикуляционный признак губно-губного *[m]*, при произнесении которого происходит смычка, сжимание губ, обусловил функционирование звуко-символического корня **чим*, условно воспроизводящего звук щипания пальцами: п.-мо. *чимки-* 'щипать; срывать ногтями' [Kow. 2172], *чимци-* [Less. 185], мо. *чимхэ-*, бур. *шэмхэ-*, калм. *чимк-*, орд. *чимке-*, даг. *чимек*, бао. *чимГэ-*, ж.-уйг. *чимке*, мнгр. *чимги-*, *чимб-* [EDAL 430] 'щипать, пощипывать; защемлять'¹¹⁰; п.-мо. *чими-* 'срывать, сжимать, сощипывать' [Kow. 2226], мо. *чим-* 'грызть, щелкать орехи; срывать (плоды, цветы, колосья)'.

Как отмечает Б. М. Гаспаров, «мы можем также представить себе жест, со всей присущей ему кинетической экспрессивностью, без зрительного воплощения исполнителя этого жеста. Кинетическое представление играет очевидную роль в образной репрезентации выражений, смысл которых связан с физической или символической идеей движения» [Гаспаров, с. 252].

Корень **чим* восстанавливается в других языках алтайской общности: Птюрк. *чим-* 'щипать, брать щипком', Птунг. *чим-* 'хватать когтями; ковырять в зубах; брать щипком', Пяп. *чим-* 'срывать, хватать пальцами', Пкор. **чим* 'кулак; горсть' [EDAL 430]. Тюрк. *чим-*

¹¹⁰ В русском языке наряду с корнями **щем/жим* (*щем-ить*, *с-жим-ать*) представлен имитатив **щип*, в котором в роли доминанты выступает также губно-губной *[n]*.

‘закрывать/зажмуривать/щурить глаза, смыкать веки, мигать¹¹¹; закрывать рот/смыкать губы; сжимать пальцы/руку в кулак’ М. Рясянен вслед за Г. Рамстедтом сопоставлял с мо. *ǰimüji-*, *ǰimüyi-* ‘быть закрытым (глаза, рот, кулак)’. К монгольскому источнику восходит як. *н'имий-* ‘смыкаться, сжиматься (о губах); замолчать’ [ЭСТЯ, 1989, с. 246]. Ср. также як. *кымаахтаа-* ‘щипать, щипнуть’; эвенк. *лэмбэр;-* ‘сжать, прижать’ [ССТМЯ, 1975, с. 516], эвен. *тэмбэклэ-* ‘щипать, сдавливать (до боли)’; *чимчак-чимчак* ‘моргать, мигать (глазами)’; эвенк. *чомдоколō-* ‘взять щепотку, маленький кусочек чего-л.’ [ССТМЯ, 1977, с. 233, 395, 406]. Акустические параметры согласного [m] повлияли на развитие значения в нан. *симки-* ‘носить, держать (под мышкой)’ < ‘сжимать под мышкой’; эвенк. *сōм-* ‘закрывать, затворить (дверь, окно); сомкнуть (глаза)’, эвен. *hōм-*, нег. *сōм-*, ульч. *соми-*, орок. *соми-* ‘закрывать, затворить’ [ССТМЯ, 1977, с. 87, 109].

На базе п.-мо. *imtii-*, мо. *үмтэ-*, баргуз. *үбтээ-*, ойр. *үмтээ-* ‘щипать, отщипывать; выдергивать, вырывать’; п.-мо. *imtüri-*, мо. *үмтрэ-*, ойр. *үмтере-* ‘выпадать, вылезать (о волосах, шерсти)’ восстанавливается древний корень **imt*, связанный с процессом выщипывания, выдергивания (волос, шерсти, травы и пр.). Близок корень **tamt* в п.-мо. *tamturi-*, мо. *тамтпу-* ‘выщипывать редкую траву (о скоте)’.

На истоки развития значения ср.-мо. *kimusun* [HY 46, SH], *kimul* [SH], *qimusun* [LH, IM, MA 298], пкл.-мо. *kimusu* [Tum. 449], п.-мо. *kimusu(n)* ‘когти (у птиц и хищных зверей); ногти’ [Kow. 2538], мо. *хумс*, бур. *хюмһа(н)*, калм. *хумсн*, ойр. *хумсан*, орд. *ximusu*, мог. *qimsun*, *qemsun*, даг. *kimči*, *kimeči*, дунс. *Gəmusun*, *Gimusun*, бао. *Gomsoŋ*, ж.-уйг. *xəməsən*, мнгр. *ćimuzə*, *ćimusə* [EDAL 819] ‘ноготь; коготь’ проливает свет субстантивная форма п.-мо. *kimsa*, мо. *хямсаа* ‘пинцет, ухват, щипцы’, в которой корень **kims* вполне сопоставим с рассмотренным выше **čimk*. Ср. каз. *кымты-* ‘придерживать; зажать, защемить’ [Кайдаров, 1986, с. 255].

¹¹¹ Ср. п.-мо. *imne-* ‘мигать в знак одобрения’ [Kow. 311], мо. *имнэ-* ‘подмигивать, моргать’; п.-мо. *ǰimbaɣana-*, мо. *жимбагана-* ‘играть глазами’.

В таком случае слово *kimusun* можно интерпретировать как ‘нечто, с помощью чего можно зацепить, выдернуть что-л.’. Тот же мотив наблюдается в бур. *шэмшэ* ‘«пальцы» у копыт быка’. Г. И. Рамстедт восстанавливает форму *kimul-sun*, в которой произошло выпадение согласного *l* перед суффиксом *-sun* [Рамстедт, 1957, с. 199]. На наш взгляд, Пмонг. **kimul-su* ошибочно сопоставляется в EDAL с Птунг. *Xiilme* ‘игла’ на основе второго значения ‘коготь’ [EDAL 819].

Проверб п.-мо. *set*, мо. *сэм* ‘вон, наружу’ в *сэм тата-* ‘вытаскивать, выдергивать’ сопоставим с корнем **ċim*, связанным с щипанием, захватом подушечками пальцев, к примеру, ниток ткани: п.-мо. *semere-*, мо. *сэмрэ-*, бур. *һэмэр-*, *һэбэр-*, калм. *семр-*, ойр. *семере-*, орд. *semere-* ‘распускаться, разлезаться (о материи)’; п.-мо. *semele-* [Kow. 1357], мо. *сэмлэ-*, калм. *семл-*, ойр. *семел-* ‘распускать, вытаскивать нитки; делать более редким (о ткани), прореживать’. Активная работа пальцев также отражена в калм. *семр-* ‘мешать, тасовать (напр. карты)’, п.-мо. *tomu-* ‘очищать орехи (от скорлупы), облупить (овощ), снимать кожу’ [Kow. 1862], мо. *том-*, калм. *төм-*, ойр. *төм-* ‘очищать орехи от скорлупы’.

На основе образа разрезающейся ткани возникло образные прилагательные: п.-мо. *semger*, мо. *сэмгэр* ‘тонкий, прозрачный, ажурный’ (напр. об облаках); п.-мо. *semteger*, мо. *сэмтгэр* ‘неровный, такой из которого выдернуто (о ткани)’; ср.-мо. *emtekei* [MA 155], п.-мо. *emteger* [Kow. 218], мо. *эмтгэр* ‘зазубренный, неровный’, а также ряд субстантивов: п.-мо. *semten*, мо. *сэмтэн [өөш]* ‘невод’, п.-мо. *samtan ögesi* ‘поплавная сеть’ [Kow. 1319]; п.-мо. *sembei*, *sambai* [Less. 667], мо. *сэмбий*, *самбай* ‘тонкий, редкий хадак’; ср.-мо. *ċete* [MA 155], п.-мо. *ċembe* [Kow. 2120], мо. *цэмбэ*, бур. *сэмбэ*, калм. *цемгн* ‘сукно’. Судя по семантике корня, сукно раньше было достаточно редкого полотняного переплетения.

В ряде образных прилагательных реализуется значение ‘щербатый’: бур. *эмсэгэр* ‘без передних зубов’; п.-мо. *emteger*, мо. *эмтгэр*, бур. *эмтэгэр* ‘щербатый, беззубый’; п.-мо. *amsayar*, *emseger*, мо. *амсгар*, *эмсгэр*

‘щербатый, имеющий неровные зубы; пустота между зубами вместо отсутствующего зуба’.

Идентичные формы зафиксированы в т.-ма. языках: нег. *сэмэриугу*, уд. *сэмбэл'э* ‘сетка; шумовка’, ороч. *сэмтэкэ*, ульч. *сэм-м*, орок. *сэмпэкэ*, нан. *сэм-м бб* ‘дырявый, изрешеченный’, ма. *сэмэжэн*, *сэмэхун* ‘грубый, толстый, редкий (о ткани)’; нег. *тэмти*, ульч. *тэмти* ‘сеть (плавная, мешковидная для ловли кеты)’, орок. *тэмэтчи* ‘черпалка (для вынимания из воды кусков льда)’; эвенк. *умду-* ‘разорвать; повыдергать (шерсть)’, *умдурга* ‘разорванный, расползшийся’, нег. *умдус-умдус* ‘гнилой (о ткани)’, нан. *хондоқо* ‘полотнище (берестяное сшивное для покрытия балагана)’ [ССТМЯ, 1977, с. 142, 234, 267].

Ср.-мо. *semej(n)* [MA 320], п.-мо. *semj* [Kow. 1357], *semejэ*, *semej(n)* [Less. 687], мо. *сэмж(ун)*, бур. *һэмжэ*, ойр. *семжэн*, ойр. *семжун*, орд. *semej(n)* [EDAL 1228] ‘сальник; брыжейка, жировой покров брюшины’ также отсылает к образу ‘нечто ажурное, прозрачное’, ср. *сэмжин үүл* ‘перистые облака’. У лексемы находятся параллели на алтайском уровне: Птунг. **semesik* ‘нутряной жир, сальник’; Птюрк. **semir* ‘жирный; жир; жирнеть, тучнеть’; Пкор. **sam* ‘плацента, оболочка плода’ [EDAL 1228–1229].

Воплощение в корне **nim* образа ‘нечто тонкое’, несомненно, продиктовано артикуляторными особенностями согласного [m]: сжимая губы, человек символически передает тонкость описываемого объекта: ср.-мо. *ningen* [HY 53], *ningen* [IM, MA 257], пкл.-мо. *ningen* [Tum. 484], п.-мо. *ningen* [Kow. 663], мо. *нимгэн*, бур. *нимгэн*, калм. *нимгн*, ойр. *нимген*, орд. *netgen*, *ningen*, *netgun*, даг. *ningen*, дунс. *ninkien*, *ninkian*, бао. *niŋgaŋ*, ж.-уйг. *netgen*, *neŋgen*, мнгр. *neŋgen* [EDAL 989] ‘тонкий (о плоских предметах)’. Прилагательное образует изоглоссу с Птунг. **nem(i)-* ‘тонкий’, которая «испытала большое влияние **nem-* ‘мягкий’ и мо. *ningen* ‘тонкий’ (хотя прямое заимствование слов со значением ‘тонкий’ из монгольских языков вряд ли возможно)» [EDAL 989].

В монгольских языках представлен ряд глаголов со значением ‘прясть’: пкл.-мо. *imer-* [Тум. 415], п.-мо. *imere-* [Ков. 311], мо. *имрэ-*, бур. *эмир-*, калм. *имр-*, ойр. *имер-*, орд. *emere-*, *emere-*, *imere-*, ж.-уйг. *xeteri-* [EDAL 1134] ‘крутить между пальцами; сучить (нитки); скатывать в трубочку’; п.-мо. *tata-*, мо. *там-* ‘сучить нитки, вить веревку, прясть’; ср.-мо. *dota-*, *tuta-* [МА 142, 340], п.-мо. *tomu-* [Ков. 1862], мо. *том-*, бур. *томо-*, калм. *төм-*, ойр. *төм-*, дунс. *tomu-*, бао. *toməl-*, ж.-уйг. *tumu-*, мнгр. *tomu-* [EDAL 1457] ‘прясть, сучить, вить (нитки, веревку)’. Известно, что в данном процессе активно работают пальцы, скручивающие волокна шерсти в нить.

Ср. Птунг. **tomka-* ‘сучить (нитки); нитка’, Пяп. **tùmü* ‘веретено; прясть’ [EDAL 1457], Пкор. **kam-* ‘обвивать, наматывать’ [EDAL 739]. А также ма. *ум'ахала-* ‘плести, вязать, вышивать’; *фамха* ‘катушка, мотовило; клубок (ниток)’; *хумбули* ‘круглый; свернутый в трубку’; эвен. *хэмър-* ‘скручиваться’, *хэмърэчи* ‘вьющийся, кудрявый (о волосах)’; эвенк. *чимбб-* ‘опутать чем-л.’ [ССТМЯ, 1977, с. 347, 366, 394].

Глаголы п.-мо. *temtele-*, мо. *тэмтлэ-* ‘трогать рукой, шарить; идти на ощупь’, п.-мо. *temteri-* [Ков. 1732], мо. *тэмтрэ-*, бур. *тэмтэр-*, калм. *темтр-*, ойр. *темтере-*, орд. *temtere-*, даг. *temilē-*, *temilē-*, дунс. *čiančialu-*, мнгр. *tendili-*, *temdälə-* [EDAL 1417] ‘ощупывать; ходить ощупью’; бур. *тэмгэ яба-* ‘идти наугад’ коррелируют с эвенк. *тэми-*, эвен. *тэми-*, нег. *тэмиктэ-*, ульч. *тэмуру-*, нан. *тэмири-* ‘щупать, трогать, пробовать на ощупь’ [ССТМЯ, 1977, с. 233], ма. *домно-* ‘щупать’; *хэмки-* ‘ходить ощупью’ [ССТМЯ, 1975, с. 215, 481]. Здесь «ключом к разгадке» значения корня выступает рус. *ощупь*: т.е. ‘идти (в темноте или с закрытыми глазами), щупая руками/пальцами впереди и вокруг себя’.

Ср. движения рук в п.-мо. *temte-* [Ков. 1732], мо. *тэмтэ-* ‘рыть, отрывать’; п.-мо. *tamtu-*, мо. *тамта-* ‘превращать в обрывки, кромсать’; ср.-мо. *tamtul-*, *tamtuluγi* ‘хищник’ [МА 340], пкл.-мо. *tamtul-* [Тум. 571], п.-мо. *tamtula-* [Ков. 1648], мо. *тамтла-*, калм. *тамтл-* ‘разрезать, разрубить; терзать’; ср.-мо. *tamtur-* [МА 340], п.-мо. *tamtura-*, мо. *тамтра-*

‘разломаться’. Семы ‘насквозь; вдребезги’ реализуются п.-мо. *emte*, мо. *эмт [сэмт]* ‘сплошь выщербленный, сплошь покрытый зазубринами’, *эмт тат-*, *эмт цохи-* ‘обрывать или разрывать края чего-л.; делать выщербленным путем растягивания; надирать’; п.-мо. *эмтлэ-*, мо. *emtel-*, ойр. *эмтел-* ‘крошить, отламывать, откалывать’, бур. *эмдэ-* ‘разламывать; разрушать’. Бур. *эмхэ хамха хадха-* ‘проткнуть насквозь’, *эмхэ хамхара сохи-* ‘откалывать, раскалывать’. Ср. эвен. *ңэмтък-*, *ңэмтк-* ‘пробивать, взламывать, проламывать’, *ңэмтъс*, *ңэмтъс* ‘быстро пробив, проломив; насквозь’ [ССТМЯ, 1975, с. 669], эвенк. *эмтиргэ-* ‘разбиться на куски; раскрошиться (о зубах)’, эвен. *эмтък-* ‘проламывать, прорубать’ [ССТМЯ, 1977, с. 267, 451].

Провербы п.-мо. *qatq-a*, мо. *хамх*, бур. *хамха*, *хамхар(a)*, калм. *хамх*, ойр. *хамха* ‘вдребезги’; п.-мо. *кетке*, мо. *хэмхэ*, бур. *хэмхэ*, ойр. *кемке*; бур. *хамна* ‘вдребезги, совсем’ при глаголах часто соответствуют приставкам *раз-*, *рас-*: *хэмх тата-* ‘разламывать, разорвать’, *хэмх уна-* ‘разбиться при падении’. Калм. *кемтл-* ‘отламывать кусок’. Ср. эвенк. *кампари-* ‘разбиться вдребезги’ < як. *хампарыи-* ‘разбиваться, разламываться, разрушаться’; эвенк. *камуј-* ‘разбить, сломать’; ороч. *кимбо-* ‘ломать, отрывать’ [ССТМЯ, 1975, с. 371, 394], эвенк. *хумтэ-* ‘раскрошить’ [ССТМЯ, 1977, с. 347].

В ряде морфем с [т] развился признак ‘сморщенный’: п.-мо. *ġotġuuir*, *ġotġeger*, мо. *цомцгор*, *цөмцгөр* ‘съежившийся, сжавшийся’; бур. *сомсогор* ‘сжавшийся’; п.-мо. *ġотуuir*, мо. *шомгор* ‘помятый, поморщенный’; п.-мо. *qitīyar*, мо. *хумигар*, бур. *хумигар* ‘сморщенный, морщинистый’. Работа губ считается существенной: ‘морщить’ < ‘поджимать, морщить губы’. Ср. ср.-мо. *īmeribe ġirayān* ‘лицо его сморщилось’ [МА 380], мо. *ам хумби-* ‘поджимать рот’, но п.-мо. *ата qimbi-* ‘улыбаться’ [Kow. 96], п.-мо. *qimbi-* [Kow. 938], мо. *хумби-* ‘складывать, собирать вместе’. Бур. *хомигор* ‘узкий, приплюснутый; плоский (о копыте лошади)’ возникло на основе признака ‘сжатый с двух сторон’, ср. мо. *хомбон туурай* ‘крутые копыта’.

Процессуальное значение ‘съежиться; согнуться’ прослеживается в глаголе п.-мо. *ġotġira-*, мо. *цомциро-* ‘бежать, согнувшись (среди высоких

трав); пригибаться', п.-мо. *ġotġuı-* 'подогнуть, поджать ноги под себя' [Kow. 2208]. Ср. тюрк. *қымыр-* 'подбирать, поджимать, прижать (парус, крылья, уши); крепко держать; ежиться, жаться; сгибать, свертывать' [ЭСТЯ, 2000, с. 223], як. *кумуй-* 'поджиматься, съеживаться'; ма. *чумчу-* 'обнимать колено обеими руками', *чумчурэ-* 'пригибаться (идти нагнувшись в траве, чтобы не было видно)', *чумчуришэ-* 'нагибаться, приподнимать плечи, съеживаться'; эвен. *чэм-* 'складывать крылья; поджимать хвост', уд. *чэмугулэ-* 'поджимать хвост' [ССТМЯ, 1977, с. 414, 420]; эвен. *тимърън* 'морщина (на лице, платье); морщинистый', *тимърън-* 'морщиться'; эвенк. *томб-* 'смять, сжать (шкуру при выделке); разгладить', *томо-* 'смяться, сжаться'; эвенк. *т;мч;* 'сборки; собранный сборками', нег. *тэм-* 'делать складки, сборки (на одежде)'; эвен. *һэмър-* 'морщиться (о коже, жилах)' [ССТМЯ, 1977, с. 182, 196, 235].

В большом количестве лексем согласный [т] благодаря смыканию губ передает процессуальное значение стягивания, затягивания чего-л.: п.-мо. *отиуı-*, мо. *омой-* 'стягиваться, собираться в складки (напр. о коже от ожога)'; п.-мо. *ötüger*, мо. *өмгөр*, бур. *үмэгэр*, калм. *өмгр* 'суженный, почти закрытый, сжатый'; п.-мо. *qatki-*, мо. *хамхи-*, ойр. *хамха-* 'смыкать, закрывать'. Процесс стягивания ярко отражен в субстантивах: п.-мо. *qombuı-a*, мо. *хомбого* 'мешок с отверстием, стягиваемым ремнем; портплед'; п.-мо. *qimbaı-a*, мо. *хумбага* 'саквояж'; п.-мо. *ġımal* 'мешочек, мошна' [Kow. 1541], п.-мо. *sumal*, мо. *сумал* 'небольшая войлочная сумка (для зерна)', последний из которых сопоставим с «Пгюрк. **sAmar* 'вьючный мешок; большой деревянный сосуд'» [EDAL 1333].

На основе п.-мо. *ımıiriııl* 'ремень, веревочка у чемодана' [Kow. 539], мо. *үмрүүл*, калм. *үмрүл* 'ремень, шнур для стягивания отверстия мешка и т.д.' восстанавливается зафиксированный в словаре Лессинга глагол п.-мо. *ımıiri-* 'собирать или стягивать (когда концы чего-л. открытого собираются вместе)' [Less. 1007], оставивший в современном языке форму в побудительном

залоге: мо. *умруул*- ‘шить крупными стежками, шить на живую нитку’ (по всей видимости, с дальнейшей целью стягивания).

Ср. нег. *сомалан*, ульч. *сумала(н-)*, нан. *сомалā*, ма. *сумала* ‘мешок, куль’; эвенк. *tāmb* ‘завязка на мягкой вьючной сумке’; эвенк. *умул* ‘пояс; подпруга’, нег. *омол*, ороч. *уму*, уд. *уму*, ульч. *омали*, орок. *умул*, нан. *омол*, ма. *имисун* ‘пояс’; эвенк. *умуре*, эвен. *умру*, нег. *умну*, нан. *умуру*, ма. *умури* ‘вздержка, шнур (ремень стяжной у сумок, торсуков, унтов, рукавиц, брюк)’¹¹², ороч. *омоуо* ‘вздержка шнур (ремень стяжной у штанов, брюк)’, орок. *оморо*, *уморо*, *умуру* ‘вздержка шнур (ремень стяжной у обуви)’, эвенк. *умру*- ‘стянуть, затянуть’; эвенк. *чомпули* ‘мешок (из рыбьей кожи); сума’, *ч;мпу* ‘сума (вьючная, мягкая)’; эвенк. *эмилгэ* ‘сумка вьючная (часть ниже завязок); вздержка (на сумке-торсуке)’ [ССТМЯ, 1977, с. 109, 159, 269, 272, 420, 450].

Такие значения т.-ма. лексем, как ‘пояс; вздержка, шнур (ремень стяжной у штанов, брюк)’ наталкивают на предположение о том, что ср.-мо. *emudun* [HY 23, SH], *emüdiin* [IM], *ömiidiin* [MA 276], п.-мо. *ömiidii* [Less. 635], мо. *өмд*, бур. *үмдэн*, ойр. *үмде*, орд. *otodu*, мог. *undun*, дунс. *tədup*, бао. *tədoŋ*, ж.-уйг. *tudəp* [EDAL 617] ‘штаны, брюки, панталоны’ возникло на основе образа ‘нечто затягиваемое вокруг пояса’. На алтайском уровне лексема сопоставляется с Птюрк. **(i)öt* ‘брюки, штаны’ [EDAL 617].

В таком случае значение ср.-мо. *emus-* [SH], *ömis-* [MA 116], пкл.-мо. *emüs-* [Tum. 387], п.-мо. *emüs-* [Kow. 217], мо. *өмс-*, бур. *үмдэ-*, калм. *өмс-*, ойр. *үмес-*, орд. *omos-*, мог. *omusu-*, даг. *emese-*, дунс. *mušt-*, бао. *təsə-*, ж.-уйг. *təs-*, мнгр. *mosə-* [EDAL 617] ‘надевать что-л.; одеваться’ можно интерпретировать как ‘подпоясать, затянуть пояс’. Г. Рамстедт выявляет генетическую связь между «*emüdiin* ‘брюки’ и *emüs-* ‘одеваться’» [Рамстедт, 1957, с. 145].

¹¹² Птунг. **(x)üt-* ‘ремешок, завязка; подпоясывать’ коррелирует с Пяп. *ətrí* ‘пояс, ремень’ и Пкор. **itii-* ‘делать складку, затягивать, закрывать’ [EDAL 617].

Семантически близки производные от корней **nöm/nem*: ср.-мо. *netur-* [SH], *nembe-* [HYt], п.-мо. *netür-*, *nömür-* ‘надеть, накинуть на себя’ [Kow. 637, 698], п.-мо. *нөмрө-*, бур. *нэмэр-*, орд. *nötör-*, даг. *nembu-*, бао. *nambəž-*, мнгр. *nembe-*, *namba-* [EDAL 969–970] ‘накрываться, накидывать на себя’; п.-мо. *netne-* [Less. 574], мо. *нэмнэ-*, бур. *нэмнэ-*, орд. *netne-*, ж.-уйг. *netle-* ‘покрывать попоной’; ср.-мо. *nəmila*, *nimla* ‘попона’ [MA 238, 239], п.-мо. *netürge*, *nömürge* ‘плащ, епанча’ [Kow. 637, 698], мо. *нөмрөг*, мнгр. *nemberge* ‘все, что накидывается на плечи для защиты от дождя, холода; накидка, плащ; попона’. Т.-ма. формы: эвенк. *нэмэ-*, эвен. *нумнэ-*, ороch. *нэмэ-*, орок. *нэмбэ-* ‘покрыть, набросить’ [ССТМЯ, 1975, с. 632] относятся к заимствованиям из монгольских языков [EDAL 970].

Результатом дальнейшего развития семантики в корнях стали значения: п.-мо. *nömüri* ‘укрытие; утаивание; закрытый, тайный’ [Kow. 698], мо. *нөмөр* ‘прикрытие, укрытие; укрытое от ветра и холода место; подветренная сторона’, бур. *нэмэри*, калм. *немр* ‘укрытие от солнца, дождя, ветра’.

П.-мо. *tomuui*, мо. *томго* ‘намордник’ сопоставимо с нан. *жамбо* ‘узда; намордник (собачий)’ [ССТМЯ, 1975, с. 247], ма. *томорхан* ‘колпачок (кожаный, надеваемый на голову ястребу для закрывания глаз)’ [ССТМЯ, 1977, с. 196]. По замечанию Ш. Балли, «наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки...» [Балли, 1955, с. 148].

Идея собирания чего-л. воедино, в центр заложена в пкл.-мо. *qati-* [Tum. 519], п.-мо. *qati-* ‘убрать (накопившиеся вещи)’ [Kow. 807], мо. *хам-*, бур. *хама-*, калм. *хам-*, ойр. *хама-* ‘загрести, захватывать все; сгребать; подбирать’; п.-мо. *qotur-a* [Kow. 937], мо. *хоморгон* ‘цепь, круг, сомкнутый охотниками; облавная площадь; облава’, бур. *хомиргон* ‘ловушка; плен’; п.-мо. *tata-* ‘собирать, складывать в одно место’ [Kow. 1643], мо. *там-* ‘собирать разбросанное’; п.-мо. *tata-*, мо. *там-* ‘стягивать цепь облавы’, калм. *тумл-* ‘уст. окружать’; п.-мо. *tomu-a*, мо. *томоо* ‘решетка, загородка

Процессуальное значение ‘сгибая, сжимать’, на наш взгляд, заложено и в п.-мо. *simala-*, мо. *шамла-*, бур. *шама-*, калм. *шамл-*, ойр. *шамла-*, орд. *sima-*, даг. *šamla-*, мнгр. *šmā; šmāli-* [EDAL 1280] ‘засучивать, заворачивать’; п.-мо. *simara-*, мо. *шамра-*, бур. *шамар-* ‘засучиваться, заворачиваться, подворачиваться (о рукаве); закручиваться (о подоле)’. Ср. Птюрк. **K̄im- / *K̄im-* ‘подворачивать, подтыкать’ [EDAL 739], нег. *кампи-* ‘складывать, сгибать; закатывать (рукав)’, уд. *кампи-* ‘сгибать’, ульч. *кампу-* ‘связывать (в пачки)’; ма. *хэмилэ-* ‘подбирать подол платья’ [ССТМЯ, 1975, с. 371, 481], ма. *фомила-* ‘подбирать платье, подтыкать полы за пояс’ [ССТМЯ, 1977, с. 301].

Таким образом, рассмотренные в данном разделе лексемы вытекают из изобразительного потенциала [m] как губно-губного звука, передающего значения ‘сжимать’, ‘щипать’, ‘стягивать’, ‘собирать воедино’, ‘заворачивать’ и др. Здесь принципиальное значение имеет как место артикуляции – губы, так и способ артикуляции – сжатие губ, поскольку именно они послужили источником символизации признаков в процессе номинации.

Это подтверждает наблюдение А. М. Газова-Гинзберга о том, что «такие движения рта и носа, не являющиеся самостоятельными физиологическими актами, в большинстве языков не имеют специальных названий; однако эти движения нередко служат мимическими подражаниями процессам и формам внешней природы, и порождаемые такими движениями звуковые комплексы впоследствии становятся, замещая саму мимику, обозначениями изображаемых внешних процессов» [Газов-Гинзберг, 1965, с. 73]. Все это подтверждает то, что физиологическое восприятие звука и, соответственно, его психологическая дешифровка напрямую зависят от его физических характеристик.

Заключение

Описание типологических и специфических признаков пласта лексики с корневыми согласными [r/m] позволило выявить семиотические, психологические, психофизиологические и лингвистические основания звукосимволической сущности языка, поскольку исследование возможностей фоносемантики предполагает рассмотрение не только языковой системы, но и языковой личности – личности, осуществляющей номинацию. Особую ценность представляет выявление особенностей мыслительной деятельности в процессе номинации, поскольку, как известно, сущность языковых единиц понимается отчетливее, когда прослеживаются механизмы их создания. Исследование проливает свет и на взаимосвязь языка и философии, позволяя установить соотношение между окружающим миром и сознанием в его языковом проявлении.

Если учесть, что понятие наделено образностью, то выражение понятия означает облечение его в словесную форму с учетом того, что в доминанте закодированы сведения о конкретных свойствах обозначаемой вещи, явления. Доминанта формирует целый класс сходных предметов, объединенных тем или иным генеральным признаком. В связи с этим в качестве этимонов необходимо рассматривать не конкретные предметы или действия, а образы, иначе образные отклики, возникающие в сознании носителей языка при предъявлении той или иной звуковой оболочки.

Так, если яркое образное прилагательное *балсагар* ‘полный, толстый’ имеет корреляты в субстантивной сфере *балсан* ‘мышцы, мускулы’, а прилагательное *балтагар* ‘толстый и неуклюжий’ – корреляты *балта* ‘молот, кувалда’, то не обязательно существительные следует считать основами для развития образных значений. К сожалению, зачастую исследователей не интересует происхождение «готовых» слов со значениями ‘мышцы’, ‘топор’ и др. У носителей языка при предъявлении форм *балсагар* [хун], *балхагар* [гар] в первую очередь явственно возникает в сознании образ полного человека, пухлых рук. При этом люди часто пытаются помочь себе руками

передать оттенки того или иного образа (например, *морхогор*, *мархагар*, *парнагар*, *пирнагар* – о носе)¹¹³ или приводят в качестве примера конкретного человека, «сверх меры» наделенного данным признаком. Поэтому и *балсагар* ‘полный, толстый’, и *балсан* ‘мышцы, мускулы’ следует считать производными от омертвелого дескриптивного корня **bals* со значением ‘нечто пухлое, толстое’, при этом субстантив следует признать хронологически более поздним образованием, номинально «вырвавшимся» за пределы образной лексики, но сохранившим с ней тесную морфологическую и семантическую связь.

В изысканиях ученых по звукосимволизму на материале разноструктурных языков сформулировано около двухсот фоносемантических закономерностей, или универсалий, которые делятся на абсолютные и относительные. Наше исследование подтвердило такие абсолютные универсалии, как: звукоизобразительные (ЗИ) слова образуют систему; между ЗИ-словом и его денотатом существуют закономерные соответствия; умножение состава корня ЗИ-слова есть одно из средств интенсификации его значения; минимум один фонемотип в ЗИ-слове имеет природу, идентичную природе денотата; элемент строения денотата может отражаться в ЗИ-слове более чем одним способом; стержневым компонентом ЗИ-слова класса фреквентативов служит *[r]*; частота появления лабиальных в обозначениях округлого значительно превышает вероятное ожидание. К материалу изобразительной системы в монгольских языках применимы следующие относительные универсалии: обозначения «большого», «открытого», «широкого» содержат открытый широкий гласный; обозначения «малого» содержат закрытый узкий гласный или палатальный согласный; обозначение «темного» содержит низкий (по тону) гласный.

Таким образом, изобразительная лексика монгольских языков поддается классификации и может быть выделена в изобразительную систему языка,

¹¹³ Как отмечает один из информантов, «в начальных классах нам с братьями, подругами очень нравилось открывать «Бурятско-русский словарь» на букву «п» и изображать те образные слова, которые там встречались. Также мы любили брать старые фотографии, желательно незнакомых нам людей, и подбирать к их внешнему виду образные прилагательные» [Бадмаева С. Д., 1963 г.р., род *шоно*, Баргузинский р-он].

которой присущи такие признаки системы, как концепт (звукоизобразительность как системообразующее свойство), субстрат (доминанта как носитель звукоизобразительности) и структура (трихотомия, включающая генетический, диахронический и синхронический аспекты).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что совокупность первичных основ в монгольских языках делится на группы в зависимости от способа поступления перцептивной информации, каждая из которых примыкает к определенному звуковому материалу и из него образована. Полевой подход позволил провести систематизацию значений, выражаемых посредством рассматриваемых согласных. Широкий спектр образных корней служит для передачи тончайших нюансов качеств, формирует богатый словарь для обозначения предметов и явлений, порой отличающихся друг от друга едва заметными, незначительными признаками.

В структуре корня выделен согласный-доминанта, который является носителем генерального признака. Именно в нем закодирована основная информация об объекте или явлении, поступающая по одному из пяти модусов перцепции. Кроме него, в состав корня могут входить анлаутный и ауслаутный согласные, в комбинации с которыми доминанта дает наиболее полное представление о денотате. Относительно звукоподражательных корней можно утверждать, что они представляют собой последовательность дифференциальных признаков того или иного звучания, отражающих стадии его произнесения: анлаутный согласный передает начало, доминанта – развитие и, наконец, ауслаутный согласный – окончание звука.

Широкая вариативность гласных в составе изобразительных корней монгольских языков позволила нам приложить данный признак и к корням, формирующим лексику с затемненной внутренней формой. Если гласный [a] в ономатопах передает громкий, низкий звук, то [i] – звук более высокого регистра, что, как известно, продиктовано их акустическими и артикуляторными особенностями. В образных корнях выявлена тенденция к

обозначению с помощью гласного [a] более крупных объектов, а гласного [u] – более мелких.

36 % корней способны самостоятельно функционировать в качестве субстантивных форм, 30 % – в качестве адъективных форм. Из глагольных корней «в чистом виде» представлено 70 %. Среди первичных словообразовательных формантов выделены три группы суффиксов: «группа *-day*», состоящая из аффиксов, оканчивающихся на согласный [ɣ]; «группа *-dai*», включающая форманты, оканчивающиеся на дифтонг, и прочие аффиксы. Большинство из них относится к ныне непродуктивным аффиксам, зафиксированным лишь в ограниченном количестве названий представителей флоры и фауны и демонстрирующим наиболее архаическую картину словообразовательной системы монгольских языков.

Значения производных позволили установить, что форманты «группы *-dai*», из которых в современных языках активно функционируют лишь собственно *-дай* и *-хай*, придают уменьшительно-ласкательное оттенок экспрессии. Сфера действия аффиксов *-lji(n)*, *-ɣana*, а также сложных формантов *-ljiɣan-a*, *-ɣan-a* строго ограничена названиями растений, насекомых, мелких грызунов, что свидетельствует об их гомогенности с формообразовательными глагольными формантами *-lja*, *-ɣana*, служащими для передачи итеративного действия.

Анализ ономатопеической лексики, помимо «прозрачных» идеофонов с доминантой [r], передающих звучание животных, птиц, воды, различных артефактов, позволил выявить архаический пласт глаголов говорения, ныне потерявших свою соотнесенность со звукоподражанием. Установлено, что корневой согласный [m] участвует в образовании кинем, представляющих собой обозначения звуковых и незвуковых физиологических процессов в полости рта и носа, а также служит для вербализации несвязной речи.

Среди звукоподражаний с доминантой [r] большая часть отличается громкостью, вызывающей неприятные ощущения. Согласный [m], благодаря такому артикуляционному признаку, как сжатие губ, обладает

противоположной способностью передавать сему молчания, тишины. Другая «оппозиция» представлена в актуализации вибрирующего движения. Если согласный [r] служит для передачи значений ‘колыхаться, трепетать (о флаге, одежде)’, формирующихся в результате достаточно отчетливого слухового восприятия, то согласный [m], манифестируя идентичные значения ‘колыхаться, трястись’, соотносится с не звучащими денотатами.

Для звукоподражательной лексики также характерны регулярные метафорические переносы, устанавливаемые на основе схожести сигнификативных признаков первичного и вторичного денотатов. Метафорические переносы составляют особенности ментальности народа, т.е. определенной сферы освоенных ими образов и символов. Исследование глаголов говорения в монгольских языках демонстрирует большую степень активности переноса «животное – человек» (мо. *хурхрэ*- ‘рычать, реветь (о зверях); кричать; бормотать; тараторить’ и др.), основанного на ассоциативной связи между рефлексивными звуками животных и некоторыми акустическими параметрами человеческой речи. Перенос «природа – человек» менее активен (бур. *шарья*- ‘журчать; дребезжать (о голосе)’) и зачастую происходит в глаголах говорения, обозначающих бессодержательную, неразборчивую или очень тихую речь. Это подтверждает влияние концептов культуры этноса на его язык, наблюдающееся и в лексике, и в семантике, и в его фонетической ткани.

Важным итогом работы представляется выявление моментов семантического перехода от звукоподражания к образу, ведущих к периферийному расширению ядерных ономатопеических признаков. Среди корней с доминантой [r] нами выделено пять ономатопов, давших пять генеральных признаков (ГП): *ar, передающий рычание диких зверей и послуживший основой для признака ‘торчащий, остроконечный’; *kir, сопровождающий процесс нарезания чего-л. на ровные части, давший ряд лексем с ведущим признаком ‘ровный, прямой’.

Посредством остальных трех идеофонов развились семантически близкие признаки: **bur*, передающий бурление, журчание воды и служащий для вербализации признака ‘круглый; курчавый’; **sar*, воспроизводящий звук шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха и породивший признак ‘круглый, зияющий’; а также **ter*, соотносимый со звуком отпущенной туго натянутой тетивы, пружины и ставший предпосылкой для развития признака ‘надутый, пузатый’. Это подтвердило тот факт, что в процессе эволюции языка звукоподражательные значения играли не последнюю роль.

Доминанта [*m*] послужила для развития двух противоположных генеральных признаков: ‘круглый’, возникший на основе образа открытого рта человека, и ‘остроконечный’, появившийся в результате вербализации образа морды принимающегося животного. Возможно, некоторые из этих семантических сдвигов подпадают под статус универсальных направлений развития значений.

Исследование проливает свет на то, как человек отражает реальный окружающий мир, используя анализаторы, как формируется в его сознании субъективный образ объективного мира. Благодаря своим физическим характеристикам, доминанта [*r*] участвует в языковой интерпретации всех видов модальности. В зрительной модальности она передает резкий свет; остроконечную форму; в слуховой модальности – резкий звук; во вкусовой модальности – резкий, острый вкус. В сфере вербализации обоняния она может передавать резкий, едкий запах.

Способность корневого согласного [*r*] передавать ощущение холода и жары, зловония и аромата, состояние счастья и тревоги обусловлена тем, что они представляют собой крайнюю степень проявления противоположных начал. Так, глагол п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-*, бур. *урья-* имеет общее значение ‘обдавать’, сочетающееся с лексемами, связанными с разными видами рецепторов: холодowymi (мо. *нуруу хүйт орги-* ‘обдавать холодом в спину’, бур. *һэрюу урья-* ‘веять прохладой’); тепловыми (мо. *чих халуу оргиулж байна* ‘уши пылают’, бур. *халуу урья-* ‘обдавать жаром’) и обонятельными

(мо. *өмхий орги*- ‘отдавать зловонием’). Это свидетельствует о синкретизме семантики языковых единиц, семантических признаках, мотивирующих метафорические и метонимические переносы в интермодальные сферы, о явлении синестезии в области обозначения физических ощущений.

Итак, противопоставление $[r/m]$ представлено в бинамах: «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «мужской ↔ женский», ««твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный», «шершавый ↔ пушистый», «кислый ↔ сладкий», которые как архетипические для человеческого сознания относятся к базовым оппозициям языковой картины мира. Дифференциация значений обусловлена акустико-артикуляционными характеристиками согласных: в большинстве случаев дрожание кончика языка в момент произнесения доминанты $[r]$ ведет к внутреннему дискомфорту, поступающему извне по каналам различных сенсорных модальностей.

Для доминанты $[m]$ значимым представляется такой артикуляционный признак, как смыкание губ при его произнесении, а также меньшая степень напряжения артикулирующих органов. Можно отметить, что все лексем с данным корневым согласным возникли благодаря кинемике как компоненту психофизиологической основы звукосимволизма. Все это показывает важную роль языка в формировании психологических процессов человека, в становлении и развитии его сознания.

В результате исследования установлено, что вербализация размера объектов происходит на основе зрительного восприятия их формы. Цветообозначения, имеющие в составе корня дрожащий сонант $[r]$, возникли на основе дискомфорта при зрительном восприятии яркого солнца (о желтом цвете) и сумерек (о темных оттенках). Также ценным представляется выявление целого ряда так называемых глаголов смотрения, актуализирующихся в языке с помощью восприятия сияющих, сверкающих глаз человека.

Фоносемантический анализ лексем с корневыми согласными $[r/m]$, демонстрирующего законсервированное древнее состояние монгольских

языков, позволил установить исконный корневой состав монгольских языков и в определенной степени раскрыть его номинационный потенциал. Следует признать, что не все лексемы с доминантами [r/m] поддаются точной этимологизации, что объясняется сложностью ассоциативной линии и синкретичностью значений лексем. Но, тем не менее, исследование демонстрирует очевидную тенденцию полевого структурирования значений, объединенных общим элементом – звуком, и подтверждает методологическую обоснованность положения С. В. Воронина о примарной звукоизобразительной мотивированности языкового знака и теории фоносемантического поля А. Б. Михалева.

Как отмечалось выше, в работе рассмотрены производные от 588 корней, из которых 75 % приходится на корни с доминантой [r]. Все корни представлены в следующих таблицах.

Таблица 13

Типы корней с доминантой [r]

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>olu</i>	<i>öü</i>
∅	<i>ar, arĵ, arč, ars, arq, ark, arγ, ard, arb,, arm, arn</i>	<i>er, erĵ, erč, ers, erk, erg, ert, erb, erm</i>	<i>ir, irĵ, irč, irk, irg, irt, irb, irm</i>	<i>or, ur, orč, urč, ors, orq, ork, org, urγ, urg, urt, urd, orb, urb, orm, urm</i>	<i>ör, ür, ürĵ, ürč, örs, örg, ürk, örg, ürg, örb, ürb, örm, ürm, öm, örl</i>
<i>y</i>	<i>yar, yarĵ, yark, yard, yarb</i>	<i>yer, yerĵ</i>	–	<i>yor, yorĵ, yorq, yord, yorb</i>	–
<i>ĵ</i>	<i>ĵar, ĵart, ĵarm</i>	<i>ĵer, ĵert, ĵerm</i>	<i>ĵir, ĵirĵ, ĵirq, ĵirk, ĵirγ, ĵirt, ĵirb, ĵirp</i>	<i>ĵor, ĵorg, ĵorγ, ĵorb, ĵorb</i>	<i>ĵör, ĵür, ĵürĵ, ĵürč, ĵürk, ĵürm</i>
<i>č</i>	<i>čar, čarč, čark, čard, čarb, čarm</i>	<i>čer, čerč, čerg, čerd, čerb, čerm</i>	<i>čir, čirč, čirk, čird, čirt, čirm</i>	<i>čor, čur, čork, čurk, čorq, čorγ, čorg, čord, čorb, čurb</i>	<i>čür, čürĵ, čörč, čürd</i>
<i>š</i>	<i>šar, šarĵ, šarč, šark, šard, šarb, šarm, šarn</i>	–	<i>sir, sirĵ, sirk, sirt, sirb, sirm</i>	<i>šor, šur, šurĵ, šurč, šorq, šork, šord, šorb, šorn</i>	<i>šör, šür, šürk, šörg, šürd, šörb, šürb, šürm</i>
<i>s</i>	<i>sar, sarĵ, sarč, sars, sarq, sark, sard, sart, sarb, sarm, sarn, sarl</i>	<i>ser, serĵ, serk, serd, sert, serb, serl</i>	–	<i>sor, sur, sorč, sors, sorγ, surγ, sort, sorb, sorn, sum, sorm</i>	<i>sör, süir, süirč, süirs, süirk, sörd, süirt, süim</i>
<i>q/k</i>	<i>qar, qarĵ, qarč,</i>	<i>ker, kerĵ, kerč, kers,</i>	<i>kir, kirĵ, kirs,</i>	<i>qor, qur, qorĵ,</i>	<i>kör, küir,</i>

	<i>qars, qarq, qard, qarb, qarm</i>	<i>kerk, kerb, kerm</i>	<i>kirk, kirγ, kird, kirt, kirb, kirm</i>	<i>qorč, qurč, qurs, qorq, qork, qurq, qurk, qurγ, qurd, qorb, qurb</i>	<i>kürj, kürč, kürk, kürg, kürd, kürb, kürm</i>
<i>γ/g</i>	<i>γar, γarj, γard, γarb</i>	<i>ger, gerg, gerd</i>	<i>girb</i>	<i>γor, γur, γorj, γurj, γorq, γork, γurγ, γord, γurb</i>	<i>gör, güir, güird, gürb</i>
<i>d</i>	<i>dar, darj, darč, dars, darq, dark, dard, darb, darn</i>	<i>der, derj, derč, ders, derk, derg, derd, derb, derm, derl</i>	–	<i>dor, dur, dorj, durj, dors, durs, dorq, dord, durd, dorb, durb, dorm</i>	<i>dör, düir, dörs, dürk, dörd, düird, dörb, dürb</i>
<i>t</i>	<i>tar, tarj, tarč, tarq, tarγ, tard, tart, tarb, tarm, tam, tarl</i>	<i>ter, terj, terč, terg, terd, tert, terb, term</i>	–	<i>tor, tur, torj, torč, turč, torq, tord, torm, torn, torl</i>	<i>tör, tüir, tüirč, türk, tüird</i>
<i>b</i>	<i>bar, barj, barč, bars, barq, bark, bard, bart, barb, barm</i>	<i>ber, berj, berč, bers, berk, berg, bert, berb</i>	<i>bir, birj, birč, birs, birb, birt</i>	<i>bor, bur, borj, borč, burj, burč, bors, borq, burq, bork, bory, burγ, bord, bort, borb</i>	<i>bür, bürj, büirč, büirs, bürk, bürb</i>
<i>p</i>	<i>par, parj, parč, pard, parb, parn</i>	<i>perk</i>	<i>pir, pirj, pirč, pim</i>	<i>purč, porq, purg, porn</i>	<i>pür, pürč, pürd, pürt</i>
<i>m</i>	<i>mar, marj, marq, mard, marm, marl</i>	<i>mer, merk, merg, merb</i>	<i>mür, mürj, mürm</i>	<i>mur, morč, murč, mors, murs, morq, mord, morn</i>	<i>mör, mörg</i>
<i>n</i>	<i>nar, narč, nars, narb, narm</i>	<i>ner, nerκ, nerb, nerm</i>	<i>nür, nürg</i>	<i>nur, nurκ, nurm</i>	<i>nör, nür, nürκ</i>
<i>l</i>	<i>larj, larb</i>	–	–	–	–

Итого: 444 корня, из них без ауслатного согласного функционирует 13 %, в инициальной позиции выступают $[j\check{c}/\check{s}/s/y]$ – 32 %, $[t/d]$ – 16 %, $[q/k/\gamma/g]$ – 15 %, $[b/p]$ – 14 %, $[m/n/l]$ – 10 %. Без анлаутного согласного представлено 18 % корней, в финальной позиции наиболее активны $[j\check{c}/s]$ – 23 %, далее следуют $[q/k/\gamma/g]$ – 21 %, $[d/t]$ – 14 %, $[m/n/l]$ – 13 %, $[b/p]$ – 11 %.

Таблица 14

Типы корней с доминантой $[m]$

C_{un}/V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>
\emptyset	<i>am, amj, amč, ams, amq, amγ, amt, amb</i>	<i>em, emč, ems, emk, emt, emd</i>	<i>im</i>	<i>om, um, umb, umt, umd</i>	<i>öm, üm, ümk, ömd, ümt, ömb, ümb</i>
<i>y</i>	–	–	–	<i>yomb</i>	–
<i>j</i>	<i>jam, jamb</i>	<i>emk, jemb</i>	<i>jim, jims, jimb</i>	<i>jomb</i>	<i>jümb</i>
<i>č</i>	<i>čam</i>	<i>čemb, čemč</i>	<i>čim, čimκ, čimč</i>	<i>čom, čomč, čumč, čomb</i>	<i>čöm, čömč</i>
<i>š</i>	<i>šam, šamš, šamb</i>	–	–	<i>šom, šum,</i>	<i>šöm, šömb</i>

				<i>šomb, šumb</i>	
<i>s</i>	<i>sam, samt, samb, semb, samn</i>	<i>sem, semj, semt</i>	<i>sim</i>	–	<i>süm</i>
<i>q/k</i>	<i>qam, qamš, qamq, qamk, qamb, qamp</i>	<i>kem, kemk</i>	<i>kim, kims</i>	<i>qom, qum, qumq, qomb, qumb</i>	<i>köm, küm, kümb</i>
<i>γ/g</i>	<i>γam, γamb</i>	<i>gem</i>	–	<i>γom</i>	<i>güm</i>
<i>d</i>	<i>dam, damj, damb</i>	<i>dem</i>	–	<i>dom, dum, domb, dumb</i>	<i>döm, dümb</i>
<i>t</i>	<i>tam, tamš, tamk, tamt</i>	<i>tem</i>	–	<i>tom, tum, tomb, tumb</i>	<i>töm, tüm, töms, tümb, tümp</i>
<i>b</i>	<i>bam, bank, bamb</i>	<i>bemb</i>	–	<i>bomb, bumb</i>	<i>böm, bömb, bümb</i>
<i>p</i>	<i>pamb, pamp</i>	<i>pemb, pemp</i>	–	<i>pomb</i>	<i>pöm, pümp,</i>
<i>m</i>	–	–	–	–	–
<i>n</i>	<i>nam, namj, namq, namb</i>	<i>nem</i>	<i>nim, nimb</i>	<i>nom, num</i>	<i>nöm</i>
<i>l</i>	–	–	<i>limb</i>	–	–

Итого: 144 корня, из них 18 % не имеет ауслаутного согласного, в инициальной позиции чаще всего встречаются $[j/\check{c}/\check{s}/s/y]$ – 30 %, далее – $[t/d]$ – 17 %, $[q/k/\gamma/g]$ – 16 %, $[b/p]$ – 12 %, $[n]$ – 7 %. 36 % корней не имеет анлаутного согласного, в финальной позиции, напротив, широко представлены $[b/p]$ – 33 %, менее активны $[j/\check{c}/\check{s}/s]$ – 15 %, $[q/k/\gamma/g]$ – 9 %, $[t/d]$ – 6 %, $[n]$ – 1 %.

О соотношении анлаутных и ауслаутных согласных можно судить по данным следующих диаграмм.

Диаграмма 11

$C_{\text{ан}}$ в корнях с $C_D [r]$

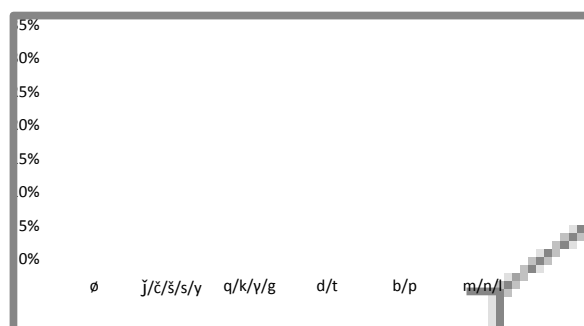
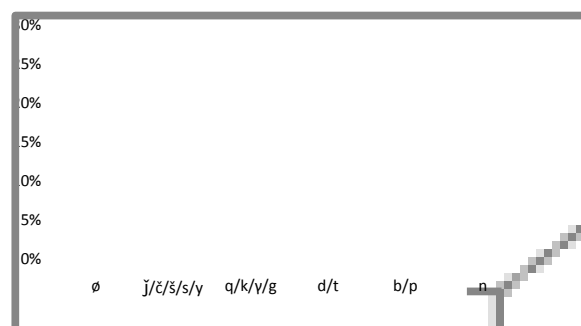

Диаграмма 12

$C_{\text{ан}}$ в корнях с $C_D [m]$

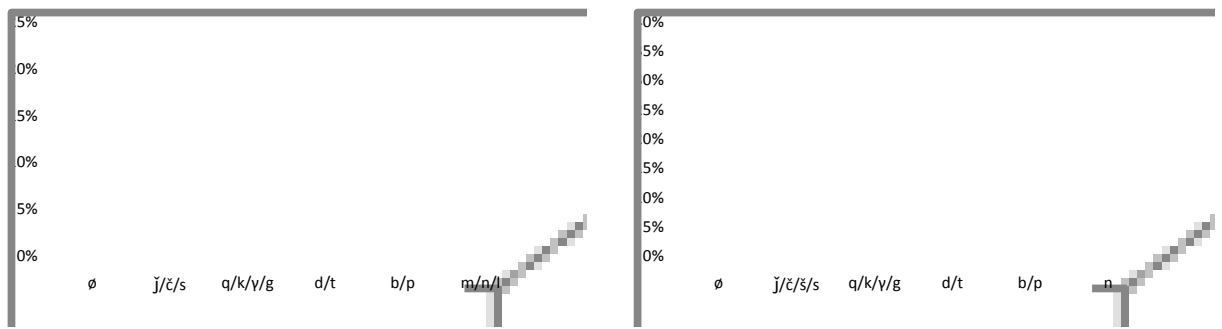
Как видно, позиции согласных в анлауте приблизительно одинаковы.

Диаграмма 13

$C_{\text{аус}}$ в корнях с $C_D [r]$

Диаграмма 14

$C_{\text{аус}}$ в корнях с $C_D [m]$

В финальной позиции корней с доминантой [r] активны как аффрикаты, спиранты, так и смычные согласные. Менее представлен в ауслaute блок сонантов [m/n/l], доминанта [m] также с ними практически не сочетается. По всей видимости, это можно объяснить тем, что и сами [r/m] относятся к сонорным согласным. Отмечается высокая степень сочетаемости доминанты [m] с смычными [b/p].

С точки зрения фоносемантики можно прийти к выводу, что «сильный» согласный [r] стремится к сочетанию в ауслaute с такими же «сильными» согласными, как [j/č/s], [t/d], которые усиливают проявление генерального признака. «Смягчающие» же семантику согласные [b/p], [m/n/l] занимают по отношению к ним периферийную позицию. Например, в *арзгар* ‘оскаленный’ аффриката [j] подчеркивает генеральный признак ‘торчащий, остроконечный’, смычный [b] в *арвагар* ‘лохматый’ его смягчает. Что касается влияния смычных [q/k/γ/g] на семантику корня, то их позицию можно признать нейтральной в связи с тем они наиболее органично передают финальную фазу звучания, не придавая ему оттенка резкости, внезапности.

«Мягкая» доминанта [m] также стремится к сочетанию с «мягкими» [b/p], образуя кластер [mb], встречающийся в 33 % производных. Активность «сильных» согласных ниже более чем в два раза, что верифицирует тенденцию к сочетанию «сильной» доминанты с «сильным» ауслаутом и «мягкой» доминанты с «мягким» ауслаутом. Таким образом, анализ компонентов корней позволил вскрыть мотивированность фоносемантических полей звукоизобразительными возможностями самих звуков.

Сопоставление изобразительных слов в языках алтайской группы свидетельствует, что все они с незначительными отклонениями охватывают один и тот же диапазон звуков, отражая сходство фонематического и естественного звучания согласно своей фонетической традиции. Границы фоносемантических полей доминант $[r/m]$ во многом совпадают. Несомненно, дальнейшее изучение звукосимволических свойств других согласных в роли доминант позволит уточнить и, возможно, изменить некоторые проведенные в данной работе реконструкции, которые вносят определенный вклад в выявление общих генеральных линий воплощения перцептивной информации в монгольских, и шире в алтайских языках.

Список литературы

1. Аврорин, В. А. Грамматика нанайского языка. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. В 2-х т. / В. А. Аврорин. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 2. – 294 с.
2. Алатырев, В. И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке / В. И. Алатырев // Ученые зап. Сер. востоковедческих наук / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1947. – Вып. 2, № 105. – С. 216–232.
3. Античные теории языка и стиля (антология текстов) / Общ. ред. О. М. Фрейденберг. – СПб. : Алетейя, 1996. – 362 с.
4. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного исследования / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
5. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–249.
6. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов. – М. : Наука, 1989. – 153 с.
7. Ашмарин, Н. И. Основы чувашской мимологии: (О подражательных словах в чувашском языке). – Казань : Изд. чуваш, нац. организации, 1918. – 10 с.
8. Ашмарин, Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья / Н. И. Ашмарин // Изв. / Азербайджанский гос. ун-т. – Баку, 1925. – Т. 2, 3, 4, 5.
9. Ашмарин, Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань : Изд. Акад. центра ТНКП, 1928. – 160 с.
10. Бабуев, С. Д. Особенности лексики говора ольхонских бурят // С. Д. Бабуев // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1987. – С. 32–40.

11. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : URSS, 1955. – Изд. 2. – 416 с.
12. Бальжинимаева, Ц. Ц. Словосочетания с изобразительными словами в бурятской художественной речи / Ц. Ц. Бальжинимаева // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 121–133.
13. Банзаров, Д. Собрание сочинений / Д. Банзаров. – М. : Наука, 1955. – 374 с.
14. Барабанщиков, В. А. Системогенез чувственного восприятия. – М. : Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 464 с.
15. Басаева, К. Д. Традиции и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей / К. Д. Басаева // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – С. 186–193.
16. Баскаков, Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение / Н. А. Баскаков. – М. : Наука, 1981. – 180 с.
17. Бергсон, А. Сочинения в 4-х т. / А. Бергсон. – М. : Московский клуб, 1992. – Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. – 336 с.
18. Бертагаев, Т. А. К вопросу о внутренних законах развития полисемии / Т. А. Бертагаев // Изв. АН СССР. – 1951. – Т. 10, вып. 6. – С. 573–588.
19. Бертагаев, Т. А. Об этимологии слов *багуджин*, *баргут* и *тукум* / Т. А. Бертагаев // Филология и история монгольских народов. – М. : Изд-во вост. лит., 1958. – С. 173–174.
20. Бертагаев, Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках / Т. А. Бертагаев // Проблема общности алтайских языков. – Л. : Наука, 1971. – С. 90–109.
21. Бертагаев Т. А. О монголизмах в русском языке / Т. А. Бертагаев // *Studia mongolica*. – Улаанбаатар, 1973. – Т. 1(9). – С. 174–179.

22. Бертагаев, Т. А. Космогонические представления в мифологии монгольских племен / Т. А. Бертагаев // Историко-филологические исследования. – М. : Наука, 1974. – С. 406–418.
23. Бертагаев, Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков) / Т. А. Бертагаев. – М. : Наука, 1974. – 383 с.
24. Брагинская, Н. В. Кто такие мирмидонцы? / Н. В. Брагинская // От мифа к литературе : сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М. : Изд-во РГГУ, 1993. – С. 231–256.
25. Бубрих, Д. В. К проблеме изобразительной речи / Д. В. Бубрих // Ученые зап. Сер. Исторические и дипломатические науки / Карело-финский ун-т. – Петрозаводск, 1948. – Т. 3, вып. 1. – С. 85–94.
26. Будаев, Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении / Ц. Б. Будаев. – Новосибирск : Наука, 1978. – 302 с.
27. Бураев, И. Д. Становление звукового строя бурятского языка / И. Д. Бураев. – Новосибирск : Наука, 1987. – 185 с.
28. Бурыкин, А. А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований / А. А. Бурыкин // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 19–42.
29. Бурыкин, А. А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс *-bci* (калм. *-вч*) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках / А. А. Бурыкин // Владимирцовские чтения-4: докл. и тез. Всерос. науч. конф., 15 февр. 2000 г. – М., 2000. – С. 16–20.
30. Бурыкин, А. А. Об одной группе исключений из закона Рамстедта-Пелльо в монгольских языках / А. А. Бурыкин // Сравнительно-историческое исследование языков : состояние и перспективы : тез. докл. Междунар. науч. конф., Москва, 22–24 янв. 2003 г. – М., 2003. – С. 31–33.

31. Бухаева, О. Д. Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемости в русском и бурятском языках / О. Д. Бухаева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 132 с.
32. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
33. Владимирцов, Б. Я. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам / Б. Я. Владимирцов // Доклады АН СССР. – Л., 1929. – № 16. – С. 289–296.
34. Владимирцов, Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика / Б. Я. Владимирцов. – М.-Л. : Издание Ленингр. вост. ин-та, 1929. – 435 с.
35. Владимирцов, Б. Я. Арабские слова в монгольском / Б. Я. Владимирцов // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – Л. : Изд-во АН СССР, 1930. – Т. V. – С. 73–82.
36. Владимирцов, Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Л. : Изд-во АН СССР, 1934. – 224 с.
37. Воронин, С. В. Фоносемантика и этимология / С. В. Воронин // Дiachроническая германистика: межвуз. сб. ст. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – С. 131–171.
38. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 244 с.
39. Воронин, С. В. Некоторые вопросы этимологической фоносемантики / С. В. Воронин, С. В. Климова // Англистика: Современные достижения и традиции: тез. докл. Росс. межвуз. конф. – СПб., 1998. – С. 19–25.
40. Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / пер. с нем. Г. Хайдаровой / К. Вульф. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 280 с.
41. Вундт, В. Основания физиологической психологии / В. Вундт. – М. : Изд-во Н. А. Абрикосова, 1880. – 1038 с.

42. Газов-Гинзберг, А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней) / А. М. Газов-Гинзберг. – М. : Наука, 1965. – 183 с.
43. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация : Общие вопросы / Под. ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – С. 230–293.
44. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
45. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 1328 с.
46. Гаффарова, Ф. Ф. Этимология и деривация слова *арна* в контексте алтайской общности / Ф. Ф. Гаффарова // II Международные Бодуэновские чтения : Казанская лингвистическая школа: традиции и современность, Казань, 11–13 дек. 2003 г.: Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003.– Т. 2. – С.130–132.
47. Гаффарова, Ф. Ф. Семантико-этимологическая реконструкция земледельческой лексики алтайских языков (на примере основы *тар-*) // Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность: материалы I междунар. науч. конф., 11–13 нояб. 2009 г. – Пятигорск : Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2009. – С. 83–86.
48. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 1997. – 224 с.
49. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – М. : Наука, 1975. – 418 с.
50. Грунтов, И. А. Развитие прамонгольского гортанного спиранта **h-* в начальной позиции в языке памятника монгольского языка XIV века

- словаря Мукаддимат ал-адаб [Электронный ресурс] / И. А. Грунтов // Режим доступа: www.altaica.ru.
51. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
52. Гурулев, С. А. Реки Байкала: происхождение названий / С. А. Гурулев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 112 с.
53. Дамбуева, П. П. Типология и средства выражения категории модальности в современном бурятском и русском языках / П. П. Дамбуева. – Улан-Удэ, 1999. – 151 с.
54. Дамбуева, П. П. Категория модальности в современном бурятском языке / П. П. Дамбуева. – Улан-Удэ, 2000. – 251 с.
55. Дампилова, Л. С. Символы художественного пространства Востока и Запада в поэзии Баира Дугарова / Л. С. Дампилова // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2005. – № 3. – С. 104–110.
56. Дашиева, Н. Б. Календарь в народной культуре бурят (опыт историко-этнографического культурно-исторического исследования) / Н. Б. Дашиева. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 299 с.
57. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / Демьянков В. З. // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
58. Дмитриев, Н. К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. – М. : Изд-во восточной литературы, 1962. – 607 с.
59. Дмитриева, Л. В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках / Л. В. Дмитриева // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л. : Наука, 1979. – С. 135–191.
60. Дмитриева, Л. В. Этимология географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках / Л. В. Дмитриева // Алтайские этимологии. – Л., 1984. – С. 130–177.

61. Дондуков, У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ : БКНИИ СО АН СССР, 1964. – 165 с.
62. Дондуков, У.-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ : Изд-во БГПИ им. Д. Банзарова, 1993. – 230 с.
63. Дугаров, Б. С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств / Б. С. Дугаров. – Улан-Удэ, 2005. – 298 с.
64. Дугаров, Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят) / Д. С. Дугаров. – М. : Наука, 1991. – 302 с.
65. Дыбо, А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: соматические термины (Плечевой пояс) / А. В. Дыбо. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 389 с.
66. Дыбо, А. В. Монгольские названия деревьев в алтайском словаре / А. В. Дыбо // Трофим Алексеевич Бертагаев: К 100-летию со дня рождения : сб. науч. статей. – Элиста : ЗАОр НПП «Джангар», 2005. – С. 42–64.
67. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период / А. В. Дыбо. – М. : Вост. лит, 2007. – 223 с.
68. Дыбо, А. В. К проблеме происхождения имитативных слов [Электронный ресурс] / А. В. Дыбо // Режим доступа: www.altaica.ru.
69. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1964. – 355 с.
70. Жамбалова, С. Г. Охота / С. Г. Жамбалова // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – С. 105–114.
71. Жуковская, Н. Л. Пища и кулинарные традиции / Н. Л. Жуковская // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – С. 166–180.

72. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160 с. Журавлев, А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев. – М. : Просвещение, 1991. – 160 с.
73. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
74. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика : учеб. пособие / Л. Р. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1979. – 312 с.
75. Знак : иконы, индексы, символы : тезисы докл. междунар. конф., посв. 70-летию со дня рождения С. В. Воронина / Под ред. А. В. Зеленщикова, О. И. Бродович. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – 81 с.
76. Зомонов, М. Д. Словарь бурятского шаманизма / М. Д. Зомонов, И. А. Манжигеев. – Улан-Удэ : Буряад Үнэн, 1998. – 148 с.
77. Зориктуев, Б. Р. О происхождении и семантике этнического названия *монгол* / Б. Р. Зориктуев // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – Вып. 10. – С. 125–131.
78. Илиуф, Х.-М. Опыт выявления архетипов слов и их этимонов [Электронный ресурс] / Х.-М. Илиуф // Режим доступа: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php>.
79. Иллич-Свитыч, В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) / В. М. Иллич-Свитыч // Этимология. – М., 1967. – С. 321–373.
80. Иллич-Свитыч, В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). В 3-х т. / В. М. Иллич-Свитыч. – М. : Наука, 1971. – Т. 1. – 369 с.
81. Иллич-Свитыч, В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский,

- дравидийский, алтайский) / В. М. Иллич-Свитыч. В 3-х т. – М., 1976. – Т. 2. – 572 с.
82. Исхаков, А. И. О подражательных словах в казахском языке / А. И. Исхаков // Тюркологический сборник. – М.-Л., 1951. – С. 103–111.
83. Казакевич, В. А. Современная монгольская топонимика / В. А. Казакевич. – Л. : АН СССР, 1934. – 30 с.
84. Кайдаров, А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке / А. Т. Кайдаров. – Алма-Ата : Наука, 1986. – 326 с.
85. Калужински, С. Некоторые вопросы монгольской терминологии родства / С. Калужински // Олон улсын монголч эрдэмтний 2-р их хурал. – Улан-Батор, 1973. – С. 217.
86. Кассирер, Э. Философия символических форм Том 1. Язык / Э. Кассирер. – М., СПб. : Университетская книга, 2002. – 272 с.
87. Киле, Н. Б. Образные слова нанайского языка / Н. Б. Киле. – Л. : Наука, 1973. – 189 с.
88. Клоусон, Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории / Дж. Клоусон // Вопросы языкознания. – 1959. – № 5. – С. 22–41.
89. Кобозева, И. М. Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Т. 1. Протвино, 2000. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials>.
90. Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / С. А. Козин. – М.-Л., 1941. – 605 с.
91. Кононов, А. Н. Семантика цветообозначения в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник. 1975. – М., 1978. – С. 159–179.
92. Котвич, В. Исследование по алтайским языкам / В. Котвич. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 371 с.
93. Кравков, С. В. Взаимодействие органов чувств / С. В. Кравков. – М.-Л., 1948. – 128 с.

94. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
95. Кудайбергенов, С. Подражательные слова в киргизском языке / С. Кудайбергенов. – Фрунзе : Киргизучпедгиз, 1957. – 108 с.
96. Левицкий, В. В. Семантика и фонетика / В. В. Левицкий. – Черновцы : Изд-во Черновицкого ун-та, 1973. – 103 с.
97. Левицкий, В. В. Начальные сочетания фонем в английском языке / В. В. Левицкий // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. – Киев, 1983. – С. 8–17.
98. Левицкий, В. В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков / В. В. Левицкий. – Черновцы : Изд-во ЧГУ. – 1997. – 276 с.
99. Левицкий, В. В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт количественного анализа этимологического словаря / В. В. Левицкий. – Черновцы : Рута, 2008. – 232 с.
100. Лейбниц, Г. В. Новые опыты о человеческом разуме / Г. В. Лейбниц. – М., 1936. – 484 с.
101. Лиджиев, А. Б. Глаголы мышления в монгольских языках: сравнительно-исторический анализ / А. Б. Лиджиев // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы Междунар. науч. конф. – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. – С. 258–262.
102. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / Пер. с монг., введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. – М. : Наука, 1973. – 440 с.
103. Маковский, М. М. Лингвистическая комбинаторика (опыт стратификации языковых структур) / М. М. Маковский. – М. : КомКнига, 2007. – 232 с.

104. Маковский, М. М. Индоевропейская этимология. Предмет – методы – практика // М. М. Маковский. – М. : Либроком, 2009. – 354 с.
105. Манджикова, Б. Б. К особенностям фонетической структуры звукоподражательных слов и их значений в калмыцком языке / Б. Б. Манджикова // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М., 1976. – С. 65–77.
106. Манджикова, Б. Б. Изобразительные слова в современном калмыцком языке : дис... канд. филол. наук / Манджикова Бэлла Бембеевна. – М., 1983. – 163 с.
107. Маркова, Е. М. Праславянские названия деревьев как отражение фрагмента языковой картины мира славян / Е. М. Маркова // Acta Linguistica. – Vol. 2 (2008), 1. – С. 37–45.
108. Мельников, Г. П. Орфонимия и мотивированность знака / Г. П. Мельников // Проблемы мотивированности языкового знака / Под ред. А. П. Журавлева. – Калининград : Изд-во Калинин. ун-та, 1976. – С. 3–10.
109. Мельхеев, М. Н. Географические названия Восточной Сибири / М. Н. Мельхеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. – 120 с.
110. Мельхеев, М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий / М. Н. Мельхеев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1969А. – 186 с.
111. Митрошкина, А. Г. Личные имена бурят / А. Г. Митрошкина. – Иркутск : Изд-во Иркут. госун-та, 1995. – 377 с.
112. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – Т.1. А-К. – 671 с.
113. Михайлов, Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) / Т. М. Михайлов. – Новосибирск : Наука, 1980. – 320 с.
114. Михалев, А. Б. Теория фоносемантического поля / А. Б. Михалев. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.

115. Михалев, А. Б. Языковая картина мира как полиструктурная деталь / А. Б. Михалев // Язык. Этнос. Сознание. Материалы междунар. науч. конф., 24–25 апр. 2003 г. – Майкоп : Ред.-изд. отдел АГУ, 2003. – Т. 1. – С. 23–30.
116. Михалев, А. Б. Фоносемантические универсалии / А. Б. Михалев // Университетские чтения–2006 : материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. –Пятигорск : ПГЛУ, 2006. – Ч.1. – С. 42–46.
117. Михалев, А. Б. Методический арсенал фоносемантики / А. Б. Михалев // Методология современного языкознания: сб. ст. / Отв. ред. А. Г. Сонин, А. С. Баранов. – М. : АСОУ, 2010. – С. 122–141.
118. Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов (на бурятском, русском языках) / Ч.-Р. Намжиловой оршуулга. Пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. – 318 с.
119. Мудрак, О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков / О. А. Мудрак. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – 284 с.
120. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.
121. Намжилон, Ц. Н. Терминология родства в говоре североселенгинских бурят // Ц. Н. Намжилон // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1987. – С. 60–85.
122. Нерознак В. П. Праязык: реконструкт или реальность? / В. А. Нерознак // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. – М., 1988. – С. 26–43.
123. Новикова, К. А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках / К. А. Новикова // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л. : Наука, 1979. – С. 53–134.
124. Номинханов, Ц. Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка / Ц. Д. Номинханов. – М. : Наука, 1975. – 327 с.

125. Орловская, М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке / М. Н. Орловская. – М. : Изд-во вост. лит., 1961. – 115 с.
126. Петрова, Т. И. Образные слова в нанайском языке / Т. И. Петрова // Изв. Акад. наук СССР, Отделение литературы и языка, 1948. – Т. VII, вып. 6. – С. 522–537.
127. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 360 с.
128. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов // АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Л. : Наука, 1991. – 321 с.
129. Прокофьева, Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное / Л. П. Прокофьева. – Саратов : Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 280 с.
130. Прокофьева, Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: автореферат дисс. ... докт. филол. наук / Л. П. Прокофьева. – Саратов, 2009. – 47 с.
131. Пюрбеев, Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания / Г. Ц. Пюрбеев. – М. : Наука, 1993. – 304 с.
132. Рамстедт, Г. Введение в алтайское языкознание. Морфология / Г. Рамстедт. – М. : Изд-во иност. лит-ры, 1957. – 254 с.
133. Рассадин, В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка / В. И. Рассадин. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1971. – 256 с.
134. Рассадин, В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / В. И. Рассадин. – М. : Наука, 1980. – 114 с.
135. Рассадин, В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В. И. Рассадин. – М. : Наука, 1982. – 198 с.

136. Рассадин, В. И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // В. И. Рассадин // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1987. – С. 3–20.
137. Рассадин, В. И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков / В. И. Рассадин // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 120–131.
138. Рассадин, В. И. Некоторые проблемы этимологизации слов монгольского языка / В. И. Рассадин // VII Междунар. Конгресс монголоведов: Докл. Российской делегации. – Улаанбаатар, 1997. – С. 55–60.
139. Рассадин, В. И. Становление говора нижеудинских бурят / В. И. Рассадин. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 160 с.
140. Рассадин, В. И. Сложение группы производных субстантивов в бурятском языке / В. И. Рассадин // История развития бурятского языка: сб. ст. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 3–16.
141. Рассадин, В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / В. И. Рассадин. – Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2007. – Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – 165 с.
142. Рассадин, В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков / В. И. Рассадин. – Элиста : Изд-во КГУ, 2008. – 234 с.
143. Рассадин, В. И. Комплекс лексики номадного скотоводства монгольских языков в свете тюрко-монгольских языковых связей / В. И. Рассадин // Вопросы филологии. Сер. Урало-алтайские исследования. – 2010. – № 1. – С. 32–38.
144. Рашид-ад-дин, Д. Сборник летописей / Д. Рашид-ад-дин. – М.-Л., 1952. – Т. 1, кн. 1. – 387 с.

145. Рубинштейн, Г. А. О концептуализации отрезков времени в русском языке [Электронный ресурс] / Г. А. Рубинштейн // Режим доступа: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/2/rubinstein.pdf>.
146. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с.
147. Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.
148. Рыкин, П. О. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке / П. О. Рыкин // Вопросы филологии. Сер. Урало-алтайские исследования. – 2009. – № 1/УА (1). – С. 80–91.
149. Санжина, Д. Д. Язык бурятских исторических романов / Д. Д. Санжина. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1991. – 132 с.
150. Санжина, Д. Д. Изобразительные слова в бурятском художественном тексте / Д. Д. Санжина // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы междунар. конф., посв. 70-летию проф. В. И. Рассадина, 11–13 нояб. 2009 г. – Элиста, 2009. – С. 174–175.
151. Севортян, Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования / Э. В. Севортян. – М. : Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 643 с.
152. Севортян, Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1966. – 437 с.
153. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. – М. : Юнвес, 2003. – 704 с.
154. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Пер. с англ. А. М. Сухотина / Э. Сепир. – М.-Л. : Соцэкгиз, 1934. – 224 с.
155. Скрынникова, Т. Д. Символы солнца в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Сибири / Т. Д. Скрынникова // Этническая

- история и этническая культура. – М. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2009. – С. 3–23.
156. Сокровенное сказание монголов : Анонимная монгольская хроника 1240 г. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1990. – 280 с.
157. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / АН СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М. : Наука, 1988. – Кн. 3 : Морфология / Э. Р. Тенишев [и др.] – 560 с.
158. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика : 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2001. – 822 с.
159. Столяренко, Л. Д. Основы психологии. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 672 с.
160. Сыромятников, Н. А. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках / Н. А. Сыромятников // Проблемы общности алтайских языков. – Л., 1971. – С. 51–64.
161. Тамбиева, Ж. М. Межъязыковая фоносемантическая характеристика гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков) : дис...канд. филол. наук / Жанна Мухамедовна Тамбиева. – Пятигорск, 2003. – 169 с.
162. Тенишев, Э. Р. Строй саларского языка / Э. Р. Тенишев. – М. : Наука, 1976. – 575 с.
163. Теплов, Б. М. Психология / Б. М. Теплов. – М. : Учпедгиз, 1953. – 288 с.
164. Тодаева, Б. Х. Дунсянский язык / Б. Х. Тодаева. – М. : ИВЛ, 1961. – 152 с.
165. Тодаева, Б. Х. Баоаньский язык / Б. Х. Тодаева. – М. : Наука, 1964. – 158 с.
166. Тодаева, Б. Х. Монгорский язык: исследование, тексты, словарь / Б. Х. Тодаева. – М. : Наука, 1973. – 391 с.
167. Тодаева, Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» / Б. Х. Тодаева. – Элиста, 1976. – 530 с.

168. Тодаева, Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: очерк диалектов / Б. Х. Тодаева. – М. : Гл. ред. вост. лит., 1985. – 133 с.
169. Тодаева, Б. Х. Дагурский язык / Б. Х. Тодаева. – М. : Гл. ред. вост. лит., 1986. – 187 с.
170. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. Сер. «Из лингвистического наследия Н. И. Толстого». – М. : Языки славянской культуры, 2006. – Изд. 2. – 560 с.
171. Топоров, В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа / В. О. Топоров // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 44–59.
172. Хангалов, М. Н. Собрание сочинений. В 3-х т. / Под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. – Т. 2. – 443 с.
173. Хангалов, М. Н. Собрание сочинений. В 3-х т. / Под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – Т. 1. – 508 с.
174. Харитонов, Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – Якутск : Госиздат ЯАССР, 1943. – 84 с.
175. Харитонов, Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – М.-Л. : АН СССР, 1954. – 312 с.
176. Харькова, С. С. К этимологии наименований убранства дома [Электронный ресурс] / С. С. Харькова // Режим доступа: www.altai.ca.ru.
177. Цинциус, В. И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л. : Наука, 1979. – С. 3–16.
178. Цинциус, В. И. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках / В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л. : Наука, 1979. – С. 19–52.
179. Цинциус, В. И. Этимологии алтайских лексем с анлаутными глухими придыхательными смычными губно-губным *n* и

- заднеязычным *к* // Алтайские этимологии: сб. науч. тр. – М. : Наука, 1984. – С. 17–129.
180. Цыдендамбаев, Ц. Б. Изобразительные слова в бурятском языке / Ц. Б. Цыдендамбаев // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимирцова. – М. : Изд-во вост. лит., 1958. – С. 136–151.
181. Цыдендамбаев, Ц. Б. Изобразительные слова в монгольских языках / Ц. Б. Цыдендамбаев // XXV Междунар. конгресс востоковедов: Докл. делегации СССР. – М., 1960. – С. 60–71.
182. Цымбурский, В. Л. «Друг» и «дрожь»: к этимологии нескольких слов с затемненной внутренней формой [Электронный ресурс] / В. Л. Цымбурский // Режим доступа: <http://russ.ru/academ>.
183. Цымбурский, В. Л. Праславянское **ostrovъ* : к пересмотру этимологии / В. Л. Цымбурский // Славяноведение. – 1999. – № 4. – С. 50–57.
184. Чагдуров, С. Ш. Происхождение Гэсэриады / С. Ш. Чагдуров. – Новосибирск : Наука, 1980. – 271 с.
185. Чареков, С. Л. Эволюционная морфология. Часть I. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках / С. Л. Чареков. – СПб., 1999. – 192 с.
186. Чимитдоржиева, Г. Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики) : автореф. дис...канд. филол. наук / Г. Н. Чимитдоржиева. – Улан-Удэ, 2003. – 22 с.
187. Чиронов, С. В. Ономатопоэтические слова в современном японском языке: проблемы функционирования : Дис. ... канд. филол. наук / С. В. Чиронов. – М., 2004. – 221 с.
188. Шагдаров, Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке / Л. Д. Шагдаров. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. – 149 с.

189. Шайхулов, А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайской цивилизации (аспекты общей теории корневых слов) / А. Г. Шайхулов // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы междунар. конф., посв. 70-летию проф. В. И. Рассадина, 11–13 нояб. 2009 г. – Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2009. – С. 229–230.
190. Шаховский, В. И. Звуковой символизм и коннотация: новое осмысление старых проблем / В. И. Шаховский // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 16. – М. : ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – 276 с.
191. Шилков, Ю. М. Психосоматические структуры сознания // Метафизические исследования. Вып. 6. Сознание. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. – СПб., 1998. – С. 76–98.
192. Шляхова, С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику / С. С. Шляхова. – Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – 218 с.
193. Шляхова С. С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики / С. С. Шляхова. – Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2005. – 346 с.
194. Шляхова С. С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / С. С. Шляхова. – Пермь, 2006. – 41 с.
195. Шнайдер, К. Клиническая психопатология / К. Шнайдер. – Киев : Сфера, 1999. – 236 с.
196. Шулунова, Л. В. Ономастика Прибайкалья / Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 1995. – 204 с.
197. Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных / А. М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М. : Наука, 1961. – С. 82–172.

198. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1970. – 204 с.
199. Щербак, А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.) / А. М. Щербак. – СПб. : Наука, 1997. – 292 с.

На монгольском языке

200. Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1992. – I боть. – 183 т.
201. Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1992. – II боть. – 184–393 т.
202. Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1995. – III боть. – 221 т.
203. Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1995. – IV боть. – 222–468 т.
204. Базаррагчаа, М. Эртний монгол хэлний үгийн бүтэц түүний зарим онцлог / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 2006. – 540 т.
205. Базаррагчаа, М. Дүрслэх үгс бие даасан ай болох нь / М. Базаррагчаа // Монгол судлал. – 2007. – XXVII боть, III дэвтэр. – 23–41 т.
206. Болд, Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар / Л. Болд. – Улаанбаатар, 1986. – 126 т.
207. Болд, Л. Түрэг-монгол хэлний үндсэн тооны нэрийн гарлын болон бүтцийн харьцуулсан судалгаа / Л. Болд // *Nomadic Studies. Bulletin* №8. – Улаанбаатар, 2004. – 94–116-р т.
208. Болд Л. Түрэг, монгол хэлний тооны нэр / Л. Болд. – Улаанбаатар : ШУА-гийн хэвлэл, 2005. – 122 т.
209. Дулам, С. Монгол бэлгэдэл зүй / С. Дулам. – IV дэвтэр: Зүүд, зөн совингийн бэлгэдэл зүй, Цагийн бэлгэдэл зүй. – Улаанбаатар, 2002.
210. Монголын нууц товчоо : хуучин монгол хэлнээс одоогийн монгол бичгийн хэлээр Ц. Дамдинсүрэн орчуулав. – Улаанбаатар, 1990. – 255 т.

211. Отгонбаатар, О. «Ёс мэдэхгүй хүнд ёр халдахгүй» хэмээхийг мөшгө, хорио цээрийн учрыг танихуй / О. Отгонбаатар // Монгол судлал өөрчлөгдөн буй ертөнцөд : хөгжлийн хэтийн төлөв : ОХУ-ын нэрт Монголч эрдэмтэн Н. О. Шаракшиновагийн мэндэлсний 95 жилийн ойд зориулагдсан олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2010. – 276–254-р т.
212. Өнөрбаян, Ц. Орчин цагийн монгол хэлний үг зүй / Ц. Өнөрбаян. – Улаанбаатар, 1994. – 217с.
213. Төмөртоогоо, Д. Монгол хэлний түүхэн хэлзүй / Д. Төмөртоогоо. – I дэвтэр. – Улаанбаатар, 1992.
214. Төмөртоогоо, Д. Монгол хэл шинжлэлийн онол, түүхийн асуудлууд / Д. Төмөртоогоо. – Улаанбаатар, 2002. – 237 т.
215. Хасбаатар, Ц. Монгол хэлний үгийн эхний эгшиг гээгдэх тухай // / Ц. Хасбаатар // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 84–91.

На других языках

216. Benedetti, G. Psyche und Biologie / G. Benedetti. – Stuttgart, 1973. – 222 p.
217. Bently, M. An accessory study of phonetic symbolism / M. Bently, E. Varon. – Amer. J. Psychol. – 1959.
218. Brown, R. Words and things / R. Brown. – New York: The Free Press. 1958. – 398 p.
219. Brown, R. Psycholinguistics / R. Brown // First Free Press Paperback Edition. – 1972. – 382 p.
220. Castren, M. A. Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Worterverzeichniss / M. A. Castren. – St-Pb., 1857.
221. Clauson, G. Turkish and Mongolian studies. – London : The Royal Asiatic Society, 1962.
222. Gombocz, Z. Az altaji nyelvek hangtörténetéhez / Z. Gombocz. – NyK, XXXV, 1905.

223. Doerfer, G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen / G. Doerfer. – Wiesbaden, 1963. – I.
224. Doerfer, G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen / G. Doerfer. – Wiesbaden, 1967. – III.
225. Doerfer, G. Mongolo-Tungusica / G. Doerfer. – Wiesbaden otto-Harrassowits, 1985. – Bd. 3. – 307 p.
226. Dulam, S. Reading on the system of the system and quality of the Mongol Symbolism / S. Dulam // Study of Mongolian Symbolism: Quest and Perspectives. – Ulaanbaatar, 2009. – P. 14–37.
227. Helmholtz, H. von. A treatise on psychological optics / H. von Helmholtz. – N.-Y. : Dover, 1962. – 593 p.
228. Householder, F. W. On the problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme / F. W. Householder. – Word, 2, 1931. – P. 517–538.
229. Kainz, F. Psychologie der Sprache / F. Kainz. – Berlin, 1960.
230. Khabtagaeva, B. Colour names and their suffixes / B. Khabtagaeva // Acta Orientalia : Academiae Scientiarum Hungaricae. – Vol. 54 (2001), № 1. – P. 85–163.
231. Kotwicz, W. Les elements turcs lans la langue mandchoue / W. Kotwicz. – Ro, t. XIV (1938). – Lwow, 1939.
232. Köhler, W. Gestalt Psychologie / W. Köhler. – New York: Horace Liveright, 1929. – 402 p.
233. Kuribayashi, H. Comparative Basic Vocabularies for Mongolian (Chakhar), Dagur, Shera-Yugur, Monguor, Bao-an and Dungshang. Studies of Linguistic and Cultural Contacts / H. Kuribayashi. – Tokyo, 1989.
234. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N.-Y. : Perseus Books, 1999. – 624 p.

235. Ligeti, L. Le lexique moghol de R. Leech. / L. Ligeti // AOH IV, 1954.
236. Marchand, H. Phonetic Symbolism in English Word-Formation / H. Marchand // Indogermanische Forschungen. – Bd. 64, 1959. – H. 2. – P. 146–168.
237. Magnus, M. What's in a word? Evidence for phonosemantics / M. Magnus. – Trondheim, Norway: University of Trondheim dissertation, 2000. – 390 p.
238. Nuckolls, J. B. The Case for Sound Symbolism / Janis B. Nuckolls // Annu. Rev. Anthropol. – 1999. – P. 225–252.
239. Peivio, A. Mental Representations. A dual coding approach / A. Peivio. – Oxford (Mass.) : Oxford University Press, 1986.
240. Pelliot, P. Les mots à h-initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol de XIII-e et XIV-e siècles / P. Pelliot. – JA, 1925. – P. 193–263.
241. Poppe, N. The Turkic loan-words in Middle-Mongolian / N. Poppe // CAJ, 1955.
242. Poppe, N. Vergleichende Grammatik der altaischen sprachen / N. Poppe. – Viesbaden, 1960.
243. Poppe, N. On some suffixes of plant names in Mongolian / N. Poppe // Zentralasiatische Studien 15. – Sonderdruck, 1981. – P. 383–390.
244. Ramstedt, G. J. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Urprache / G. J. Ramstedt. – JSFOu, 1916, Bd 32, H. 2. 8. – P. 1–10.
245. Ramstedt, G. J. Kalmukisches Wörterbuch / G. J. Ramstedt. – Helsinki, 1935.
246. Ramstedt, G. J. Studies in Korean etymology / G. J. Ramstedt. – Helsinki, 1949.
247. Ramstedt, G. Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen / G. Ramstedt. – JSFOu, 55. 1955. – P. 106–112.

248. Sapir, E. A study in Phonetic Symbolism/ E. Sapir // Journal of Experimental Psychology, 12, 1929. – P. 225-239.
249. Sečenčoytu, Š. Mongyul üges-ün ijayur-un toli / Š. Sečenčoytu. – Köke-Qota, 1988.
250. Smedt, A. de. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental / A de Smedt, A. Mostaert. – Pei-p'ing, 1933. – III partie: Dictionnaire monguor-français.
251. Smithers, G. V. Some English Ideophones / G. V. Smithers // Archivum linguisticum. – 1954. – V. 6, № 2. – P. 73–111.
252. Usnadze, D. Ein experimenteller Beitrag zum Problem der psychologischen Grundlagen der Namengebung / D. Uznadze // Psychologische Forschungen, 1924, Bd 5, H. 1/2. – P. 25–43.
253. Vambery, H. Cagataische Sprachstudien, enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Woerterbuch der cagataischen Sprache / H. Vambery. – Lpz., 1867.
254. Wandruszka, M. Ausdruckswerte der Sprachläute / M. Wandrushka // Germanisch-Romanische Monatschrift, 35. – 1954. – P. 231–240.
255. Wierzbicka, A. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Languages* / A. Wierzbicka. – Sidney, N.Y., Toronto, San Francisco: Acad. Press, 1980. – 367 p.
256. Wescott, R. W. Holesthemes or phonestemes twice over / R. W. Wescott // General Linguistics, Vol. 27, № 2, 1987. – Pennsylvania State University Press, University Park in London. – P. 67–72.
257. Whorf, B. L. Language: Plan and conception of arrangement / B. L. Whorf // Language, thought and reality. – London, 1956. – P. 125–133.

Источники

258. **БАМРС, I** – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М. : Academia, 2001. – Т. 1. А-Г. – 520 с.

259. **БАМРС, II** – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М. : Academia, 2001. – Т. 2. Д-О. – 536 с.
260. **БАМРС, III** – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М. : Academia, 2001. – Т. 3. Ё-Ф. – 440 с.
261. **БАМРС, IV** – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М. : Academia, 2002. – Т. 4. Х-Я. – 532 с.
262. **БРС, 1973** – Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. – М. : Советская энциклопедия, 1973. – 803 с.
263. **Захаров, 1875** – Захаров, И. Полный маньчжурско-русский словарь / И. Захаров. – СПб. : Типография императорской Акад. наук, 1875. – 1129 с.
264. **КРС, 1977** – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. – М. : Изд-во «Русский язык», 1977. – 765 с.
265. **МА** – Поппе, Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I-II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV / Н. Н. Поппе. – М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – 453 с.
266. **МХТГТГ** – Цэвэл, Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь / Я. Цэвэл. – Улаанбаатар, 1966. – 911 с.
267. **ОМТ, 1982** – Дамдинсүрэн, Ц. Орос-монгол толь / Ц. Дамдисүрэн, А. Лувсандэндэв. – Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1982. – 840 с.
268. **ССТМЯ, 1975** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л. : Наука, 1975. – Т. I. – 672 с.
269. **ССТМЯ, 1977** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л. : Наука, 1977. – Т. II. – 471 с.

270. **Татаринцев, 2000** – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск : Наука, 2000. – Т. I. А, Б. – 440 с.
271. **Татаринцев, 2002** – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск : Наука, 2002. – Т. IV. Д, Ё, И, Й. – 440 с.
272. **Татаринцев, 2004** – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск : Наука, 2004. – Т. IV. К, Л. – 440 с.
273. **Татаринцев, 2008** – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск : Наука, 2008. – Т. IV. М, Н, О, Ө, П. – 442 с.
274. **Тодаева, 2001** – Тодаева, Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полувым записям автора) / Б. Х. Тодаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 493 с.
275. **Фасмер, 1964** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. : Пер. с нем. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964. – Т. 1. – 562 с.
276. **Фасмер, 1967** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка В 4-х т. : Пер. с нем. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1967. – Т. 2. – 671 с.
277. **Фасмер, 1971** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка В 4-х т. : Пер. с нем. – М. : Прогресс, 1971. – Т. 3. – 827 с.
278. **Фасмер, 1973** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка В 4-х т. : Пер. с нем. – М. : Прогресс, 1973. – Т. 4. – 855 с.
279. **Шагдаров, 2006** – Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. / Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. – Т. I. А-Н. – 636 с.

280. **Шагдаров, 2008** – Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. / Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – Т. II. О-Я. – 708 с.
281. **ЭСТЯ, 1974** – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Авт. сл. статей Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974. – 768 с.
282. **ЭСТЯ, 1978** – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1978. – 349 с.
283. **ЭСТЯ, 1980** – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «В», «Г», «Д» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1980. – 392 с.
284. **ЭСТЯ, 1989** – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. – М. : Наука, 1989. – 292 с.
285. **ЭСТЯ, 1997** – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
286. **ЭСТЯ, 2000** – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». – М., 2000. – 476 с.
287. **ЭСТЯ, 2003** – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М. : Восточная литература РАН, 2003. – 443 с.
288. **Cl.** – Clauson, G. An etymological dictionary of pre-thirteen-century Turkish / G. Clauson. – Oxford : Claredon Press, 1972. – 989 p.
289. **EDAL** – Starostin, S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya

- Gruntov and Vladimir Glumov). – Leiden; Boston : Brill, 2003. – Part I. A–K, Part II. L–Z, Part III. Indices. – 2096 p.
290. **HY** (Houa-yi yi-yu) – Lewicki, M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389 / L. Lewicki. – Wrocław, 1949. – 249 p.
291. **HYt** – тексты из HY
292. **IM** – 1) Battal Aptullah. Ibnü-Mühenna lûgati. – Istanbul, 1934. 2) Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. – СПб., 1900. 3) Малов С. Е. Ибн-Муханна о турецком языке // ЗКВ. – Л., 1928. – Т. III, вып. 2.
293. **Kow.** – Kowalewski, J. E. Dictionnaire mongol-russe-français / J. E. Kowalewski. – Kasan : Imprimerie de l'Université, 1849. – V. I-III. – 2690 p.
294. **Less.** – Lessing, F. D. Mongolian-English dictionary / F. D. Lessing. – Berkeley – Los Angeles : University of California Press, 1960. – 1217 p.
295. **LH** – Poppe N. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // ИАН СССР. – 1927. – XXI. – Сер. VI. – № 15–17.
296. **Lig. VMI** – Ligeti L. Un vocabulaire mongol d'Istanboul // АОН. Budapest, 1962. – Т. XIV, fasc. 1-2.
297. **MD** – Martin, S. E. Dagur Mongolian. Grammar, texts and lexicon / S. E. Martin. – Bloomington, 1961. – 341 p.
298. **Räs.** – Räsänen, M. Versuch eines etymogolisches Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. – Helsinki, 1969.
299. **SH** – Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüanch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen / E. Haenisch. – Leipzig, 1939.
300. **Tum.** – Tumurtogoo D. Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII-XVI centuries) Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics / D. Tumurtogoo, G. Cecegdari. –

Taipei, Taiwan, 2006. – 726 p. (Language and Linguistics Monographs Series A 11).

Mostaert A. Dictionnaire Ordos. – Ulaanbaatar : New Polygraph Co., Ltd., 2009. – 950 p.

МХНАТЪ, II – БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг.
II. Ойрд аялгуу. – Улаанбаатар, 1988. – 943 х.

Названия языков и говоров

- авест. – авестийский
аг. – агинский говор бурятского языка
аз. – азербайджанский
алт. – алтайский
англ. – английский
афган. – афганский
бао. – баоаньский
бараб. – барабинский диалект татарского языка
баргуз. – баргузинский говор бурятского языка
башк. – башкирский
бел. – белорусский
бирм. – бирманский
болг. – болгарский
бохан. – боханский говор бурятского языка
бур. – бурятский язык
бур.НУ – нижеудинский говор бурятского языка
венг. – венгерский
в.-луж. – верхнелужицкий
гаг. – гагаузский
гот. – готский
греч. – греческий
даг. – дагурский
дравид. – дравидийские языки
др.-англ. – древнеанглийский
др.-греч. – древнегреческий
др.-инд. – древнеиндийский
др.-исл. – древнеисландский
др.-польск. – древнепольский
др.-прусск. – древнепруссский
др.-рус. – древнерусский
др.-тюрк. – древнетюркский
дунс. – дунсянский
ж.-уйг. – язык желтых уйгуров
зап.-бур. – говоры западных бурят
индоевр. – индоевропейские языки
индонез. – индонезийский
ир. – иранские языки
исп. – испанский
итал. – итальянский
каз. – казахский
калм. – калмыцкий
кбалк. – карачаево-балкарский
кир. – киргизский
кит. – китайский
ккалп. – каракалпакский
кор. – корейский
крх.-тюрк. – караханидско-тюркский
ктат. – крымскотатарский
кум. – кумыкский
куманд. – кумандинский диалект алтайского языка
кыз. – кызыльский диалект хакасского языка
кяхт. – кяхтинский говор бурятского языка
латышск. – латышский
леб. – язык лебединских татар
лезг. – лезгинский
литовск. – литовский
ма. – маньчжурский
манс. – мансийский
мо. – халха-монгольский
мог. – могольский
мор. – моравский диалект чешского языка
мнгр. – монгорский
нан. – нанайский
нганас. – нганасанский
нег. – негидальский
нем. – немецкий
нен. – ненецкий
нид. – нидерландский
н.-луж. – нижнелужицкий
ног. – ногайский
ойр. – язык ойратов Синцзяна
орд. – ордосский
орок. – орокский
ороч. – ороцкий
осетин. – осетинский
перс. – персидский
праиндоевр. – праиндоевропейский
пкл.-мо. – преклассический монгольский
Пкор. – протокорейский
п.-мо. – старописьменный монгольский
Пмонг. – протомонгольские языки
польск. – польский
праслав. – праславянский
Птунг. – прототунгусо-маньчжурские языки
Птюрк. – прототюркские языки
Пяп. – протояпонский
рус. – русский
саам. – саамский
саг. – сагайский диалект хакасского языка
самод. – самодийские языки
сел. – селенгинский говор бурятского языка

селькуп. – селькупский
сем.-хам. – семито-хамитские языки
сербохорв. – сербохорватский
слав. – славянские языки
словацк. – словацкий
словенск. – словенский
сой. – сойонский язык
сол. – солонский
ср.-мо. – среднемонгольский язык
ср.-перс. – среднеперсидский
ст.-слав. – старославянский
сюг. – сарыг-югурский
тадж. – таджикский
тат. – татарский
тел. – телеутский диалект алтайского
языка
тиб. – тибетский
т.-ма. – тунгусо-маньчжурские языки
тодж. – тоджинский диалект тувинского
языка
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
тюрк. – тюркские языки
уд. – удэгейский
удм. – удмуртский
уйг. – уйгурский
узб. – узбекский
укр. – украинский
ульч. – ульчский
унг. – унгинский говор бурятского языка
уральск. – уральские языки
фин. – финский
фр. – французский
хак. – хакасский
хорин. – хоринский говор бурятского
языка
чаг. – чагатайский
чешск. – чешский
чж. – чжурчженьский
чув. – чувашский
чул.-тюрк. – чулымско-тюркский
шведск. – шведский
шор. – шорский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
энецк. – энецкий
эст. – эстонский
эхир. – эхирит-булагатский говор
бурятского языка
як. – якутский

яп. – японский

